

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 16 № 6 (127) июнь 2021

В НОМЕРЕ:

Бастрыкин А. И.

Современные способы противодействия
терроризму и экстремизму

Турбанов А. В.

Понятие денег в эпоху цифровизации

Агафонов В. Б., Жаворонкова Н. Г.

Эколого-правовое регулирование генно-инженерной
деятельности в РФ: современные проблемы
и перспективы развития

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex Russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАНКОВСКИЙ Сергей Сергеевич — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего сектором предпринимательского и корпоративного права, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашпилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.
Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.
Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.
Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).
Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа.
Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.
Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.
Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.
Почтовый адрес: Соборная ул., д. 23/25, г. Саратов, Россия, 410031.

ЧЕРНЫШОВА Ольга Сергеевна — кандидат юридических наук, руководитель юридического отдела Секретариата Европейского Суда по правам человека.
Почтовый адрес: ЕСПЧ, г. Страсбург, Cedex, Франция, 67075.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).
Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кухановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.
Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.
ISSN	1994-1471
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msai@yandex.ru
САЙТ	https://aprp.msai.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 11178 Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет 30.06.2021 Объем 24,41 усл. печ. л., формат 60×84/8 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная
Переводчики	Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова
Редактор	М. В. Баукина
Корректор	А. Б. Рыбакова
Компьютерная верстка	Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).

Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.

Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).

Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".

Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Sergey S. ZANKOVSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Business and Corporate Law Sector, Chief Scientific Fellow of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.

Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Service and Labour Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.
Mailing address: Sobornaya ul., d. 23/25, Saratov, Russia, 410031.

Olga S. CHERNISHOVA — PhD in Law, Head of Legal Division at the Registry of the European Court of Human Rights.
Mailing address: European Court of Human Rights, 67075 Strasbourg Cedex, France.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

30.06.2021
Volume: 24.41 conventional printer's sheets, format 60x84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editor

M. V. Baukina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Усольцев Е. Ю.** Методология отечественной
цивилистики в историческом разрезе 11

ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА ПРАВА

- Корнев А. В.** Юридическая деятельность в цифровую эпоху:
понятие, содержание, формы 21

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Плотникова И. Н.** Генезис теоретических представлений
и правовых основ экономической свободы личности 31

- Стрельников А. О.** Перспективы совершенствования конституционно-правовой
ответственности Правительства Российской Федерации
перед парламентом Российской Федерации 48

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Турбанов А. В.** Понятие денег в эпоху цифровизации 58

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

- Баракина Е. Ю.** Регуляторные площадки в области правового
регулирования применения искусственного интеллекта 77

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Шабалина М. А.** Особенности практического применения
института принудительного выкупа животных 88

- Федотов Д. В.** Коллизия между юридической формой
и экономическим содержанием договора
и способы ее разрешения на примере договора выкупного лизинга 102

- Караваева Я. Н.** Обычай как источник правового регулирования
отношений собственности в Российской Федерации 114

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Карпов Н. Н.** Договор поставки товара в торговые сети
как механизм защиты прав потребителей: теоретико-правовой аспект 123

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Россинский С. Б.** Стадия возбуждения уголовного дела:
безоговорочно упразднить либо попытаться
понять подлинные причины ее возникновения? 133

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Новикова Т. В.** О проблеме разграничения принципа
наиболее тесной связи и обычных коллизионных норм 140

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

- Агафонов В. Б., Жаворонкова Н. Г.** Эколого-правовое регулирование
генно-инженерной деятельности в РФ:
современные проблемы и перспективы развития 149

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ

- Семенчук В. В., Карпенко Н. А.** Особенности использования результатов
оперативно-розыскной деятельности на стадии исполнения приговора
(на примере обоснования необходимости изменения наказаний и мер
уголовно-правового характера, не связанных
с изоляцией от общества, в сторону ужесточения) 158

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Бастрыкин А. И.** Современные способы
противодействия терроризму и экстремизму 167

КОНФЕРЕНЦИИ

- Никишин В. Д., Богатырев К. М.** Итоги научно-практической конференции
«Противодействие информационно-мировоззренческим угрозам
в интернет-среде с использованием специальных знаний» 171

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- Ложис З. З.** Применение специальных знаний при расследовании
преступлений экстремистской направленности, совершенных в сети Интернет,
а также преступлений террористического характера
в практике Следственного комитета Российской Федерации 178

- Волчецкая Т. С., Авакьян М. В.** Прикладные аспекты
противодействия информационно-мировоззренческим угрозам
в цифровом пространстве и особенности их профилактики 194

- Грачева Ю. В., Маликов С. В.** Треш-стрим:
социальная обусловленность криминализации 202

Contents

PAGES OF HISTORY

- Usoltsev E. Yu.** Methodology of Russian Civil Jurisprudence in a Historical Context 11

PHILOSOPHY AND ETHICS OF LAW

- Kornev A. V.** Juridical Activities in the Digital Age: A Concept, Content, Forms 21

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

- Plotnikova I. N.** Genesis of Theoretical Concepts
and Legal Foundations of the Economic Freedom of an Individual 31

- Strelnikov A. O.** Prospects for Improving Responsibility
of the Government of the Russian Federation before
the Parliament of the Russian Federation under Constitutional Law 48

FINANCIAL LAW

- Turbanov A. V.** The Concept of Money in the Era of Digitalization 58

LEGAL REGULATION IN THE IT FIELD

- Barakina E. Yu.** Regulatory Platforms in the Field
of Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence 77

CIVIL AND FAMILY LAW

- Shabalina M. A.** Features of the Practical Application
of the Institute of Forced Buyout of Animals 88

- Fedotov D. V.** The Conflict between the Legal Form
and the Economic Content of the Contract and Methods
of its Resolution on the Example of a Buyout Lease Agreement 102

- Karavaeva Ya. N.** Custom as a Source of Legal
Regulation of Property Relations in the Russian Federation 114

BUSINESS AND CORPORATE LAW

- Karpov N. N.** The Contract for the Delivery of Goods
to Retail Chains as a Mechanism for Consumer
Rights Protection: A Theoretical and Legal Aspect 123

CRIMINAL PROCEDURE

- Rossinskiy S. B.** Initiation of a Criminal Case: Unconditionally Abolish
or Try to Understand the True Reasons for its Occurrence? 133

INTERNATIONAL LAW

- Novikova T. V.** On the Problem of Distinguishing
between the Closest Connection Principle and Basic Conflict of Laws Rules 140

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

- Agafonov V. B., Zhavoronkova N. G.** Ecological and Legal Regulation of Genetic Engineering Activities in the Russian Federation: Current Problems and Development Prospects 149

EXECUTION OF PUNISHMENT

- Semenchuk V. V., Karpenko N. A.** Features of Investigative Activities Results Application at the Stage of Execution of a Sentence (Case Study: Justifying the Need to Change Punishments and Measures of a Criminal-Legal Nature, not Related to Isolation from Society, towards Toughening) 158

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- Bastrykin A. I.** Modern Ways of Countering Terrorism and Extremism 167

CONFERENCES

- Nikishin V. D., Bogatyrev K. M.** Results of the Scientific and Practical Conference "Countering Information and Ideological Threats in the Internet Environment Using Special Knowledge" 171

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

- Lozhis Z. Z.** Application of Special Knowledge in the Investigation of Extremist Crimes Committed on the Internet, as well as Crimes of a Terrorist Nature in the Practice of the Investigative Committee of the Russian Federation 178

- Volchetskaya T. S., Avakyan M. V.** Applied Aspects of Countering Information and Ideological Threats in the Digital Space and Peculiarities of their Prevention 194

- Gracheva Yu. V., Malikov S. V.** Trash Stream: Social Conditioning of Criminalization 202

Методология отечественной цивилистики в историческом разрезе

Аннотация. Методология любой науки призвана оптимизировать познавательный процесс, для чего обладает особым инструментарием, соответствующим специфике исследуемого объекта. Вот почему методы разных наук, пусть даже самых близких, различаются. Методология цивилистики сформировалась благодаря непрерывному труду многих поколений ученых-юристов, сумевших не просто отыскать для своих собственных исследований подходящие приемы и средства постижения правовой действительности, но и прочно внедрить их в научную жизнь. В статье рассмотрены особенности методологии гражданского права на разных этапах ее развития, для которой в целом характерно влияние извне и уникальные тенденции, смена коренных ориентиров и преемственность, а также прочная связь с социально-политическими явлениями. В настоящее время в цивилистике широко используются как общенаучные, так и специальные методы познания. К последним относятся формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, межотраслевой.

Ключевые слова: методология; метод научного исследования; цивилистика; наука гражданского права; теория естественного права; догматика; общенаучные методы; специальные методы; историко-правовой метод; сравнительно-правовой метод; формально-юридическим метод; межотраслевой метод; дореволюционная Россия; советский период.

Для цитирования: Усольцев Е. Ю. Методология отечественной цивилистики в историческом разрезе // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 11–20. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.011-020.

Methodology of Russian Civil Jurisprudence in a Historical Context

Egor Yu. Usoltsev, Magistrate in Retirement, Postgraduate Student, Department of Civil and Business Law, Novosibirsk State University of Economics and Management
ul. Kamenskaya, d. 52/1, kab. 5-506 / 1 (5 korp), Novosibirsk, Russia, 630099
usoltsev_egor@bk.ru

Abstract. Methodology of any science is designed to optimize the cognitive process, for which it has special tools that correspond to the specifics of the object under study. That is why the methods of different sciences, even the closest ones, differ. The methodology of civil law was formed due to the continuous work of many generations of legal scholars who managed not only to find suitable methods and means of comprehending legal reality for

---

© Усольцев Е. Ю., 2021

* Усольцев Егор Юрьевич, мировой судья в отставке, аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»
Каменская ул., д. 52/1, каб. 5-506/1 (5 корп.), г. Новосибирск, Россия, 630099
usoltsev_egor@bk.ru

their own research, but also to firmly introduce them into scholarly and research life. The paper examines the features of the civil law methodology at different stages of its development, which is generally characterized by outside influence and unique tendencies, a change in fundamental guidelines and continuity, as well as a strong connection with socio-political phenomena. At present, both general scientific and special methods of cognition are widely used in civil law. The latter include formal legal, comparative legal, historical legal, intersectoral methods.

Keywords: methodology; research method; civil law; science of civil law; theory of natural law; dogmatics; general scientific methods; special methods; historical and legal method; comparative legal method; formal legal method; intersectoral method; pre-revolutionary Russia; Soviet period.

Cite as: Usoltsev EYu. Metodologiya otechestvennoy tsivilistiki v istoricheskom razreze [Methodology of Russian Civil Jurisprudence in a Historical Context]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):11-20. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.011-020. (In Russ., abstract in Eng.).

Результат познания любого юридического явления может претендовать на истину лишь в том случае, если он получен посредством правильно подобранных методов научного исследования. Методология правовой науки представляет собой набор принципов, средств и методов познания (мировоззрение, философские методы познания и учения о них, обще- и частнонаучные понятия и методы), выработанных всеми общественными науками, в том числе и комплексом юридических наук, и применяемых в процессе познания специфики правовой действительности, ее практического преобразования¹. Ученые обычно признают важность методологии для науки. Однако встречаются и критические высказывания на сей счет. Так, по выражению Г. Радбруха, «подобно тому, как люди, которые мучают себя наблюдениями, большей частью — больные люди, так и науки, которые имеют повод заниматься учением о своих собственных методах, являются обычно больными науками»².

В 1898 г. из-под пера профессора Казанского университета Г. Ф. Шершеневича вышли «Задачи и методы гражданского права» — одно из самых значительных исследований отечественной цивилистики дореволюционного периода, посвя-

щенное вопросам методологии. В нем автор обращает внимание на неразработанность указанной темы в юридической литературе. С той поры ситуация, конечно, изменилась, и методам гражданско-правовых исследований посвящаются многие работы. Значительную роль в данном направлении играют ежегодные Пермские чтения по методологическим проблемам цивилистических исследований. Участники этого форума выполняют важную задачу — не допустить гибели науки гражданского права «под тоннами графоманской псевдонаучной литературы, авторы которой не вполне понимают, что, как, зачем и в каком направлении исследуют»³.

В уже упомянутой монографии Г. Ф. Шершеневич пишет: «...метод зависит от той задачи, какую ставит себе данная наука... Задачи гражданского правоведения сводятся к познанию, объяснению и оценке норм действующего гражданского права. Первая цель достигается посредством догмы права, вторая — социологии и истории, третья — политики»⁴. Таким образом, ученый выделяет догматический, исторический, социологический и политический методы цивилистики. Догматика, по его мнению, заключается «в систематическом изложении норм гражданского права, действующих в данное время

¹ Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М. : Аванта+, 2001. С. 52.

² Радбрух Г. Введение в науку права / пер. М. М. Островской, И. З. Штейнберга. М. : Труд, 1915. С. 121.

³ Габов А. В., Голубцев В. Г., Кузнецова О. А. Вступительная статья // Методологические проблемы цивилистических исследований : сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017 / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцев, О. А. Кузнецова. М. : Статут, 2017. С. 6.

⁴ Шершеневич Г. Ф. Задачи и методы гражданского правоведения // Избранное / вступ. сл., сост.: П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2016. С. 324.

в известной стране». Для решения этой задачи требуется описать, обобщить и классифицировать частноправовые нормы, а также установить юридические определения. Исторический метод помогает юристу понять, как сложился существующий гражданско-правовой порядок, познать действующее право и дает «твердую почву для его реформаторских устремлений». В рамках социологического метода юридические проблемы рассматриваются с точки зрения социальных законов, определяющих течение общественной жизни, поскольку нормы гражданского права имеют социальную природу. И наконец, правовые нормы есть «продукт человеческой воли и деятельности», поэтому они подлежат оценке и критике. Юридическая критика может быть технической, направленной на обнаружение несоответствия между намерением законодателя и способом его выражения, и социальной, обращенной к самому содержанию норм и определению его соответствия условиям общежития. Помимо самих юридических норм, оценке подлежат также цели, которые предполагается достичь при их помощи. Оценка и критика правовых норм, по Г. Ф. Шершеневичу, составляют политический метод⁵.

Методология российской науки гражданского права прошла непростой исторический путь. Она, как и вся цивилистика дореволюционного периода, непрерывно испытывала влияние Запада: любое движение европейской правовой мысли неизбежно приводило к смене направления в специфике отечественных исследований.

Рождение правоведения в России обычно связывают с открытием в 1756 г. юридического факультета Московского университета, который в первые годы своего существования был представлен лишь в лице одного преподавателя немецкого происхождения Филиппа Генриха Дильтея. Первые же российские ученые-юристы — И. А. Третьяков и С. Е. Десницкий — были его учениками. В указанный период гражданское право как самостоятельная отрасль науч-

ного знания еще не сформировалось. Юридическая наука была единой и не имела внутреннего деления. Возникновение же цивилистики многие относят к 1833 г., когда в составе юридического факультета Киевского университета впервые в России была образована кафедра гражданского права⁶. Однако такой вывод не выглядит безупречным, поскольку цивилистические исследования начали проводиться ранее: первая работа в данной области — монография Ф. Дильтея «Начальные основания вексельного права» — была опубликована в 1794 г.

Английская революция XVII в., американская и французская революции XVIII в. принесли небывалую популярность в Европе теории естественного права, корни которой уходят во времена Платона и Цицерона. Однако в Новое время французские просветители Ш. Монтескье, Т. Гоббс и Ж.-Ж. Руссо, а также английский философ Дж. Локк вдохнули в нее новую жизнь. Одной из идей теории является «неотчуждаемость прав», основанная на предположении, что существует часть изначальной независимости личности, которая по общественному договору не передавалась политическому организму, а потому сохраняется суверенитет личности по отношению к государству. Отсюда любой индивид имеет собственные неотчуждаемые права, независимые от государства, а иногда и противостоящие ему⁷.

В речи С. Е. Десницкого «О прямом и ближайшем способе к научению русской юриспруденции», произнесенной 30 июня 1768 г., содержится призыв изучать естественное право наряду с нравственной философией и римской юриспруденцией. Последующий период развития юридической науки в России прошел под абсолютным влиянием идей естественного права, а основным методом научного познания стал философский. Его поклонниками были В. Г. Кукольник и Л. А. Цветаев. Первый признавал естественное право частью философии, излагающей законы, открываемые чистым

⁵ Шершеневич Г. Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. С. 330, 347–348, 353, 359.

⁶ Позднее на основании общего устава от 26.07.1835 кафедры гражданского права были учреждены во всех российских университетах.

⁷ Поздняков Э. А. Философия государства и права. 2-е изд., испр. и перераб. М. : Весь мир, 2016. С. 68–69, 80.

разумом, которые должны служить основой для позитивного права. По утверждению второго, в основе всего права лежит врожденное естественное право человека, который «нашел его предписания напечатанными в своем сердце, своей совестью, в своем практическом разуме». Первоначально, продолжает он, существовал единый естественный порядок, затем появились люди, «для которых он сделался недостаточен, для которых глас совести был слаб, чувство внутренней правды невнятно»⁸. Этим объясняется появление писаных законов.

По мнению выдающегося советского и российского ученого С. С. Алексеева, естественное право привнесло в науку «общий подход к явлениям правовой действительности», «истинно философское видение правовых явлений — это и есть в первую очередь их рассмотрение под углом зрения естественного права». Стержень идей естественного права, продолжает С. С. Алексеев, — «требования жизнедеятельности людей как разумных существ. Отсюда, в частности, само их обозначение в качестве требований именно “права”, стало быть, таких, которые обоснованны, оправданы в данных жизненных условиях с позиций господствующего миропонимания»⁹. С данными выводами ученого сложно поспорить. Тем не менее нельзя не заметить утопический характер теории естественного права, построенной на идеальном представлении о юридическом порядке, совершенно независимом от фактически сложившегося в обществе.

С середины 30-х гг. XIX в. под влиянием правовой школы Ф. Савиньи, стремительно завоевавшей умы европейцев, а также реакции, начавшейся в последние годы царствования Александра I и усилившейся с восхождением на престол Николая I, философское направление уступает место историческому, опирающемуся на самобытные основы национального права. Представителями данного направления в Рос-

сии были А. А. Благовещенский, А. Г. Станиславский, К. А. Неволин, Д. И. Мейер и другие видные ученые. Они рассматривали право как результат длительного процесса передачи из поколения в поколение народного духа, ввиду чего видели ценность в исследовании его исторических корней. Тем не менее приоритет всё же отдавался положительным законам, а народное право, по их мнению, могло применяться лишь в случае их недостаточности.

Распространению исторического подхода во многом способствовало правительство России, которое в естественно-правовых идеях небезосновательно видело опасность для прочности государственных устоев. Историческое воззрение на происхождение права, в отличие от естественно-правового, вместо мгновенного революционного преобразования общественного строя предлагало постепенные эволюционные изменения, чем и привлекало власть.

В опубликованном в 1848 г. докладе германского прокурора Ю. фон Кирхмана «Негодность юриспруденции как науки» говорилось о том, что «юриспруденция из-за изменчивости своего предмета нагружена тяжелым балластом — привычкой изучения прошлого»¹⁰. Однако столь критичный взгляд на исторический подход не нашел широкой поддержки в отечественной цивилистике. В этой связи примечательно высказывание Г. Ф. Шершеневича: «Гражданско-правовой порядок, наблюдаемый нами в известный момент, есть продукт всей истории данного народа. В его прошлом могут быть обнаружены причины, по которым общественный строй признал ту, а не иную форму». Историческое изучение права расширяет общественное мировоззрение, отрывая от крепкой связи с настоящим и открывая широкое поле будущего»¹¹.

Однако после судебной реформы 1864 г. в методологии все же происходят изменения. Как известно, судебная реформа Александра II дала

⁸ Цит. по: Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права // Избранное. С. 24, 26.

⁹ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Норма, 2001. С. 417–419.

¹⁰ Филиппова С. Ю. Цивилистическая наука России: становление, функции, методология. М. : Статут, 2017. С. 366.

¹¹ Шершеневич Г. Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. С. 347–348, 320–321.

стране независимый суд, открытый и состязательный процесс, а также институты поверенных и присяжных заседателей. И для обеспечения функционирования обновленной судебной системы требовалось большое количество юристов нового типа: образованных и способных быстро ориентироваться в правовых казусах и действующем законодательстве. В результате историческое направление сменяет догматика, которая значительным образом расширяла в цивилистике практический элемент, сближая теорию и практику, а также делала акцент на изучении современного правопорядка, а не его исторических корней. Сторонниками такого подхода были К. П. Победоносцев, К. И. Малышев, А. Б. Думашевский, К. Д. Кавелин и др.

Смена подхода отразилась и на стиле преподавания в университетах юриспруденции, поскольку по «исторической методе» гражданские законы излагались в постепенном их развитии от первоначального появления в государстве до окончательного образования, а «догматическая метода» предлагала гражданские законы настоящего времени в систематическом порядке, исходя от начал к дальнейшим их последствиям¹². Таким образом, исторический подход и догматика опирались на разные основания правового строя, что не могло не отразиться на мировоззрении будущего юриста. Очевидно, что студент, осваивающий истоки права и его связи с народным бытом и традициями, получал более глубинные представления о нем, чем студент, обучение которого сводилось лишь к герменевтике нормативного материала настоящего.

Но практическое направление, не успев окрепнуть и выполнить свое предназначение, уступило место историко-сравнительному методу. Смене методологических ориентиров способствовали успех в русском обществе социологии и привлекательность новизны в учении Р. Иеринга. «Новое направление, вместо

мелочной работы над толкованием и систематизированием отечественного законодательства, манило широтой обобщений, свободой для философской мысли. В сравнении с ним служение практике показалось ниже достоинства истинной науки...»¹³. Ярким представителем историко-сравнительного направления в России был М. М. Ковалевский, который в своей работе «Историко-сравнительный метод юриспруденции и приемы изучения истории права» определил задачу сравнительного метода: «...выделивши в особую группу сходных у разных народов на сходных ступенях развития обычаев и учреждений, дать тем самым материал для построения истории прогрессивного развития форм общежития и их внешнего выражения права»¹⁴. Другой представитель данного подхода, С. А. Муромцев, основал историко-философское направление, ставившее своей задачей изучение законов развития права. Он был сторонником сближения гражданского право-ведения с социологией, признавая взаимное влияние социальных и гражданско-правовых явлений. Ученый выделял в процессе образования юридических норм двух деятелей — народ и сословие юристов. При этом, в отличие от старой исторической школы, С. А. Муромцев утверждал, что правовой порядок создается не сам по себе, а в результате борьбы из-за отношений, нуждающихся в правовой защите, и из-за норм, устанавливающих такую защиту, т.е. творцом права признавался сам человек, а не какая-то невидимая сила, руководящая прогрессом¹⁵.

Однако новое направление подвергалось острой критике со стороны ученых-догматиков. Среди них были С. В. Пахман и А. Х. Гольмстен, которые в стремлении объединения социологии и право-ведения видели опасность потери юридической наукой самостоятельности. Они отстаивали научное достоинство догмы, утверждая, что право может быть изучаемо со стороны

---

¹² Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права. С. 69.

¹³ Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права. С. 190.

¹⁴ Ковалевский М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения права. М. : Типография М. Б. Миллера, 1880. С. 19.

¹⁵ Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права. С. 198, 202.

его содержания, независимо от вопросов его происхождения и развития. Пытаясь примирить историко-философское направление с догматикой, А. Х. Гольмстен предложил разделить правовую науку на юридическую динамику, изучающую законы преемственности юридических явлений, и юридическую статику, исследующую законы существования этих явлений¹⁶. Однако такая идея не встретила поддержки со стороны ученых.

В конце XIX — начале XX в. перед цивилистикой стояла важная задача кодификации гражданского законодательства, для чего мог пригодиться опыт как догматиков, так и юристов-социологов. Но достижению заветной цели — принятию Гражданского уложения Российской империи — помешали революционные события 1917 г.

В первые годы советской власти гражданско-правовая наука претерпевала значительные разрушения. Как пишет И. Б. Новицкий, «общая линия развития советского гражданского права в первый период... была направлена на ликвидацию правовых институтов, соответствующих разрушаемому старому базису»¹⁷. Происходил пересмотр методологии: В. И. Ленин негативно оценивал исторический и сравнительно-правовой методы, критиковал интерес юристов к римскому праву. При разработке нового Гражданского кодекса получила развитие идея о «скором отмирании гражданского права как ненужного»¹⁸. Естественно, что многие правоведы отрицательно отнеслись к Гражданскому кодексу 1922 г., за что впоследствии были арестованы и высланы из страны.

Однако в дальнейшем цивилистическая наука всё же смогла отстоять свое право на существование и самостоятельность, доказав нуж-

ность советскому обществу, хотя и приобрела идеологизированный и партийный характер. Но несмотря на все сложности, именно в советский период были сформулированы ее основные методы исследования, широко используемые и в наши дни. Так, В. П. Казамирчук в 1965 г. определил три специальных метода изучения права: конкретно-правовой (конкретно-социологический), сравнительно-правовой и метод судебной статистики. Другой авторитетный методолог отечественного права, В. М. Сырых, назвал два частноправовых подхода: формально-логическое толкование права и сравнительно-правовой¹⁹. Как видим, оба ученых выделяют сравнительно-правовой метод, при помощи которого сопоставляются сходные институты и категории, взятые из разных правовых систем. Данный метод имеет широкую сферу использования: от научных исследований до правотворчества и правоприменения. Сравнительное правоведение (правовая компаративистика) «помогает преодолеть узконациональный угол зрения при изучении права, позволяет взглянуть на него под более широким углом зрения. Соотнесение национальной правовой системы с зарубежной создает условия для более четкого выявления ее своеобразия»²⁰. Принято различать вертикальную (историческую) и горизонтальную (догматическую) компаративистику. В первом случае сравниваются нормы зарубежного права, существовавшие в разные исторические периоды, а во втором — правовые нормы разных стран, действующие в современных условиях²¹. При этом сравнительно-правовой подход не следует путать с историко-правовым, который применяется при исследовании отечественного права на разных этапах его развития и никогда не имеет дело с иностранным правопорядком.

¹⁶ Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права. С. 218.

¹⁷ Новицкий И. Б. История советского гражданского права. М. : Госюриздат, 1957. С. 62.

¹⁸ Филиппова С. Ю. Указ. соч. С. 105–106.

¹⁹ Кузнецова О. А. Метод научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4 (26). С. 261.

²⁰ Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник / под ред. В. А. Туманова. М. : Юрист, 2003. С. 28.

²¹ Кузнецова О. А. Сравнительно-правовой метод в цивилистических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. № 2. Т. 2. С. 193–194.

Профессором С. С. Алексеевым в методологию права был введен специально-юридический метод²². По мнению ученого, данный метод включает описание правовых норм, способы толкования, установление признаков и классификаций правовых явлений, выработку правовых понятий, выявление их правовой природы, совершенствование правовых теорий и концепций²³. Особенностью метода является объединение в нем одновременно общенаучных и частнонаучных, а также эмпирических и теоретических приемов. Однако при всей оригинальности невозможно не разглядеть в данном подходе черты «догматики Г. Ф. Шершеневича», что свидетельствует о преемственности отечественной науки гражданского права даже в идеологически разные времена.

Не менее важным для цивилистических исследований является структурно-функциональный (функционально-структурный) метод. По мнению одного из его разработчиков В. П. Реутова, «функции права определяются его целями и задачами, которые, в свою очередь, определяют структуру права, влияние на которую других факторов (исторических, генетических, психологических) носит вторичный характер... любой функциональный подход всегда должен опираться на выявление того, по отношению к чему рассматривается функция того или иного явления»²⁴. При помощи данного подхода правовые явления рассматриваются с точки зрения их составных элементов, объединенных внутренними связями и подчиненных единой целевой установке — «результату, к которому должна прийти система в процессе своего функционирования»²⁵.

В последние годы был разработан межотраслевой метод познания. Большая роль в этом принадлежит М. Ю. Челышеву, исследовавшему

межотраслевые связи гражданского права. Суть метода состоит в «изучении специфики того или иного правового явления с позиций разных правовых отраслей, взаимодействующих в рамках системы права»²⁶. Данный метод используется, когда изучение гражданско-правового явления требует уяснения «иноотраслевых» категорий и юридических конструкций, что важно при исследовании общественных отношений, подвергнутых правовому регулированию нескольких отраслей права²⁷.

В современной науке гражданского права есть место для всех вышеприведенных методологических приемов, каждый из которых на определенном историческом этапе доминировал, но затем под натиском новых мировоззренческих установок уступал место другому. В связи с этим нельзя, к примеру, утверждать, что в 30-е гг. XIX в. наука гражданского права полностью исключила из своего арсенала философский метод исследования. Цивилистика еще не раз возвращалась к идеям естественного права. Особенно это проявлялось в периоды коренных социально-политических изменений в обществе, в связи с чем возникал запрос на либеральные ценности. Так происходило на рубеже XIX–XX вв., когда зародилось и активно развивалось народничество, впоследствии переросшее в революционное движение, а также в перестроечный период конца XX в. Но больше никогда в отечественной юриспруденции, как во времена ее становления, не было столь очевидным доминирование естественного права в качестве общего подхода к решению правовых проблем.

Аналогичным образом обстоят дела и с историческим направлением: несмотря на значительное снижение интереса к нему после 1864 г., традиция юристов начинать свое иссле-

---

²² Другие названия метода: формально-догматический, формально-юридический, технико-юридический.

²³ Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Статут, 2010. Т. 3 : Проблемы теории права : курс лекций. С. 736.

²⁴ Реутов В. П. Функциональная природа системы права. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2020. С. 3, 15.

²⁵ Вавилин Е. В. Об актуальности структурно-функционального подхода в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований : сборник научных статей. С. 77.

²⁶ Цит. по: Кузнецова О. А. Метод научного исследования в цивилистических диссертациях. С. 262.

²⁷ Кузнецова О. А. Метод научного исследования в цивилистических диссертациях. С. 263.

дование с исторического аспекта прочно укоренилась в науке гражданского права. И такая тенденция безусловно положительна, поскольку сравнение отдельных свойств изучаемого объекта, проявляющихся на различных временных отрезках его существования, позволяет лучше понять его в современных условиях правовой реальности. Игнорирование же истории может привести к значительной дезориентации исследователя, которому будет сложно отыскать нужное направление в познавательном процессе.

Потребность науки гражданского права в догматике также не вызывает сомнений, поскольку одной из важнейших ее задач является поиск и обнаружение недостатков действующего законодательства (противоречий, пробелов, неточностей юридических конструкций и т. д.), а также выработка решений по их устранению. Без описания, обобщения и классификации правовых норм такую задачу решить невозможно. Кроме того, догматический метод обеспечивает связь теории с практикой, что важно для функционирования любой науки.

Очевидно, что сегодня ученые должны пользоваться всем многообразием методов цивилистики, разработанных в разное время. Только в этом случае можно рассчитывать на всестороннее и объективное изучение правовых явлений и получение новых достоверных знаний. Однако приходится констатировать, что современные исследователи в области частного права не всегда уделяют методологии должное внимание. Так, О. А. Кузнецова, проанализиро-

вав 100 авторефератов диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право», обнаружила, что в 40 авторефератах методы перечисляются без какой-либо классификации, а в 27 — сообщается, что использовались общенаучные и частнонаучные методы исследования, однако не указывается, какие методы относятся к данным группам²⁸. Среди недостатков диссертационных работ отмечается также отсутствие учета зарубежного опыта и историко-правового анализа²⁹, что свидетельствует об игнорировании их авторами сравнительно-правового и историко-правового подходов. Кроме того, встречаются случаи неверного понимания методологического инструментария. К примеру, не различаются общенаучный метод сравнения и сравнительно-правовой метод, являющийся частнонаучным, тогда как разница между ними колоссальная: при помощи первого сопоставляются институты отечественной системы права (например, задаток и залог, купля-продажа и мена и т. д.), второй же применяется, когда необходимо обратиться к правовому опыту иностранного государства³⁰. Всё это лишний раз подтверждает важность обращения юриста к методологии, в том числе к ее истории, что, несомненно, позволяет лучшим образом подобрать инструментарий для цивилистического исследования и получить научный результат при минимальной затрате ресурсов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. — М. : Норма, 2001. — 752 с.
2. *Алексеев С. С.* Собрание сочинений : в 10 т. — М. : Статут, 2010. — Т. 3 : Проблемы теории права : курс лекций. — 781 с.
3. *Болдырев В. А.* Заключение о диссертациях по гражданскому праву // Методологические проблемы цивилистических исследований. — 2020. — № 2. — Т. 2. — С. 126–144.

²⁸ *Кузнецова О. А.* Метод научного исследования в цивилистических диссертациях. С. 254–255.

²⁹ *Болдырев В. А.* Заключение о диссертациях по гражданскому праву // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. № 2. Т. 2. С. 131–132.

³⁰ *Кузнецова О. А.* Сравнительно-правовой метод в цивилистических исследованиях. С. 185.

4. *Вавилин Е. В.* Об актуальности структурно-функционального подхода в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований : сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017 / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцев, О. А. Кузнецова. — М. : Статут, 2017. — С. 74–89.
5. *Габов А. В., Голубцев В. Г., Кузнецова О. А.* Вступительная статья // Методологические проблемы цивилистических исследований : сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017 / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцев, О. А. Кузнецова. — М. : Статут, 2017. — С. 5–13.
6. *Керимов Д. А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). — 2-е изд. — М. : Аванта+, 2001. — 560 с.
7. *Ковалевский М.* Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения права. — М. : Типография М. Б. Миллера, 1880. — 72 с.
8. *Кузнецова О. А.* Метод научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2014. — № 4 (26). — С. 254–270.
9. *Кузнецова О. А.* Сравнительно-правовой метод в цивилистических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. — 2020. — № 2. — Т. 2. — С. 183–214.
10. *Новицкий И. Б.* История советского гражданского права. — М. : Госюриздат, 1957. — 327 с.
11. *Поздняков Э. А.* Философия государства и права. — 2-е изд., испр. и перераб. — М. : Весь мир, 2016. — 344 с.
12. *Радбрух Г.* Введение в науку права / пер. М. М. Островской, И. З. Штейнберга. — М. : Труд, 1915. — 140 с.
13. *Реутов В. П.* Функциональная природа системы права. — Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2020. — 163 с.
14. *Саидов А. Х.* Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник / под ред. В. А. Туманова. — М. : Юрист, 2003. — 448 с.
15. *Филиппова С. Ю.* Цивилистическая наука России: становление, функции, методология. — М. : Статут, 2017. — 384 с.
16. *Шершеневич Г. Ф.* Задачи и методы гражданского правоведения // Избранное / вступ. сл., сост.: П. В. Крашенинников. — М. : Статут, 2016. — С. 324–366.
17. *Шершеневич Г. Ф.* Наука гражданского права // Избранное / вступ. сл., сост.: П. В. Крашенинников. — М. : Статут, 2016. — С. 15–231.

Материал поступил в редакцию 5 августа 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Alekseev S. S.* Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya. — М. : Norma, 2001. — 752 s.
2. *Alekseev S. S.* Sobranie sochinenij : v 10 t. — М. : Statut, 2010. — Т. 3 : Problemy teorii prava : kurs lekcij. — 781 s.
3. *Boldyrev V. A.* Zaklyucheniya o dissertatsiyah po grazhdanskomu pravu // Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij. — 2020. — № 2. — Т. 2. — S. 126–144.
4. *Vavilin E. V.* Ob aktual'nosti strukturno-funkcional'nogo podhoda v civilistike // Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij : sbornik nauchnyh statej. Ezhegodnik. Vyp. 2. 2017 / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцев, О. А. Кузнецова. — М. : Statut, 2017. — S. 74–89.
5. *Gabov A. V., Golubcev V. G., Kuznecova O. A.* Vstupitel'naya stat'ya // Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij : sbornik nauchnyh statej. Ezhegodnik. Vyp. 2. 2017 / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцев, О. А. Кузнецова. — М. : Statut, 2017. — S. 5–13.
6. *Kerimov D. A.* Metodologiya prava (predmet, funkci, problemy filosofii prava). — 2-е изд. — М. : Avanta+, 2001. — 560 s.

7. Kovalevskij M. Istoriko-sravnitel'nyj metod v yurisprudencii i priemy izucheniya prava. — M. : Tipografiya M. B. Millera, 1880. — 72 s.
8. Kuznecova O. A. Metod nauchnogo issledovaniya v civilisticheskikh dissertatsiyah // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2014. — № 1 (26). — S. 254–270.
9. Kuznecova O. A. Sravnitel'no-pravovoj metod v civilisticheskikh issledovaniyah // Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij. — 2020. — № 2. — T. 2. — S. 183–214.
10. Novickij I. B. Istoriya sovetskogo grazhdanskogo prava. — M. : Gosyurizdat, 1957. — 327 s.
11. Pozdnyakov E. A. Filosofiya gosudarstva i prava. — 2-e izd., ispr. i pererab. — M. : Ves' mir, 2016. — 344 s.
12. Radbruch G. Vvedenie v nauku prava / per. M. M. Ostrovskoj, I. Z. Shtejnberga. — M. : Trud, 1915. — 140 s.
13. Reutov V. P. Funkcional'naya priroda sistemy prava. — Perm' : Izd-vo Perm. gos. un-ta, 2020. — 163 s.
14. Saidov A. H. Sravnitel'noe pravovedenie (osnovnye pravovye sistemy sovremennosti) : uchebnik / pod red. V. A. Tumanova. — M. : Yurist, 2003. — 448 s.
15. Filippova S. Yu. Civilisticheskaya nauka Rossii: stanovlenie, funkcii, metodologiya. — M. : Statut, 2017. — 384 s.
16. Shershenevich G. F. Zadachi i metody grazhdanskogo pravovedeniya // Izbrannoe / vstup. sl., sost.: P. V. Krasheninnikov. — M. : Statut, 2016. — S. 324–366.
17. Shershenevich G. F. Nauka grazhdanskogo prava // Izbrannoe / vstup. sl., sost.: P. V. Krasheninnikov. — M. : Statut, 2016. — S. 15–231.

Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы¹

Аннотация. В статье рассматривается деятельность как важнейшая составляющая бытия человека. Раскрываются особенности деятельности с позиций различных областей знания: философии, психологии, социологии. Отдается предпочтение деятельностному подходу, в основе которого лежит категория «предметная деятельность». Она носит материальный характер и не просто определяет деятельность как взаимодействие человека с окружающим миром, а отражает изменения, которые являются результатом активности человека. Затрагиваются различные аспекты теоретической и практической деятельности на примере юридической деятельности, которая носит сложный интеллектуальный характер. Юридическая деятельность нередко характеризуется через юридическую практику — одну из разновидностей социальных практик. Отражено некоторое сходство этих категорий, как и различия между ними. В статье дается авторская дефиниция юридической деятельности, ориентированная на профессиональную правовую деятельность. Она не может претендовать на универсальный характер в силу различных видов профессиональной юридической деятельности. Тем не менее конкретизируется, что профессиональная юридическая деятельность — это всегда деятельность, осуществляемая на основе права, в правовых формах, она направлена на достижение целей, установленных правом. Показано влияние цифровых технологий на различные виды юридической деятельности. Особенно в условиях пандемии, когда традиционные формы коммуникаций уступили место виртуальным. Отмечается, что это влияние носит двойственный характер, то есть, с одной стороны, повышает эффективность коммуникаций, а с другой стороны, приводит к некоторым рискам и проблемам. Особенно на фоне того, что значительная часть нашего населения все еще не имеет доступа к современным информационно-коммуникационным системам.

Ключевые слова: деятельность; дигитализация; право; правотворчество; правореализация; правоохрана; профессиональная юридическая деятельность; юридическая практика.

Для цитирования: Корнев А. В. Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 21–30. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.021-030.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16114.

© Корнев А. В., 2021

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Kornev_av@rambler.ru

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

Juridical Activities in the Digital Age: A Concept, Content, Forms²

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Kornev_av@rambler.ru

ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993

Abstract. The paper examines activity as the most important component of human life. The author elucidates the features of activity from the standpoint of various fields of knowledge: philosophy, psychology, sociology. The preference is given to the activity approach, which is based on the category of “substantive activity.” It is substantive in nature and does not simply define the activity as human interaction with the outside world, but reflects the changes that constitute the result of human activity. Various aspects of theoretical and practical activity are touched upon on the example of legal activity, which is of a complex intellectual nature. Legal activity is often characterized through legal practice — one of the varieties of social practices. Some similarities of these categories are reflected, as well as differences between them. The paper gives the author’s definition of legal activity focused on professional legal activity. The definition cannot claim to be universal due to various types of professional legal activity. Nevertheless, it is specified that professional legal activity is always an activity carried out on the basis of law, in legal forms; it is aimed at achieving the goals determined by law. The author demonstrates the impact of digital technologies on various types of legal activities. Especially in the conditions of the pandemic when traditional forms of communication have given way to virtual ones. It is noted that this influence is of a dual nature, that is, on the one hand, it increases the efficiency of communications, and, on the other hand, it leads to some risks and problems, in particular, against the background of the fact that a significant part of our population still does not have access to modern information and communication systems.

Keywords: activity; digitalization; right; lawmaking; legal implementation; law enforcement; professional legal activity; legal practice.

Cite as: Kornev AV. Yuridicheskaya deyatel'nost' v tsifrovuyu epokhu: ponyatie, sodержanie, formy [Juridical Activities in the Digital Age: A Concept, Content, Forms]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):21-30. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.021-030. (In Russ., abstract in Eng.).

Сегодня человечество столкнулось с вызовом планетарного масштаба. Устоявшиеся модели — политические, экономические, социальные и прочие — подвергаются своеобразному испытанию. По всей видимости, нам придется освободиться от множества иллюзий, которые доминировали еще относительно недавно. Однако не подлежит никакому сомнению тот очевидный факт, что технологические инновации будут менять нашу жизнь. Хочется надеяться, что к лучшему. Как известно, слово «прогресс» и его материализация относятся к одним из самых противоречивых. В чем-то человечество продвигается вперед, а в каких-то сферах всё происходит наоборот. «Все прогрессы — реакционны, если рухнет человек. Не купить нас холодной игрушкой, механическим соло-

вейчиком! В жизни главное — человечность...» (А. Вознесенский).

Поэт в России — больше, чем поэт (Е. Евтушенко). «Лирики», в отличие от «физиков», первыми почувствовали угрозу, которую несет современность душе человека, то есть тому, что по большому счету и составляет его сущность. Но это тема отдельного разговора. Сегодня в научных и других кругах все чаще обсуждается проблема становления «нового» человека, который формируется принципиально иным укладом бытия общества и государства. Появляется соответствующая литература, в которой авторы описывают действительность, а главным образом строят прогнозы относительно скорого будущего. В этой связи можно сослаться на книгу Криса Скиннера «Цифровой человек.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16114.

Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого». Работа представляет значительный интерес. Однако не покидает ощущение, что автор несколько переоценивает значение технологий, которые, по его мнению, самым серьезным образом поменяют структуру общества, изменят саму суть *человеческой деятельности*.

К. Скиннер описывает процесс «цифровизации» человечества. Конечно, всё, что можно «оцифровать», будет «оцифровано». Ему кажется, что технологии помогут преодолеть бедность, которая имеет место в самых передовых и развитых странах, причем в таких серьезных масштабах, что невольно задаешься вопросом: а почему, собственно говоря, эти страны принято считать самыми благополучными? Цифры приводить не имеет смысла. Они хорошо известны. Скиннер серьезно считает, что одной из самых главных причин бедности, имущественного расслоения является отсутствие доступа к современным финансовым услугам.

Это просто наивно, и не добавляет автору академической респектабельности. Бедность порождена соответствующей социально-экономической системой, которая сложилась в той или иной стране. Где-то она меньше, а где-то больше. Взять, к примеру, современную Россию. У нас фактически нет среднего класса, только по роду *человеческой деятельности* он якобы существует. Но это далеко не так. Мы страна с самой высокой поляризацией населения, что является серьезнейшей социальной проблемой. И никакие технологии победить бедность не могут. Допустим, все получают доступ к финансовым услугам. Ну и что? Деньги, пока они существуют, являются в данном случае эквивалентом *оценки деятельности* того или иного человека. Если он не производит никаких ценностей, не оказывает никаких услуг, не находится на «заслуженном отдыхе», то за что ему платить? «Быть или не быть, вот в чем вопрос» — материализуется сегодня в такую категорию, как *деятельность*. В данном контексте У. Шекспир по-прежнему актуален.

Всё больше и больше говорят и пишут о том, что машины, роботы, одним словом — искусственный интеллект, отберут работу у человека. К. Скиннер приводит результаты исследований ученых из Оксфордского университета, которые считают, что в ближайшие два десятилетия 47 % рабочих мест в США испытают «высокий риск компьютеризации». С точки зрения экономистов из Бостонского и Колумбийского университетов, «умные машины» могут вызвать «долгосрочное снижение доли заработной платы в структуре доходов». В США роботы могут занять около 40 % рабочих мест в самое ближайшее время, всего 10–15 лет.

К. Скиннер ссылается на мнение Шелли Палмера, руководителя консалтинговой компании Palmer Group, работающей в сфере технологий и бизнеса, который считает, что роботы претендуют на пять специальностей:

- менеджеры среднего звена;
- продавцы в розничной торговле;
- составители отчетов, журналисты, авторы и ведущие;
- бухгалтеры и помощники бухгалтеров;
- врачи.

Однако Скиннер считает, что Шелли упустил еще одну профессию, а именно юристов. Он полагает, что распределенные реестры и искусственный интеллект приведут к пересмотру правовой сферы и к ее дигитализации. В этой связи юристы будут просто не нужны³.

Разумеется, возникает вопрос: а чем будут заниматься люди, которые не заняты никакой трудовой деятельностью?

По мнению К. Скиннера, неквалифицированные рабочие будут обслуживать роботов и машины, квалифицированные — создавать с роботами и машинами удивительные услуги, а машины начнут развивать сами себя и управлять друг другом. Даже если машина способна управлять собой, то это вовсе не означает, что она никогда не сломается. В чем действительно стоит согласиться с автором, так это в том, что «...если машина оснащена искусственным интеллектом, это совершенно не означает, что

³ Скиннер К. Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М., 2019. С. 110, 112.

она не будет нуждаться в интеллекте человека, необходимом ей для следующего прорыва»⁴.

И все-таки не покидает ощущение некоторой маниловщины от подобных точек зрения. Конечно, машины могут в какой-то степени вытеснить человека. Особенно это актуально в тех сферах, где по-прежнему тяжелые условия труда или он вреден для здоровья человека. Да, машины здесь особенно необходимы.

Тем не менее следует учитывать и другие обстоятельства. Во-первых, чем занять такое огромное количество ничем не обремененных людей? Говорят иногда так: «Пусть занимаются какой-то творческой деятельностью». Но какой? Да и потом, все ли способны к творчеству? Разумеется, нет. Конечно, человек более всего мечтал ранее о блаженном безделье, чем о насыщенном, тяжелом труде. Тем не менее не надо фантазировать без меры.

И. А. Гончаров, описывая быт жителей Обломовки, подмечает: «Они сносили труд как наказание, наложенное еще на праотцев наших, но любить не могли, и где был случай, всегда от него избавлялись, находя это возможным и должным»⁵.

Сейчас совершенно другая эпоха, а крестьянский труд, даже при максимальной механизации, по-прежнему тяжел, как никакой другой. И опять мы сталкиваемся с парадоксальным явлением. В нашей стране, как показывают опросы общественного мнения, работа (деятельность) менеджера, финансиста, депутата является более престижной, чем хлебороба-крестьянина, по сути того, кто нас всех кормит. Во многих странах проводят мониторинг профессий по степени социальной полезности, значимости. Когда читаешь, что воспитатель детского сада или школьный учитель в каких-то «европейских палестинах» общественным мнением ставится по этому критерию выше, чем банкир, становится несколько не по себе. Как тут не вспомнить Андрея Вознесенского!

К. Скиннер больше занимается новыми технологиями в банковской сфере, так называемым финтехом. Так вот, крупнейшие банки Европы и

США постепенно уступают лидерство «азиатским тиграм» как по количеству активов, так и по внедрению современных, в том числе цифровых, технологий. Топ-менеджмент в банковских структурах Европы и США по-прежнему состоит из экономистов, финансистов и юристов. В наиболее передовых странах Азии в аналогичной сфере давно лидируют инженеры, то есть «технари», как принято их называть в современном упрощенном, иногда до неприличия, языке.

Да, финансовая сфера, как нетрудно догадаться, может быстрее других меняться в том смысле, что машины будут вытеснять людей. И это оправданно со всех точек зрения.

Тем не менее, как показал 2020 год, даже в условиях пандемии в США и некоторых государствах Европы по большей части безработные (а их в структуре трудоспособного населения оказалось от 6 до 12 %), по сути, диктовали власти свои условия. То есть ставили на колени полицию, выдвигали подчас нелепые требования местным властям. И что удивительно, те безропотно подчинялись агрессивной улице. В этой связи самой смелой фантазии не хватает представить, что будет, если таковых (безработных) или частично занятых, а таких только в США уже 30–35 %, станет больше половины? Тут не только полиция будет поставлена на колени, но и само государство как таковое. Что вообще можно говорить после захвата и учиненного погрома участниками марша «За спасение Америки» здания Конгресса США? А ведь это одно из самых охраняемых зданий США. Поэтому занятость, как представляется, будет определяться не столько технологическими факторами или экономическими (машины дешевле людей), сколько социальными и политическими. Власть, причем любая, озабочена прежде всего воспроизводством самой себя. Иными словами, самосохранением, как бы банально и в то же время откровенно это ни звучало. Поэтому будут обеспечивать массы людей работой не потому, что их труд необходим, а для того, чтобы, получая за свои услуги какое-то вознаграждение, они могли бы решать самые необходимые жиз-

⁴ Скиннер К. Указ. соч. С. 113.

⁵ Гончаров И. А. Обломов. М., 1985. С. 92.

ненные потребности. В конце концов, это проблема стабильности, а стало быть, социальной безопасности.

В данном случае надо поменьше прожектерства. У нас, в России, с этим дефицита не наблюдается. Тем не менее нужно осмысленно, рационально и объективно подходить к проблеме. Не как один из героев романа А. И. Герцена с говорящим названием «Что делать?» Алексей Абрамович Негров, отставной генерал-майор и кавалер, толстый рослый мужчина, который после прорезывания зубов ни разу не был болен, ибо «одно правило гигиены он исполнял только: не расстраивал пищеварения умственными напряжениями и, может быть, этим стяжал право не исполнять всего остального»⁶.

Этот персонаж вспомнился в силу особенностей современного общественного дискурса, как принято сегодня говорить. Без каких-либо оговорок предлагается считать: демократия — хорошо; частная собственность — прекрасно; рынок — просто восхитительно и пр. Как раз сегодня эти стереотипы рушатся в силу своей искусственности. Наша наука — политическая, экономическая, юридическая — не избежала этой стереотипности. В этом подлунном мире нет ничего одномерного. Другое дело, что в нашей стране одна «программная установка» поочередно меняет другую: перестройка (в народе ее перефразировали на перестрелку), ускорение, демократизация, капитализация и пр. Теперь вот наступил черед всеобщей «цифровизации, информатизации, роботизации».

Тем не менее у всего есть мера, некая «критическая масса». Огромное количество незанятых людей есть серьезная проблема, и любое общество, как и государство, будет ее решать по-своему.

Я не склонен думать, что юридическая профессия будет умирать. Она порождена собственностью, властью и конфликтом. Не только, но этим в первую очередь. Предполагать, что все эти институты исчезнут в самое ближайшее время, — значит впадать в иллюзии.

Другое дело, что само право и профессия юриста могут меняться. Убежден в некоей

трансформации права от социального регулятора к технологическому ресурсу, системе четких правил поведения в следующих «координатах»: человек — машина — общество — государство. Если современной цивилизации суждено развиваться в рамках технологической парадигмы, то все ее сферы, включая право, будут, несомненно, «технологизироваться». В том числе с помощью машин.

В настоящее время появляются всё новые сферы правового регулирования. Технологии как бы «опережают» право. Иногда право просто не в состоянии регулировать тот или иной комплекс отношений. Да и сами отношения меняются. Мы все-таки привыкли к осязаемости, если так можно сказать, к материальности отношений. Тем не менее уже почти адаптировались к явлению и соответствующей семантической конструкции — «дополненная, виртуальная реальность».

Как и во времена теперь уже прошедших промышленных революций, особое значение приобретает система ценностей, на которых основывается бытие общества. Ценности и технологии — тема чрезвычайно важная, пока что не пользующаяся вниманием отечественной социальной науки.

Ценности — составная часть юридической деятельности. Право само по себе представляет собой ценность. Однако в качестве универсального социального регулятора право, в свою очередь, опирается на основополагающие ценности. Что будет представлять собой мир, если в нем исчезнут гуманизм, справедливость, человеческое достоинство? Остается только догадываться. Нужно понимать, что развитие технологий, равно как и их регулирование, пусть часто и запаздывающее, должно осуществляться в рамках тех ценностей, которые имеют поистине универсальный характер.

Клаус Шваб в своей книге воспроизводит позицию Стюарта Уоллиса, спикера и сторонника Новой экономической системы (Великобритания): «Учитывая беспрецедентную скорость технологических и социальных изменений во время четвертой промышленной революции,

⁶ Герцен А. И. Что делать? Повести. М., 1985. С. 27.

нельзя надеяться, что желаемый исход можно получить исключительно с помощью государственного законодательства и экономических стимулов. К тому времени, когда законодательство вступает в силу, оно часто уже устаревает, становится оторванным от реальности или излишним. Единственный способ гарантировать положительные результаты — дальнейшая революция ценностей»⁷.

Коль скоро право представляет собой основной канал воздействия на общественные отношения, то всё, что связано с правовой сферой, самым тесным образом соотносится с юридической деятельностью. Как и всякая другая специфическая деятельность, она производна от базового понятия.

Деятельность можно рассматривать по меньшей мере с философской, психологической, социологической позиции. В этих науках сложились определенные подходы.

Итак, в философии деятельность есть «...специфически-человеческий способ отношения к миру — “предметная деятельность” (Маркс); представляет собой процесс, в ходе которого человек воспроизводит и творчески преобразует природу, делая тем самым себя деятельным субъектом, а осваиваемые им явления природы — объектом своих действий. В деятельности человек осваивает предмет, делает его мерой и сущностью своей активности. При этом человек не просто взаимодействует с природой, а постепенно включает ее саму в состав своей материальной и духовной культуры»⁸.

Этот некогда традиционный взгляд на природу деятельности и основанный на нем «деятельностный» подход, с моей точки зрения, не утратил своего значения и поныне. Всё, что нас окружает, весь этот физический, социальный, технологический и виртуальный мир, есть результат нашей деятельности/бездеятельности. Материалистический взгляд на мир вполне соотносится с религиозным мирозерцанием. О лжепророках сказано: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с

репейника смоквы? Так, всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь»⁹.

Библия — величайшая книга. Дерево здесь, по всей видимости, не стоит воспринимать буквально. Всё, что не плодоносит, не дает нужных результатов, должно быть отброшено, забыто или даже уничтожено. Под «деревом» в современном значении можно понимать экономическую, юридическую или политическую модель. И тем более какие-то отдельные законы или, наоборот, их отсутствие. Всё это тоже является результатом деятельности/бездеятельности.

Традиционно различают практическую и теоретическую деятельность. Есть особенности и у той, и у другой. Когда человек мыслит, он пытается понять и оценить то, что его окружает. Мы очень часто используем слово «действительность».

Когда человек занят мыслительной деятельностью, он пытается выявить суть явлений и вещей. Человек и всё вокруг него — проблема вечная. В сравнительном правоведении (компаративистике) особенности «юридического мышления» используют в качестве одного из критериев классификации правовых систем (семей). Конечно, если смотреть на это со строго научных позиций, то никакого юридического, математического или исторического мышления быть не может. Это всё очень условные категории, как и многое из того, что человек пытается понять и описать. Тем не менее профессиональная, в данном случае юридическая, деятельность имеет свои особенности.

Прежде чем что-либо делать, обычно человек должен подумать. Но надо прямо сказать, что отечественная интеллектуальная традиция во все исторические времена не отличалась рационализмом. Мы прежде делаем, а уже потом оцениваем. Так повелось «от века». Об этом писали многие, но мало что меняется. Читаем у П. Я. Чаадаева: «...всем нам не хватает какой-то

⁷ Цит по: Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. М., 2018. С. 55.

⁸ Философский словарь. М., 1981. С. 91.

⁹ Евангелие от Матфея. 7:16;17;18;19.

устойчивости, какой-то последовательности в уме, какой-то логики. Силлогизм Запада нам незнаком. В лучших головах наших есть нечто, еще худшее, чем легковесность...». Растерянность, неуверенность встречаются во всех странах, однако только у нас «...это общее свойство»¹⁰.

Лучше не кажешь. Диагноз точный. И реакция абсолютно предсказуемая. Легче «высочайше объявить сумасшедшим» одного, чем меняться всем. Не единожды было замечено как иностранными наблюдателями (чаще), так и отечественными авторами (реже), что, затевав в России любое начинание, мы уже на этой стадии ищем оправдания его половинчатости. Неудача как бы программируется в механизм нашей деятельности вообще и любой профессиональной в частности. Пресловутое «хотели как лучше, а получилось как всегда», — лучшее тому подтверждение. В. С. Черномырдин потому и пользовался всенародным признанием, что «глаголил истину» о нашей жизни. Б. Н. Ельцина нередко окружали почти демонические персонажи, которым на любовь народа претендовать не приходится. А тут случай особый, вполне объяснимый.

Любая деятельность, включая юридическую, есть сочетание опыта и знаний. Именно практика подпитывает теорию. Любые теоретизирования бесплодны, если они не опираются на реальность. И здесь Чаадаев к месту: «Таким образом, ясно, что человеческий разум не достигает самых положительных своих знаний чисто внутренней своею силой, а направляется непременно извне»¹¹.

Юридическая деятельность имеет сложный интеллектуальный характер. Кроме того, как уже отмечалось, она напрямую связана с определенной системой ценностей. Служение праву, без пафоса, есть служение истине и справедливости. Правда, сегодня категория «истина» уже практически не встречается в нормативных правовых актах процессуального характера по причине того, что истина недосыгаема, а стало быть, незачем ее искать. Однако истина и объективность — далеко не одно и то же.

В юридической литературе встречаются также предложения об исключении из нормативных правовых актов такой категории, как справедливость. Впрочем, как и многих других. Они якобы не имеют правового характера.

Аргументация во всех смыслах ущербная. Нормативно-правовые, правоприменительные и интерпретационные акты являются одновременно основой и результатом юридической деятельности и по определению, как принято говорить, не могут состоять только из правовых категорий. Это понятие очень условное, и никакого перечня правовых категорий нет и быть не может. Законность и справедливость, к примеру, могут и не совпадать. Но к этому нужно стремиться. Сократ, один из самых выдающихся мыслителей в истории человечества, в споре с софистами выразил это так: «Я утверждаю, что то, что законно, то должно быть и справедливо». Он, к сожалению, ничего рукописного не оставил. Однако эта позиция встречается в нескольких источниках в том или ином варианте.

В пункте 2 ст. 6 ГК РФ (применение гражданского законодательства по аналогии) говорится: «При невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости».

Кстати, разумность отражает к тому же важнейшую характеристику любой деятельности, включая юридическую. Когда иные авторы пишут о том, что никаких закономерностей бытия общества и его отдельных сфер нет, то они просто не понимают, о чем говорят. По соображениям профессиональной этики опускаю имена и работы. Совершенно очевидно, что *любая деятельность является разумной и рациональной только тогда, когда она осуществляется в границах выявленных законов и закономерностей*. Если же их игнорировать, то человек, общество и государство могут оказаться в «неловком положении». Одним сло-

¹⁰ Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. СПб., 2014. С. 38.

¹¹ Чаадаев П. Я. Указ. соч. С. 80.

вом, «как всегда». Смягчим ради соблюдения законов жанра.

Деятельность принято рассматривать и с психологической стороны. Это как раз тот случай, когда советская психологическая наука даже несколько опередила западную. Анализу деятельности посвятили свои работы выдающиеся ученые, такие как М. Я. Басов, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн. В психологии как сфере научного знания «деятельность — динамическая система взаимодействий субъекта с миром, в процессе которых происходит возникновение и воплощение в объекте психического образа и реализация опосредованных им отношений субъекта в предметной действительности»¹².

Советская психологическая наука отстаивала единство психики и деятельности; введение принципов развития и историзма позволило квалифицировать деятельность как движущую силу развития психического отражения.

В психологии «деятельность» используется в качестве объяснительного принципа. Это позволило как сформировать различные отрасли психологии (общая, медицинская, юридическая и т.д.), так и изучать такие явления психики, как эмоции, воля, мотивы. Эти категории имеют очень важное значение как для теоретической, так и для практической деятельности.

Один из примеров. Правоприменение является разновидностью юридической деятельности. В этой связи В. В. Лазарев констатирует: «...в многофакторном воздействии на правоприменяющего субъекта важно различить то, что оказывает влияние вместе и в унисон с правом, а что — помимо и даже вопреки праву. Поскольку некоторые из этих факторов относятся непосредственно к элементам психической жизни, а все внешние факторы так или иначе проходят через волю и сознание правоприменителя (иногда отражаются и на подсознательном уровне), постольку существует и нуждается в описании психологический аспект правоприменения»¹³.

В социологии чаще всего деятельность сопряжена с такими категориями, как социальное действие, социальные коммуникации, которые так или иначе привязаны к проблеме «социальная система». По мнению Т. Парсонса, социальная система состоит из множества индивидуальных действующих лиц, взаимодействующих друг с другом в ситуации, которая обладает по меньшей мере физическим аспектом или находится в некоторой среде действующих лиц, мотивации которых определяются тенденцией к «оптимизации удовлетворения», а их отношение к ситуации, включая отношение друг к другу, определяется и опосредуется системой общепринятых символов, являющихся элементами культуры¹⁴.

Право — явление социальное и выступает порождением общества, отношениями, которые имеют в нем место. В силу этого юридическая деятельность является разновидностью социальной деятельности. Профессия юриста является социально значимой в тех обществах, где право как универсальный регулятор общественных отношений пользуется уважением и признанием за способность предотвращать или «юридизировать» возникающие социальные конфликты.

Юридическая деятельность — преимущественно профессиональная деятельность. Обычно в структуре профессиональной юридической деятельности, как и в юридической профессии, выделяют четыре компонента. Во-первых, это юристы, т.е. группа людей, занятых юридической деятельностью. Соответственно, каждый из них в отдельности занят в специфической сфере юридической деятельности, например занимается адвокатской практикой. Во-вторых, это те или иные структуры, в рамках которых отдельный юрист осуществляет свои профессиональные функции. В-третьих, юристы наделяются тем или иным социальным статусом в зависимости от того, в какой структуре они заняты. Четвертым компонентом является ценностная

¹² Психология : словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990. С. 101.

¹³ Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань : Издательство Казанского университета, 1982. С. 8.

¹⁴ Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренькова. М., 1994. С. 450.

и нормативная составляющая юридической профессии, объективированная в праве и профессиональной этике¹⁵.

Существуют различные подходы к пониманию юридической деятельности и даже к профессиональной юридической деятельности. Вольно или невольно различные авторы выходят на проблему юридической практики. Такой подход вполне справедлив и, как говорят в таких случаях, имеет право на существование. Конечно, любая профессиональная деятельность объективируется в определенных социальных практиках. Тем не менее ставить между ними знак равенства все-таки не стоит.

Юридическая практика предметна. Юридическая деятельность включает не только внешнюю форму, но и внутреннюю. Во втором случае она предполагает познание социальной действительности или ее отдельного фрагмента. Социологи называют это ситуацией или социальным фактом. Кроме того, предстоит создать (выбрать) нормы, с помощью которых их можно будет регулировать — как на макроуровне (правотворчество), так и на микроуровне (индивидуальное правовое регулирование или правоприменение).

Исходя из этого, *под профессиональной юридической деятельностью следует понимать деятельность юристов-профессионалов, представителей всех юридических профессий в сфере правотворчества, правореализации и правоохраны, осуществляемую на основе права, в правовых формах и направленную на достижение целей, установленных правом*¹⁶.

В настоящее время перед наукой, включая юридическую, возникло новое предметное поле — виртуальное пространство как таковое,

а применительно к проблематике статьи — деятельность и социальные коммуникации в нем. Здесь пока больше проблем, чем способов их решения.

В литературе отмечается ряд принципиальных отличий коммуникаций, а значит, и деятельности как в киберпространстве, так и вне его. Большинство людей склонны воспринимать онлайн-среду в некотором смысле как нереальную или по крайней мере не такую реальную, как физический мир. Онлайн-среда, как правило, не так убедительна по сравнению с очевидностью реального мира. Кроме того, в этой среде минимизируются этические и моральные стандарты взаимодействия, что порождает повышенную конфликтность виртуальной среды¹⁷.

Разумеется, цифровые технологии серьезным образом меняют сферу права в целом и юридическую деятельность в частности. Достаточно давно пишут об «электронном правосудии», «электронном государстве», «электронной демократии» и пр. Цифровые технологии действительно применяются в различных сферах юридической деятельности. Тем не менее суть этой деятельности остается прежней. Меняются, совершенствуются «гаджеты». Машины помогают человеку. Всё это так. Однако формы не подменяют, а тем более не отменяют сущность и содержание. Право будет существовать ровно столько, сколько отпущено нашей цивилизации. Регулирование никуда не исчезнет. Если человек будет привлекать для этого «машину», то это только на пользу. Хотя здесь возникает множество проблем. В частности, риски. Но это совсем другая тема.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренькова. — М. : Изд-во МГУ, 1994. — 496 с.
2. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 336 с.

---

¹⁵ Корнев А. В. Социология права. М., 2016. С. 196–197.

¹⁶ Корнев А. В. Указ. соч. С. 199.

¹⁷ Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М., 2018. С. 217.

3. *Гончаров И. А.* Обломов. — М. : Художественная литература, 1985. — 383 с.
4. *Корнев А. В.* Социология права. — М. : Проспект, 2016. — 336 с.
5. *Лазарев В. В.* Социально-психологические аспекты применения права. — Казань : Издательство Казанского университета, 1982. — 144 с.
6. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. — М. : Издательство политической литературы, 1990. — 494 с.
7. *Скиннер К.* Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. — 304 с.
8. *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. — М. : Издательство политической литературы, 1981. — 445 с.
9. *Чаадаев П. Я.* Апология сумасшедшего. — СПб. : Лениздат, 2014. — 288 с.
10. *Шваб К.* Технологии четвертой промышленной революции. — М. : Эксмо, 2018. — 320 с.

Материал поступил в редакцию 9 декабря 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Amerikanskaya sociologicheskaya mysl' : teksty / pod red. V. I. Dobren'kova.* — М. : Izd-vo MGU, 1994. — 496 s.
2. *Giddens E., Satton F. Osnovnye ponyatiya v sociologii.* — М. : Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2018. — 336 s.
3. *Goncharov I. A. Oblomov.* — М. : Hudozhestvennaya literatura, 1985. — 383 s.
4. *Kornev A. V. Sociologiya prava.* — М. : Prospekt, 2016. — 336 s.
5. *Lazarev V. V. Social'no-psihologicheskie aspekty primeneniya prava.* — Kazan' : Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1982. — 144 s.
6. *Psihologiya : slovar' / pod obshch. red. A. V. Petrovskogo i M. G. Yaroshevskogo.* — М. : Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1990. — 494 s.
7. *Skinner K. Cifrovoy chelovek. Chetvertaya revolyuciya v istorii chelovechestva, kotoraya zatronet kazhdogo.* — М. : Mann, Ivanov i Ferber, 2019. — 304 s.
8. *Filosofskij slovar' / pod red. I. T. Frolova.* — М. : Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1981. — 445 s.
9. *Chaadaev P. Ya. Apologiya sumasshedshego.* — SPb. : Lenizdat, 2014. — 288 s.
10. *Shvab K. Tekhnologii chetvertoj promyshlennoj revolyucii.* — М. : Eksmo, 2018. — 320 s.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.031-047

И. Н. Плотникова*

Генезис теоретических представлений и правовых основ экономической свободы личности

Аннотация. Одной из базовых общечеловеческих ценностей является свобода как основа существования человека, понятие которой — одно из самых сложных и многогранных. В понятие общей свободы индивида входит экономическая свобода, являющаяся междисциплинарной категорией. Для современной научной мысли характерно значительное многообразие предметных объяснений разных сторон экономической свободы, в связи с чем вопросы, касающиеся понимания сущности данной категории, остаются дискуссионными. В статье предпринята попытка осмыслить формирование теоретических представлений об экономической свободе личности с учетом исторического аспекта, идеологических течений, экономических теорий, типов экономических систем, позиций философии, экономики, науки конституционного права, концепций прав человека. Проведенный анализ воззрений различных авторов на понятие «экономическая свобода», ее нормативного воплощения в ранних конституционных актах важен для понимания эволюции, дальнейшего развития научных идей и представлений о данной категории, конституционализации ценности «экономическая свобода личности» в России.

Ключевые слова: право; конституция; свобода личности; экономическая свобода; свобода частной собственности; свобода труда; свобода торговли; свобода предпринимательства; свобода конкуренции; права и свободы; экономический либерализм; рыночная экономика.

Для цитирования: Плотникова И. Н. Генезис теоретических представлений и правовых основ экономической свободы личности // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 31–47. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.031-047.

© Плотникова И. Н., 2021

* Плотникова Инна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Саратовской государственной юридической академии
Вольская ул., д. 1, г. Саратов, Россия, 410056
innap17@mail.ru

Genesis of Theoretical Concepts and Legal Foundations of the Economic Freedom of an Individual

Inna N. Plotnikova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional Law, Saratov State Law Academy
ul. Volskaya, d. 1, Saratov, Russia, 410056
innap17@mail.ru

Abstract. One of the basic human values is freedom as the basis of human existence, the concept of which is one of the most complex and multifaceted. The concept of the general freedom of the individual includes economic freedom, which is an interdisciplinary category. Modern scientific thought is characterized by a significant variety of substantive explanations of different aspects of economic freedom, in connection with which issues related to understanding the essence of this category remain controversial. The paper attempts to comprehend the formation of theoretical ideas about the economic freedom of the individual with due regard to the historical aspect, ideological trends, economic theories, types of economic systems, positions of philosophy, economics, science of constitutional law, concepts of human rights. The analysis of the views of various authors on the concept of "economic freedom", its normative implementation in early constitutional acts is important for understanding evolution, further development of scientific ideas and ideas about this category, constitutionalization of the value of "economic freedom of the individual" in Russia.

Keywords: law; constitution; personal freedom; economic freedom; freedom of private property; freedom of labor; freedom of trade; freedom of entrepreneurship; freedom of competition; rights and freedoms; economic liberalism; market economy.

Cite as: Plotnikova IN. Genesis teoreticheskikh predstavleniy i pravovykh osnov ekonomicheskoy svobody lichnosti [Genesis of Theoretical Concepts and Legal Foundations of the Economic Freedom of an Individual]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):31-47. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.031-047. (In Russ., abstract in Eng.).

Понятие свободы является одним из самых полисемантических и разноаспектных. «Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различное впечатление на умы, как слово "свобода"»¹. Общепринятого определения понятия свободы до настоящего времени не существует, учитывая его смысловые значения в естественном языке, понятия теоретические и законодательно определенные (принимая также во внимание и неодинаковую вербализацию концепта свободы: freedom и liberty,

имеющих некоторые семантические различия²). Экстенционал понятия «свобода» подразумевает большое количество объектов, удовлетворяющих интенционалу данного понятия, различающихся в зависимости от многочисленных философских концепций, взглядов социологов, психологов, экономистов, юристов и др.³ Денотативный компонент понятия «свобода» имеет неодинаковые сигнификативные отражения и коннотативные оттенки национально-культурного, индивидуально-психологического плана, выражая полиморфные сущностные признаки

¹ *Монтескье Ш. Л.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 288.

² К примеру, по мнению Т. Г. Ардашевой и А. Х. Мерзляковой, лексема liberty содержит эмоционально-положительные коннотации, обладает более широким значением, чем лексема freedom (Ардашева Т. Г., Мерзлякова А. Ф. Вербализация концепта свободы в юридических текстах // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2011. Вып. 2. С. 13–18).

³ Современный мексиканский философ Энрике Вильянуэва насчитывает не один, а семь интенционалов, концептов или содержаний понятия «свобода» (Вильянуэва Э. Метафизическая свобода и рациональная философия // Эпистемология & философия науки. 2010. Т. 25. № 3. С. 157).

данного явления. Концепт свободы личности фактически не подразумевает реального референта (и относится, по мнению Канта, к трансцендентальному объекту). Действительные референты экстенционала «свобода» существуют в дифференциальных ее проявлениях, трактовках, формах, видах (политическая; гражданская; экономическая и др.), практических воплощениях на множественных уровнях и стадиях. Как идеологема, равным образом актуальная для различных социумов, свобода может обладать свойством дихотомичности, характеризоваться зависимостью от исторической контекстуализации, типов политических, экономических систем, зачастую маркируя противоположные мировоззренческие взгляды, вызывая у многих индивидов свою «иллюзию понятности».

Генезис теоретических основ конкретного вида свободы — экономической — уместно начать с исследования понимания сущностных характеристик свободы в философском дискурсе, поскольку феномен свободы являлся первоначально объектом именно философского мейнстрима.

Понимание свободы тесно связано в первую очередь с различными философскими школами, попытки ее исследования восходят еще к античной философии. Концепции свободы находили свое отражение в учениях софистов, Сократа, киников, стоиков, трудах Платона, Аристотеля. Относительно философии Платона (V–IV вв. до н. э.) заметим, что, несмотря на упоминание в сочинениях платоновской школы свободы как «власти над жизнью, независимости во всем, возможности жить по-своему, щедрости в использовании имущества и владении им»⁴, понятие свободы у Платона скорее определялось как свобода общества или государства, нежели

отдельного человека (закон — это свобода государства)⁵. О балансе свободы и повиновения Платон писал следующим образом: «Как подчинение, так и свобода, если они переступают границы, есть величайшее зло, в надлежащей же мере это — великое благо»⁶. Частную собственность Платон отрицал.

Аристотель (IV в. до н. э.) критиковал воззрения Сократа и Платона о едином государстве и об общей собственности. Он подчеркивал значение собственности как основы бытия человека. По его мнению, собственность представляет собой часть дома, для домохозяина она является средством существования; «без предметов первой необходимости нельзя не только хорошо жить, но и вообще жить»⁷. Аристотель утверждал, что «собственность должна быть общей только в относительном смысле, а вообще — частной»⁸, «к тому, что составляет предмет владения очень большого числа людей, прилагается наименьшая забота. Люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им; менее заботятся они о том, что является общим, или заботятся в той мере, в какой это касается каждого...»⁹.

Относительно идей свободы Аристотель заявлял, что «...Одним из признаков демократического строя, по признанию всех сторонников демократии, является свобода. Второе начало — жить так, как каждому хочется; эта особенность... есть именно следствие свободы, тогда как следствие рабства — отсутствие возможности жить как хочется.... И в данном случае это стремление совпадает с началом свободы, основанным на равноправии»¹⁰.

В классическую эпоху, когда право еще не отделялось от философии, понимание свободы находит свое отражение как: правовое поло-

⁴ Платон Диалоги. М. : Мысль, 2000. С. 429.

⁵ Сорокин Г. В. К проблеме понимания свободы у Платона // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 5. С. 19–21.

⁶ Платон. Собрание сочинений : в 4 т. : пер. с др.-гр. / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; авт. ст. в примеч. А. Ф. Лосев ; примеч. А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1994. Т. 4. С. 507.

⁷ Аристотель. Политика / пер. С. А. Жебелева ; под общ. ред. А. И. Доватура. М. : Юрайт, 2020. С. 15.

⁸ Аристотель. Указ. соч. С. 37.

⁹ Аристотель. Указ. соч. С. 34.

¹⁰ Аристотель. Указ. соч. С. 170.

жение личности; внутренняя свобода; свобода воли, выбора, поступков; установление границ свободы; свобода общества и государства; прослеживается взаимосвязь свободы и собственности, как отдельной составляющей экономической свободы.

Эволюция взглядов на свободу (ее проявлений в экономике) происходила, как и прежде, в зависимости от основных направлений философской мысли, а также от формирующихся экономических теорий, типов экономических систем, способов организации хозяйственной деятельности в различных странах.

В XVI–XVII вв. в государственной политике отдельных западноевропейских стран, в особенности Англии и Франции, доминировали меркантилистские экономические идеи, суть которых сводилась к обоснованию необходимости протекционистского вмешательства государства в сферу промышленности и торговли в целях первоначального накопления капитала, создания сильных централизованных государств. Политика меркантилизма связывала процветание страны с активным вмешательством государства в экономическую жизнь¹¹. Данная политика имела важное значение для индустриального развития отдельных государств, поскольку защищала их национальные рынки (путем поощрения экспорта собственной продукции и ограничения импорта товаров из других стран, протекционистской поддержки мануфактур), что привело к достаточному быстрому росту промышленного производства и внешней торговли. Экономисты-практики, приверженцы меркантилистского учения (яркими представителями которых являлись английский экономист — купец Т. Манн и министр финансов

во Франции в XVII в. Ж.-Б. Кольбер) признавали «свободу торговли, но понимаемую не в смысле абсолютного принципа, применимого к любой конкретной ситуации, а как свободу торговли в определенных сферах экономики»¹².

В эпоху Просвещения, в XVII–XVIII вв., зарождаются основы либерального течения в философии и социально-политической, экономической жизни. Концепция свободы начинает базироваться на представлении о ней как о естественном состоянии индивида¹³. Философ-материалист Т. Гоббс в своем труде «О свободе и необходимости» (1654) писал: «...свободой делать что-либо обладает тот, кто может сделать это, когда он желает действовать таким образом, и может воздержаться от этого, когда он желает воздержаться»¹⁴. Свободу Гоббс определял как «отсутствие всяких препятствий к действию, поскольку они не содержатся в природе и во внутренних качествах действующего субъекта»¹⁵. Исследуя свободу и право на вещи, он утверждал, что «для людей очень мало пользы от того, что все обладают общим правом на всё. Ведь следствия этого права почти таковы же, как и следствие отсутствия всякого права»¹⁶.

Основатель идейно-политической доктрины либерализма Дж. Локк в «Двух трактатах о правлении» (1689) отмечал, что все люди находятся в естественном состоянии, «а это — состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли... ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собствен-

¹¹ Лукьянова А. А. Эволюция взглядов на роль государства в согласовании экономических интересов // Известия ПГПУ. 2006. № 2 (6). С. 37.

¹² Борисов Г. В. Меркантилизм как теория длительного периода // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Серия 5. Вып. 2. С. 70.

¹³ Клименко Е. В. Концепция свободы: от Просвещения к либерализму // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 2 (19) июнь. С. 11.

¹⁴ Гоббс Т. Избранные произведения : в 2 т. М. : Мысль, 1964. Т. 1. С. 524–525.

¹⁵ Гоббс Т. Указ. соч. С. 555.

¹⁶ Гоббс Т. Указ. соч. С. 306.

ности другого»¹⁷. Свобода человека в обществе заключается, по его мнению, в том, что он не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве¹⁸. Локк проводил отличие естественной свободы от свободы человека в обществе; главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства он считал необходимость сохранения их собственности. Локк полагал, что условия человеческой жизни, которые требуют труда и материалов для работы, по необходимости вводят частную собственность. В связи с этим великой основой собственности, с его точки зрения, является человек как владелец своей собственной личности, своих действий и своего труда. Труд он определял как источник права собственности, поскольку труд предоставляет право на собственность. Собственность в представлении Локка — это жизнь человека, его свобода и имущество, которые нужно охранять от незаконного посягательства других людей¹⁹. Дж. Локк сформулировал исходные положения для преодоления идей меркантилизма, заложил основы либеральной экономической теории (в частности, трудовой теории стоимости), подчеркнул тесную взаимосвязь жизни, свободы (как свободы воли и действий в границах закона, состояния равенства и непричинения вреда другому) и собственности, источником которой он считал труд, рассматривая ее как естественное право.

Тесно связанной с философскими идеями эпохи Просвещения являлась идеология немецкого идеализма в XVIII–XIX вв. И. Кант, родоначальник немецкого идеализма XVIII в., иссле-

довал категорию свободы в различных аспектах. Он соглашался с идеей, что законодатель должен так ограничивать свободу индивидов, чтобы она могла сосуществовать в согласии со свободой всякого другого и, следовательно, с общим благом²⁰.

Г. Гегель (один из виднейших представителей немецкой классической философии XVIII–XIX вв.) поддерживал воззрения Бенедикта Спинозы (нидерландского философа эпохи Просвещения) о том, что свобода — это осознанная необходимость. При этом он утверждал, что «...заповедь права гласит следующим образом: будь лицом и уважай других»²¹. Гегель постулировал свободу личности и собственности, возможность ее отчуждения, определяя собственность как «наличное бытие личности» и первый вид свободы²². Он подчеркивал тезис о том, что «каждый человек должен обладать... собственностью... Если... мы желаем говорить о равенстве, то мы должны рассматривать именно это равенство»²³. Свободу собственности и свободу личности, свободу выбора занятий Гегель относил к объективной, или реальной, свободе²⁴. Философ выделял и свободу промыслов и торговли, отмечая, что «различные интересы производителей и потребителей могут столкнуться друг с другом... их примирение также требует регулирования»²⁵.

Таким образом, разработка категории «свобода» представителями немецкой классической философии стала носить как теоретический, так и практический характер; данное понятие исследовалось во многих его проявлениях (в том числе дихотомических), таких как: а) свобода внутренняя и внешняя; б) свобода, совместимая с правами иных лиц; в) свобода как свобода

¹⁷ Локк Дж. Два трактата о правлении // Гражданское общество в России : электронная библиотека. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf. С. 264 (дата обращения: 03.08.2020).

¹⁸ Локк Дж. Указ. соч. С. 274.

¹⁹ Локк Дж. Указ. соч. С. 310.

²⁰ Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. М. : Наука, 1999. С. 562.

²¹ Гегель Г. Философия права / пер. Б. Г. Столпнера. М. : Юрайт, 2020. С. 41.

²² Гегель Г. Философия права. С. 35–40.

²³ Гегель Г. Философия права. С. 51.

²⁴ Гегель Г. Философия истории / пер. А. М. Водена. М. : Юрайт, 2020. С. 356.

²⁵ Гегель Г. Философия истории. С. 196.

воли, осознанная необходимость; г) субъективная и объективная свобода, к которой относится свобода личности, частной собственности, свобода выбора занятий; е) свобода промыслов и торговли; ж) взаимосвязь свободы и принципа формального равенства.

Воззрения философов эпохи Просвещения и немецкой классической философии в отношении феномена свободы имели немаловажное значение для дальнейшего формирования взглядов на экономическую свободу.

Одним из первых с критикой концепций меркантилизма и идеей невмешательства государства в экономику выступил английский экономист-практик Д. Норс (Норт). В своем сочинении «Рассуждения о торговле, преимущественно о проценте, монетной системе, сокращении и увеличении денег» (1691)²⁶ он обосновал необходимость свободы торговли и дал характеристику денежного обращения и обращения капитала. В XVII–XVIII вв. в оборот входит выражение «laissez faire et laissez passer» (фр. — «позвольте сделать, не вмешивайтесь, пропустите») как протест против засилья и гнета государства во всех сферах, в том числе в экономической жизни. Данное выражение (впоследствии ставшее символом классической экономической теории) упоминается также в трудах государственного деятеля Франции, маркиза Р. д'Аржансона, а также французского экономиста, философа В. Р. Мирабо²⁷.

В дальнейшем принцип «laissez faire et laissez passer» развил в своих сочинениях А. Смит — философ и экономист XVIII в., который внес значительный вклад в доктрину экономического либерализма. А. Смит является родоначальником понимания личной экономической сво-

боды как основополагающего условия развития эффективной экономики в государстве. Он указывал, что нельзя стеснять труд купцов, ремесленников и мануфактуристов, которые должны обладать полной свободой торговли²⁸. Он выступал также за свободу каждого «выбирать себе занятие, которое считает подходящим для себя, и менять его, когда сочтет нужным»²⁹, поскольку только собственный интерес заставляет человека искать выгодного и избегать невыгодного занятия. Выражение «экономическая свобода» исследователь не употреблял, он выступал за естественную свободу в экономике, свободную конкуренцию. А. Смит сформулировал понятие homo economicus («экономический человек») на основе идеи laissez faire. Эти представления, сыгравшие прогрессивную роль в развитии общества, положили начало экономическому индивидуализму как идеологии рыночной экономики, взаимосвязи экономики и права³⁰.

Приверженцем теорий экономического либерализма в России можно назвать Б. Н. Чичерина, либерала-консерватора, выдающегося русского государствоведа XIX в., стоявшего у истоков школы российского конституционного (государственного) права. Во многих своих работах он исследовал проблемы свободы, критикуя социализм, который он считал величайшим злом современности.

Отдельные главы в монографии «Собственность и государство» (1882–1883) Б. Н. Чичерин посвятил свободе. Он указывал, что «свобода воли, которая состоит в самоопределении на основании собственного решения, распадается на свободу внутреннюю, нравственную, заключающуюся в возможности определяться на основании разумно-нравственных побуждений, и

²⁶ Нуреев Р. М. Требование свободной торговли. Д. Норс // Всемирная история экономической мысли : в 6 т. / гл. ред. В. Н. Черковец. М. : Мысль, 1987. Т. 1 : От зарождения экономической мысли до первых теоретических систем политической жизни. С. 418.

²⁷ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / вступ. ст. Н. А. Макашевой. М. : Эксмо, 2007. С. 372–373.

²⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : пер. с англ. / предисл. В. С. Афанасьева. М. : Эксмо, 2007. С. 633.

²⁹ Смит А. Указ. соч. С. 147.

³⁰ Галочкина О. А. Экономическая свобода рыночных субъектов: содержание и механизм реализации : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2007. С. 13.

на свободу внешнюю, юридическую, управляемую принудительным законом права...»³¹. При этом Б. Н. Чичерин отмечал, что первым проявлением свободы в окружающем мире является собственность³². «Там, где государственное начало поглощает в себе частное или значительно преобладает над последним... может дойти до полного уничтожения гражданского равенства... со свободой связано гражданское равенство, или равенство перед законом. Как свободные лица все равны, и закон должен быть один для всех; в этом состоит основное требование свободы...» — подчеркивал ученый³³. Он считал, что уравнивать можно только рабов, а не свободных людей. Содержание свободы составляют, по его мнению, различные права: право располагать своими действиями по своему усмотрению, право перемещаться куда угодно, а также неотъемлемое право, принадлежащее человеку, — заниматься чем угодно и избирать себе род жизни по своему изволению, при соблюдении правила «всё, что не запрещено, то дозволено в силу естественно принадлежащей человеку свободы»³⁴.

Б. Н. Чичерин утверждал, что свобода как экономическое начало, свободный труд являются источником промышленной деятельности; при этом свобода и собственность неразрывно связаны как с экономической, так и с юридической точки зрения. Ученый полагал, что исходя из свойств человеческой природы только личный интерес, а не принуждение будет являться источником свободного труда, составлять основное начало всей промышленной деятельности³⁵. «Никто не станет работать, если плоды его труда должны служить не его, а чужой потребности. Обращение их на чужие потребности при экономической свободе возможно только путем добровольной сделки или уступки... из прило-

жения экономической свободы к естественным силам необходимо вытекают собственность и договор... Экономическая свобода человека состоит именно в том, что он сам распоряжается своими силами и своею деятельностью»³⁶. Б. Н. Чичерин не связывал границы индивидуальной свободы только с границами свободы других лиц. Он указывал, что власть должна при издании законов руководствоваться еще и требованием общественной пользы³⁷. Говоря о праве собственности, Б. Н. Чичерин отмечал, что право распоряжаться своей собственностью имеет свои границы, как и всякое иное право, которое определяется правами других лиц и общественными потребностями. Однако нормальным началом следует считать, по его мнению, свободное распоряжение собой и своим имуществом. При этом стеснения должны составлять исключения, поскольку «положительное законодательство может под видом общественной пользы до такой степени стеснить собственность, что от нее ничего не останется»³⁸. Заметим, что взгляды Б. Н. Чичерина на свободу, в том числе экономическую, более чем актуальны и в настоящее время.

Видный российский ученый конца XIX в., приват-доцент, магистр государственного права Санкт-Петербургского университета М. И. Свешников в монографии «Очерк общей теории государственного права» (1896) исследовал вопросы естественного права, правового государства, свободы. Свободу он определял как естественное состояние индивида, которая, по его мнению, может быть рассмотрена с различных точек зрения. Он выделял пять главных ее видов: 1) личную, 2) экономическую, 3) духовную, 4) общественную и 5) политическую. На первое место ученый помещал личную свободу, понимаемую прежде всего как личную непри-

³¹ Чичерин Б. Н. Собственность и государство. М. : Тип. Мартынова, 1882. Ч. 1. С. 18.

³² Чичерин Б. Н. Философия права. Избранные сочинения. М. : Юрайт, 2020. С. 83.

³³ Чичерин Б. Н. Философия права. С. 73–76.

³⁴ Чичерин Б. Н. Философия права. С. 76.

³⁵ Чичерин Б. Н. Собственность и государство. С. 270–274.

³⁶ Чичерин Б. Н. Собственность и государство. С. 395–396.

³⁷ Чичерин Б. Н. Философия права. С. 62.

³⁸ Чичерин Б. Н. Философия права. С. 90–91.

косновенность. Экономическую свободу он ставил на второе место, поскольку она важна в достижении интересов человека³⁹, подчеркивая, что «человек в сфере своей экономической деятельности, в сфере создания условий благосостояния должен быть гарантирован от неправильного вторжения государственной власти в область, подлежащую его непосредственному распоряжению»⁴⁰. Что касается видов экономической свободы, то в числе первых ее видов М. И. Свешников указывал «свободу передвижения как такой элементарный вид свободы в государстве, без которого человек не может правильно развивать всех своих сил»⁴¹, поскольку в царской России свобода передвижения для некоторых категорий лиц была ограничена. К основным правам в области экономических отношений он относил право собственности, которое предполагает полную свободу индивида в распоряжении принадлежащим ему имуществом и полное исключение посягательства государства на собственность частного лица, а также свободу труда, которая, по его мнению, содержит два основных признака: 1) свободу выбора занятий и 2) ведение начатого дела сообразно своим интересам и с теми формами производства, которые человек считает наиболее пригодными⁴², и отмечал, что данные признаки возможно найти во всех европейских конституциях.

Таким образом, во взглядах наиболее ярких представителей экономического либерализма, основоположников конституционного права в дореволюционной России были заложены основы понимания экономической свободы как свободы воли, деятельности, основанной на личном интересе, минимальном вмешательстве государства в производственную и торговую сферу, ограниченной свободой других и функциями государства, проистекающими из общественных потребностей, защищенной от

посягательств как со стороны иных лиц, так и со стороны общества. Определялось содержание экономической свободы как взаимосвязи личной свободы, свободы частной собственности, труда и свободы передвижения.

Представления либералов основывались на классической, в большей части *естественно-правовой* концепции прав и свобод. В отличие от естественно-правовой, *позитивистская* теория отрицает естественный характер прав человека. Данная теория лежит в основе неклассической — *марксистской (социалистической)* — концепции прав человека, которая основывается прежде всего на классовой детерминации права: права и свободы закрепляются за гражданами (трудящимися), а не за каждым; они предоставляются социалистическим государством, носят октроированный характер; на первое место ставятся интересы государства, рабочего класса, а не отдельной личности.

Идеи приверженцев марксизма-ленинизма о свободе были тесно связаны с социалистическим учением. Суждения В. И. Ленина о свободе носили ярко выраженный классовый характер. Действительную свободу он понимал как свободу от помещиков и капиталистов⁴³, утверждая, что свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман. Нетрудно заметить, что негативное отношение к предпринимательству, частной собственности, экономической свободе (укоренившееся при социализме и бытующее в обыденном сознании многих россиян до сих пор) берет свое начало прежде всего из высказываний В. И. Ленина. Крестьяне, которые отказывались продавать хлеб государству по твердым ценам, рассматривались им как спекулянты, мешочники, классовые враги⁴⁴. Он считал, что в сторону ничем не ограниченной свободы торговли и свободы использования частной собственности неизбежны колебания

³⁹ Свешников М. И. Очерк общей теории государственного права. СПб. : К. Л. Риккер, 1896. С. 146–148.

⁴⁰ Свешников М. И. Указ. соч. С. 152.

⁴¹ Свешников М. И. Указ. соч. С. 152.

⁴² Свешников М. И. Указ. соч. С. 155.

⁴³ Ленин В. И. Избранные произведения : в 3 т. М. : Политиздат, 1971. Т. 3. С. 224.

⁴⁴ Ленин В. И. Указ. соч. С. 225–226.

не только среднего крестьянства, но и мелких землевладельцев, поскольку они развращены спекуляцией и собственническими привычками; но пролетарская революция должна это поправить⁴⁵.

Впоследствии идейные убеждения вождя мирового пролетариата В. И. Ленина нашли свое воплощение в трудах советских ученых. Примечательно, что государствоведы в СССР в 1930-е гг. отмечали, что «при капитализме пролетариат крайне заинтересован в буржуазно-демократических “свободах”, “гражданских правах”, облегчающих ему процесс организации своих рядов и руководство союзниками»⁴⁶, при этом, безусловно, подвергая остракизму принцип «laissez faire et laissez passer», взгляды Ориу, Дюги, Н. М. Коркунова на свободу и собственность, И. Канта (тезис о согласовании свободы человека со свободой всех других людей), а также нормативизм Г. Кельзена⁴⁷, признавая единственно верным лишь марксистско-ленинское учение о государстве, праве и социалистической собственности.

Первая мировая война 1914–1918 гг., события Октябрьской революции в России 1917 г., мировой экономический кризис 1920–1930 гг. нанесли серьезный урон либеральным идеям. Английский экономист из Кембриджского университета Дж. Кейнс (консерватор-революционер) во время Великой депрессии 1930-х гг. осудил теории рынка свободной конкуренции, указывая на необходимость государственного вмешательства в экономику в целях ее защиты⁴⁸. Одновременно он выступал с критикой и государственного социализма. Порицая принцип laissez-faire, Дж. Кейнс писал, что «идеальное распределение производственных ресур-

сов, согласно этой идее, может быть достигнуто лишь в условиях, когда индивиды действуют независимо, методом проб и ошибок таким образом, что в конкурентной борьбе побеждают те, кто выбрал правильную стратегию поведения. Это означает, что не должно быть... пощады... для тех, кто неверно приложил свой труд или капитал... Если цель жизни — срывать листья с веток, находящихся как можно выше, то наилучший путь ее достижения — оставить одних лишь длинношеих жирафов; тех же, у кого шеи короче, обречь на голод»⁴⁹. Тем самым Дж. Кейнс сравнивал максимум laissez-faire с дарвинизмом, находя между ними заметное сходство. Он считал, что, поскольку большой бизнес — это всегда лотерея, возникает резкое неравенство в распределении богатства. Кейнс верил в то, что данная ситуация может улучшиться с помощью продуманного кредитно-денежного контроля, «экономическая эффективность может быть обеспечена только при сохранении свободы предпринимательства, но социальная справедливость — за счет государственного регулирования»⁵⁰.

Менее известен в России американский экономист Мартин Бронфенбреннер, опубликовавший в 1955 г. труд «Две концепции экономической свободы»⁵¹, несомненно заслуживающий внимания. В этой работе М. Бронфенбреннер анализирует роль различных интерпретаций «экономической свободы» в зависимости от двух конкурирующих точек зрения, называемых соответственно «традиционной либеральной» и «современной либеральной» (неолиберальной) позициями. Он подчеркивает, что проблема определения экономической свободы, объяснения различий в ее определении актуальна

⁴⁵ Ленин В. И. Указ. соч. С. 376.

⁴⁶ Советское государственное право : учебник для юрид. институтов / под общ. ред. А. Я. Вышинского ; Академия наук СССР, Институт права. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. С. 13.

⁴⁷ Советское государственное право : учебник для юрид. институтов. С. 21–35.

⁴⁸ Самошилова Г. М. Неортодоксальный Кейнс: за пределами кейнсианства «классной доски» // Историко-экономические исследования. 2017. Т. 18. № 3. С. 468.

⁴⁹ Кейнс Дж. М. Указ. соч. С. 376.

⁵⁰ Кручинина Н. А. Британские политические традиции: либерализм, консерватизм, социализм : курс лекций : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 70.

⁵¹ Bronfenbrenner M. Two Concepts of Economic Freedom // Ethics. 1955. Vol. 65, No 3 (Apr.). P. 157–170.

прежде всего в изменчивой или *переходной* экономике.

В качестве основных отличий в определении *экономической свободы* в различных экономических системах М. Бронфенбреннер называет:

1. С учетом теорий социальной философии какие свободы считаются строго экономическими?
2. Должны ли оцениваться свободы с учетом их иерархии и какие свободы могут быть ограничены в интересах других? Какие типы социальных ограничений считаются препятствующими нескольким свободам?
3. Ранжирование признанных препятствий: какие из них следует считать наиболее препятствующими свободе, а какие менее?
4. Учет специализированной проблемы взаимоотношений, которая составляет суть спора о «свободе планирования».
5. В какой степени связаны экономические и политические свободы? Ущемление некоей экономической свободы, незначительное само по себе, может ли привести к ограничению политической или социальной свободы, которая является более ценной?
6. Существуют ли какие-то особые категории людей, чья свобода оценивается выше других? Или, с другой стороны, есть индивиды, чья свобода может быть принесена в жертву свободе или другим благам остальной части общества?

М. Бронфенбреннер указывает, что свободы часто конфликтуют друг с другом; пытаясь выяснить, насколько возможно разрешить противоречия между ними, нужно осознать, полагает он, что мы имеем дело только со степенями свободы, а не с ее недостижимым абсолютом. Для традиционного либерала рассматриваемые свободы связаны с жизнью, распространением идей, ассоциацией, движением, распоряжением рабочей силой, а также с владением, обменом и отчуждением права собственности на большинство видов товаров (при этом, с точки зрения автора, собственно к экономическим относятся две последние свободы). Неолибералы, по его мнению, причисляют к экономическим также «свободу от нужды» Ф. Рузвельта, или «право на прожиточный минимум», ограничивая при этом объем прав собственности, которые подлежат

защите. В связи с этим автор утверждает, что существует фундаментальная дихотомия между индивидуализмом и этатизмом. Рассматривая разногласия между традиционными либералами и неолибералами о природе экономической свободы, М. Бронфенбреннер отмечает, что в их основе лежат разные точки зрения на природу препятствий к свободе: традиционный либерал в целом придерживается юридической, а неолиберал — экономической линии (то есть препятствия должны быть юридическими по своей природе и ограничены правовыми границами). Неолиберальная концепция, считает ученый, выводит препятствия для свободы за юридические рамки, дополняя их социальными и экономическими ограничениями. М. Бронфенбреннер прослеживает зависимость между общими и конкретными ограничениями и количеством препятствий (чем более общий характер носит ограничение, тем менее оно нежелательно; чем конкретнее, тем более оно нецелесообразно). Ввиду этого автор пишет о традиционном либеральном предпочтении денежно-кредитного, финансового и антимонопольного контроля конкретным ценовым, зарплатным, нормирующим и распределительным видам контроля экономического планирования при уходе из модели *laissez-faire*. М. Бронфенбреннер полагает, что ограничение или регулирование становится меньшим препятствием для свободы ограниченного или регулируемого, если они имеют санкцию общества через представителей, избранных демократическим путем. При этом автор подчеркивает, что несколько ветвей пути к крепостному праву начинаются не с социализма или национализации как таковых, а с общей (централизованной) системы планирования экономической деятельности, какими бы формальные личные или имущественные права ни были сохранены юридически (поскольку контроль во всех сферах жизни неизбежно расширяется).

Подводя итог, М. Бронфенбреннер пишет, что термин «экономическая свобода» не будет иметь общего для всех смысла, если включить в него набор коннотаций, охватывающих его значение из формального словаря. Термин «экономическая свобода», по его мнению, не поддается материальному, инструментальному или операциональному определению, которое

может сделать его частью «вещного языка» популярной семантики, поскольку не имеет универсального набора коннотаций и не может быть использован однозначно, как «факт» или «критерий», без предварительного согласия по шести вопросам, которые часто оспариваются как минимум двумя противоположными школами мысли. Должно быть достигнуто определенное соглашение, консенсус между индивидами, что именно означает для них понятие «экономическая свобода»: какие конкретные свободы и препятствия подразумеваются; какие существуют иерархические взаимосвязи прав; чьи свободы имеют первостепенное значение.

Что касается государственной экономической политики многих зарубежных стран, то вплоть до 1970-х гг., когда вновь разразился экономический кризис, приведший к стагфляции, в ее идеологии превалировали идеи Дж. Кейнса о достижении сбалансированной экономики, о необходимости достаточно активной экономической политики государства. Его теоретическим оппонентом являлся Ф. Хайек, австрийский экономист, защищавший преимущества свободного рынка, модель которого являлась «альтернативой как классической школе... так и кейнсианской»⁵². Критиковал кейнсианскую теорию и М. Фридман, известный американский экономист, в последующем — советник Р. Рейгана и М. Тэтчер, придерживающийся принципа минимального вмешательства государства в экономику. М. Фридмана, так же как и Ф. Хайека, причисляют к сторонникам как идейного либерализма⁵³, так и неолиберализма (чигакская школа), наряду со сторонниками иного направления — ордолиберализма, социальной рыночной экономики⁵⁴. М. Фридман в работе «Капитализм и свобода» (1962) связывает понимание системы экономической свободы с капитализ-

мом, свободной конкуренцией и частным предпринимательством, действующим на свободном рынке⁵⁵. Он уточняет, что после 1930-х гг. в сфере экономической политики термин «либерализм» приобрел иной акцент, поскольку «во имя благосостояния и равенства либерал XX в. стал выступать за возрождение курса на государственное вмешательство и патернализм, против которого боролся классический либерализм»⁵⁶.

Рассматривая взаимосвязь между экономической и политической свободами, М. Фридман указывает, что «свобода экономических отношений сама по себе есть составная часть свободы в широком смысле, поэтому экономическая свобода есть самоцель. Во-вторых, экономическая свобода — это также необходимое средство к достижению свободы политической»⁵⁷. Рынок он называет непосредственным компонентом свободы. М. Фридман констатирует, что абсолютной свободы не бывает, поскольку «свобода одного человека может вступать в конфликт со свободой другого, и когда это происходит, чью-то свободу приходится ограничить, чтобы сохранить свободу второго человека»⁵⁸. В экономической сфере наибольшие затруднения он видит в конфликте между свободой объединений (рабочих) и свободой конкуренции. Но роль государства, считает М. Фридман, состоит в том, чтобы определять правила игры, выносить по ним третейские решения и обеспечивать их выполнение, то есть производить действия, которые рыночная экономика не может делать сама. «В каждом случае, когда предлагают прибегнуть к государственному вмешательству, нам следует составить балансовую ведомость и записать в разные ее графы преимущества и недостатки такого вмешательства»⁵⁹, полагает он. Существенной составной частью свободы М. Фридман называл соблюдение принципа равенства

⁵² Ковалев А. В. Дебаты Кейнса и Хайека: переосмысление в свете современной макроэкономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2019. Т. 35. Вып. 2. С. 285.

⁵³ Фридман М. Капитализм и свобода : пер. с англ. М. : Новое издательство, 2006. С. 8.

⁵⁴ См.: Лукьянова А. А. Указ. соч. С. 39.

⁵⁵ Фридман М. Указ. соч. С. 28.

⁵⁶ Фридман М. Указ. соч. С. 29.

⁵⁷ Фридман М. Указ. соч. С. 31.

⁵⁸ Фридман М. Указ. соч. С. 50.

⁵⁹ Фридман М. Указ. соч. С. 57.

возможностей, а не равенства результатов. Он пишет, приводя в пример страны с тоталитарными режимами, что «общество, которое ставит равенство (в смысле равенства результатов) выше свободы, в результате утратит и равенство, и свободу. Если ради достижения равенства оно прибегнет к силе, то это уничтожит свободу»⁶⁰.

Профессор права Н. Меркуро и профессор экономики С. Медема, исследуя конкурирующие взгляды наиболее влиятельных научных школ за последние 50 лет на оптимальное взаимодействие рынка, экономической свободы и государственного регулирования⁶¹, отмечают, что чикагская школа права «отдает явное предпочтение рынку, по возможности свободному от государственного вмешательства в любых его проявлениях»⁶². Экономическая свобода в рамках такого подхода понимается как деятельность небольших предприятий, способных эффективно конкурировать друг с другом. В качестве обычаев товарообмена выступает в первую очередь свободная и неограниченная конкуренция (прежде всего в процессе деятельности субъектов малого бизнеса, в целях предоставления предпринимателям равных возможностей, права выбора и честной сделки — потребителям)⁶³. Представители же ордолиберализма (В. Ойкен, А. Мюллер-Армак, Л. Эрхард) выступали как против совершенно свободной экономики и минимального вмешательства государства, «так и против экономики, контролируемой государством»⁶⁴, разработав стратегию социальной рыночной экономики, сочетающей в себе принцип свободы рынка, свободы конкуренции с принципом социального равновесия, при этом отводя государству роль создателя рамочных условий и обес-

печения порядка, в противовес «несоциальной плановой экономике». Л. Эрхард подчеркивал, что основными целями социального рыночного хозяйства являются «свобода и справедливость, причем экономическая свобода невозможна без политической свободы, без государственных гарантий обеспечения прав и свобод человека, без социальной защищенности и социальной справедливости»⁶⁵. В отличие от неоклассической концепции, сторонники теории общественного выбора не рассматривали государство как беспристрастного арбитра, роль которого расширяется при необходимости исправления провалов рынка, государство должно стать влиятельным участником игры⁶⁶. Методология теории общественного выбора предусматривает варианты принятия решений: конституционный, более основанный на каталлактическом подходе (принципах создания экономических правил на конституционном этапе выбора — для создания эффективной конституции), и институциональный (экономический анализ политических и государственных процессов), опирающийся в большей степени на позиции homo economicus, экономической свободы⁶⁷. Указанный подход, по нашему мнению, как и теория социальной рыночной экономики, представляет наибольший интерес в рамках дальнейшего исследования вопросов конституционализации экономической свободы личности в России.

Президент США Р. Рейган, поддерживавший неоклассические модели свободного рынка, в послании от 03.07.1987 «Американский экономический билль о правах» отметил актуальность идей отцов — основателей США относительно экономической свободы, без которой не может

⁶⁰ Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. М. : Социум, Три квадрата, 2003. С. 106.

⁶¹ Меркуро Н., Медема С. Экономическая теория и право: от Познера к постмодернизму и далее / пер. с англ. Т. Шишкиной ; науч. ред. перевода М. Одинцова. М. : Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 14–17.

⁶² Меркуро Н., Медема С. Указ. соч. С. 257.

⁶³ Меркуро Н., Медема С. Указ. соч. С. 261–263.

⁶⁴ Мордовченков Н. В., Паленова Н. В., Поляков В. М. Людвиг Эрхард и социальная рыночная экономика в Германии: инфраструктурный аспект // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. № 3 (12). С. 68.

⁶⁵ Мордовченков Н. В., Паленова Н. В., Поляков В. М. Указ. соч. С. 69.

⁶⁶ Меркуро Н., Медема С. Указ. соч. С. 291–293.

⁶⁷ Меркуро Н., Медема С. Указ. соч. С. 285–287.

быть и свободы политической. Он полагал, что граждане США нуждаются в новом экономическом билле о правах, который должен гарантировать им четыре основные свободы: свободу работать (как права самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, не подвергаясь чрезмерному государственному регулированию и субсидируемой государственной конкуренции), свободу наслаждаться плодами своего труда (как сбережения своих доходов без чрезмерных государственных налогов и расходов), свободу владеть и контролировать свою собственность (как право сохранять и использовать свою собственность, свободную от государственного контроля посредством принудительного или конфискационного регулирования), свободу участвовать в свободном рынке (как право свободно заключать контракты на товары и услуги, реализовывать свой потенциал полностью, без ограничений со стороны правительства в отношении своих возможностей, экономической независимости и роста)⁶⁸.

Наиболее широкий перечень компонентов экономической свободы представлен исследователями Фонда «Наследие» (The Heritage Foundation, США), цель функционирования которого заключается в разработке и продвижении консервативной государственной политики, основанной на принципах свободного предпринимательства, ограниченной деятельности правительства, индивидуальной свободы⁶⁹. Исследователи Фонда «Наследие» определяют экономическую свободу как жизненно важный компонент: человеческого достоинства, автономии личности (связанной главным образом со свободой выбора, которой пользуются отдельные лица при приобретении и использовании экономических товаров и ресурсов), расширения ее прав и возможностей⁷⁰. Экономическая свобода рассматривается ими также как фун-

даментальное право каждого человека контролировать свой труд и имущество, свободно работать, производить, потреблять и инвестировать любым удобным способом при свободном перемещении труда, капиталов и товара. В практических целях, для измерения Индекса экономической свободы разных стран в ежегодном руководстве, которое публикуется Фондом «Наследие», выделены 12 аспектов экономической свободы: защита права собственности, добропорядочность правительства (степень распространения коррупции), судебная эффективность, размер государственных расходов, налоговая нагрузка, бюджетное благополучие, свобода предпринимательства, свобода труда, денежная свобода (свобода ценообразования и стабильность национальной валюты), свобода торговли, свобода инвестиций, финансовая свобода (эффективное банковское и финансовое регулирование)⁷¹.

Подводя некоторые итоги, можно сделать вывод, что взгляды ученых (философов, экономистов, правоведов) на феномен «экономическая свобода» различаются в значительной степени, в зависимости от их генезиса в античной, феодальной, капиталистической и коммунистической формации; а также от основных идеологических течений: либерализма, консерватизма, социализма и их модификаций (в том числе с приставкой «нео»): от минимального вмешательства государства в процессы частнохозяйственной деятельности, свободы выбора и деятельности предпринимателей до полного отрицания свободы торговли, ремесла, выбора рода занятий и частной собственности. В конечном счете в настоящее время подавляющее большинство исследователей из западных стран и стран Азии⁷² высказываются за свободные рыночные отношения, реализуемые

⁶⁸ America's Economic Bill of Rights // URL: <https://www.reaganlibrary.gov/research/speeches/070387b> (дата обращения: 01.08.2020).

⁶⁹ About Heritage // URL: <https://www.heritage.org/about-heritage/mission> (дата обращения: 09.07.2020).

⁷⁰ 2020 INDEX of economic freedom // URL: <https://www.heritage.org/index/about> (дата обращения: 09.07.2020).

⁷¹ 2020 INDEX of economic freedom. About The Index // URL: <https://www.heritage.org/index/about> (дата обращения: 09.07.2020).

⁷² By Riley Walters Japan's Economy: «Mostly Free» // The ACCJ Journal. April 2016. URL: <https://journal.accj.or.jp/japans-economy-mostly-free/> (дата обращения: 02.08.2020).

в системе смешанной экономики (недостатком которой тем не менее является отсутствие стандартной схемы ее создания и функционирования).

При этом *экономическая свобода личности* понимается в демократическом обществе как составная часть общей свободы индивида, а также как свобода воли, свобода законной деятельности, основанной на личном интересе, ограниченном вмешательством государства в предпринимательскую деятельность, совместимой со свободой других лиц и функциями государства, проистекающими из публичных потребностей, защищенной от посягательств как со стороны иных лиц, так и со стороны государства и общества, основу которой в первую очередь составляют: свобода частной собственности, свобода предпринимательской деятельности, конкуренции, свобода выбора рода занятий.

Отличия в суждениях современных зарубежных исследователей наблюдаются большей частью в признании необходимости разной степени участия государства в регулировании рыночных отношений и ограничения экономической свободы личности. На данные процессы, безусловно, оказывают влияние и институционализация экономической свободы личности на конституционном уровне, сочетание естественно-правового и позитивистского подходов к пониманию прав человека, вид и модификации политического режима в конкретном государстве, модель экономической системы, культурно-исторический тип и менталитет народа, нации, социальных групп.

Что касается генезиса процессов юридикации идей свободы, то примером ранних ее форм может служить законодательство Древней Греции и Древнего Рима (идея «свободных эллинов», свободного выбора человека). Постулаты авторитетных римских юристов: Гая — о правовом положении свободных и рабов, Флорентина — о свободе как естественной потребности совер-

шать поступки, не запрещенные правом, были закреплены в Дигестах Юстиниана и, соответственно, имели силу закона⁷³.

К первым нормативным актам, регулирующим некоторые права поданных и свободу торговли, можно отнести Великую хартию вольностей 1215 г., подписанную Иоанном Безземельным, предусматривающую права купцов на безопасный и свободный въезд и выезд из страны, продажу товаров без незаконных пошлин. Данная хартия стала фундаментом для целого ряда конституционных актов в Англии и Великобритании, воплотивших отдельные аспекты философских концепций «негативной» свободы Т. Гоббса, Дж. Локка.

В последующем идеи о свободе и собственности, прокламируемые философами эпохи Просвещения, получили свое выражение в Декларации независимости США 1776 г., провозгласившей неотчуждаемые права человека: жизнь, свободу и стремление к счастью. Частная собственность, ее защита и невозможность изъятия без справедливой правовой процедуры были закреплены на высшем конституционном уровне — в пятой поправке Конституции США 1787 г. В основу французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. также была положена естественно-правовая теория прав личности, на первое место были поставлены права на свободу и собственность. Содержание свободы определялось в Декларации как возможность делать всё, что не наносит вреда другому. Осуществление естественных прав каждого человека могло быть ограничено лишь пределами, установленными законом, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами.

Собственность понималась как право неприкосновенное и священное, устанавливался запрет на ее лишение иначе, как в случае установленной законом общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения⁷⁴. Декларация прав человека

⁷³ Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. М. Л. Кофанов. М. : Статут, 2002. С. 117.

⁷⁴ Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония : учеб. пособие. 8-е изд., испр. и доп. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 117–119.

и гражданина 1789 г. предваряла текст Конституции Франции 1791 г. (просуществовавшей около года). Но, несмотря на положения Декларации о свободе и равенстве, Конституция 1791 г. в некоторых моментах противоречила ей — носила цензовый характер (закрепляла ограничения избирательного права)⁷⁵.

В Декларации прав человека и гражданина 1793 г. положения о свободе и собственности были изложены несколько иначе, нежели в Декларации 1789 г.: свобода — это возможность человека делать всё, что не наносит ущерба правам других; ее основу составляют природа и справедливое правление, защита закона. Нравственная граница свободы заключается в следующем: не причиняй другому того, что нежелательно тебе самому (ст. 6). Право собственности в ст. 16 данной Декларации определялось как принадлежность имущества каждому гражданину в целях пользования и распоряжения своей собственностью, своим доходом, плодами своего труда и своей деятельности. В статье 17, по существу, впервые была зафиксирована свобода заниматься каким угодно трудом, деятельностью, торговлей — свобода предпринимательства. Заметим, что в ст. 16 и 17 Декларации 1793 г. фактически были заложены основы конституирования экономической свободы личности: свобода заниматься выбранным по своему усмотрению трудом и предпринимательством,

пользоваться и распоряжаться своим имуществом, плодами своего труда и промысла. Однако данная Конституция не вступила в силу, дальнейшее развитие общественно-политической ситуации во Франции пошло по пути применения революционных методов террора, резко отличавшихся от идеалов Декларации и Конституции 1793 г. Тем не менее, несмотря на разрыв между прогрессивными теоретическими принципами, заложенными в Декларациях 1789 и 1793 гг., и реально сложившимися во французском обществе политико-правовыми отношениями, данные акты имели огромное значение для формирования и конституционной легитимации либеральной концепции свободы, оказали существенное влияние на конституционное развитие государств мира, юридизацию феномена свободы, закрепление основ экономической свободы в конституциях XIX–XX вв.

Проведенный анализ взглядов различных авторов на понятие «экономическая свобода», ее нормативного воплощения в ранних конституционных актах важен для понимания эволюции, дальнейшей экспликации, развития научных идей и представлений о данной категории, конституционализации ценности «экономическая свобода личности» в России, ее нормативного опосредования и выработки оптимальных нормативных регулятивов, институционализации категории «экономическая свобода».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ардашева Т. Г., Мерзлякова А. Ф. Вербализация концепта свободы в юридических текстах // Вестник Удмуртского университета. Серия : История и филология. — 2011. — Вып. 2. — С. 13–18.
2. Аристотель. Политика / пер. С. А. Жебелева ; под общ. ред. А. И. Доватура. — М. : Юрайт, 2020. — 297 с.
3. Борисов Г. В. Меркантилизм как теория длительного периода // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2007. — Серия 5. — Вып. 2. — С. 68–78.
4. Вильянуэва Э. Метафизическая свобода и рациональная философия // Эпистемология & Философия науки. — 2010. — Т. XXV. — № 3. — С. 154–168.
5. Галочкина О. А. Экономическая свобода рыночных субъектов: содержание и механизм реализации : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. — М., 2007. — 55 с.
6. Гегель Г. Философия истории / пер. А. М. Водена. — М. : Юрайт, 2020. — 378 с.

⁷⁵ Официальный сайт Конституционного совета Франции. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/la-constitution/les-constitutions-de-la-france> (дата обращения: 04.08.2020).

7. Гегель Г. Философия права / пер. Б. Г. Столпнера. — М. : Юрайт, 2020. — 292 с.
8. Гоббс Т. Избранные произведения : в 2. — М. : Мысль, 1964. — Т. 1. — 583 с.
9. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. — М. : Наука, 1999. — 655 с.
10. Кейнс Д. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / вступ. ст. Н. А. Макашевой. — М. : Эксмо, 2007. — 960 с.
11. Клименко Е. В. Концепция свободы: от Просвещения к либерализму // Вестник СПбГУКИ. — 2014. — № 2 (19) июнь. — С. 11–18.
12. Ковалев А. В. Дебаты Кейнса и Хайека: переосмысление в свете современной макроэкономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2019. — Т. 35. — Вып. 2. — С. 283–308.
13. Кручинина Н. А. Британские политические традиции: либерализм, консерватизм, социализм : курс лекций : учебное пособие. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — 168 с.
14. Ленин В. И. Избранные произведения : в 3 т. — М. : Политиздат, 1971. — Т. 3. — 856 с.
15. Локк Дж. Два трактата о правлении // Гражданское общество в России : электронная библиотека. — URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf.
16. Лукьянова А. А. Эволюция взглядов на роль государства в согласовании экономических интересов // Известия ПГПУ. — 2006. — № 2 (6). — С. 37–40.
17. Меркуро Н., Медема С. Экономическая теория и право: от Познера к постмодернизму и далее / пер. с англ. Т. Шишкиной ; науч. ред. пер. М. Одинцова. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2019. — 648 с.
18. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. — М. : Госполитиздат, 1955. — 800 с.
19. Мордовченков Н. В., Паленова Н. В., Поляков В. М. Людвиг Эрхард и социальная рыночная экономика в Германии: инфраструктурный аспект // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2015. — № 3 (12). — С. 67–71.
20. Нуреев Р. М. Требование свободной торговли. Д. Норс // Всемирная история экономической мысли : в 6 т. / гл. ред. В. Н. Черковец. — М. : Мысль, 1987. — Т. 1 : От зарождения экономической мысли до первых теоретических систем политической жизни. — 606 с.
21. Платон. Диалоги. — М. : Мысль, 2000. — 607 с.
22. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. : пер. с др.-гр. / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; авт. ст. в примеч. А. Ф. Лосев ; примеч. А. А. Тахо-Годи. — М. : Мысль, 1994. — Т. 4. — 830 с.
23. Самощилова Г. М. Неортодоксальный Кейнс: за пределами кейнсианства «классной доски» // Историко-экономические исследования. — 2017. — Т. 18. — № 3. — С. 467–487.
24. Свешников М. И. Очерк общей теории государственного права. — СПб. : К. Л. Риккер, 1896. — 331 с.
25. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : пер. с англ. / предисл. В. С. Афанасьева. — М. : Эксмо, 2007. — 960 с.
26. Советское государственное право : учебник для юридических институтов / под общ. ред. А. Я. Вышинского ; Академия наук СССР, Институт права. — М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. — 652 с.
27. Сорокин Г. В. К проблеме понимания свободы у Платона // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2008. — № 5. — С. 19–21.
28. Фридман М. Капитализм и свобода : пер. с англ. — М. : Новое издательство, 2006. — 240 с.
29. Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. — М. : Социум, Три квадрата, 2003. — 182 с. — (Философия свободы. Вып. II).
30. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. — М. : Типография Мартынова, 1882. — Ч. 1. — 468 с.
31. Чичерин Б. Н. Философия права. Избранные сочинения. — М. : Юрайт, 2020. — 371 с.

Материал поступил в редакцию 4 августа 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ardasheva T. G., Merzlyakova A. F. Verbalizaciya koncepta svobody v yuridicheskikh tekstah // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya : Istoriya i filologiya. — 2011. — Vyp. 2. — S. 13–18.
2. Aristotel'. Politika / per. S. A. Zhebeleva ; pod obshch. red. A. I. Dovatura. — M. : Yurajt, 2020. — 297 s.
3. Borisov G. V. Merkantilizm kak teoriya dlitel'nogo perioda // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. — 2007. — Seriya 5. — Vyp. 2. — S. 68–78.

4. Viľyanueva E. Metafizicheskaya svoboda i racional'naya filosofiya // Epistemologiya & Filosofiya nauki. — 2010. — T. XXV. — № 3. — S. 154–168.
5. Galochkina O. A. Ekonomicheskaya svoboda rynochnyh sub"ektov: sodержanie i mekhanizm realizacii : avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk. — M., 2007. — 55 s.
6. Gegel' G. Filosofiya istorii / per. A. M. Vodena. — M. : Yurajt, 2020. — 378 s.
7. Gegel' G. Filosofiya prava / per. B. G. Stolpnera. — M. : Yurajt, 2020. — 292 s.
8. Gobbs T. Izbrannye proizvedeniya : v 2. — M. : Mysl', 1964. — T. 1. — 583 s.
9. Kant I. Kritika chistogo razuma / per. s nem. N. O. Losskogo s variantami per. na rus. i evrop. yazyki. — M. : Nauka, 1999. — 655 s.
10. Kejns D. M. Obshchaya teoriya zanyatosti, procenta i deneg. Izbrannoe / vstup. st. N. A. Makashevoj. — M. : Eksmo, 2007. — 960 s.
11. Klimentko E. V. Konceptiya svobody: ot Prosveshcheniya k liberalizmu // Vestnik SPbGUKI. — 2014. — № 1 (19) iyun'. — S. 11–18.
12. Kovalev A. V. Debaty Kejnса i Hajeka: pereosmyslenie v svete sovremennoj makroekonomiki // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika. — 2019. — T. 35. — Vyp. 2. — S. 283–308.
13. Kruchinina N. A. Britanskіe politicheskie tradicii: liberalizm, konservatizm, socializm : kurs lekcij : uchebnoe posobie. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2014. — 168 s.
14. Lenin V. I. Izbrannye proizvedeniya : v 3 t. — M. : Politizdat, 1971. — T. 3. — 856 s.
15. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii : elektronnyaya biblioteka. — URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf.
16. Luk'yanova A. A. Evolyuciya vzglyadov na rol' gosudarstva v soglasovanii ekonomicheskikh interesov // Izvestiya PGPU. — 2006. — № 1 (6). — S. 37–40.
17. Merкуро N., Medema S. Ekonomicheskaya teoriya i pravo: ot Poznera k postmodernizmu i dalee / per. s angl. T. Shishkinoy ; nauch. red. per. M. Odincova. — M. : Izd-vo Instituta Gajdara, 2019. — 648 s.
18. Montes'k'e Sh. L. Izbrannye proizvedeniya. — M. : Gospolitizdat, 1955. — 800 s.
19. Mordovchenkov N. V., Palenova N. V., Polyakov V. M. Lyudvig Erhard i social'naya rynochnaya ekonomika v Germanii: infrastrukturnyj aspekt // Azimut nauchnyh issledovanij: ekonomika i upravlenie. — 2015. — № 3 (12). — S. 67–71.
20. Nureev R. M. Trebovanіe svobodnoj trgovli. D. Nors // Vsemirnaya istoriya ekonomicheskoy mysli : v 6 t. / gl. red. V. N. Cherkovec. — M. : Mysl', 1987. — T. 1 : Ot zarozhdeniya ekonomicheskoy mysli do pervyh teoreticheskikh sistem politicheskoy zhizni. — 606 s.
21. Platon. Dialogi. — M. : Mysl', 2000. — 607 s.
22. Platon. Sobranіe sochinenij : v 4 t. : per. s dr.-gr. / obshch. red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa, A. A. Taho-Godi ; avt. st. v primech. A. F. Losev ; primech. A. A. Taho-Godi. — M. : Mysl', 1994. — T. 4. — 830 s.
23. Samoshchilova G. M. Neortodoksal'nyj Kejnс: za predelami kejnсianstva «klassnoj doski» // Istoriko-ekonomicheskіe issledovaniya. — 2017. — T. 18. — № 3. — S. 467–487.
24. Sveshnikov M. I. Oчерk obshchej teorii gosudarstvennogo prava. — SPb. : K. L. Rikker, 1896. — 331 s.
25. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov : per. s angl. / predisl. V. S. Afanas'eva. — M. : Eksmo, 2007. — 960 s.
26. Sovetskoe gosudarstvennoe pravo : uchebnik dlya yuridicheskikh institutov / pod obshch. red. A. Ya. Vyshinskogo ; Akademiya nauk SSSR, Institut prava. — M. : Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 1938. — 652 s.
27. Sorokin G. V. K probleme ponimaniya svobody u Platona // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennyye nauki. — 2008. — № 5. — S. 19–21.
28. Fridman M. Kapitalizm i svoboda : per. s angl. — M. : Novoe izdatel'stvo, 2006. — 240 s.
29. Fridmen M., Hajek F. O svobode. — M. : Socium, Tri kvadrata, 2003. — 182 s. — (Filosofiya svobody. Vyp. II).
30. Chicherin B. N. Sobstvennost' i gosudarstvo. — M. : Tipografiya Martynova, 1882. — Ch. 1. — 468 s.
31. Chicherin B. N. Filosofiya prava. Izbrannye sochineniya. — M. : Yurajt, 2020. — 371 s.

Перспективы совершенствования конституционно-правовой ответственности Правительства Российской Федерации перед парламентом Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена исследованию института конституционно-правовой ответственности Правительства перед парламентом в России в настоящее время. В связи с проведением конституционной реформы в 2020 г. автор отмечает, что законодатель пошел по пути усиления роли и значения парламента в части контроля деятельности Правительства. Тем не менее главным недостатком текущего законодательства по-прежнему является отсутствие реальных санкций, которые парламент РФ может применять самостоятельно по отношению к Правительству РФ или его отдельным членам. Поэтому автором предлагается ряд новых санкций, а также ряд мер, направленных на совершенствование действующих механизмов применения санкций конституционной ответственности. В частности, предлагается ввести право Государственной Думы РФ представлять собственные кандидатуры на вакантные должности в Правительстве, утверждение которых находится в ведении Государственной Думы РФ, дать возможность Государственной Думе самостоятельно освобождать отдельных членов Правительства от должностей, утверждение которых находится в ее ведении. Кроме того, предлагается усовершенствовать процедуру выражения вотума недоверия Правительству Государственной Думой, а именно ввести обязанность Президента РФ отправлять Правительство РФ в отставку, в случае если Государственная Дума в течение трех месяцев повторно выразит недоверие Правительству. Предлагается также повысить роль Совета Федерации РФ, введя право данного органа не просто проводить консультации с Президентом РФ, а утверждать соответствующие кандидатуры федеральных министров, предложенных данному органу Президентом РФ. Автор отмечает, что предлагаемые меры совершенствования позволят повысить эффективность реализации ряда федеральных законов, регулирующих парламентскую ответственность Правительства РФ.

Ключевые слова: ответственность; парламент; недоверие; правительство; президент; Государственная Дума; Совет Федерации; освобождение; санкции; конституционная ответственность; парламентская ответственность; недостатки; конституция; реформа конституции.

Для цитирования: Стрельников А. О. Перспективы совершенствования конституционно-правовой ответственности Правительства Российской Федерации перед парламентом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 48–57. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.048-057.

© Стрельников А. О., 2021

* Стрельников Антон Олегович, аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Московского городского педагогического университета
2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, г. Москва, Россия, 129226
d55595@yandex.ru

Prospects for Improving Responsibility of the Government of the Russian Federation before the Parliament of the Russian Federation under Constitutional Law

Anton O. Strelnikov, Postgraduate Student, Department of State and Legal Disciplines, Moscow City Pedagogical University
2-y Selskokhozyaistbennyi pr-d, d. 4, Moscow, Russia, 129226
d55595@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the institution of constitutional and legal responsibility of the Government before the Parliament in Russia at the present time. In connection with the implementation of the Constitutional Reform in 2020, the author notes that the legislator has taken the path of strengthening the role and importance of the Parliament in terms of monitoring the activities of the Government. Nevertheless, the main drawback of the current legislation is still the lack of real sanctions that the Russian Parliament can apply independently in relation to the Russian Government or its individual members. Therefore, the author proposes a number of new sanctions, as well as a number of measures aimed at improving the existing mechanisms for applying sanctions of constitutional responsibility. In particular, it is proposed to introduce the right of the State Duma of the Russian Federation to present its own nominees for vacant positions in the Government, the approval of which is under the authority of the State Duma of the Russian Federation, to enable the State Duma to independently release individual members of the Government from positions approved by it. In addition, it is proposed to improve the procedure for expressing a vote of no confidence in the Government by the State Duma, namely, to introduce the obligation of the President of the Russian Federation to dismiss the Government of the Russian Federation in the event that the State Duma re-expresses no confidence in the Government within three months. It is also proposed to increase the role of the Council of Federation of the Russian Federation by introducing the power of this body not only to consult with the President of the Russian Federation, but to approve the corresponding candidacies of federal ministers proposed to this body by the President of the Russian Federation. The author notes that the proposed improvement measures will increase the effectiveness of the implementation of a number of federal laws regulating the parliamentary responsibility of the Government of the Russian Federation.

Keywords: responsibility; parliament; mistrust; government; President; State Duma; Council of the Federation; liberation; sanctions; constitutional responsibility; parliamentary responsibility; limitations; constitution; Constitution Reform.

Cite as: Strelnikov AO. Perspektivy sovershenstvovaniya konstitutsionno-pravovoy otvetstvennosti Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii pered parlamentom Rossiyskoy Federatsii [Prospects for Improving Responsibility of the Government of the Russian Federation before the Parliament of the Russian Federation under Constitutional Law]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):48-57. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.048-057. (In Russ., abstract in Eng.).

На данный момент институт конституционно-правовой ответственности Правительства (куда также включается и парламентская ответственность) находится в стадии активного развития и, безусловно, нуждается в дальнейшем совершенствовании. Общей тенденцией развития современного законодательства является усиление роли нижней палаты парламента по отношению к Правительству РФ. Так, в 2005 г. был принят Федеральный закон «О парламентском расследовании», в 2008 г. введена конституционная обязанность Правительства от-

читываться перед Государственной Думой о результатах своей работы ежегодно, в 2013 г. принят Федеральный закон «О парламентском контроле», а в 2020 г. — закон о поправках в Конституции, в соответствии с которым появилась статья 103.1, где закреплено право палат парламента проводить парламентский контроль и направлять соответствующие парламентские запросы. Кроме того, самым важным моментом конституционной реформы 2020 г. в рассматриваемой сфере, на наш взгляд, является закрепление права Государственной Думы утверж-

дать кандидатуры федеральных министров и заместителей Председателя Правительства по предложению последнего. Порядок формирования данного органа исполнительной власти был несколько изменен: теперь некоторые кандидатуры на соответствующие вакантные должности Председатель Правительства предлагает не Президенту, а Государственной Думе, что свидетельствует о повышении ее значения.

Вместе с тем действующее законодательство не лишено недостатков, многие из которых так и не были устранены в ходе конституционной реформы 2020 г., о чем говорят и другие специалисты. Например, Л. А. Нудненко, Л. А. Тхабисимова отмечают низкую эффективность парламентского запроса, указывая, что в период с 2015 по 2017 г. Государственной Думой было направлено всего 7 запросов и, помимо повторного направления парламентского запроса, никакой другой формы реагирования на неудовлетворительный ответ чиновников не предусмотрено¹. Н. А. Боброва отмечает, что сама по себе возможность Госдумы РФ заслушать отчет Правительства есть не более чем декоративная формальность и не означает подлинной ответственности Правительства перед парламентом как высшим законодательным и представительным органом страны².

Таким образом, главным недостатком конституционного законодательства, регулирующего конституционную ответственность Правительства РФ, по нашему мнению, является отсутствие реальных санкций, которые может применить Государственная Дума за нарушение конституционных обязанностей Правительством, превращение их скорее в «благие пожелания», чем

юридические средства воздействия. Данную точку зрения высказывают и другие авторы. Так, А. Т. Карасев, А. В. Крысанов говорят о том, что возможность применения мер конституционно-правовой ответственности, санкций должна быть реальной, иначе институт конституционно-правовой ответственности будет лишен своего потенциала³.

Во-первых, Государственной Думе было дано право утверждать кандидатуры заместителей Председателя Правительства, а также федеральных министров (за исключением ряда федеральных министров), которые ей предложил Председатель Правительства РФ. Процессуальный срок для утверждения таких кандидатур для Государственной Думы составляет 7 дней⁴. В случае если Государственная Дума утвердит данные кандидатуры, Президент их назначает на должность и не вправе отказать в таком назначении. Однако остается неясным, какая последует санкция, если Государственная Дума не рассмотрит представленные кандидатуры в положенный срок, поскольку в ч. 4 ст. 112 говорится лишь о трехкратном отклонении Государственной Думой представленных кандидатур, данная же ситуация не урегулирована. Существенным недостатком является отсутствие права Государственной Думы вносить собственные кандидатуры для утверждения на данные должности, например если она не утверждает кандидатуры, которые предложил Председатель Правительства РФ. Представляется необходимым такое право Государственной Думе предоставить, и здесь возможно несколько вариантов:

1) в случае первоначального отклонения представленных кандидатур Государственная

¹ Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А. Конституционные основы парламентского контроля за деятельностью Правительства Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 4. С. 32.

² Боброва Н. А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 36.

³ Карасев А. А., Крысанов А. В. Механизм парламентского контроля в системе персональной конституционно-правовой ответственности членов Правительства Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 21 : Управление (государство и общество). 2014. № 2. С. 6.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Ч. 2 ст. 112 // Российская газета. 04.07.2020. № 144.

Дума может предложить собственные кандидатуры на данные должности взамен отклоненных;

- 2) только при трехкратном отклонении представленных кандидатур Государственная Дума может внести собственные кандидатуры на данные должности.

В любом случае при реализации обоих вариантов необходимо предусмотреть срок, когда Государственная Дума может вносить собственные кандидатуры. Представляется рациональным, если этот срок будет также составлять семь дней с момента отклонения представленных Председателем Правительства РФ кандидатур. Если в течение этого срока он предлагает другие или те же кандидатуры повторно, то с целью повышения роли и значения парламента целесообразно рассматривать кандидатуры, которые первыми были выдвинуты депутатами Государственной Думы. Конечно, внедрение данного права потребует и разработки соответствующего механизма, который должен быть урегулирован Регламентом Государственной Думы. Представляется возможным сделать эту процедуру аналогичной процедуре вынесения постановления о недоверии Правительству РФ, несколько ее упростив.

В общем виде в Конституции необходимо сформулировать норму следующим образом: «При отклонении кандидатур, предложенных Председателем Правительства РФ Государственной Думе, Государственная Дума вправе предложить собственные кандидатуры на соответствующие должности».

Другим важным недостатком является новое основание для роспуска Государственной Думы, введенное в 2020 г. Так, Президент РФ имеет право распускать Государственную Думу РФ в случае, если после трехкратного отклонения представленных ею кандидатур более одной трети должностей членов Правительства (за исключением должностей федеральных министров, руководство которыми осуществляет непосредственно Президент) остаются вакантными (ст. 112 ч. 4 Конституции РФ). Кроме того, Президент вправе после трехкратного отклонения Государственной Думой кандидатур на данные должности в любом случае их назна-

чить, выразив свое несогласие с решением нижней палаты парламента. Такое полномочие, по нашему мнению, снижает роль парламента, поскольку итоговое решение остается за Президентом РФ. В части 3 ст. 112 Конституции подчеркивается, что Президент не вправе отказать в назначении на должность лиц, кандидатуры которых утверждены Государственной Думой, но при этом он вправе назначить кандидатуры, которые нижней палатой парламента не были утверждены, что, по нашему мнению, не является логичным. Председатель Правительства как должностное лицо является зависимым от Президента, именно Президент может освободить его от должности, а не Государственная Дума, поэтому маловероятно, что Председатель Правительства будет вносить кандидатуры на утверждение в Государственную Думу, не согласовав их с Президентом. Таким образом, получается, что роль парламента в настоящий момент по-прежнему нуждается в усилении. По аналогии представляется важным ввести формулировку, согласно которой Президент не вправе назначить на должности кандидатуры заместителей федеральных министров, заместителей Председателя Правительства, если они не были утверждены Государственной Думой. И в связи с этим возможно несколько вариантов: 1) ввести обязанность для Председателя Правительства при однократном отклонении кандидатур, представленных Государственной Думой, вносить другие кандидатуры; 2) ввести обязанность Председателя Правительства при трехкратном отклонении кандидатур Государственной Думой представить другие кандидатуры; 3) ввести право Государственной Думы предлагать собственные кандидатуры, если кандидатуры, предложенные Председателем Правительства, трижды не были утверждены. С учетом вышеизложенного последний вариант представляется наиболее рациональным.

Учитывая сложившийся баланс властей, возможно оставить за Президентом право роспуска Государственной Думы и назначения на должность лиц, предложенных ей Председателем Правительства, установив, однако, гораздо более строгие правовые рамки. С учетом этого часть 4 ст. 112 Конституции можно дополнить

следующей нормой: «В случае если после трехкратного отклонения Государственной Думой представленных в соответствии с частью 2 настоящей статьи кандидатур, а также отсутствия в установленный срок утвержденных кандидатур, предложенных Государственной Думой после трехкратного отклонения кандидатур, представленных в соответствии с частью 2 настоящей статьи, если более одной трети должностей членов Правительства Российской Федерации (за исключением должностей федеральных министров, указанных в пункте «д.1» статьи 83 Конституции Российской Федерации) остаются вакантными, Президент Российской Федерации назначает кандидатуры, представленные Председателем Правительства Российской Федерации в соответствии с частью 2 настоящей статьи, и вправе распустить Государственную Думу и назначить новые выборы».

Предложенный вариант является компромиссным. С одной стороны, он позволит Государственной Думе усилить влияние в части контроля Правительства, что даст ей возможность предложить собственные варианты формирования Правительства, но в то же время оставит за Президентом право роспуска Государственной Думы, однако оно будет ограничено в пользу Государственной Думы, поскольку даст ей возможность предлагать собственные варианты. Отсутствие утверждения в должности можно рассматривать как санкцию конституционно-правовой ответственности: например, если Председатель Правительства предлагает Государственной Думе лиц, которые ранее уже занимали какие-либо должности в Правительстве и деятельность которых признана Государственной Думой неудовлетворительной, то Государственная Дума, отказывая в утверждении данных кандидатов, применяет соответствующие санкции. С другой стороны, важно избежать конституционного кризиса, когда Правительство и вовсе не может быть сформировано, например когда Государственная Дума трехкратно отклонила утверждение кандидатур на соответствующие должности, ничего не

предложив в установленный срок (который, как упоминалось выше, предлагается установить равным семи дням с момента такого трехкратного отклонения), поскольку с учетом предлагаемых изменений Президент не вправе назначать таких кандидатов. Именно с этой целью и предлагается оставить за Президентом право роспуска Государственной Думы и назначения тех кандидатов, которые предложил Государственной Думе Председатель Правительства. Таким образом, Правительство будет сформировано в любом случае, но право роспуска Государственной Думы должно быть крайней мерой и должно быть ограничено еще более строгими правовыми рамками.

Не менее важным направлением расширения возможностей нижней палаты парламента является освобождение от должностей членов Правительства, кандидатуры которых утверждаются Государственной Думой. Введение данного полномочия Государственной Думы является вполне обоснованным и отвечает тенденциям развития современного конституционного законодательства. Государственной Думе в 2020 г. было дано полномочие утверждать соответствующие кандидатуры, но не дано полномочие освобождать их от должности. В связи с предложенными полномочиями Государственной Думы представляется необходимым изменение механизма формирования Правительства РФ, а именно (по аналогии с Председателем Центрального банка) Государственной Думе необходимо дать возможность не просто утверждать, а назначать на должности предложенные ей кандидатуры в Правительстве. Логичным продолжением данного права станет полномочие Государственной Думы также освобождать от должностей. Введение такого полномочия повысит эффективность сразу ряда законов, регулирующих институт парламентской ответственности Правительства, поскольку даст Государственной Думе возможность самостоятельно применять санкции к должностным лицам. Например, процедура освобождения от должности могла бы быть инициирована при наличии ряда оснований:

⁵ Постановление Государственной Думы РФ от 22.01.1998 № 2134-II ГД «О регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Ст. 149 // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

- 1) при признании ответа на парламентский запрос неудовлетворительным;
- 2) при признании ответа федерального министра или заместителя Председателя Правительства, данного в ходе «парламентского часа», неудовлетворительным;
- 3) по инициативе депутатов Государственной Думы;
- 4) на основании предложения, содержащегося в итоговом докладе по результатам парламентского расследования, и др.

В случае освобождения по инициативе депутатов Государственной Думы порядок можно сделать аналогичным порядку вынесения постановления о недоверии Правительству РФ, однако, по нашему мнению, процедуру необходимо несколько упростить: численность депутатов — инициаторов такого освобождения должна быть не 1/5, как в настоящее время, а несколько меньше 1/9 (т.е. не менее 50 депутатов). Тем самым процедура должна стать более доступной для реализации.

Важно отметить, что освобождение от должности по инициативе депутатов Государственной Думы должно быть отдельной процедурой, в случае первого, второго и четвертого основания такая численность депутатов требоваться не должна, а вопрос об освобождении по указанным основаниям должен быть поставлен на голосование депутатов Государственной Думы непосредственно без лишних дополнительных процессуальных действий, так как данные основания (подтвержденные принятыми постановлениями Государственной Думы) уже сами по себе констатируют негативную деятельность данных должностных лиц и усложняют процедуру привлечения их к ответственности представляется нерациональным.

Процедура принятия Государственной Думой постановления о недоверии Правительству в целом, по нашему мнению, нуждается в

совершенствовании. По аналогии упрощения процедуры освобождения от должности с процессуальной точки зрения обоснованным представляется снижение численности депутатов, которые могут инициировать процедуру вынесения постановления о недоверии Правительству, снизив также с 1/5 в настоящий момент⁵ до 1/9, поскольку сейчас данная процедура достаточно сложна и, несмотря на попытки ее реализации, практически не использовалась. Самым важным моментом в данной процедуре представляется введение обязанности Президента РФ отправлять Правительство в отставку при принятии такого постановления о недоверии. В противном случае эффективность процедуры не будет высокой. Фактически Президент формировал Правительство (более того, юридически он непосредственно осуществляет руководство деятельностью Правительства и назначает некоторых федеральных министров), поэтому выбор данного должностного лица будет не в пользу Государственной Думы. Это отмечают и другие авторы: например, Л. А. Нудненко, Л. А. Тхабисимова говорят о том, что реализация данной формы парламентского контроля может иметь для Государственной Думы негативные последствия, вплоть до ее роспуска в случае, если в течение трех месяцев Государственная Дума повторно выразит Правительству свое недоверие⁶. А. В. Щуковский констатирует, что российская модель выражения недоверия Правительству не обеспечивает на достаточном уровне баланс исполнительной и законодательной власти в системе сдержек и противовесов⁷.

Исходя из этого можно отметить, что существенным недочетом является возможность роспуска Государственной Думы Президентом в случае повторного выражения ею недоверия Правительству РФ в течение трех месяцев. Такое право Президента представляется необходимым упразднить, иначе эффективность данного

⁶ Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А. Конституционные основы парламентского контроля за деятельностью Правительства Российской Федерации. С. 33.

⁷ Щуковский А. В. Вотум недоверия как форма парламентского контроля за деятельностью Правительства Российской Федерации // Современные тенденции развития права в условиях глобализации: сравнительно-правовой аспект : материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2018. С. 220.

института не может быть высокой. Действительно, обращаясь к истории, можно констатировать, что механизм, предусмотренный данным институтом, фактически никогда не применялся, единственное постановление о недоверии Правительству было вынесено Государственной Думой в 1995 г.⁸, однако, как известно, Президент с ним не согласился, но до отставки Правительства или роспуска Государственной Думы процедура не дошла. Более того, в настоящее время расширилось число ситуаций, когда полномочие Государственной Думы выражать недоверие Правительству ограничивается, что, по нашему мнению, также является недостатком. Например, необоснованным представляется ограничение права на выражение недоверия Правительству в течение первого года после избрания Государственной Думы, когда Президент не обладал правом ее распустить, а нижняя палата парламента могла принять вотум недоверия Правительству. С учетом вышеизложенного часть 3 ст. 117 Конституции РФ можно изложить в следующей редакции: «Государственная Дума может выразить недоверие Правительству Российской Федерации. Постановление о недоверии Правительству Российской Федерации принимается большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы. После выражения Государственной Думой недоверия Правительству Российской Федерации Президент Российской Федерации вправе объявить об отставке Правительства Российской Федерации либо не согласиться с решением Государственной Думы. В случае если Государственная Дума в течение трех месяцев повторно выразит недоверие Правительству Российской Федерации, Президент Российской Федерации объявляет об отставке Правительства Российской Федерации, в этом случае Президент не вправе распустить Государственную Думу».

В связи с внесенными в 2020 г. в Конституцию РФ поправками Совет Федерации также начал играть определенную роль в формиро-

вании Правительства. В соответствии с п. «д.1» ст. 83 Конституции Президент РФ назначает на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождает от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности. В связи с этим возникает вопрос об ответственности указанных федеральных министров не только перед Президентом РФ, но и перед Советом Федерации, и развитие института конституционно-правовой ответственности в дальнейшем возможно с усилением роли и значения данной палаты парламента. Как отмечают О. А. Кочиева, Л. Х. Карахаева, в настоящее время приходится констатировать значительное ограничение независимой и сдерживающей роли Совета Федерации в отечественной системе разграничения властей⁹. Несмотря на принятие мер по усилению значения Совета Федерации, правовая сущность консультаций не является определенной, поскольку неясным остается вопрос о том, какие будут последствия для Президента РФ в случае, если он назначит данное должностное лицо без проведения консультаций с Советом Федерации, т.е. нарушит предписанную нормой Конституции процедуру. Никаких санкций за это не предусматривается. Поэтому, на наш взгляд, если законодатель в настоящий момент пошел по данному пути развития, то представляется, что по аналогии с Государственной Думой можно предусмотреть полномочия Совета Федерации утверждать кандидатуры на данные должности, предложенные Президентом Совету Федерации. Возможность данной палаты парламента обращаться к Президенту с представлением об освобождении от указанных должностей данных лиц предусмотрена в действующем законодательстве, однако она ограничивается только

⁸ Постановление Государственной Думы РФ от 21.06.1995 № 895-1 ГД «О недоверии Правительству Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 26. Ст. 2446.

⁹ Кочиева О. А., Карахаева Л. Х. Некоторые проблемы и перспективы взаимодействия парламента РФ с органами государственного управления // Вопросы экономики и права. 2019. № 128. С. 14.

рамками парламентского контроля¹⁰. При трехкратном отклонении кандидатур, предложенных Президентом, необходимо предусмотреть обязанность Президента представить другие кандидатуры, поскольку роспуска Совета Федерации Президентом не предусматривается и вводить данную процедуру и какое-либо основание для роспуска нецелесообразно. Таким образом, повысится значение данного органа в вопросах привлечения Правительства к ответственности, поскольку в случае, если Президент предлагает Совету Федерации лицо, которое ранее занимало в Правительстве должность, но вызывало негативную оценку Совета Федерации (например, Совет Федерации обращался к Президенту с представлением об освобождении от должности, но Президент такое представление отклонил), то Совет Федерации сможет применить такую санкцию, как отказ в утверждении в должности.

Подводя итоги, можно констатировать, что законодательство, регулирующее институт конституционной ответственности Правительства и его членов, нуждается в дальнейшем совершенствовании. Поскольку, как отмечают и другие специалисты, повышение качества осуществления публичной власти как цель конституционных поправок невозможно без развития института ответственности органов исполнительной власти¹¹. Главным недостатком, существенно снижающим возможности парламента по привлечению Правительства или его членов к ответственности, является отсутствие реальных санкций, которые могут применить палаты парламента при нарушении членами Правительства РФ или Правительством РФ в целом своих конституционных обязанностей, при негативной оценке парламентом деятельности Правительства РФ. Поэтому, учитывая тенденции усиления

роли парламента в контроле данного высшего исполнительного органа власти, следует предусмотреть реальные санкции по отношению к членам Правительства или Правительству РФ в целом, которые могут применять палаты парламента. Без наличия данных санкций российский парламента не может в дальнейшем повысить свое значение. Такими санкциями могут быть возможность освобождения от должности отдельных членов Правительства (кандидатуры которых утверждаются Государственной Думой) по инициативе Государственной Думы, которое должно быть обязательным (т.е. без возможностей отклонения Президентом); отказ в утверждении кандидатур федеральных министров, предложенных Президентом РФ Совету Федерации. Механизм применения существующих санкций следует также усовершенствовать в пользу парламента, прежде всего необходимо усилить полномочия Государственной Думы, введя обязанность Президента отправлять Правительство в отставку в случае принятия нижней палатой парламента постановления о выражении недоверия Правительству. Кроме того, при принятии постановления Государственной Думой о выражении Правительству доверия Президент не должен иметь возможность отправлять Правительство в отставку в течение определенного срока. Предложенные меры отражают возможные направления развития института конституционной ответственности Правительства РФ, заключающиеся в усилении роли парламента как субъекта, обладающего правом применять соответствующие санкции. Предлагаемое расширение полномочий парламента носит комплексный характер и позволяет повысить эффективность ряда федеральных законов, таких как «О парламентском контроле» и «О парламентском расследовании».

¹⁰ Федеральный закон от 07.05.2013 № 77-ФЗ «О парламентском контроле». Ст. 15 // Российская газета. 14.05.2013. № 100.

¹¹ Анисимов Н. Н. Развитие института конституционно-правовой ответственности Правительства РФ // Меридиан. 2020. № 5 (39). С. 13.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анисимов Н. Н. Развитие института конституционно-правовой ответственности Правительства РФ // Меридиан. — 2020. — № 5 (39). — С. 12–14.
2. Боброва Н. А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 3. — С. 33–37.
3. Карасев А. А., Крысанов А. В. Механизм парламентского контроля в системе персональной конституционно-правовой ответственности членов Правительства Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 21 : Управление (государство и общество). — 2014. — № 2. — С. 3–14.
4. Кондрашев А. А. Ответственность Правительства Российской Федерации // Современное право. — 2011. — № 3. — С. 43–47.
5. Кочиева О. А., Карахаева Л. Х. Некоторые проблемы и перспективы взаимодействия парламента РФ с органами государственного управления // Вопросы экономики и права. — 2019. — № 128. — С. 13–15.
6. Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А. Конституционные основы парламентского контроля за деятельностью Правительства Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. — 2018. — Т. 4. — № 4. — С. 30–35.
7. Станкин А. Н. Актуальные вопросы ответственности Правительства Российской Федерации // Система конституционного права современной России: ценности, принципы, институты и нормы : материалы XI Международного конституционного форума, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. — Саратов, 2020. — С. 153–155.
8. Царёв А. Ю. Конституционная ответственность в России: без вины виноватые // Верность Конституции : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Н. В. Витрука. — М. : РГУП, 2018. — С. 278–282.
9. Щуковский А. В. Вотум недоверия как форма парламентского контроля за деятельностью Правительства Российской Федерации // Современные тенденции развития права в условиях глобализации: сравнительно-правовой аспект : материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. — Симферополь, 2018. — С. 216–221.

Материал поступил в редакцию 4 августа 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anisimov N. N. Razvitie instituta konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti Pravitel'stva RF // Meridian. — 2020. — № 1 (39). — S. 12–14.
2. Bobrova N. A. 20 let i 20 nedostatkov Konstitucii Rossii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. — 2013. — № 3. — S. 33–37.
3. Karasev A. A., Krysanov A. V. Mekhanizm parlamentskogo kontrolya v sisteme personal'noj konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti chlenov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21 : Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). — 2014. — № 2. — S. 3–14.
4. Kondrashev A. A. Otvetstvennost' Pravitel'stva Rossijskoj Federacii // Sovremennoe pravo. — 2011. — № 3. — S. 43–47.
5. Kochieva O. A., Karahaeva L. H. Nekotorye problemy i perspektivy vzaimodejstviya parlamenta RF s organami gosudarstvennogo upravleniya // Voprosy ekonomiki i prava. — 2019. — № 128. — S. 13–15.
6. Nudnenko L. A., Thabisimova L. A. Konstitucionnye osnovy parlamentskogo kontrolya za deyatel'nost'yu Pravitel'stva Rossijskoj Federacii // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. — 2018. — T. 4. — № 4. — S. 30–35.

7. Stankin A. N. Aktual'nye voprosy otvetstvennosti Pravitel'stva Rossijskoj Federacii // Sistema konstitucionnogo prava sovremennoj Rossii: cennosti, principy, instituty i normy : materialy XI Mezhdunarodnogo konstitucionnogo foruma, posvyashchennogo 110-letiyu Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. G. Chernyshevskogo. — Saratov, 2020. — S. 153–155.
8. Caryov A. Yu. Konstitucionnaya otvetstvennost' v Rossii: bez viny vinovatye // Vernost' Konstitucii : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu so dnya rozhdeniya N. V. Vitruka. — M. : RGUP, 2018. — S. 278–282.
9. Shchukovskij A. V. Votum nedoveriya kak forma parlamentskogo kontrolya za deyatel'nost'yu Pravitel'stva Rossijskoj Federacii // Sovremennye tendencii razvitiya prava v usloviyah globalizacii: sravnitel'no-pravovoj aspekt : materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov. — Simferopol', 2018. — S. 216–221.

Понятие денег в эпоху цифровизации

Аннотация. В статье исследуются вопросы, связанные с происхождением денег и трансформацией их форм; рассматривается экономико-правовая природа денег; даются характеристики «криптовалюте» и цифровым валютам центральных банков, включая цифровой рубль; предпринимается попытка дать определение денег, основываясь на их обязательственной природе. Как подчеркивает автор, оставаясь в плену у традиционных подходов (деньги — это вещь, существуют полноценные деньги и неполноценные, наличные деньги являются деньгами, но наряду с этим существуют «денежные средства», которые деньгами не являются), мы не получим адекватного отражения феномена «деньги» в национальном законодательстве и не достигнем эффективного регулирования денежного обращения в стране. Представляется, что определение денег должно быть основано на их обязательственной природе. Деньги — это универсальное право требования, выражающее стоимость любых товаров, работ, услуг, признаваемое в обществе, поддерживаемое и обеспечиваемое государством (центральным банком). В работе также подчеркивается, что введение цифрового рубля потребует серьезной реформы как частноправового, так и публично-правового законодательства для адекватного отражения существующей и реально складывающейся системы денежного обращения. Изменение законодательства не может ограничиться юридико-технической правкой с употреблением термина «цифровой рубль» и установлением некоторых особенностей его обращения.

Ключевые слова: деньги; функции денег; обязательственная природа денег; наличные деньги; безналичные деньги; электронные деньги; криптовалюта; цифровые валюты центральных банков; цифровой рубль; валюта.

Для цитирования: Турбанов А. В. Понятие денег в эпоху цифровизации // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 58–76. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.058-076.

The Concept of Money in the Era of Digitalization

Aleksandr V. Turbanov, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department "Regulation of the Activities of Financial Institutions," Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA)
pr-t Vernadskogo, d. 82, Moscow, Russia, 119571
tavffb@rambler.ru

Abstract. The paper examines issues related to the origin of money and the transformation of its forms, the economic and legal nature of money, provides characteristics of "cryptocurrency" and digital currencies of central banks, including the digital ruble. The author makes an attempt to define money based on its obligatory nature.

© Турбанов А. В., 2021

* Турбанов Александр Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Регулирование деятельности финансовых институтов» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
пр-т Вернадского, д. 82, г. Москва, Россия, 119571
tavffb@rambler.ru

As the author emphasizes, remaining in captivity of traditional approaches (money is a thing, there is full-fledged money and inferior ones, cash is money, but along with this there is "money" that is not money), we will not get an adequate reflection of the phenomenon "money" in national legislation, and we will not achieve effective regulation of money circulation in the country. It seems that the definition of money should be based on its obligatory nature. Money is a universal right of claim, expressing the value of any goods, works, services, recognized in the society, supported and provided by the state (central bank). The paper also emphasizes that the digital ruble will require a serious reform of both private law and public law legislation to properly reflect the existing and actually emerging system of monetary circulation. Changes in legislation cannot be limited to legal and technical amendments with the use of the term "digital ruble" and the establishment of some features of its circulation.

Keywords: money; functions of money; the obligatory nature of money; cash; non-cash money; electronic money; cryptocurrency; digital currencies of central banks; digital ruble; currency.

Cite as: Turbanov AV. Ponyatie deneg v epokhu tsifrovizatsii [The Concept of Money in the Era of Digitalization]. *Aktualnye problemy rossiyского prava*. 2021;16(6):58-76. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.058-076. (In Russ., abstract in Eng.).

В закоулке, между монастырем и зданием судебных установлений,
какой-то барин, в пальто необыкновенного покроя,
ругал Витте и убеждал рабочих, что бумажный рубль
«христиански нравственная форма денег».
М. Горький. Жизнь Клима Самгина

Цифровизация стремительно ворвалась в нашу социально-экономическую жизнь и развивается впечатляющими темпами. Современные цифровые технологии меняют окружающую среду и трансформируют устоявшиеся общественные отношения, в том числе в сфере денежного обращения. Пандемия коронавируса и связанные с нею ограничения привели к более активному использованию населением компьютерной техники и других электронных устройств для осуществления платежей, послужили мощным катализатором увеличения доли безналичных расчетов в экономике¹. Активизировались дискуссии об экономической и право-

вой природе так называемых криптовалют и их возможной легитимации², начались разработки проектов цифровых денег центральных банков и даже их пилотирование³.

В России с 1 января 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ (далее — Закон о цифровых финансовых активах). В статье 1 указанного Закона, устанавливающей предмет регулирования и сферу его действия, дается определение цифровой валюты⁵. Однако многими специалистами оно подвергается обос-

---

¹ ЦБ: по итогам 2020 года объем безналичных платежей превысит 70 % // URL: <https://plusworld.ru/daily/platezhnyj-biznes/tsb-po-itogam-2020-goda-kolichestvo-beznalichnyh-platezhej-prevysit-70/> (дата обращения: 11.03.2021).

² Криптовалюта (крипта): что это такое и как на ней заработать // URL: <https://www.finam.ru/education/likbez/kriptoalyuta-kripta-cto-eto-takoe-i-kak-na-neiy-zarabotat-20190605-15210/> (дата обращения: 11.03.2021).

³ URL: <https://www.bis.org/publ/othp33.htm> (дата обращения: 11.03.2021) ; Началось публичное обсуждение концепции цифрового рубля // URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/11/30/848906-obsuzhdenie-rublya> (дата обращения: 11.03.2021).

⁴ Российская газета. 2020. 6 авг.

⁵ Здесь и далее понятия «деньги» и «валюта» используются как синонимы (см.: Валютное право : учебник для магистров / под ред. Ю. А. Крохиной. М. : Юрайт, 2013. С. 100).

нованной критике⁶, и проблема не в том, что при его конструировании некорректно используется действующее законодательство, а в том, что сегодняшний правовой инструментарий и понимание сущности денег не дают возможности адекватного регулирования совершенно новых общественных отношений, возникающих в сфере денежного обращения.

Деньги оказались таким феноменом, дискуссии о сущности которого ведутся с момента его появления. Складывается странная, даже парадоксальная, ситуация: начинается обсуждение появления новой формы (новых форм) денег без устоявшегося, универсального и общепризнанного определения того, что же деньгами является.

Современная наука подошла к пониманию того, что деньги — это сложное, многогранное явление. Они представляют собой не только экономический, но также политологический, социальный, правовой, философский, культурологический, психологический и, наконец, цифровой (технологический) феномен. Следовательно, для их изучения требуется междисциплинарный подход. Деньги, являясь исключительной своеобразной категорией, всегда находились и находятся в процессе эволюции, следуя за эволюцией общественных отношений⁷.

Развитие меновой торговли на заре человечества привело к появлению отдельных видов

товаров, которые стали признаваться эквивалентом для приобретения других товаров на определенной территории. Такими эквивалентами могли стать меха, скот, пшеница и т. д. Другими словами, считается, что деньги возникли стихийно в ходе товарного оборота. Их появление и развитие не зависят от воли и сознания людей⁸. Это дало основание для формирования товарной (товарно-эволюционной) теории денег.

С возникновением государства, которое достаточно активно участвовало в регулировании товарных и финансовых отношений, разрабатывается государственно-правовая (номиналистическая) теория, согласно которой деньги появились в результате соглашения между людьми и законодательного решения государственной власти. В IV в. до н. э. греческий философ Аристотель писал, что «по общему уговору появилась монета... она существует не по природе, а по установлению, и в нашей власти изменить ее или вывести из употребления»⁹.

В научной литературе справедливо отмечается, что существует множество теорий возникновения денег¹⁰, но указанные выше являются основными, причем, несмотря на определенные различия, они взаимосвязаны, что позволяет говорить о необходимости дуалистического подхода к определению происхождения и природы денег¹¹. Современные словари, изданные

⁶ См., например: Новый закон о цифровых финансовых активах: аналитический обзор экспертов сообщества Moscow digital school // URL: <https://mosdigitals.ru/wp-content/uploads/2020/09/Analiticheskii-obzor-zakona-o-TSFA.pdf> (дата обращения: 11.03.2021); Инвестировать — можно, платить — нельзя: что и как регулируют российские законы о цифровых активах // TJournal. 2020. 5 авг. URL: <https://tjournal.ru/analysis/191687-investirovat-mozhno-platit-nelzya-cto-i-kak-reguliruyut-rossiyskie-zakony-o-kriptovalyute?from=rss> (дата обращения: 11.03.2021); *Ситник А. А.* Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11 (120). С. 103–113.

⁷ *Базулин Ю. В.* Происхождение и природа денег: финансовый аспект : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2009. 30 с. ; Современная теория денег : монография / под ред. М. А. Абрамовой. М. : Русайнс, 2020. Т. 1 : Исследование на эндотерическом уровне. С. 8–30.

⁸ *Витте С. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах. М. : Фонд «Начала», 1997. С. 203 ; Деньги, кредит, банки : учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. В. Ю. Катасонова, В. П. Биткова. 2-е изд. М. : Юрайт, 2019. С. 17.

⁹ *Аристотель.* Никомахова этика. Книга пятая (Е) // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : в 5 т. / отв. ред. Г. Г. Фетисов. М. : Мысль, 2004. Т. 1 : От зари цивилизации до капитализма. С. 95.

¹⁰ См., например: Современная теория денег. С. 11–20.

¹¹ *Базулин Ю. В.* Происхождение и природа денег. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 64.

как в России, так и за рубежом, отражают обе эти теории.

Большая российская энциклопедия определяет деньги как «средство осуществления меновых отношений, всеобщий эквивалент», делая акцент на том, что они стихийно выделились на определенном историческом этапе¹².

Американская Энциклопедия банковского дела и финансов, давая определение денег, выделяет такое их качество, как приемлемость, устанавливаемую законом: «Деньги (money). Средство платежа; инструмент, символ или предмет (металлический или бумажный), с помощью которых производятся платежи при передаче ценностей от одного лица другому... Приемлемость конкретных форм денег для оплаты долгов устанавливается законом...»¹³.

Как видно из этих определений, первое при- мыкает к товарной теории, второе — к государ- ственно-правовой.

Вызывает сомнение термин «стихийность» при характеристике происхождения денег. Представляется, что именно благодаря воле и сознанию людей появился этот «всеобщий эквивалент» и само понятие денег. При этом происхождение денег из торгового оборота не оспаривается представителями обеих теорий.

Определения денег зачастую даются через перечисление их функций. Объясняется это тем, что они являются отражением, причем глубинным, сущности денег. Деньги реализуются через свои функции¹⁴. Примером является определение в Оксфордском толковом словаре:

«Деньги (money): средство обращения (medium of exchange), которое функционирует как единица учета (common unit of account) и средство сбережения (store of value)»¹⁵.

Категорично и определенно выражают свое мнение по этому вопросу американские ученые К. Р. Макконнелл и С. Л. Брю — авторы учебника, переведенного на различные языки мира и выдержавшего многочисленные издания. Они пишут, что «существует три функции денег»: 1) «деньги служат средством обращения»; 2) «деньги служат также мерой стоимости»; 3) «наконец, деньги служат средством сбережения»¹⁶.

Указанные функции перечислены и в недавнем докладе группы центральных банков, опубликованном Банком международных расчетов¹⁷.

Вместе с тем перечень функций и их количество может варьироваться в различных исследованиях. Российский Современный экономический словарь дает четыре функции денег: «Деньги представляют собой товар, выполняющий функции обмена, платежа, измерения стоимости, накопления богатства, образно говоря, “товар всех товаров”»¹⁸.

Фундаментальное исследование функций денег провел в свое время К. Маркс¹⁹. Он обосновал, что деньги выполняют такие функции, как: 1) мера стоимости; 2) средство обращения; 3) средство сбережения (накопления богатства); 4) средство платежа; 5) мировые (международные) деньги. Являясь сторонником товарного, но не стихийного происхождения «всеобщего

---

¹² Большая российская энциклопедия : энциклопедический словарь / отв. ред. С. Л. Кравец. М. : Большая российская энциклопедия, 2011. С. 359.

¹³ Энциклопедия банковского дела и финансов / Ч. Дж. Вулфел : пер. с англ. 10-е изд. Самара : Федоров, 2000. С. 290.

¹⁴ Современная теория денег. С. 23, 66.

¹⁵ Бизнес : Оксфордский толковый словарь : англо-русский: свыше 4 000 понятий. М. : Прогресс-Академия, Издательство РГГУ, 1996. С. 418.

¹⁶ Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика : учебник : пер. с англ. 14-е изд. М. : Инфра-М, 2003. Ч. 3. Гл. 13.

¹⁷ Central bank digital currencies: foundational principles and core features. — BIS. 2020. 9 October // URL: <https://www.bis.org/publ/othp33.htm> (дата обращения: 11.03.2021).

¹⁸ Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М. : Инфра-М, 2011. С. 98.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М. : Политиздат, 1959. Т. 13. С. 50–131.

эквивалента», он утверждал: «Природа не создает денег»²⁰.

Нередко можно встретить критику трудов классиков с различных позиций как за рубежом, так и в России. Теория денег К. Маркса не избежала такой участи. Некоторые из этих исследований являются достаточно серьезными, другие сами не выдерживают критики. В целом они не колеблют основных положений о функциях денег, сформулированных К. Марксом²¹.

Очевидно, что перечисление функций не дает полного представления о природе конкретного объекта или явления. Определение должно содержать его основные признаки и в то же время находиться на определенном уровне абстракции, чтобы охватить все его проявления.

Исходя из товарной природы денег, К. Маркс дал следующее определение: «...меновая стоимость товаров в качестве особенного, выделенного товара и есть деньги»²². Это определение соответствовало уровню и характеру производственных отношений той эпохи.

Современный российский ученый-экономист М. А. Портной, развивая теорию денег, пишет: «Деньги — это выражение ценности товарных ресурсов, участвующих в данное время в хозяйственной жизни общества, это универсальное воплощение ценности в формах, соответствующих данному уровню товарных отношений»²³. Очевидно, что такое определение носит политико-экономический характер.

Несколько иной подход к определению сущности денег предлагает другой российский ученый — Ю. В. Базулин. Он полагает, что деньги «не только и не столько экономическое явление, сколько социальное. Деньги возникают как способ закрепления социальных отношений через

формирование определенных экономических отношений». Его дефиниция денег заслуживает серьезного внимания. Он определяет их как «рыночную форму универсального требования на долю богатства общества»²⁴. Важно подчеркнуть, что ключевой термин здесь — «требование».

Ю. В. Базулин выделяет следующую цепочку взаимосвязей применительно к происхождению и природе денег: развитие потребностей — социальные отношения — социальное разделение труда — деньги-символ — социальный оборот — социализация индивидов и институализация денег — денежные знаки — экономические отношения — экономическое разделение труда — экономический оборот — денежные единицы — легитимация денежных единиц — правовые отношения²⁵.

Нетрудно заметить, что значительная часть указанной цепочки посвящена социальному аспекту. Экономические отношения появляются во второй части цепочки, а правовые и вовсе указаны только в самом конце. Такой подход представляется достаточно спорным.

Не вызывает сомнения, что деньги возникают в результате насущной, объективной и осознанной потребности в ходе торгового оборота, другими словами — в ходе социальных отношений, имеющих экономический характер. Социальные (общественные) отношения — это отношения, связанные с жизнью людей в обществе и государстве. По своему объему они представляют собой самое общее понятие и могут быть экономическими, политическими, правовыми и т. д. Наиболее значимые общественные отношения государство регулирует с помощью норм права. Следовательно, нет особого смысла делать акцент на социальном

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 136.

²¹ См., например: *Выводкин А. Л.* Определение функций денег в «Капитале» Карла Маркса // URL: <http://www.rypravlenie.ru/wp-content/uploads/2016/02/17-Vystavkin.pdf> (дата обращения: 11.03.2021); *Портной И. И.* Очерки по теории денег Маркса // URL: <https://zarya.xyz/ocherki-po-teorii-deneg-marksa/> (дата обращения: 11.03.2021).

²² *Маркс К.* К критике политической экономии // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков* : в 5 т. / отв. ред. М. Г. Покидченко. М. : Мысль, 2005. Т. 2 : Восходящий капитализм. С. 461.

²³ *Портной М. А.* Деньги, их виды и функции. М. : Анкил, 1998. С. 11.

²⁴ *Базулин Ю. В.* Происхождение и природа денег: финансовый аспект. С. 16.

²⁵ *Базулин Ю. В.* Происхождение и природа денег. С. 31.

характере отношений, связанных с деньгами. Торговый оборот — сфера, урегулированная правом. Поэтому право возникает в данной цепочке с самого начала, закрепляя понятие денег как специфического феномена.

Наличные деньги в гражданском обороте с точки зрения права были отнесены к вещам. Гражданский кодекс Российской Федерации²⁶ фиксирует это в ст. 128 «Объекты гражданских прав», выделяя их в общем понятии вещей с учетом их роли и специфического характера. Заслуживает внимания следующий комментарий к названной статье: «Особую категорию вещей в гражданском праве составляют деньги и ценные бумаги как инструменты закрепленных в них прав»²⁷. Здесь акцент вольно или невольно делается на обязательственной правовой природе денег.

Затем появляются безналичные деньги в форме записей на банковских счетах. Их научное обоснование появилось в 30-х гг. XX в.²⁸. Они выполняют все функции денег. Но это уже не товар, и российский законодатель, оставаясь в целом в рамках прежней концепции, относит их к имущественным (обязательственным) правам, также выделяя их и называя безналичными денежными средствами, а не деньгами (ст. 128 ГК РФ).

Вместе с тем легальное определение безналичных денежных средств в научной литературе отсутствует, поэтому дискуссия об их правовой природе продолжается до сих пор. Существует два основных подхода: обязательно-правовой и вещно-правовой (вещно-обязательственный).

Советский ученый Л. А. Лунц — один из крупнейших исследователей обязательственного

права, в том числе в сфере денежного обращения, рассматривая правовые предпосылки безналичных расчетов, писал: «В результате зачисления денежной суммы на свой текущий счет кредитор вместо наличных денег получает требование к банку»²⁹.

Известный современный цивилист Е. А. Суханов делает ряд интересных акцентов, определяя правовую природу безналичных денег (заклучив этот термин в кавычки): «...“безналичные деньги” представляют собой определенные права требования, т. е., по сути, юридическую фикцию, которая, однако, вовсе не является чьей-то злонамеренной выдумкой, отсутствующей в реальной жизни... — это вполне реальный (для юриста и финансиста) объект имущественного оборота, правда не имеющий ничего общего с традиционными, физически осязаемыми вещами, на которые и рассчитан режим вещных прав»³⁰. В этом определении, безусловно, содержится рациональное зерно. Вместе с тем обращает на себя внимание, что, признавая безналичные денежные средства в качестве реального объекта имущественного оборота, автор отказывается им в праве именоваться деньгами.

Аналогичную оценку дает В. В. Витрянский, настаивая на несостоятельности претензии «безналичных денег» на роль универсального средства платежа³¹.

Л. А. Новоселова рассматривает перемещение безналичных денежных средств по банковским счетам клиентов в качестве особого порядка передачи прав, отличного от общегражданской уступки прав требования (цессии), а возникающие при такой передаче обязательства с участием банков (расчетные обязатель-

---

²⁶ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 (с последующими изменениями).

²⁷ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. Т. Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина ; Институт государства и права РАН. М. : Юрайт, 2004. С. 389.

²⁸ См.: Трофимов К. Т. Правовая природа денег. Очерк сравнительного правоведения // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2 (8). С. 133.

²⁹ Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М. : Статут, 1999. С. 291.

³⁰ Суханов Е. А. Гражданское право России — частное право / отв. ред. В. С. Ем. М. : Статут, 2008. С. 315.

³¹ Витрянский В. Правовое регулирование банковских (безналичных) расчетов // Приложение к ежемесячному журналу «Хозяйство и право». 2006. № 3. С. 26. URL: <http://www.hozpravo.ru/assets/files/pdf/2006-03-p.pdf>.

ства) — как обособленные от основной сделки, по которой производится платеж³². Но она занимает более гибкую позицию относительно правовой природы безналичных денежных средств: «В современных условиях деньги в банке практически мгновенно теряют свою вещественную оболочку, выступая лишь в виде записей на бумаге либо в электронной форме»³³. Другими словами, они видоизменяются, но не перестают быть деньгами.

Обязательственную составляющую в отношениях между банком и клиентом по поводу размещаемых на банковских счетах денежных средств трудно отрицать. При этом следует учитывать, что существует тесная взаимосвязь между наличными деньгами и безналичными денежными средствами, они могут трансформироваться друг в друга и сохранять все свойства денег.

С учетом сказанного представляет значительный интерес правовая теория дематериализованных финансовых активов, выдвинутая и обоснованная Л. Г. Ефимовой. По ее мнению, «безналичные деньги имеют... смешанный вещно-обязательственный правовой режим»³⁴. Это означает, что записи на банковских счетах следует рассматривать в качестве кредитных денег. «Общим у наличных и безналичных денег, — пишет она, — является то, что и те и другие являются деньгами»³⁵.

Правоотношения по договору банковского счета действительно являются обязательственными. Тем не менее правовой режим безналичных денег имеет ряд особенностей, которые невозможно объяснить и разрешить с обязательственно-правовой позиции. Речь идет о распространении на безналичные деньги режима права собственности, о вещно-правовом типе передачи безналичных денег, о календарном

принципе удовлетворения всех требований, предъявленных к счету.

С другой стороны, и с вещно-правовой позиции невозможно разъяснить ряд вопросов, касающихся сущности наличных денег. «Деньги не являются вещью как таковой, — пишет К. Т. Трофимов, — не имеют собственной потребительной стоимости»³⁶. Он справедливо отмечает, что потребление вещи есть использование ее естественных свойств по назначению, а «потребление» денег есть использование их экономических функций. При этом как наличные, так и безналичные денежные средства выполняют совершенно одинаковые функции. Наличные деньги не обладают какими-либо свойствами, отличающими их от безналичных денег³⁷.

Есть два различия наличных и безналичных денег. Первое заключается в том, что наличные деньги — это объект материального мира, а безналичные — записи на банковских счетах в электронной форме. Второе различие состоит в том, что наличные деньги эмитируются центральным банком, а безналичные — банками (кредитными организациями). Но безналичные деньги не возникают произвольно, они производны от наличных и обладают теми же свойствами.

Развитие современных технологий привело к появлению еще одной разновидности денег, названной электронными денежными средствами. Федеральный закон от 27.07.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»³⁸ дает им следующее определение: это «денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего

³² Новоселова Л. А. Проблемы гражданско-правового регулирования расчетных отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 7.

³³ Новоселова Л. А. Указ. соч. С. 37.

³⁴ Ефимова Л. Г. Банковские сделки (актуальные проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 4.

³⁵ Ефимова Л. Г. Указ. соч. С. 14, 15.

³⁶ Трофимов К. Т. Указ. соч. С. 134.

³⁷ Трофимов К. Т. Указ. соч. С. 134, 140.

³⁸ СЗ РФ. 2011. № 11. Ст. 3872.

денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа» (п. 18 ст. 3).

Обращает на себя внимание, что при отсутствии определений денег, наличных денег, безналичных денежных средств в законодательстве впервые появляется определение одного из денежных феноменов. Анализ экономической и правовой природы электронных денежных средств свидетельствует о том, что они могут быть отнесены к разновидности безналичных денег.

Электронные денежные средства, как и безналичные, не являются средством наличного платежа, имеют обязательно-правовую природу и производны от наличных денег. Они имеют те же свойства, что и денежные средства на банковских счетах. При этом, что характерно, «основным отличием электронных денежных средств от безналичных является не отсутствие использования банковских счетов, а порядок и моменты прекращения денежных обязательств при их использовании»³⁹.

Документ для учета остатка электронных денежных средств обладает правовыми свойствами, характеризующими его как разновидность банковского счета. Как следствие, регулирование расчетов электронными денежными средствами не может сводиться к применению к ним института переводов без открытия банковского счета. Оно должно встраиваться в систему отношений, связанных с учетом денежных средств на счетах в банках (кредитных организациях)⁴⁰.

Следующим вызовом, порожденным цифровыми технологиями, стало изобретение так называемых криптовалют. Они появились благодаря технологии блокчейн — цепочке электронных (цифровых) блоков, создающих распределенную децентрализованную базу данных⁴¹.

Первая криптовалюта, названная «биткоин», была введена в 2009 г. программистом (или группой программистов) под псевдонимом Сатоши Накамото. Согласно данным сайта CoinMarketCap, в настоящее время существует около 3 000 видов криптовалюты⁴².

Известно, что цифровые технологии являются принципиально новым элементом глобальной экономики, который значительно повышает мобильность финансовых ресурсов и увеличивает возможности по их использованию. В то же время они порождают глобальные риски, создавая дополнительные возможности по формированию финансовых пузырей и манипулированию рынком, усиливая вероятность их обрушения⁴³. Этого нельзя не учитывать при анализе такого явления, как криптовалюта.

Банк международных расчетов — авторитетная международная организация, акционерами которой являются 60 центральных банков мира, — с самого начала критиковал криптовалюты, называя их «комбинацией мыльного пузыря и финансовой пирамиды»⁴⁴.

Согласно трактовке Международного валютного фонда, криптовалюта не является валютой, а представляет собой актив, инвестирование в который отличается высокими рисками⁴⁵.

Криптовалюте присущи следующие ключевые характеристики:

---

³⁹ Лоцилин В. С. Правовая природа электронных денежных средств и структура правоотношений при расчетах с их использованием : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9.

⁴⁰ Лоцилин В. С. Указ. соч. С. 9, 10.

⁴¹ См., например: Блокчейн на службе государства : монография / А. В. Варнавский, А. О. Бурякова, Е. В. Себеченко. М. : Кнорус, 2020. 218 с.

⁴² CoinMarketCap. URL: <https://coinmarketcap.com/ru/all/views/all/> (дата обращения: 11.03.2021).

⁴³ Ершов М. В. О некоторых проблемах цифровизации // Труды Вольного экономического общества России. 2019. № 6. С. 145.

⁴⁴ Банк международных расчетов считает криптовалюты ненадежным активом // URL: <https://ru.investing.com/news/cryptocurrency-news/article-556200> (дата обращения: 11.03.2021).

⁴⁵ Трансформация денег: будущее валюты в цифровом мире : доклад Международного валютного фонда. 2018. Июнь // Финансы и развитие : ежеквартальный журнал МВФ. 2018. Июнь. Вып. 55. № 2. С. 15, 18,

- эмитируется только электронным способом;
- используется для обмена peer-to-peer, т.е. прямого обмена между участниками электронной системы с использованием технологии распределенного реестра;
- представляет собой актив, обладающий некоторыми признаками денег (частично выполняют функцию средства платежа);
- не эмитируется центральными банками и никак не связана с национальными валютами;
- не является чьим-либо обязательством;
- имеет нулевую внутреннюю стоимость⁴⁶.

Некоторые специалисты убеждены, что криптовалюты являются деньгами. Так, А. А. Максуров считает, что «с позиций информационных технологий криптовалюта — цифровые деньги, выпуск и подсчет которых основан на шифровании»⁴⁷. Не вдаваясь в дискуссию по поводу информационных технологий, важно ответить на вопрос, являются ли криптовалюты деньгами с экономической и правовой точек зрения.

Экономист М. В. Ершов пишет, что концептуально криптовалюты не представляют собой что-либо доселе совершенно невиданное: истории известны многочисленные случаи попыток выпуска эрзац-денег самыми разными эмитентами, которые конкурировали с валютой, выпущенной единым эмиссионным центром⁴⁸. Следует также добавить, что операции с криптовалютами носят трансграничный характер и, находясь вне контроля любого из государств, создают угрозу для их суверенитета, размыва-

ют основы национальной денежной политики, генерируют серьезный потенциал дестабилизации финансовой системы и экономики в целом.

Криптовалюты не выполняют в полной мере функций денег. Их стоимость очень волатильна, они практически не используются в качестве расчетной единицы. Отсутствие юридического признания препятствует их использованию в качестве средства платежа во многих странах. Себестоимость производства многих криптовалют является запредельной из-за большого объема электроэнергии, необходимой для питания компьютеров, которые решают криптографические задачи. Децентрализованная и анонимная эмиссия означает, что эти финансовые активы не гарантируются какими-либо обязательствами.

Философ и автор культового произведения «Черный лебедь» Нассим Николас Талеб заявил, что избавляется от биткоина. По его словам, криптовалюта не состоялась как платежное средство⁴⁹.

Европейский центральный банк в докладе «Схемы виртуальной валюты» сделал вывод, что виртуальные валюты (криптовалюты) не являются деньгами или валютой с правовой точки зрения⁵⁰.

Высококвалифицированный специалист Банка России доктор экономических наук А. Ю. Симановский, проведя анализ экономической природы криптовалюты, пришел к выводу, что она принадлежит к категории денежных суррогатов⁵¹. С точки зрения российского права

20, 27. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2018/06/pdf/fd0618r.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).

⁴⁶ Криптоэкономика / А. Д. Левашенко, И. С. Ермохин, А. В. Зубарев, Е. В. Синельникова-Мурылева, П. В. Трунин. М. : Дело, 2019. С. 7, 8.

⁴⁷ Максуров А. А. Криптовалюты и правовое регулирование их обращения : монография. 2-е изд. М. : Дашков и К, 2019. С. 78.

⁴⁸ Ершов М. В. О некоторых актуальных аспектах цифровой экономики в финансовой сфере // Основные тренды развития цифровой экономики в финансовой сфере. Правовые аспекты регулирования и практического применения. М. : Издание Государственной Думы, 2019. С. 70.

⁴⁹ URL: <https://forklog.com/nassim-taleb-nazval-storonnikov-bitkoina-amebami/> (дата обращения: 11.03.2021).

⁵⁰ Virtual currency schemes. European Central Bank. 2015. February. P. 4 // URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemesen.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).

⁵¹ Симановский А. Ю. К вопросу об экономической природе криптовалюты // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 4.

она должна рассматриваться как незаконный заменитель денег. Аналогичную позицию занимает и правовед Е. Л. Васянина⁵². Криптовалюта не эмитируется и не обеспечивается ни одной юрисдикцией, выполняя некоторые функции денег только по соглашению в рамках сообщества ее пользователей⁵³.

Тем не менее мнение о том, что криптовалюта является деньгами, находит отклик в юридическом сообществе. Л. Г. Ефимова подчеркивает, что деньги — это экономическое отношение, т.е. отношение, которое складывается независимо от официального признания его государством. Это во-первых. Во-вторых, выпуск криптовалют, по ее мнению, не нарушает государственную монополию на эмиссию денег. Она ссылается на то, что исключительное право Центрального банка РФ на денежную эмиссию, предусмотренное ст. 75 Конституции РФ⁵⁴, подразумевает только выпуск наличных денег, и подтверждает это ссылкой на ст. 4 Федерального закона от 10.07.2002 № 86 «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁵⁵, где действительно говорится об эмиссии Банком России наличных денег. Криптовалюты не имеют наличной формы, пишет Л. Г. Ефимова, и не могут быть денежным суррогатом. Она полагает, что они являются новой формой частных денег⁵⁶.

Думается, что указанное мнение не согласуется с ч. 1 ст. 75 Конституции РФ, которая не допускает введение и эмиссию других денег в России, кроме рубля.

Взвешенную позицию занимают Л. В. Санникова и Ю. С. Харитоновна, которые делают акцент на том, что использование в финансовой сфере таких цифровых активов, как криптовалюта, само по себе свидетельствует о том, что данные объекты обладают определенной ценностью. Они рассматривают некоторые виды криптовалют как средство платежа, но избегают употребления понятия денег⁵⁷.

Является справедливым высказывание М. А. Портного, что в реальности криптовалюты — это не деньги, а «жетоны, токены», обладающие многими полезными свойствами, которые найдут разные формы применения в финансовой сфере, но не смогут заменить действующие деньги и не должны восприниматься в этом качестве⁵⁸.

Российский законодатель в 2019 г. внес серьезные изменения в ГК РФ, выделив в ст. 128 в числе имущественных прав такую разновидность, как цифровые права. Он также дополнил ГК РФ специальной статьей 141.1, посвященной новому объекту гражданских прав⁵⁹. Согласно указанной статье, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Следующим логическим шагом могло стать урегулирование нормами закона реализации цифровых прав в финансовой сфере. Таким

---

⁵² Трансформация финансового права в новых экономических условиях : монография / кол. авт. ; под ред. С. В. Запольского. М. : Кнорус, 2021. Гл. 7, § 7.2. С. 263.

⁵³ Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики : монография. М. : Проспект, 2020. С. 249.

⁵⁴ Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 дек.

⁵⁵ СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

⁵⁶ Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева и М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. С. 383–386, 408, 409.

⁵⁷ Санникова Л. В., Харитоновна Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. М. : 4 Принт, 2020. С. 44, 148–153.

⁵⁸ Портной М. А. Роль денег, криптовалюты, золота в современной денежно-кредитной политике // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 1. С. 25.

⁵⁹ Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 20 марта.

шагом явилось принятие Закона о цифровых финансовых активах. В соответствии с ч. 2 ст. 1 данного Закона «цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы».

Регулированию выпуска и обращения цифровых финансовых активов посвящена основная часть Закона. Наряду с этим, в наименовании и тексте Закона появляется термин «цифровая валюта». Согласно ч. 3 ст. 1 она определяется как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам».

Обращает на себя внимание громоздкость определения. Тем не менее понятно, что законодатель не относит цифровую валюту к разновидности цифровых финансовых активов и не

определяет ее через цифровые права. Не признается она и денежной единицей.

Кроме того, законодатель допускает явное противоречие. Если в ч. 3 ст. 1 предусматривается возможность использования цифровой валюты в качестве средства платежа, то статья 14 такую возможность исключает, поскольку устанавливает, что участники гражданского оборота не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы и оказываемые услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг). В итоге остается непонятным, к каким объектам гражданских прав ее следует отнести.

Можно сделать вывод, что концепция, положенная в основу Закона о цифровых финансовых активах в части правового регулирования феномена, названного цифровой валютой, несостоятельна. Причиной является то, что законодатель не имел в своем распоряжении непротиворечивой современной теории денег.

До сих пор распространено убеждение, что в качестве денег может использоваться всё. «Деньги — это то, что деньги делают. Все, что выполняет функции денег, и есть деньги»⁶⁰. Криптовалюты (а именно их, судя по смыслу Закона о цифровых финансовых активах, имеет в виду законодатель) частично выполняют функцию средства платежа, и это нашло отражение в ч. 3 ст. 1 рассматриваемого Закона. Но сомнения в таком подходе у самого законодателя оказались достаточно серьезными, чтобы нивелировать его в ст. 14, регулирующей оборот цифровой валюты.

Уместно подчеркнуть, что «мир представляется нам безумно сложным и хаотичным только потому, что для его объяснения мы используем неадекватные концепции»⁶¹. Совершенно неоправданным является игнорирование роли государства при определении сущности денег. Именно государство (около 2500 г. до н. э.) ввело в гражданский оборот деньги в виде монет.

⁶⁰ Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Указ. соч.

⁶¹ Гараедаги Дж. Системное мышление. Как управлять хаосом и сложными процессами : конспект книги // URL: <https://baguzin.ru/wp/garaedagi-sistemnoe-myshlenie-kak-upr/> (дата обращения: 11.03.2021).

До этого не существовало ни явления, ни понятия «деньги».

Государство как институт уже на заре своего существования закрепило факт появления такого феномена, как деньги, и принимало все решения, связанные с их выпуском (установление номиналов и ценности денежных единиц) и обращением. Пользуясь экономическими свойствами денег, «государство придает им юридическое свойство, — писал выдающийся российский ученый Г. Ф. Шершеневич, — служить законным платежным средством»⁶². Незаконный выпуск признавался фальшивомонетничеством и сурово наказывался во все времена.

Государство действовало не на основе произвола, а учитывая реальные общественные (экономические) отношения и используя право как систему норм поведения. «Право в самом широком его понимании, — утверждал выдающийся теоретик права С. С. Алексеев, — состоит в том, что оно дает признаваемую в данном обществе, его практической жизни обоснованность, оправданность определенного поведения людей, свободы (возможности) такого поведения. Причем обоснованность, оправданность, которые — надо это подчеркнуть — так или иначе даны и должны быть признаны в обществе, в его практической жизни»⁶³. История знает немало примеров, когда государством принимались волюнтаристские решения и они, естественно, терпели крах⁶⁴, что только подтверждает верность указанного подхода.

Государственно-правовой подход к определению сущности денег, родоначальником которого, как указывалось выше, был Аристотель, поддерживается рядом современных ученых — экономистов и правоведов.

Авторский коллектив Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, проведя исследование сущности денег на теоретико-методологическом уровне с точки зрения экономической науки, обращает внимание на то, что в определении денег должна найти отражение роль государства⁶⁵.

Известный российский правовед К. С. Бельский пишет, что деньги — это категория юридическая и без участия государства они не могут находиться в обращении⁶⁶.

«Деньги не могут появиться сами по себе либо производиться (изготавливаться) как обычные вещи, — справедливо отмечает правовед-цивилист Т. Б. Замотаева, — так как вводятся в оборот исключительно государством». Она формулирует, в чем выражаются действия государства: а) определение конкретных форм представления денег; б) установление правового режима, дифференцируемого по формам денег; в) определение системы учета денег; г) установление правил использования денег иных государств и соотнесения их с национальными деньгами⁶⁷.

Ключевой характеристикой денег, как свидетельствует проведенный анализ, выступает их обязательственная природа.

Подтверждением сказанному является появление идеи цифровой валюты центрального банка (Central bank digital currency — CBDC) и первых попыток дать ей определение. Так, Д. А. Кочергин и А. И. Янгирова предлагают «в общем смысле» определять CBDC как «обязательство центрального банка, выраженное в национальной счетной единице и выступающее как средство обмена и сохранения стоимости»⁶⁸.

---

⁶² Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. Изд. 9-е (2-е посмерт.). М. : Московское научное издательство, 1919. С. 176.

⁶³ Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Статут, 2010. Т. 7: Философия права и теория права. С. 16.

⁶⁴ Витте С. Ю. Указ. соч. С. 208.

⁶⁵ Современная теория денег. С. 61.

⁶⁶ Бельский К. С. К вопросу о понятии денежной системы в Российской Федерации // Финансовое право. 2005. № 8. С. 5.

⁶⁷ Замотаева Т. Б. Деньги как объект гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. С. 8.

⁶⁸ Кочергин Д. А., Янгирова А. М. Центробанковские цифровые валюты, ключевые характеристики и направления влияния на денежно-кредитную и платежную системы // Финансы: теория и практика. 2019. № 4. С. 83.

Банк международных расчетов и группа центральных банков, включая Европейский центральный банк, провели исследование и опубликовали 9 октября 2020 г. доклад «Цифровые валюты центральных банков: фундаментальные принципы и основные характеристики»⁶⁹.

Естественно, центральные банки не могли не обратить внимания на возможности и преимущества, которые могут быть предоставлены цифровыми технологиями в сфере денежного обращения, а также на риски, которые могут возникнуть.

В указанном докладе лаконично сформулированы три фундаментальных принципа возможного использования цифровых валют центральных банков:

1. Не навреди (Do no harm)! Новая форма денег (new form of money) не должна ставить под угрозу финансовую стабильность, обеспечение которой остается основной целью любого центрального банка. CBDC должна сохранить и укрепить единство и единообразие валюты. Все формы денег должны быть взаимозаменяемы.

2. Сосуществование (Coexistence). CBDC должна будет существовать наряду с наличными и безналичными деньгами и дополнять их. Центральные банки должны продолжить поддержку наличных денег как формы, востребованной населением.

3. Инновации и эффективность (Innovation and efficiency). Необходимо содействовать инновациям, повышению эффективности, удобству и конкурентоспособности подконтрольных центральному банку платежных систем, чтобы население не пользовалось менее надежными и менее безопасными финансовыми инструментами⁷⁰.

К основным характеристикам CBDC данный доклад относит такие, как: конвертируемость,

удобство, возможность непосредственного использования без помощи Интернета (offline transactions), безопасность, скорость (безотлагательность), постоянная доступность по формуле 24/7/365, т.е. круглые сутки / в течение недели / круглый год, юридическая надежность, наличие потенциала к будущему расширению системы CBDC⁷¹.

Перспективы внедрения цифровой валюты центральных банков в основном оцениваются как благоприятные.

Так, американский экономист, профессор экономики Нью-Йоркского университета Нуриэль Рубини, предсказавший ипотечный кризис 2008–2009 гг., заявил, что биткоин, банковские счета и платежные приложения вскоре станут не нужны. «Вам будет не нужна не только криптовалюта, но и... банковский счет. Цифровые валюты центральных банков, которые появятся в следующие три года, станут большой революцией», — убежден он⁷².

Банк России, проведя исследование возможности выпуска цифровой валюты, опубликовал 13 октября 2020 г. на своем сайте доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль»⁷³ (далее — Доклад Банка России или Доклад).

Официального решения пока не принято. В Докладе указывается, что цифровой рубль — это всё тот же российский рубль, который будет выпускаться Банком России в цифровой форме дополнительно к существующим формам денег. Граждане и предприятия, исходя из своих потребностей, смогут свободно переводить деньги из одной формы в другую, то есть из цифрового рубля — в наличные или на счет в банке и обратно. Единая система денежного обращения, объединяющая три формы российского рубля — наличную, безналичную и цифровую, должна в полной мере удовлетворять совре-

⁶⁹ Central bank digital currencies: foundational principles and core features. BIS. 2020. 9 October // URL: <https://www.bis.org/publ/othp33.htm> (дата обращения: 11.03.2021).

⁷⁰ Central bank digital currencies: foundational principles and core features. P. 10.

⁷¹ Central bank digital currencies: foundational principles and core features. P. 11.

⁷² Экономист Рубини: через 3 года биткоин и счета в банках станут бесполезны // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5fa932329a7947dc1ee3fe21> (дата обращения: 11.03.2021).

⁷³ Цифровой рубль : доклад Банка России для общественных консультаций. М., 2020. Октябрь. URL: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (дата обращения: 11.03.2021).

менные потребности экономики и открывать новые возможности для ускоренного внедрения инноваций в финансовом и реальном секторе⁷⁴. Со всей очевидностью можно утверждать, что изложенный подход к выпуску и обращению цифрового рубля полностью соответствует фундаментальным принципам, сформулированным на международном уровне.

В Докладе Банка России вполне определенно утверждается, что цифровой рубль будет выполнять все функции денег (использован трехкомпонентный подход) — средства обращения (платежа), меры стоимости и средства сбережения⁷⁵.

Исключительно важно, что эмитентом цифрового рубля выступает орган публичной власти — Банк России — и цифровой рубль представляет собой его обязательство. Значит, пользователи приобретают право требования. Банк России отмечает, что они имеют право потребовать обмена цифрового рубля как на наличные рубли, так и на безналичные денежные средства путем увеличения остатка на счетах, открытых в кредитных организациях⁷⁶. Такое право не является гражданско-правовой цессией.

Но самое главное заключается в том, что Банк России в соответствии со ст. 75 Конституции РФ несет такое публичное обязательство, как защита и обеспечение устойчивости рубля. Это обязательство в полной мере должно будет распространяться и на цифровой рубль.

Естественно, что введение цифрового рубля потребует серьезной реформы как частноправового, так и публично-правового законодательства для адекватного отражения существующей и реально складывающейся системы денежного обращения. Изменение законодательства не может ограничиться юридико-технической

правкой с употреблением термина «цифровой рубль» и установлением некоторых особенностей его обращения.

Безусловно, возникнет научно-теоретическая дискуссия, действительно ли цифровой рубль — это третья форма денег или же это разновидность безналичных денег, поскольку не обладает материализованной формой, либо разновидность наличных денег, т.к. эмитируется Центральным банком РФ. Вновь актуализируются вопросы о соотношении форм и видов денег и их классификации.

Оставаясь в плену у традиционных представлений о том, что деньги — это вещь, что существуют полноценные деньги и неполноценные, что наличные деньги являются деньгами, но наряду с этим существуют «денежные средства», которые деньгами не являются, мы не получим адекватного отражения феномена «деньги» в национальном законодательстве и не достигнем эффективного регулирования денежного обращения в стране.

Представляется, что определение денег должно быть основано на их обязательственной природе. Деньги — это универсальное право требования, выражающее стоимость любых товаров, работ, услуг, признаваемое в обществе, поддерживаемое и обеспечиваемое государством (центральным банком).

Есть все основания с учетом особенностей денег рассматривать их в качестве самостоятельного объекта гражданского оборота с присущими ему, как единой системе, идентифицирующими признаками. Такой подход не исключает, наряду с установлением общего правового режима, возможность предусматривать специфику регулирования отдельных разновидностей денег.

---

⁷⁴ Цифровой рубль : доклад Банка России для общественных консультаций. С. 3.

⁷⁵ Цифровой рубль : доклад Банка России для общественных консультаций. С. 6.

⁷⁶ Цифровой рубль : доклад Банка России для общественных консультаций. С. 37.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики : монография. — М. : Проспект, 2020. — 256 с.
2. *Алексеев С. С.* Собрание сочинений : в 10 т. — М. : Статут, 2010. — Т. 7 : Философия права и теория права. — 520 с.
3. *Аристотель.* Никомахова этика. Книга пятая (Е) // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : в 5 т. / отв. ред. Г. Г. Фетисов. — М. : Мысль, 2004. — Т. 1 : От зари цивилизации до капитализма. — С. 90–100.
4. *Базулин Ю. В.* Происхождение и природа денег. — СПб. : Издательство С.-Петерб. ун-та, 2008. — 246 с.
5. *Базулин Ю. В.* Происхождение и природа денег: финансовый аспект : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. — СПб., 2009. — 30 с.
6. Банк международных расчетов считает криптовалюты ненадежным активом // URL: <https://ru.investing.com/news/cryptocurrency-news/article-556200> (дата обращения: 11.03.2021).
7. *Бельский К. С.* К вопросу о понятии денежной системы в Российской Федерации // Финансовое право. — 2005. — № 8. — С. 3–6.
8. Бизнес : Оксфордский толковый словарь : англо-русский : свыше 4 000 понятий. — М. : Прогресс-Академия, Издательство РГГУ, 1996. — 752 с.
9. Блокчейн на службе государства : монография / А. В. Варнавский, А. О. Бурякова, Е. В. Себеченко. — М. : Кнорус, 2020. — 218 с.
10. Большая российская энциклопедия : энциклопедический словарь / отв. ред. С. Л. Кравец. — М. : Большая российская энциклопедия, 2011. — 1519 с.
11. Валютное право : учебник для магистров / под ред. Ю. А. Крохиной. — М. : Юрайт, 2013. — 551 с.
12. *Витрянский В.* Правовое регулирование банковских (безналичных) расчетов // Приложение к ежемесячному журналу «Хозяйство и право». — 2006. — № 3. — URL: <http://www.hozpravo.ru/assets/files/pdf/2006-03-p.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).
13. *Витте С. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах. — М. : Фонд «Начала», 1997. — 511 с.
14. *Выставкин А. Л.* Определение функций денег в «Капитале» Карла Маркса // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. — 2015. — № 4 (29). — URL: <http://www.pypravlenie.ru/wp-content/uploads/2016/02/17-Vystavkin.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).
15. *Гараедаги Дж.* Системное мышление. Как управлять хаосом и сложными процессами : конспект книги // URL: <https://baguzin.ru/wp/garaedagi-sistemnoe-myshlenie-kak-upr/> (дата обращения: 11.03.2021).
16. Деньги, кредит, банки : учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. В. Ю. Катононова, В. П. Биткова. — 2-е изд. — М. : Юрайт, 2019. — 499 с.
17. *Ершов М. В.* О некоторых актуальных аспектах цифровой экономики в финансовой сфере // Основные тренды развития цифровой экономики в финансовой сфере. Правовые аспекты регулирования и практического применения. — М. : Издание Государственной Думы, 2019. — С. 68–83.
18. *Ершов М. В.* О некоторых проблемах цифровизации // Труды Вольного экономического общества России. — 2019. — № 6. — С. 144–151.
19. *Ефимова Л. Г.* Банковские сделки (актуальные проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2000. — 41 с.
20. *Замотаева Т. Б.* Деньги как объект гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2003. — 20 с.
21. Инвестировать — можно, платить — нельзя: что и как регулируют российские законы о цифровых активах // TJournal. — 2020. 5 авг. — URL: <https://tjournal.ru/analysis/191687-investirovat-mozhno-platit-nelzya-cto-i-kak-reguliruyut-rossiyskie-zakony-o-kriptovalyute?from=rss> (дата обращения: 11.03.2021).

22. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. Т. Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина ; Институт государства и права РАН. — М. : Юрайт, 2004. — 1069 с.
23. *Кочергин Д. А., Янгирова А. М.* Центробанковские цифровые валюты, ключевые характеристики и направления влияния на денежно-кредитную и платежную системы // *Финансы: теория и практика.* — 2019. — № 4. — С. 80–98.
24. Криптовалюта (крипта): что это такое и как на ней заработать // URL: <https://www.finam.ru/education/likbez/kriptovalyuta-kripta-chto-eto-takoe-i-kak-na-neiy-zarabotat-20190605-15210/> (дата обращения: 11.03.2021).
25. Криптоэкономика / А. Д. Левашенко, И. С. Ермохин, А. В. Зубарев, Е. В. Синельникова-Мурылева, П. В. Трунин. — М. : Дело, 2019. — 60 с.
26. *Лоцилин В. С.* Правовая природа электронных денежных средств и структура правоотношений при расчетах с их использованием : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — 26 с.
27. *Лунц Л. А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. — М. : Статут, 1999. — 352 с.
28. *Макконнелл К. Р., Брю С. Л.* Экономикс: принципы, проблемы и политика : учебник : пер. с англ. — 14-е изд. — М. : Инфра-М, 2003. — 983 с.
29. *Максуров А. А.* Криптовалюты и правовое регулирование их обращения : монография. — 2-е изд. — М. : Дашков и К, 2019. — 356 с.
30. *Маркс К.* К критике политической экономии // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : в 5 т. / отв. ред. М. Г. Покидченко.* — М. : Мысль, 2005. — Т. 2 : Восходящий капитализм. — С. 459–461.
31. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Гл. II. Деньги // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.* — Изд. 2-е. — М. : Политиздат, 1959. — Т. 13. — С. 49–167.
32. Началось публичное обсуждение концепции цифрового рубля // URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/11/30/848906-obsuzhdenie-rublya> (дата обращения: 11.03.2021).
33. *Новоселова Л. А.* Проблемы гражданско-правового регулирования расчетных отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1997. — 46 с.
34. Новый закон о цифровых финансовых активах : аналитический обзор экспертов сообщества Moscow digital school // URL: <https://mosdigitals.ru/wp-content/uploads/2020/09/Analiticheskii-obzor-zakona-о-TSFA.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).
35. *Портной М. А.* Деньги, их виды и функции. — М. : Издательско-консалтинговая фирма «Анkil», 1998. — 166 с.
36. *Портной М. А.* Роль денег, криптовалюты, золота в современной денежно-кредитной политике // *Экономика. Налоги. Право.* — 2019. — № 1. — С. 20–29.
37. *Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. — М. : Инфра-М, 2011. — 479 с.
38. *Рубин И. И.* Очерки по теории денег Маркса // URL: <https://zarya.xyz/ocherki-po-teorii-deneg-marksa/> (дата обращения: 11.03.2021).
39. *Санникова Л. В., Харитонов Ю. С.* Цифровые активы: правовой анализ : монография. — М. : 4 Принт, 2020. — 304 с.
40. *Симановский А. Ю.* К вопросу об экономической природе криптовалюты // *Вопросы экономики.* — 2018. — № 9. — С. 1–11.
41. *Ситник А. А.* Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // *Актуальные проблемы российского права.* — 2020. — Т. 15. — № 11 (120). — С. 103–113.
42. Современная теория денег : монография / под ред. М. А. Абрамовой. — М. : Русайнс, 2020. — Т. 1 : Исследование на эндотерическом уровне. — 216 с.
43. *Суханов Е. А.* Гражданское право России — частное право / отв. ред. В. С. Ем. — М. : Статут, 2008. — 588 с.
44. Трансформация денег: будущее валюты в цифровом мире : доклад Международного валютного фонда // *Финансы и развитие : ежеквартальный журнал МВФ.* 2018. Июнь. — Вып. 55. — № 2. — 61 с. —

- URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2018/06/pdf/fd0618r.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).
45. Трансформация финансового права в новых экономических условиях : монография / колл. авт. ; под ред. С. В. Запольского. — М. : Кнорус, 2021. — 280 с.
  46. Трофимов К. Т. Правовая природа денег. Очерк сравнительного правоведения // Ленинградский юридический журнал. — 2007. — № 2 (8). — С. 130–143.
  47. ЦБ: по итогам 2020 года объем безналичных платежей превысит 70 % // URL: <https://plusworld.ru/daily/platezhnyj-biznes/tsb-po-itogam-2020-goda-kolichestvo-beznalichnyh-platezhej-prevysit-70/> (дата обращения: 11.03.2021).
  48. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева и М. А. Егоровой. — М. : Проспект, 2020. — 640 с.
  49. Цифровой рубль : доклад Банка России для общественных консультаций. — М., 2020. — 47 с. — URL: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (дата обращения: 11.03.2021).
  50. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. Изд. 9-е (2-е посмерт.). — М. : Московское научное издательство, 1919. — 373 с.
  51. Экономист Рубини: через 3 года биткоин и счета в банках станут бесполезны // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5fa932329a7947dc1ee3fe21> (дата обращения: 11.03.2021).
  52. Энциклопедия банковского дела и финансов / Ч. Дж. Вулфел : пер. с англ. — 10-е изд. — Самара : Федоров, 2000. — 1584 с.
  53. Central bank digital currencies: foundational principles and core features. — BIS. 2020. 9 October // URL: <https://www.bis.org/publ/othp33.htm> (дата обращения: 11.03.2021).
  54. CoinMarketCap. — URL: <https://coinmarketcap.com/ru/all/views/all/> (дата обращения: 11.03.2021).
  55. Virtual currency schemes. European Central Bank. 2015. February // URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemesen.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).

Материал поступил в редакцию 21 мая 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aktual'nye problemy finansovogoprava v usloviyah cifrovizacii ekonomiki : monografiya. — М. : Prospekt, 2020. — 256 s.
2. Alekseev S. S. Sobraie sochinenij : v 10 t. — М. : Statut, 2010. — Т. 7 : Filosofiya prava i teoriya prava. — 520 s.
3. Aristotel'. Nikomahova etika. Kniga pyataya (E) // Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov : v 5 t. / otv. red. G. G. Fetisov. — М. : Mysl', 2004. — Т. 1 : Ot zari civilizacii do kapitalizma. — S. 90–100.
4. Bazulin Yu. V. Proiskhozhdenie i priroda deneg. — SPb. : Izdatel'stvo S.-Peterb. un-ta, 2008. — 246 s.
5. Bazulin Yu. V. Proiskhozhdenie i priroda deneg: finansovyj aspekt : avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk. — SPb., 2009. — 30 s.
6. Bank mezhdunarodnyh raschetov schitaet kriptovalyuty nenadezhnym aktivom // URL: <https://ru.investing.com/news/cryptocurrency-news/article-556200> (data obrashcheniya: 11.03.2021).
7. Bel'skij K. S. K voprosu o ponyatii denezhnoj sistemy v Rossijskoj Federacii // Finansovoe pravo. — 2005. — № 8. — S. 3–6.
8. Biznes : Oksfordskij tolkovyj slovar' : anglo-russkij : svyshe 4 000 ponyatij. — М. : Progress-Akademiya, Izdatel'stvo RGGU, 1996. — 752 s.
9. Blokchejn na sluzhbe gosudarstva : monografiya / A. V. Varnavskij, A. O. Buryakova, E. V. Sebechenko. — М. : Knorus, 2020. — 218 s.

10. Bol'shaya rossijskaya enciklopediya : enciklopedicheskij slovar' / otv. red. S. L. Kravec. — M. : Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 2011. — 1519 s.
11. Valyutnoe pravo : uchebnik dlya magistrów / pod red. Yu. A. Krohinoj. — M. : Yurajt, 2013. — 551 s.
12. Vitryanskij V. Pravovoe regulirovanie bankovskih (beznalichnyh) raschetov // Prilozhenie k ezhemesyachnomu zhurnalu «Hozyajstvo i pravo». — 2006. — № 3. — URL: <http://www.hozpravo.ru/assets/files/pdf/2006-03-p.pdf> (data obrashcheniya: 11.03.2021).
13. Vitte S. Yu. Konspekt lekcij o narodnom i gosudarstvennom hozyajstve, chitannyh ego imperatorskomu vysochestvu velikomu knyazyu Mihailu Aleksandrovichu v 1900–1902 godah. — M. : Fond «Nachala», 1997. — 511 s.
14. Vystavkin A. L. Opredelenie funkcij deneg v «Kapitale» Karla Marksa // Ustojchivoe innovacionnoe razvitie: proektirovanie i upravlenie. — 2015. — № 1 (29). — URL: <http://www.rypravlenie.ru/wp-content/uploads/2016/02/17-Vystavkin.pdf> (data obrashcheniya: 11.03.2021).
15. Garaedagi Dzh. Sistemnoe myshlenie. Kak upravlyat' haosom i slozhnymi processami : konspekt knigi // URL: <https://baguzin.ru/wp/garaedagi-sistemnoe-myshlenie-kak-upr/> (data obrashcheniya: 11.03.2021).
16. Den'gi, kredit, banki : uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata / pod red. V. Yu. Katasonova, V. P. Bitkova. — 2-e izd. — M. : Yurajt, 2019. — 499 s.
17. Ershov M. V. O nekotoryh aktual'nyh aspektah cifrovoj ekonomiki v finansovoj sfere // Osnovnye trendy razvitiya cifrovoj ekonomiki v finansovoj sfere. Pravovye aspekty regulirovaniya i prakticheskogo primeneniya. — M. : Izdanie Gosudarstvennoj Dumy, 2019. — S. 68–83.
18. Ershov M. V. O nekotoryh problemah cifrovizacii // Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. — 2019. — № 6. — S. 144–151.
19. Efimova L. G. Bankovskie sdelki (aktual'nye problemy) : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. — M., 2000. — 41 s.
20. Zamotaeva T. B. Den'gi kak ob"ekt grazhdanskih prav : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Samara, 2003. — 20 s.
21. Investirovat' — mozjno, platit' — nel'zja: chto i kak reguliruyut rossijskie zakony o cifrovyyh aktivah // TJournal. — 2020. 5 avg. — URL: <https://tjournal.ru/analysis/191687-investirovat-mozhno-platit-nelzja-cto-i-kak-reguliruyut-rossijskie-zakony-o-kriptovalyute?from=rss> (data obrashcheniya: 11.03.2021).
22. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti pervoj / pod red. T. E. Abovoj i A. Yu. Kabalkina ; Institut gosudarstva i prava RAN. — M. : Yurajt, 2004. — 1069 s.
23. Kochergin D. A., Yangirova A. M. Centrobankovskie cifrovye valyuty, klyuchevye harakteristiki i napravleniya vliyaniya na denezhno-kreditnyu i platezhnyu sistemu // Finansy: teoriya i praktika. — 2019. — № 4. — S. 80–98.
24. Kriptovalyuta (kripta): chto eto takoe i kak na nej zarabotat' // URL: <https://www.finam.ru/education/likbez/kriptovalyuta-kripta-cto-eto-takoe-i-kak-na-neiy-zarabotat-20190605-15210/> (data obrashcheniya: 11.03.2021).
25. Kriptoekonomika / A. D. Levashenko, I. S. Ermohin, A. V. Zubarev, E. V. Sinel'nikova-Muryleva, P. V. Trunin. — M. : Delo, 2019. — 60 s.
26. Loshchilin V. S. Pravovaya priroda elektronnyh denezhnyh sredstv i struktura pravootnoshenij pri raschetah s ih ispol'zovaniem : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2013. — 26 s.
27. Lunc L. A. Den'gi i denezhnye obyazatel'stva v grazhdanskom prave. — M. : Statut, 1999. — 352 s.
28. Makkonnell K. R., Bryu S. L. Ekonomiks: principy, problemy i politika : uchebnik : per. s angl. — 14-e izd. — M. : Infra-M, 2003. — 983 s.
29. Maksurov A. A. Kriptovalyuty i pravovoe regulirovanie ih obrashcheniya : monografiya. — 2-e izd. — M. : Dashkov i K, 2019. — 356 s.
30. Marks K. K kritike politicheskoy ekonomii // Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov : v 5 t. / otv. red. M. G. Pokidchenko. — M. : Mysl', 2005. — T. 2 : Voskhodyashchij kapitalizm. — S. 459–461.
31. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. 1. Gl. II. Den'gi // Marks K., Engel's F. Sochineniya. — Izd. 2-e. — M. : Politizdat, 1959. — T. 13. — S. 49–167.

32. Nachalos' publichnoe obsuzhdenie koncepcii cifrovogo rublya // URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/11/30/848906-obsuzhdenie-rublya> (data obrashcheniya: 11.03.2021).
33. Novoselova L. A. Problemy grazhdansko-pravovogo regulirovaniya raschetnyh otnoshenij : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 1997. — 46 s.
34. Novyj zakon o cifrovyyh finansovyh aktivah : analiticheskij obzor ekspertov soobshchestva Moscow digital school // URL: <https://mosdigitals.ru/wp-content/uploads/2020/09/Analiticheskii-obzor-zakona-o-TSFA.pdf> (data obrashcheniya: 11.03.2021).
35. Portnoj M. A. Den'gi, ih vidy i funkcii. — M. : Izdatel'sko-konsaltingovaya firma «Ankil», 1998. — 166 s.
36. Portnoj M. A. Rol' deneg, kriptovalyuty, zolota v sovremennoj denezhno-kreditnoj politike // Ekonomika. Nalogi. Pravo. — 2019. — № 1. — S. 20–29.
37. Rajzberg B. A., Lozovskij L. Sh., Starodubceva E. B. Sovremennyy ekonomicheskij slovar'. — M. : Infra-M, 2011. — 479 s.
38. Rubin I. I. Ocherki po teorii deneg Marksa // URL: <https://zarya.xyz/ocherki-po-teorii-deneg-marksa/> (data obrashcheniya: 11.03.2021).
39. Sannikova L. V., Haritonova Yu. S. Cifrovye aktivy: pravovoj analiz : monografiya. — M. : 4 Print, 2020. — 304 s.
40. Simanovskij A. Yu. K voprosu ob ekonomicheskoy prirode kriptovalyuty // Voprosy ekonomiki. — 2018. — № 9. — S. 1–11.
41. Sitnik A. A. Cifrovye valyuty: problemy pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2020. — T. 15. — № 11 (120). — S. 103–113.
42. Sovremennaya teoriya deneg : monografiya / pod red. M. A. Abramovoj. — M. : Rusajns, 2020. — T. 1 : Issledovanie na endotericheskom urovne. — 216 s.
43. Suhanov E. A. Grazhdanskoe pravo Rossii — chastnoe pravo / otv. red. V. S. Em. — M. : Statut, 2008. — 588 s.
44. Transformaciya deneg: budushchee valyuty v cifrovom mire : doklad Mezhdunarodnogo valyutnogo fonda // Finansy i razvitie : ezhekvartal'nyj zhurnal MVF. 2018. Iyun'. — Vyp. 55. — № 2. — 61 s. — URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2018/06/pdf/fd0618r.pdf> (data obrashcheniya: 11.03.2021).
45. Transformaciya finansovogo prava v novyyh ekonomicheskikh usloviyah : monografiya / koll. avt. ; pod red. S. V. Zapol'skogo. — M. : Knorus, 2021. — 280 s.
46. Trofimov K. T. Pravovaya priroda deneg. Ocherk sravnitel'nogo pravovedeniya // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. — 2007. — № 1 (8). — S. 130–143.
47. CB: po itogam 2020 goda ob"em beznalichnyh platezhej prevysit 70 % // URL: <https://plusworld.ru/daily/platezhnyj-biznes/tsb-po-itogam-2020-goda-kolichestvo-beznalichnyh-platezhej-prevysit-70/> (data obrashcheniya: 11.03.2021).
48. Cifrovoe pravo : uchebnyk / pod obshch. red. V. V. Blazheeva i M. A. Egorovoj. — M. : Prospekt, 2020. — 640 s.
49. Cifrovoy rubl' : doklad Banka Rossii dlya obshchestvennyh konsul'tacij. — M., 2020. — 47 s. — URL: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (data obrashcheniya: 11.03.2021).
50. Shershenevich G. F. Uchebnyk torgovogo prava. Izd. 9-e (2-e posmert.). — M. : Moskovskoe nauchnoe izdatel'stvo, 1919. — 373 s.
51. Ekonomist Rubini: cherez 3 goda bitcoin i scheta v bankah stanut bespolezny // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5fa932329a7947dc1ee3fe21> (data obrashcheniya: 11.03.2021).
52. Enciklopediya bankovskogo dela i finansov / Ch. Dzh. Vulfel : per. s angl. — 10-e izd. — Samara : Fedorov, 2000. — 1584 s.
53. Central bank digital currencies: foundational principles and core features. — BIS. 2020. 9 October // URL: <https://www.bis.org/publ/othp33.htm> (data obrashcheniya: 11.03.2021).
54. CoinMarketCap. — URL: <https://coinmarketcap.com/ru/all/views/all/> (data obrashcheniya: 11.03.2021).
55. Virtual currency schemes. European Central Bank. 2015. February // URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemesen.pdf> (data obrashcheniya: 11.03.2021).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.077-087

Е. Ю. Баракина*

Регуляторные площадки в области правового регулирования применения искусственного интеллекта¹

Аннотация. Статья посвящена проблеме создания гибкой системы нормативно-правового регулирования, допускающей возможности тестирования и ограниченного использования искусственного интеллекта, гарантирующей безопасность населения и направленной на стимулирование развития искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники. Обосновано, что использование регуляторной площадки является эффективным механизмом для разработки нормативно-правовой системы в указанной области. Выделены и проанализированы важные составляющие структуры регуляторной площадки, в числе которых регламент информационного обмена, введение обязательных условий участия, включая введение административно-правовых режимов регулирования экономической деятельности, регламент проведения мониторинга деятельности субъекта регуляторной площадки, система нивелирования рисков как для субъектов, так и для участников регуляторной площадки, формирование обязательной системы защиты от негативных последствий применения искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники. Описаны основные подходы к установлению гражданско-правовой ответственности в области использования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники, к которым можно отнести: гражданско-правовую ответственность разработчика (создателя) в области использования искусственного интеллекта, робота и объектов робототехники и гражданско-правовую ответственность пользователя (владельца, собственника или лица, получающего прибыль) в области использования искусственного интеллекта, робота и объектов робототехники.

Ключевые слова: право; государство; искусственный интеллект; роботы; объекты робототехники; цифровые технологии; регуляторные площадки; экспериментальный правовой режим; ответственность; информация.

Для цитирования: Баракина Е. Ю. Регуляторные площадки в области правового регулирования применения искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 77–87. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.077-087.

---

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ.

© Баракина Е. Ю., 2021

* Баракина Елена Юрьевна, кандидат юридических наук, преподаватель Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский пр-т, д. 49, г. Москва, Россия, 125167
elenabarakina@inbox.ru

Regulatory Platforms in the Field of Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence²

Elena Yu. Barakina, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskiy pr-t, d. 49, Moscow, Russia, 125167
elenabarakina@inbox.ru

Abstract. The paper is devoted to the problem of creating a flexible regulatory system that allows testing and limited use of artificial intelligence, guaranteeing the safety of the population and aimed at stimulating the development of artificial intelligence, robots and robotics objects. It is substantiated that the use of the regulatory platform is an effective mechanism for the development of a regulatory system in this area. The author determines and analyzes the essential components of the structure of the regulatory platform that include the regulation of information exchange, the introduction of mandatory conditions for participation, including the introduction of administrative and legal regimes for regulating economic activity, the regulation of monitoring the activities of the regulatory platform subject, a system for leveling risks for both subjects and participants of the regulatory platform, the formation of a mandatory system of protection against the negative consequences of the use of artificial intelligence, robots and robotics objects. The paper describes the main approaches to establishing civil liability for the use of artificial intelligence, robots and robotics objects that include: civil liability of the developer (creator) for the use of artificial intelligence, robot and robotics objects and the civil liability of the user (owner, proprietor or person making a profit) for using artificial intelligence, robots and robotics objects.

Keywords: law; the state; artificial intelligence; robots; objects of robotics; digital technologies; regulatory platforms; experimental legal regime; a responsibility; information.

Cite as: Barakina EYu. Reguljatornye ploshchadki v oblasti pravovogo regulirovaniya primeneniya iskusstvennogo intellekta [Regulatory Platforms in the Field of Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):77-87. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.077-087. (In Russ., abstract in Eng.).

Технологии искусственного интеллекта, роботов и робототехники относятся к инновационным цифровым технологиям. Зарубежный опыт свидетельствует о необходимости использования регуляторных (в некоторых источниках — регулятивных) «песочниц», с целью создания гибкой системы нормативно-правового регулирования, допускающей возможности тестирования и ограниченного использования таких технологий, гарантирую-

щей безопасность населения и направленной на стимулирование их развития. Подобные «песочницы» успешно функционируют в Австралии, Бахрейне, Великобритании, Индонезии, Канаде, Китае, Малайзии, ОАЭ, Сингапуре, США, Таиланде, Швейцарии³. В 2020 г. в России принят закон о функционировании экспериментального правового режима в г. Москве⁴.

Регуляторные «песочницы» являются площадками, которые создаются инициаторами

² The paper was prepared based on the results of the research carried out at the expense of budgetary funds given for the state order granted to the Financial University under the Government of the Russian Federation.

³ Международный опыт применения «песочниц» // URL: www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Documents/Международный%20опыт%20применения%20песочниц.pdf (дата обращения: 15.02.2020).

⁴ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

(регуляторами или региональными властями) с целью тестирования или ограниченного использования инноваций и предусматривают особый режим регулирования для участников в рамках контролируемой среды.

Регулятор, создавая регуляторную «песочницу», должен предоставить четкие критерии, затрагивающие изначальные технические данные искусственного интеллекта, роботов и робототехники, этические принципы их применения и возможности для оценки эффективности предлагаемого проекта и дальнейшего коммерческого использования, меры защиты потребителей, включая зону ответственности разработчика.

Отдельно следует упомянуть фактическую процедуру специального тестирования и выхода на рынок решений в сфере применения искусственного интеллекта, роботов и робототехники. При прохождении данной процедуры необходимо предусмотреть реперные точки, по которым можно оценить эффективность внедрения, уровень безопасности и контролируемости процесса с обеих сторон (субъекта площадки и регулятора). Оптимально указанные точки обозначить как достижение определенных этапов внедрения и проводить оценку эффективности не столько с привязкой к временному периоду, сколько именно по достижению описанных на данном этапе результатов.

Со стороны регулятора необходимы четкие критерии для претендентов, например: технические данные используемых разработок по объектам искусственного интеллекта; регуляторные рамки, в том числе ограничения в сфере обеспечения безопасности предлагаемых к внедрению продуктов на основе указанной технологии; согласие субъекта нести ответственность за результаты внедряемых разработок, учитывая гарантии эффективного и справедливого ее распределения в случае причинения вреда; обязательное участие в системе страхования ответственности и других возможных рисков негативных последствий для потребителей и др.

Важной составляющей является *регламент информационного обмена*, например правовое регулирование вопросов доступа к данным инициатора регуляторной «песочницы» и

осуществление обмена информацией, которая способствует прозрачности функционирования данной площадки и расширению количества ее участников (субъектов и лиц, вступивших в правоотношения с субъектами), в том числе необходимо учесть возможность обмена данными, которые находятся в распоряжении государственных органов, медицинских организаций и др. Требуется установление особого режима доступа к данным, включая персональные, используемым для проведения научно-исследовательских изысканий, совершенствования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники, а также иных разработок и технологических решений, применяющих указанную инновационную технологию.

Инициатор регуляторной площадки в сфере применения искусственного интеллекта, роботов и робототехники устанавливает не только критерии для претендентов на участие в ее функционировании, но и сам алгоритм действий (процедуру) по оформлению заявки на участие, в том числе комплект документов, подтверждающих соответствие претендента указанным критериям, срок рассмотрения заявки и получения уведомления *о приобретении статуса субъекта* регуляторной площадки («песочницы»). Важно отметить, что за субъектом должно сохраниться *право приостановления или прекращения данного статуса*. Регламент взаимодействия между регулятором (инициатором), субъектами и участниками (лицами, вступившими в правоотношения с субъектами) должен предусматривать применение инновационных технологий по обмену информацией, так как протоколы этих технологий способны обеспечить прозрачность, скорость и безопасность осуществления информационного обмена. Применение инновационных технологий, указанных в государственных стратегических документах, расширит круг пользователей и получит дополнительные возможности для их развития и выявления пробелов в регулировании связанных с их внедрением правоотношений.

Важной составляющей функционирования регуляторной площадки, в том числе в сфере применения искусственного интеллекта, роботов и робототехники, является *введение обя-*

зательных условий участия, среди которых введение административно-правовых режимов регулирования экономической деятельности. А. В. Кнутов, А. В. Чаплинский⁵, анализируя действующее законодательство, определяют несколько институтов, среди которых лицензирование, выдача разрешений, аттестация и др. Ученые выделяют лицензирование среди прочих режимов, отмечая, что оно раскрывается посредством выдачи разрешения, является наиболее характерным разрешительным режимом, а также относится к жестким и «проработанным» методам государственного регулирования с точки зрения наличия пробелов и коллизий.

Введение обязательного лицензирования определенного вида деятельности экономическими субъектами в большинстве случаев воспринимается как дополнительный административный барьер. В законодательстве определено, что «лицензирование отдельных видов деятельности осуществляется в целях предотвращения ущерба правам, законным интересам, жизни или здоровью граждан, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, обороне и безопасности государства, возможность нанесения которого связана с осуществлением юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями отдельных видов деятельности»⁶.

Лицензирование деятельности в сфере применения искусственного интеллекта, роботов и робототехники представляется вполне обоснованным. Поскольку режим их применения не отработан, существует возможность причинения вреда объектам и субъектам в зависимости от направления разработки и апробации внедрения данной цифровой инновации.

Среди вариантов введения обязательных условий участия могут рассматриваться другие институты регулирования экономической дея-

тельности субъектов регуляторной площадки, например возможна аттестация профессиональных участников.

Таким образом, использование обязательных условий (разрешений) участия в апробации применения искусственного интеллекта, роботов и робототехники представляется вполне обоснованным, так как соответствует видам деятельности, осуществление которых связано с возможным ущербом правам, законным интересам, жизни или здоровью граждан, окружающей среде и т.д.

Регламент проведения мониторинга деятельности субъекта регуляторной площадки выполняет сразу несколько задач: отслеживание текущей работы субъектов, в том числе оценка эффективности их деятельности; проведение обязательной оценки регулирующего воздействия действующих регламентов взаимодействия; выявление пробелов и коллизий в правовом регулировании с последующим их устранением; снижение вероятности возникновения правовых барьеров, в том числе при контрольных мероприятиях; нивелирование рисков как для субъектов, так и для участников регуляторной площадки и т.д.

Банк России как регулятор признает, что «ландшафт рынка, помимо преимуществ и выгод для участников рынка и их клиентов, порождает новые риски и, соответственно, ставит новые задачи перед регуляторами, в том числе в области наблюдения и надзора»⁷.

При отслеживании текущей работы субъектов, в том числе осуществлении оценки эффективности их деятельности, следует учесть, что мониторинг является инструментом «мягкого» регулирования. Следовательно, его целью должно быть предупреждение возможных нарушений, выявление факторов, препятствующих развитию искусственного интеллекта, роботов и робототехники. Текущий мониторинг в данном

⁵ Кнутов А. В. Лицензирование отдельных видов экономической деятельности: история развития и современное состояние /А. В. Кнутов, А. В. Чаплинский // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 1. С. 73–96.

⁶ Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

⁷ Официальный сайт Банка России. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 01.04.2020).

случае действует в качестве элемента взаимодействия со всеми участниками регуляторной площадки, соответственно с его помощью достигается совершенствование правового регулирования, которое будет действовать после выхода искусственного интеллекта, роботов и робототехники за пределы регуляторной «песочницы». Качественное взаимодействие на этапе отслеживания является фактором успешного функционирования правового регулирования указанной технологии в рынке.

Проведение обязательной оценки регулирующего воздействия действующих регламентов взаимодействия — еще один фактор, влияющий на успешное развитие данной технологии. Ученые отмечают, что «непредсказуемость их (госу-

дарственных мер) результатов должны обрести первоочередную значимость относительно темпов принятия регулирующих документов в целях предотвращения излишних и нецелесообразных административных барьеров»⁸. В настоящее время в нашей стране уже существует алгоритм проведения данного вида оценки, которая основана «на анализе проблем и целей государственного регулирования, определении возможных вариантов достижения целей, а также оценке связанных с ними позитивных и негативных эффектов с целью выбора наиболее эффективного варианта в соответствии со специальными установленными процедурами»⁹. Основные цели представлены на рис. 1.

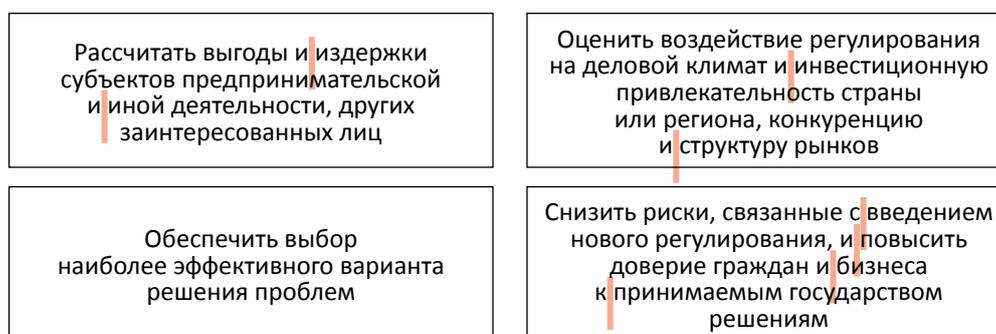

Рис. 1. Основные цели оценки регулирующего воздействия¹⁰

Таким образом, проведение оценки регулирующего воздействия обеспечит принятие наиболее эффективного правового регулирования, сбалансирует регулирующее воздействие сначала на субъектах и участниках регуляторной площадки, а позднее распространится на всех субъектов экономической и иной деятельности, использующих искусственный интеллект, роботов и робототехнику.

Выявление пробелов и коллизий в правовом регулировании с последующим их устранением, а также снижение вероятности возникновения

правовых барьеров, в том числе при контрольных мероприятиях, является необходимой составляющей мониторинга функционирования регуляторной площадки. Среди проблем регулирования отношений в сфере применения искусственного интеллекта, роботов и робототехники — правовое делегирование решений, ответственность за причинение вреда, правовой режим результатов интеллектуальной деятельности. По решению указанных и других связанных проблем нет единого мнения ни в научном мире, ни среди юристов-практиков. Разработан

⁸ Мирошниченко М. В., Чудесова Г. П. Цифровая экономика как перспективный механизм развития // Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 2. С. 121–129.

⁹ Официальный сайт «Оценка регулирующего воздействия». URL: <http://orv.gov.ru/Content/List?cat=37> (дата обращения: 10.04.2020).

¹⁰ По материалам портала «Оценка регулирующего воздействия».

законопроект¹¹, в котором предлагается вариант закрепления возможности делегирования решений «роботам-агентам», в том числе признания его участником гражданского процесса. В рамках регуляторной площадки возможна проработка данного предложения и других вероятных решений возникающих пробелов, коллизий и правовых барьеров с тем, чтобы впоследствии действовала сбалансированная, гибкая система нормативно-правового регулирования в указанной сфере.

Нивелирование рисков как для субъектов, так и для участников регуляторной площадки является ключевым элементом мониторинга, так как при внедрении инновационных технологий, таких, как искусственный интеллект, роботы и робототехника, многие факторы невозможно предусмотреть, в том числе риски потерь, негативных последствий, ущерб жизни или здоровью граждан и окружающей среде. Риск-ориентированный подход в настоящее время применяется при формировании законодательства по всем направлениям развития цифровой экономики, а также при совершенствовании действующих правовых норм. В предложенной Конвенции¹² одним из принципов правового регулирования искусственного интеллекта называется «умеренное регуляторное воздействие, основанное на риск-ориентированном подходе и предусматривающее принятие ограничительных норм в случае, если применение данных технологий несет объективно высокий риск причинения вреда участникам общественных отношений и интересам общества и государства». Следовательно, сбалансированное, рамочное законодательство должно нивелировать возможные риски, защищая права, закон-

ные интересы, жизнь и здоровье субъектов и участников, вступивших в правоотношения с ними, а с этой целью в процессе проведения мониторинга необходимо выявление рисков в данной сфере.

Формирование обязательной системы защиты от негативных последствий применения искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники является неотъемлемой частью любых регуляторных «песочниц», созданных за рубежом и в России. Наиболее существенное значение в данной системе, по мнению автора, имеют страхование и ответственность субъектов площадки.

Страхование будет компенсировать возможные финансовые убытки как самих субъектов, так и участников, вступивших с ними в правоотношения, а также ущерб здоровью, окружающей среде и т.д. Н. В. Лутовинова связывает страхование предпринимательских рисков с вероятностью наступления страхового события и возможностью убытков¹³.

Ученые, отмечая темпы развития инновационных технологий, связывают их с применением потенциально опасных объектов и говорят о значимости в таких условиях страхования гражданской ответственности¹⁴, которое решает сразу несколько задач, представленных на рис. 2.

Поскольку применение искусственного интеллекта, роботов и робототехники в настоящее время находится на стадии развития, существует большая вероятность возникновения нештатных ситуаций и негативных последствий, поэтому введение страхования представляется вполне обоснованной мерой.

Относительно ответственности в сфере применения искусственного интеллекта, роботов и

¹¹ Законопроект «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» // URL: http://robopravo.ru/proiektu_aktov (дата обращения: 15.04.2020).

¹² Центр компетенций по нормативному регулированию цифровой экономики. URL: sk.ru/foundation/legal/ (дата обращения: 15.03.2020).

¹³ Лутовинова Н. В. Страхование предпринимательских рисков как вид страхования // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 3. С. 75–79.

¹⁴ Мошкин А. С., Полевой Е. В. Обязательное страхование гражданской ответственности владельца опасного объекта: проблемы и перспективы // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2016. № 2 (29). С. 120–123.

Гарантирует значительные страховые и компенсационные выплаты пострадавшим
Обеспечивает значительный экономический эффект в случае наступления аварии, который выражается в снижении нагрузки на госбюджет
Способствует повышению уровня безопасности опасных объектов и обеспечению устойчивости национальной промышленности
Создает механизмы контроля и стимулирования мер по повышению безопасности опасных объектов

Рис. 2. Основные задачи страхования гражданской ответственности в условиях стремительного развития инновационных технологий¹⁵

робототехники ведется довольно широкая дискуссия с участием ученых и практиков.

В. А. Лаптев отмечает, что «ответственность за деятельность искусственного интеллекта несут: владелец и (или) разработчик (создатель)»¹⁶.

П. М. Морхат¹⁷, говоря о возможности введения ответственности третьих лиц за совершение действий «юнитами» (агент, носитель, система) искусственного интеллекта, причиняющих вред, отмечает ряд проблем, связанных как с должной квалификацией лица, использующего юнит, так и с мошенническими действиями: несанкционированным перепрограммированием, повреждением и т.п.

При высоком уровне самостоятельности действий и возможности влияния на окружающую среду системы искусственного интеллекта, робота и объекта робототехники может рассматриваться вариант привлечения его к ответственности. Подобная возможность разрабатывается учеными за рубежом¹⁸. Следует отметить, что в Японии¹⁹ существует предположение о возможности в отдаленном будущем признать носителя сильного (General AI) или сверхсильного (Super AI) искусственного интеллекта «квазисубъектом». Однако в настоящее время, учитывая уро-

вень развития технологий, «юниты ИИ» должны рассматриваться в качестве объекта, т.к. носитель искусственного интеллекта, робот и объект робототехники изначально должен быть разработан или «обучен» («машинное обучение») создателем таким образом, чтобы исключить вероятность причинения вреда жизни, здоровью человека, окружающей среде и т.д.

За действия носителя искусственного интеллекта, роботов и объекта робототехники несет ответственность разработчик, учитывая соблюдение им при разработке трех законов робототехники, или пользователь (субъект, получающий прибыль), или иные субъекты, т.к. это результат, вызванный не волеизъявлением носителя искусственного интеллекта, робота или объекта робототехники, а человека, команды которого им были исполнены.

Таким образом, любые действия/решения, совершенные/принятые носителем искусственного интеллекта, роботом и объектом робототехники, изначально продиктованы машинным обучением, которое должно соответствовать законам робототехники, гарантирующим безопасность населения, окружающей среды и т.д., а впоследствии действиями (бездействием) или волеизъявлением пользователя.

¹⁵ По материалам исследования А. С. Мошкина и Е. В. Полевого.

¹⁶ Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.

¹⁷ Морхат П. М. Ответственность третьих лиц за совершение юнитами искусственного интеллекта причиняющих вред действий // Государственная служба и кадры. 2018. № 3. С. 47–49.

¹⁸ Buyers J. Liability Issues in Autonomous and Semi-Autonomous systems // URL: https://www.osborneclarke.com/media/filer_public/c9/73/c973bc5c-cef0-4e45-8554-f6f90f396256/itech_law.pdf (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁹ 人工知能学会倫理指針 // URL: <http://ai-elsi.org/wp-content/uploads/2017/02/>.pdf. Английский перевод: The Japanese Society for Artificial Intelligence Ethical Guidelines // URL: <http://ai-elsi.org/wp-content/uploads/2017/05/JSIAI-Ethical-Guidelines-1.pdf> (дата обращения: 11.05.2020).

Следовательно, установление ответственности носителя (юнита) искусственного интеллекта, робота и объекта робототехники на данном этапе развития технологии не представляется возможным.

Таким образом, можно выделить 2 основных подхода к содержанию гражданско-правовой ответственности в области использования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники, представленные на рис. 3.

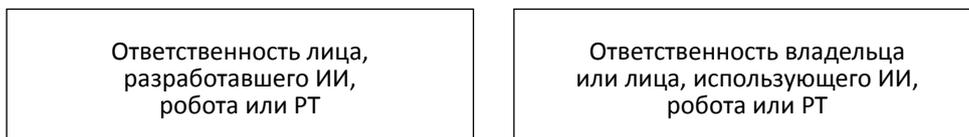

Рис. 3. Подходы к содержанию гражданско-правовой ответственности в области использования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники

Гражданско-правовая ответственность разработчика (создателя) в области использования искусственного интеллекта, робота и объектов робототехники. В резолюции Европарламента²⁰ рекомендовано установление правовых норм «об ответственности за качество и безопасность товаров, согласно которым производитель несет ответственность за любые неисправности». Следовательно, разработчик системы (юнита, носителя) искусственного интеллекта, робота и объекта робототехники фактически может быть приравнен к производителю то-

варов. В существующей системе права указанные носители могут признаваться только в качестве объектов или товаров, т.е. могут быть отнесены к объектам гражданских прав с распространением на них положений ГК РФ²¹ (ст. 128, 129 и т.д.).

Важным вопросом является установление критериев или технических характеристик, по которым возможно определение качества данных товаров, т.е. необходимо внесение изменений и дополнений в сфере нормативно-технического регулирования, основные положения которых представлены автором на рис. 4.

Дополнения, учитывающие автономность принятия решений, и инструменты, влияющие на окружающую среду, которыми характеризуется носитель ИИ, робот и объект РТ
Процедуры определения соответствия уровня машинного обучения (программного обеспечения) надежности и безопасности пользователя
Наличие подтверждения соответствия международным стандартам качества
Требования по техническому обслуживанию, в том числе безопасному обновлению программного обеспечения

Рис. 4. Основные положения по изменениям и дополнениям в сфере нормативно-технического регулирования

Техническая регламентация характеристик носителей искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники должна соответствовать уровню развития используемых технологий, иначе невозможно их отнесение к надежным и безопасным продуктам и осуществление государственного контроля в указанной сфере.

При введении гражданско-правовой ответственности разработчика следует установить гарантии справедливого ее распределения, т.к. разработчик и пользователь зачастую являются разными субъектами. Следовательно, последствия действий пользователя не должны включаться в зону ответственности разработчика.

²⁰ Нормы гражданского права о робототехнике. Резолюция Европарламента P8_TA-PROV(2017)0051 // URL: http://robopravo.ru/matierialy_dlia_skachivaniia#ul-id-2-3 (дата обращения: 20.03.2020).

²¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

В системе законодательства Российской Федерации существует обязанность производителя раскрыть информацию по характеристикам товара, а также правилам пользования. В условиях выхода инновационного продукта, т.е. применения новой технологии, актуальность, обязательность и полнота предоставляемой пользователю информации только возрастает.

Таким образом, установление гражданско-правовой ответственности разработчика (создателя) в области использования искусственного интеллекта, робота и объектов робототехники может быть основано на правовых нормах, регламентирующих применение ответственности к производителю. Однако необходимо внесение изменений и дополнений в нормативно-техническое регулирование, неотъемлемой составляющей которых является условие раскрытия информации по характеристикам товара, а также правилам пользования.

Гражданско-правовая ответственность пользователя (владельца, собственника или лица, получающего прибыль) в области использования искусственного интеллекта, робота и объектов робототехники. В. А. Лаптев, анализируя возможную ответственность владельца, исходит из трех основных правомочий собственника, установленных в действующем законодательстве: владение, пользование, распоряжение²². Наиболее важной составляющей в данном случае представляется регистрация (фиксирование) владельца, поскольку среди объектов данной технологии могут быть источники повышенной опасности, как, например, автомобили, специальная техника. Кроме того, введение указанной регистрации гарантирует защиту собственника от незаконного изъятия или хищения системы искусственного интеллекта, робота и объекта робототехники. Следует отметить, что предлагаемая регистрация необходима только для объектов, которые относятся к источникам повышенной опасности либо использование которых требует профессиональных навыков от пользователя (владельца).

При установлении ответственности для владельца следует разграничить понятия «вла-

делец» и «пользователь». Владелец может предоставить право пользования указанными объектами другому лицу, чьи действия, возможно, станут причиной негативных последствий, поэтому к ответственности необходимо привлечение непосредственно последнего.

Основной составляющей в данном подходе являются возможные негативные последствия (в первую очередь ущерб), вызванные непосредственными действиями (бездействием) пользователя, которые совершены с умыслом или без умысла (по неосторожности), с учетом того, имел ли субъект достаточные знания об объекте и о вероятности причинения ущерба как следствия его действий.

Следовательно, основными положениями относительно установления гражданско-правовой ответственности для пользователя являются:

- действия (бездействие), совершенные с умыслом на причинение вреда жизни, здоровью (своему или иного лица), окружающей среде и т.д., в том числе мошеннические действия, например несанкционированное перепрограммирование или иное внесение изменений, не предусмотренных разработчиком (создателем);
- действия (бездействие), совершенные без умысла, ввиду неосторожности или небрежности, в том числе при отсутствии профессиональных навыков для осуществления управления системой искусственного интеллекта, роботом и объектом робототехники, но причинившие вред жизни, здоровью (своему или иного лица), имуществу, окружающей среде и т.д.

Ущерб, причиненный действиями (бездействием) лица вследствие нераскрытия разработчиком необходимой информации и (или) предоставления некачественного объекта, соответственно, не должен относиться к ответственности пользователя. Установление указанных положений разграничит гражданско-правовую ответственность пользователя и разработчика, будет способствовать более ответственному отношению к применению данных объектов со стороны пользователя.

²² Лаптев В. А. Указ. соч. С. 79–102.

Таким образом, при установлении гражданско-правовой ответственности владельца (лица, получающего прибыль) в области использования искусственного интеллекта, робота и объектов робототехники основной составляющей является ответственность за возможные негативные последствия (ущерб), вызванные непосредственными действиями (бездействием) пользователя, которые совершены с умыслом или без умысла (по неосторожности).

Выводы:

1. Создание регуляторной площадки («регулятивной песочницы») будет эффективным механизмом для разработки гибкой системы нормативно-правового регулирования, допускающим возможности тестирования и ограниченного использования, гарантирующим безопасность населения и направленным на стимулирование развития искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники.

2. Важными составляющими регуляторной площадки при формировании и дальнейшем функционировании являются: регламент информационного обмена, введение обязательных условий участия, включая введение административно-правовых режимов регулирования экономической деятельности, регламент проведения мониторинга деятельности субъекта регуляторной площадки, система нивелирования рисков как для субъектов, так и для участников регуляторной площадки, формирование обязательной системы защиты от негативных последствий применения искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники.

3. При установлении гражданско-правовой ответственности разработчика (создателя) в области использования искусственного интеллекта, робота и объектов робототехники необходимо внесение изменений и дополнений в сфере нормативно-технического регулирования: дополнения, учитывающие автономность принятия решений, и инструменты, влияющие на окружающую среду, которыми характеризуется носитель ИИ, робот и объект РТ; процедуры определения соответствия уровня машинного обучения (программного обеспечения) надежности и безопасности пользователя; наличие подтверждения соответствия международным стандартам качества; требования по техническому обслуживанию, в том числе безопасному обновлению программного обеспечения.

4. Основным положением относительно установления гражданско-правовой ответственности для пользователя является ответственность за действия (бездействие), совершенные: с умыслом на причинение вреда жизни, здоровью (своему или иного лица), окружающей среде и т.д., в том числе мошеннические действия, например несанкционированное перепрограммирование или иное внесение изменений, не предусмотренных разработчиком (создателем); без умысла ввиду неосторожности или небрежности, в том числе при отсутствии профессиональных навыков для осуществления управления системой искусственного интеллекта, роботом и объектом робототехники, но причинившие вред жизни, здоровью (своему или иного лица), имуществу, окружающей среде и т.д.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кнутов А. В., Чаплинский А. В.* Лицензирование отдельных видов экономической деятельности: история развития и современное состояние // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2014. — № 1. — С. 73–96.
2. *Лаптев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 2. — С. 79–102.
3. *Лутовинова Н. В.* Страхование предпринимательских рисков как вид страхования // Проблемы экономики и юридической практики. — 2015. — № 3. — С. 75–79.
4. *Мирошниченко М. В.* Цифровая экономика как перспективный механизм развития // Экономика и экологический менеджмент. — 2019. — № 2. — С. 121–129.

5. Морхат П. М. Ответственность третьих лиц за совершение юнитами искусственного интеллекта причиняющих вред действий // Государственная служба и кадры. — 2018. — № 3. — С. 47–49.
6. Мошкин А. С., Полевой Е. В. Обязательное страхование гражданской ответственности владельца опасного объекта: проблемы и перспективы // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. — 2016. — № 2 (29). — С. 120–123.

Материал поступил в редакцию 23 июля 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Knutov A. V., Chaplinskij A. V. Licenzirovaniye ot del'nyh vidov ekonomicheskoy deyatel'nosti: istoriya razvitiya i sovremennoye sostoyaniye // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. — 2014. — № 1. — S. 73–96.
2. Laptev V. A. Ponyatiye iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za ego rabotu // Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. — 2019. — № 2. — S. 79–102.
3. Lutovinova N. V. Strahovaniye predprinimatel'skih riskov kak vid strahovaniya // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. — 2015. — № 3. — S. 75–79.
4. Miroshnichenko M. V. Cifrovaya ekonomika kak perspektivnyj mekhanizm razvitiya // Ekonomika i ekologicheskij menedzhment. — 2019. — № 2. — S. 121–129.
5. Morhat P. M. Otvetstvennost' tret'ih lic za soversheniye yunitami iskusstvennogo intellekta prichinyayushchih vred dejstvij // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. — 2018. — № 3. — S. 47–49.
6. Moshkin A. S., Polevoj E. V. Obyazatel'noe strahovaniye grazhdanskoj otvetstvennosti vladel'ca opasnogo ob"ekta: problemy i perspektivy // Nauchnye i obrazovatel'nye problemy grazhdanskoj zashchity. — 2016. — № 1 (29). — S. 120–123.

Особенности практического применения института принудительного выкупа животных

Аннотация. Статья посвящена анализу института принудительного выкупа животных, предусмотренного ст. 241 ГК РФ. Практическое применение такого выкупа сопряжено с рядом сложностей, в частности с отсутствием нормативно закрепленного понятия гуманного отношения к животным и со сложностью определения соотношения негуманного отношения и жестокого обращения. Для анализа указанных понятий автор обращается к российской доктрине, судебной практике и европейскому регулированию, изучает концепцию благополучия и основные пять свобод животных. Статья также изучает соотношение двух элементов института принудительного выкупа, поименованных в норме ГК РФ, а именно установления нарушения владельцем нормативных требований в области обращения с домашними животными и негуманного отношения. Отдельным вопросом, отраженным в статье, является порядок определения судом стоимости выкупаемого животного, который должен учитывать все издержки заявителя, связанные с лечением животного после выкупа.

Ключевые слова: жестокое обращение; негуманное обращение; изъятие животных; выкуп животных; концепция благополучия; гуманное отношение; домашние животные; актуальные проблемы; европейское регулирование; пять свобод.

Для цитирования: Шабалина М. А. Особенности практического применения института принудительного выкупа животных // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 88–101. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.088-101.

Features of the Practical Application of the Institute of Forced Buyout of Animals

Maria A. Shabalina, Lawyer, Moscow Law Office "Kulkov, Kolotilov & Partners"
4-i Golutvinskiy per., d. 1/8, str. 5, Moscow, Russia, 119180
shabalinamary@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the institution of force buyout of animals provided for under Art. 241 of the Civil Code of the Russian Federation. The practical application of the buyout under consideration is associated with a number of difficulties, in particular, with the lack of a normatively fixed concept of a humane attitude towards animals and with the difficulty of determining the balance between inhuman attitude and cruelty. To analyze these concepts, the author turns to the Russian doctrine, judicial practice and European regulation, studies the concept of welfare and the fundamental five freedoms of animals. The paper also examines the relationship between the two elements of the institute of forced buyout named in the provisions of the Civil Code of the Russian Federation as the establishment of a violation by the owner of regulatory requirements in the field of handling pets and inhuman treatment. A separate issue, raised in the paper, is the procedure for determining

---

© Шабалина М. А., 2021

* Шабалина Мария Алексеевна, юрист адвокатского бюро г. Москвы «Кульков, Колотилев и партнеры»
4-й Голутвинский пер., д. 1/8, стр. 5, г. Москва, Россия, 119180
shabalinamary@gmail.com

the value of the repurchased animal by the court that must take into account all the applicant's costs associated with the treatment of the animal after the buyout.

Keywords: cruel treatment; inhumane treatment; seizure of animals; ransom of animals; well-being concept; humane attitude; Pets; actual problems; European regulation; five freedoms.

Cite as: Shabalina MA. Osobennosti prakticheskogo primeneniya instituta prinuditelnogo vykupa zhyvotnykh [Features of the Practical Application of the Institute of Forced Buyout of Animals]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):88-101. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.088-101. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Институт принудительного выкупа домашних животных, закрепленный в ст. 241 Гражданского кодекса РФ¹, обладает рядом особенностей и редко применяется на практике. Многие из участников гражданского оборота не до конца понимают цель указанной нормы, а также механизм ее работы и зачастую пытаются использовать данный институт не «во спасение» животного от недобросовестного владельца, допускающего негуманное обращение, а в надежде избежать себя от последствий, сопутствующих такому обращению, в частности неприятного запаха из квартиры владельца, захламления и загрязнения общей территории дома и других факторов, при этом заявляя требования, не предусмотренные данной статьей, в частности об изъятии животного в пользу приюта или иного лица.

Сложности использования ст. 241 ГК РФ также сопрягаются с отсутствием единообразия терминов, используемых в разных нормативных актах. Так, в указанной статье законодатель вводит термин «гуманное отношение» к животным, не раскрывая его сути, статья 245 Уголовного кодекса РФ² оперирует термином «жестокое обращение», в то время как в ст. 137 ГК РФ используются оба термина. Отсутствие единого подхода и нормативного определения негуманного отношения фактически приводит к тому, что данный термин используется судами как синоним жестокого обращения, что является некорректным.

Отдельный вопрос вызывает соотношение элементов доказывания по ст. 241 ГК РФ,

а именно необходимости установления факта нарушения владельцем правил обращения с домашними животными и негуманного отношения к ним. Законодатель использует сочинительный союз «и», что должно свидетельствовать о необходимости доказывания двух элементов для возможности принудительного выкупа животного. Вместе с тем на практике встречаются случаи, когда суды удовлетворяли требования о выкупе только при доказанности факта обращения с животным с нарушением установленных правил. Автор полагает такой подход не соответствующим сути института принудительного выкупа.

Также в статье изучены иные актуальные проблемы практического применения института принудительного выкупа, а именно вопрос определения судом стоимости выкупаемого животного, и приведен анализ подходов ее определения.

1. Особенности правового регулирования обращения с животными в РФ

1.1. Правовая природа животных как особой категории имущества

Правовая природа животных устанавливается в ст. 137 ГК РФ, согласно которой к животным применяются общие правила об имуществе. Вместе с тем законодатель обособляет животных из общей категории имущества, указывая, что при осуществлении прав не допускается жестокое обращение с ними, противоречащее принципам гуманности.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Системное толкование ст. 137, п. 2 ст. 231 и ст. 241 ГК РФ позволяет установить, что законодатель расценивает животных как существ, способных испытывать эмоции, чувства и привязанность. Так, пункт 2 ст. 231 ГК РФ допускает изъятие животного у нового собственника, нашедшего безнадзорное животное, в случае явки прежнего собственника при наличии обстоятельств, свидетельствующих о сохранении к нему привязанности со стороны животного. Нормы ст. 231 и 241 ГК РФ допускают изъятие животного путем выкупа/возврата в случае жестокого или иного ненадлежащего с ним обращения.

Большинство представителей российской доктрины также рассматривают животных как особую категорию одушевленного имущества³, способного испытывать чувства и привязанность⁴.

Анализ практики российских судов показал, что суды признают за животными возможность испытывать стресс, тревогу, страх. Так, в определении Московского городского суда от 30.05.2019 по делу № 33-10666/2019 по иску владельца собаки к ветеринарной клинике, некачественно оказавшей услуги по чистке зубов, суд учел объяснения ветеринара о том, что у собак породы чихуахуа повышенная нервная возбудимость и проведенная ответчиком процедура вызвала стресс у животного. К аналогичному выводу пришел Московский городской суд в определении от 02.07.2014 по делу № 33-25614/2014, где в ходе стрижки с кожи собаки были сострижены папилломы, что привело к образованию кровавых следов на животном. Животное ввиду перенесенного стресса потеря-

ло способность самостоятельно передвигаться, не проявляло никакой активности и по прошествии некоторого времени умерло.

1.2. Пределы действия ст. 241 ГК РФ

Статья 241 ГК РФ регулирует возможность выкупа только домашних животных. Соответственно, для определения пределов применения анализируемой нормы необходимо установить, какие именно животные включаются в данную категорию.

Понятие домашнего животного в настоящее время закреплено в п. 4 ст. 3 Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵ (далее — Закон о животных) и включает в себя животных, которые находятся во владении физического лица и местом содержания которых не являются зоопарки, зоосады, цирки, зоотеатры, дельфинарии и океанариумы. Данная норма в совокупности со ст. 10 Закона о животных из числа «домашних» животных исключает животных диких, служебных, лабораторных и используемых в культурно-зрелищных мероприятиях. Вместе с тем в рамках анализа данного в Законе понятия остается открытым вопрос о возможности распространения ст. 241 ГК РФ на сельскохозяйственных животных.

Автор полагает возможным дать положительный ответ на поставленный вопрос. Во-первых, большинство ученых⁶ относят сельскохозяйственных животных к домашним, наряду с животными-компаньонами⁷. Во-вторых, статья 230 ГК РФ понимает сельскохозяйствен-

³ *Мохов А. А., Копылов Д. Э.* Псовые как объекты гражданских прав // Юридический мир. 2006. № 12. С. 41; Гражданское право : учебник / под ред. О. Н. Садикова. М. : Инфра-М, 2006. Т. 1.

⁴ *Горохов Д. Б., Горохова Ю. В.* Проблемы правового регулирования отношений по содержанию, использованию и охране животных, не относящихся к объектам животного мира // Законодательство и экономика. 2015. № 3; *Окунев К.* Домашние животные как объекты гражданских прав // URL: <http://www.zooclub.ru/urist/16.shtml> (дата обращения: 08.06.2020); *Дюринг Е.* Ценность жизни. М. : АСТ, 2000. С. 67.

⁵ СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8424.

⁶ Иной подход см., в частности: *Гасников К. Д.* Животные как объект гражданских прав // Законодательство и экономика. 2002. № 12; *Минина Е. Л.* Проблемы правового регулирования обращения с животными // Журнал российского права. 2014. № 12.

⁷ *Горохов Д. Б.* Проблемы качества и эффективности применения Закона об ответственном обращении с животными // Журнал российского права. 2020. № 4; *Коновалов А. В.* Заботливость, предусмотритель-

ных животных как разновидность домашних, поскольку использует термины «скот» и «другие безнадзорные домашние животные» в качестве однопорядковых понятий. В-третьих, суды на практике применяют ст. 241 ГК РФ в отношении сельскохозяйственных животных. Так, в решении Азовского г/с Ростовской области от 23.11.2011 суд рассмотрел требование истца о выкупе лошадей, в решении Шебекинского р/с Белгородской области от 13.12.2018 — требования о принудительной продаже собственником свиней, в решении Первомайского р/с г. Краснодара от 13.02.2012 истец просил изъять путем выкупа пони (требование было удовлетворено), аналогично в решении Первомайского р/с г. Краснодара от 08.02.2011 суд удовлетворил выкуп лошади и осла.

Вместе с тем при применении ст. 241 ГК РФ к сельскохозяйственным животным необходимо учитывать, что регулирование отношений с данной категорией животных устанавливается двумя основными законами: Законом о ветеринарии и Законом о племенном животноводстве, ни один из которых не оперирует понятием «гуманное отношение к животным» и не запрещает их умерщвления⁸. При этом указанное законодательство является специальным по отношению к общим нормам ГК РФ, т.е. обладает приоритетом. Соответственно, несмотря на формальное отнесение сельскохозяйственных животных к домашним, специальное регулирование не устанавливает обязанности для их

владельцев в отношении гуманного обращения и умерщвления, что является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении требований по ст. 241 ГК РФ.

2. Особенности состава доказывания по ст. 241 ГК РФ

Статья 241 ГК РФ устанавливает два основных факта, влияющих на возможность выкупа животного: 1) факт нарушения его владельцем правил обращения с домашними животными и 2) негуманное отношение владельца к животному.

Правила обращения с домашними животными устанавливаются Законом о животных, согласно ст. 9 которого к общим требованиям относятся, в частности, обеспечение надлежащего ухода, своевременного оказания ветеринарной помощи и профилактических ветеринарных мероприятий, утилизация биологических отходов и др.

Вместе с тем помимо федерального регулирования действует и законодательство субъектов (ст. 2 Закона о животных)⁹, которое также подлежит учету заявителем и судом при установлении противоправного обращения (см., например, Правила содержания домашних животных в городе Курске¹⁰ или Временные правила содержания собак и кошек в г. Москве¹¹).

Судебная практика также учитывает региональное регулирование вопросов правомерного обращения¹². В частности, в решении Свердловского р/с г. Белгорода от 22.03.2012 по

ность, добросовестность в разрезе различных способов приобретения права собственности // Российский судья. 2016. № 12.

⁸ На существование данной проблемы не раз указывали в отечественной доктрине; см., например: Горохов Д. Б. Указ. соч.

⁹ За исключением норм, которые противоречат конституционным основам РФ.

¹⁰ Решение Курского городского собрания от 02.04.2019 № 72-6-РС об утверждении Правил содержания домашних животных в г. Курске // URL: <http://docs.cntd.ru/document/553261752> (дата обращения: 22.07.2020).

¹¹ Постановление Правительства Москвы от 08.02.1994 № 101 «Об утверждении Временных правил содержания собак и кошек в г. Москве и Временного положения по отлову и содержанию безнадзорных собак и кошек в г. Москве» (в ред. постановления Правительства Москвы от 07.10.2008 № 900-ПП) // URL: <https://www.mos.ru/dgkh/function/informatciia-dlia-zhitelei/pravila-soderzhaniya-sobak-i-koshek/> (дата обращения: 22.07.2020).

¹² Решение Невьянского г/с Свердловской области от 13.09.2016 по делу № 2-1033/2016 ; решение Октябрьского р/с г. Екатеринбург от 01.11.2013 по делу № 2-8888/2013 ; решение Ханкайского р/с Примор-

делу № 2-704/2012 суд при применении ст. 241 ГК РФ изучил правила содержания домашних животных в Белгороде и Белгородской области, согласно которым владелец обязан содержать животное в соответствии с его биологическими особенностями, гуманно обращаться с ним, не оставлять без присмотра, без пищи и воды, не избивать и в случае заболевания животного вовремя прибегнуть к ветеринарной помощи. Суд установил, что ответчики содержали жилое помещение в антисанитарном состоянии, в квартире проживали кошки и собаки, уход за которыми не осуществлялся ответчиками, количество животных превышало нормативы субъекта, что послужило основанием для удовлетворения исковых требований.

Второй элемент доказывания — *негуманное отношение* владельца к животному — требует отдельного анализа, поскольку основывается на оценочном понятии гуманности и зачастую смешивается в доктрине и судебной практике с понятием жестокого обращения с животными.

2.1. Соотношение негуманного отношения и жестокого обращения

Положения ст. 241 ГК РФ указывают на необходимость именно негуманного отношения владельца к животному для потенциальной возможности его выкупа. Вместе с тем понятие гуманности является оценочным и в общих чертах закрепляется в ст. 4 Закона о животных,

которая указывает на необходимость отношения к животным как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания.

До выхода Закона о животных доктрина в основном придерживалась единого подхода о тождественности понятий негуманного и жестокого обращения¹³. Такой подход был основан на системном толковании ст. 137 и 241 ГК РФ, первая из которых прямо закрепляет за животными особый статус имущества, при обращении с которым не допускается жестокое обращение, противоречащее принципам гуманности. Именно упоминание гуманности в связке с жестоким обращением в ст. 137 ГК РФ во многом стало причиной отождествления данных понятий¹⁴.

Вместе с тем после принятия Закона о животных в доктрине начала проследиваться тенденция к разграничению негуманного и жестокого обращения, однако никаких конкретных пояснений, что именно должно подразумеваться под гуманностью, авторами не предлагалось¹⁵.

Автор настоящей статьи также полагает необходимым разграничивать рассматриваемые понятия, поскольку целью законодателя при введении ст. 241 ГК РФ являлась защита животных от ненадлежащего с ними обращения со стороны владельцев, однако ненадлежащее (негуманное) обращение не всегда сопряжено с жестоким обращением. По мнению автора, негуманное обращение является более широким понятием¹⁶.

ского края от 23.10.2013 по делу № 2-449/2013 ; решение Орджоникидзевского р/с г. Екатеринбурга от 19.12.2012 по делу № 2-4569/2012 ; решение Октябрьского р/с г. Саратова от 15.12.2011 по делу № 2-2653/11.

¹³ К авторам, разделявшим понятия гуманного и жестокого обращения с животными, относятся: *Микрюков В. А.* Несколько вопросов о бремени гуманного обращения с животными // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов : избранные материалы / под ред. В. Г. Голубцова, О. А. Кузнецовой. М. : Статут, 2015 ; *Минина Е. Л.* Указ. соч.

¹⁴ *Белова Т. В.* Проблемы законодательного регулирования прекращения права собственности на животных при ненадлежащем обращении с ними // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 4 ; *Евсеев Е. Ф.* О соотношении понятий «животное» и «вещь» в гражданском праве // Законодательство и экономика. 2009. № 2 ; *Грохов Д. Б., Иванова Ю. В.* Интервью: России нужен цивилизованный федеральный закон о животных // Адвокат. 2015. № 9.

¹⁵ *Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П.* Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая // СПС «КонсультантПлюс» ; *Сагдеева Л. В.* Ограничения и обременения права собственности и исключительного права // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. № 3.

¹⁶ Данной позиции придерживаются и некоторые другие авторы, в частности: *Минина Е. Л.* Указ. соч.

Понятие жестокого обращения с животными установлено в п. 5 ст. 3 Закона о животных. Согласно ему дефиниция жестокого обращения включает в себя 3 элемента: 1) возможные последствия в виде гибели, увечья или иного повреждения здоровья животного; 2) нарушение требований к содержанию, причинившему вред здоровью животного; 3) неоказание владельцем помощи животному, находившемуся в опасном для жизни состоянии. Таким образом, понятие жестокого обращения прямо сопряжено с причинением животному вреда здоровью¹⁷.

Поскольку российское законодательство не раскрывает должным образом понятия *гуманного отношения*, автор полагает необходимым обратиться к европейскому регулированию. Согласно исследованию Департамента прав граждан и конституционных дел Европейского парламента¹⁸, под гуманным (*humane*) обращением понимается такое обращение, которое значительно повышает благополучие животного (*welfare*)¹⁹. При этом концепция благополучия является основополагающей и описывает состояние конкретного животного в определенный момент²⁰.

Всемирная организация здоровья животных (*World Organisation for Animal Health*) определяет благополучие животных через основные

пять свобод: 1) свободу от голода, недоедания и жажды; 2) свободу от страха и страданий; 3) свободу от теплового стресса или физического дискомфорта; 4) свободу от боли, травм и болезней; 5) свободу выражать нормальные модели поведения (т.е. вести себя естественным образом)²¹.

Вместе с тем определение благополучия животных, выбранное Всемирной организацией здоровья животных (определение ученого Д. М. Брума²²), является не единственным²³.

Согласно европейской концепции, благополучие животных оценивается по шкале от очень хорошего до очень плохого. Последним оно становится, когда животное перестает быть способно контролировать свою умственную деятельность и физическую (телесную) стабильность²⁴. Так, мозг животного координирует все происходящие в организме процессы (поведение, умственную деятельность, иммунную систему и др.). На возможность такого контроля (как на важную часть благополучия) напрямую влияет множество факторов, в частности состояние здоровья животного²⁵ (где под здоровьем понимается не только отсутствие болезней, но и устойчивое «психическое» состояние²⁶ и отсутствие стрессов²⁷); наличие/отсутствие боли, страха, удовольствия, иных биологических ме-

¹⁷ Третий критерий — оставление животного в опасном для жизни состоянии — также неизбежно приведет к причинению вреда здоровью, что следует из буквального толкования словосочетания «опасное для жизни состояние».

¹⁸ Policy Department Citizens' rights and constitutional affairs. *Animal Welfare in the European Union*. (URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/583114/IPOL_STU\(2017\)583114_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/583114/IPOL_STU(2017)583114_EN.pdf)) (дата обращения: 01.05.2020)

¹⁹ Policy Department Citizens' rights and constitutional affairs. *Animal Welfare in the European Union*. P. 18.

²⁰ Policy Department Citizens' rights and constitutional affairs. *Animal Welfare in the European Union*. P. 16.

²¹ URL: <https://www.oie.int/en/animal-welfare/animal-welfare-at-a-glance/> (дата обращения: 01.05.2020).

²² Привод. по: Policy Department Citizens' rights and constitutional affairs. *Animal Welfare in the European Union*. P. 14.

²³ *Duncan I. J. H. Animal rights — animal welfare, a scientist's assessment // Poultry Science. 1981. 60. P. 489–499.*

²⁴ Policy Department Citizens' rights and constitutional affairs. *Animal Welfare in the European Union*.

²⁵ Policy Department Citizens' rights and constitutional affairs. *Animal Welfare in the European Union*. P. 22.

²⁶ См.: официальный сайт Московского зоопарка. URL: <https://www.moscowzoo.ru/about-zoo/articles/statio-zooparke/formula-khoroshego-zooparka/> (дата обращения: 01.05.2020).

²⁷ *Fraser D., Weary D. M., Pajor E. A. and Milligan B. N. A scientific conception of animal welfare that reflects ethical concerns // Animal Welfare. 1997. Vol. 6. P. 174–186.*

ханизмов²⁸, а также эмоциональное состояние животного²⁹.

Отдельного внимания заслуживает взаимосвязь благополучия с потребностями животного. Приведенная выше концепция пяти свобод в настоящее время признана неполной, поскольку не учитывает потребностей каждого вида животных³⁰. Потребности зависят от биологического функционирования животного и варьируются от вида к виду³¹. В Европе разработана целая система отчетов EFSA, учитывающих биологические особенности конкретного вида животного (отчеты, анализирующие влияние различных факторов на виды сельскохозяйственных животных и рыб³²). Под потребностями необходимо понимать физическую нужду организма животного, являющуюся частью его базовой биологии, в получении определенного ресурса или в реакции на определенное воздействие окружающей среды или другого организма³³. Конкретный вид животных может испытывать потребность в определенном поведении и будет переносить серьезный стресс, если не сможет выполнять конкретные действия, заложенные в него «природой». Такой стресс будет испытываться даже в тех ситуациях, когда конечная цель была достигнута иным путем. Например, люди не испытывают удовлетворения, если пища впрыскивается в их желудки, поскольку они хотят жевать и глотать еду. Так же и хищные

животные в неволе нуждаются в естественной охоте и с трудом привыкают к кормлению по расписанию³⁴.

Таким образом, европейское регулирование детально раскрывает *понятие гуманного отношения к животным*, под которым необходимо понимать обеспечение животных условиями, соответствующими их индивидуальным особенностям и биологическим потребностям, заботу о здоровье и своевременное оказание животному ветеринарной помощи, а также учет эмоционального состояния животного. Соответственно, даже если основываться на пяти свободах, становится очевидно, насколько они шире по сравнению с закрепленным в п. 5 ст. 3 Закона о животных понятием жестокого обращения.

Вместе с тем судебная практика РФ фактически не различает понятия негуманного и жестокого обращения, вследствие чего они отождествляются³⁵.

Единственным актом, найденным в ходе анализа дел по ст. 241 ГК РФ, где суд установил именно факт негуманного отношения, а не жестокого обращения с животными, является упомянутое ранее решение Свердловского р/с г. Белгорода от 22.03.2012 по делу № 2-704/2012. Согласно материалам дела владельцы содержали в квартире 5 собак и 2 кошки в антисанитарных условиях: квартира была захлавлена мусором, из нее исхо-

²⁸ Broom D. M. Welfare, stress and the evolution of feelings // *Advances in the Study of Behaviour*. 1998. Vol. 27. P. 371–403.

²⁹ Policy Department Citizens' rights and constitutional affairs. *Animal Welfare in the European Union*. P. 14.

³⁰ Привод. по: Policy Department Citizens' rights and constitutional affairs. *Animal Welfare in the European Union*. P. 14.

³¹ Policy Department Citizens' rights and constitutional affairs. *Animal Welfare in the European Union*. P. 17.

³² Например: The welfare of animals during transport // *EFSA Journal*. 2004. Vol. 44. P. 1–36 ; Welfare aspects of the main systems of stunning and killing the main commercial species of animals // *EFSA Journal*. 2004. Vol. 45. P. 1–29.

³³ Привод. по: Policy Department Citizens' rights and constitutional affairs. *Animal Welfare in the European Union*. P. 14–15.

³⁴ См.: официальный сайт Московского зоопарка. URL: <https://www.moscowzoo.ru/about-zoo/articles/statio-zooparke/formula-khoroshego-zooparka/>

³⁵ Суды не задаются вопросом соотношения понятий негуманности и жестокости, поэтому в судебных актах по рассматриваемой статье данный вопрос не поднимается ни судом, ни сторонами, а статья 241 ГК РФ просто приводится целиком (см.: решение Ленинского р/с г. Курска от 16.11.2018 по делу № 2-5253/2018 ; решение с/у № 9 судебного района, в котором создан Кировский р/с г. Екатеринбурга Свердловской области от 22.04.2015 по делу № 2-259/2015).

дил зловонный запах. Заслушав свидетелей и изучив все доказательства, суд установил, что *«обстоятельства, связанные с содержанием животных... свидетельствуют о негуманном обращении... и являются основаниями для изъятия всех содержащихся в квартире домашних животных»*.

Автору также удалось найти судебное толкование понятия «гуманное отношение к животным». Так, в решениях Первомайского р/с г. Краснодара от 13.02.2012 и от 08.02.2011 суд указал: *«Гуманное отношение к животным с обиходной точки зрения предполагает обязанность собственника их кормить, поить, своевременно выгуливать, лечить, профилактически прививать. С правовой позиции все перечисленное характеризует обязанность собственника по содержанию вещи, к которой необходимо добавить заботу о безопасности этой вещи для окружающих лиц и их имущества»*. Однако при анализе указанного толкования становится видно, что оно, по сути, ограничивается общими требованиями к содержанию животных, при нарушении которых обращение автоматически признается жестоким в понимании п. 5 ст. 3 Закона о животных.

Автор полагает необходимым разграничивать «негуманное» и «жестокое» обращение, поскольку первое является более широким понятием, что подтверждается представленным выше анализом европейского регулирования. Соответственно, для целей ст. 241 ГК РФ недостаточно руководствоваться только законодательным определением жестокого обращения — заявителям и судам необходимо также учитывать и иные аспекты негуманного отношения, которые могут осуществляться владельцем, но не приводить к причинению физического вреда здоровью, а соответственно, не покрываться понятием жестокого обращения.

2.2. Наличие или отсутствие необходимости доказывания обоих элементов состава по ст. 241 ГК РФ

Как было указано выше, статья 241 ГК РФ включает два элемента (нарушение законодательных норм и негуманное отношение), соединенных сочинительным союзом «и», что подразумевает необходимость доказывания обоих элементов. Вместе с тем суды не разграничивают понятия негуманного и жестокого обращения с животными. Поэтому для определения объема доказывания по рассматриваемой статье необходимо установить соотношение всех трех понятий: 1) нарушение законодательных норм; 2) негуманное отношение; 3) жестокое обращение.

Очевидно, что доказанность факта **жестокое обращение** будет автоматически приводить в доказанности и двух других элементов, поскольку жестокое обращение является частным случаем негуманного и запрещено законом. Вместе с тем соотношение оставшихся двух понятий является неоднозначным, поскольку в отдельных случаях **нарушение установленных законом норм** по обращению с животными не приводит к **негуманному отношению** к ним.

Так, например, испражнение животного на лестничной площадке многоквартирного дома будет относиться к обращению с животным не в соответствии с закрепленными законом правилами, поскольку статья 13 Закона о животных обязывает владельцев при содержании домашних животных соблюдать общие требования к содержанию животных, а также права и законные интересы лиц, проживающих в многоквартирном доме. Однако такое нарушение не приводит ни к жестокому обращению, ни к негуманному отношению. В частности, животные, требующие ежедневного выгула, могут по возрастным причинам испытывать недержание, что приведет к испражнению в «неположенном месте».

Таким образом, графическая схема соотношения всех трех понятий должна выглядеть следующим образом (см. рисунок).

Судебная практика по ст. 241 ГК РФ немногочисленна и не содержит единого подхода к вопросу о том, достаточно ли доказать только

факт обращения владельца с животным не в соответствии с закрепленными законом правилами или же такое нарушение правил в любом случае должно быть сопряжено с негуманным (жестоким) обращением³⁶.

Так, в решении Свердловского р/с г. Белгорода от 22.03.2012 по делу № 2-704/2012 суд удовлетворил требования истца о выкупе животных, не установив при этом факта негуманного (жестокое) обращения. Суд ограничился нарушением ответчиками правил обращения с домашними животными субъекта, которое было выражено в превышении предельно допустимого количества животных, содержащихся в квартире.

Вместе с тем в решении Невьянского г/с Свердловской области от 13.09.2016 по делу № 2-1033/2016 суд отказал в исковых требованиях, прямо указав на недопустимость применения ст. 241 ГК РФ только при наличии нарушения владельцем установленных правил обращения с животными. В рассматриваемом деле владелец не допускал жестокого или негуманного обращения, иск к нему был предъявлен ввиду выгула собаки на длинном поводке, что нарушало установленные субъектом правила обращения с животными. Однако суд отметил, что «само по себе нарушение прав иных граждан при ненадлежащем содержании домашних животных не является основанием для изъятия животных. Граждане, чьи права нарушаются собственниками животных, вправе требовать устранения этих нарушений способами и в порядке, которые предусмотрены законом».

Аналогичный вывод был сделан и в решении Октябрьского р/с г. Екатеринбурга от 01.11.2013 по делу № 2-8888/2013, решении Орджоникидзевского р/с г. Екатеринбурга от 19.12.2012 по делу № 2-4569/2012 и решении Октябрьского р/с г. Саратова от 15.12.2011 по делу № 2-2653/11, где отсутствовал факт жестокого или негуманного отношения к животным, а истцы ссылались только на нарушение ответчиками правил содержания домашних животных в коммунальной квартире.

Таким образом, в судебной практике отсутствует устоявшийся подход к возможности применения ст. 241 ГК РФ в отсутствие факта негуманного (жестокое) обращения.

Вместе с тем автор полагает, что данная статья должна применяться только в случаях жестокого обращения и негуманного отношения к животным, без учета иных требований нормативных актов, которые не охватываются указанными понятиями. В настоящее время большая часть судебной практики по рассматриваемой статье включает в себя дела, где заявители, ссылаясь на необходимость изъятия животного у владельца, преследуют цели, не соответствующие целям ст. 241 ГК РФ. Целью рассматриваемой статьи является избавление животного от проживания в ненадлежащих условиях, однако фактически данная статья используется лицами, когда они намерены не спасти животное от недобросовестного владельца, а избавиться от сопутствующих такому ненадлежащему владению факторов, в частности от неприятного запаха из квартиры владельца, захламления и

³⁶ Данные понятия приводятся как синонимы, поскольку судебная практика РФ их фактически не дифференцирует, что было доказано выше.

загрязнения общей территории дома, избавления от насекомых, размножающихся в квартире владельца, и др.³⁷ Непонимание цели во многом является причиной заявления лицами некорректных исковых требований, в которых они просят изъять животных не в свою пользу, а в пользу неких третьих лиц, в частности приютов, на которых, по мнению заявителей, должна возлагаться обязанность по содержанию изымаемых животных.

Таким образом, автор полагает, что доказывание первого элемента — нарушения владельцем установленных законом норм, должно применяться только в той степени, в которой это необходимо для доказывания второго элемента — негуманного отношения к животным, но не использоваться как самостоятельный и единственно необходимый элемент для применения ст. 241 ГК РФ.

3. Отдельные особенности правоприменения ст. 241 ГК РФ: требование о наличии денежных средств у заявителя, порядок определения стоимости изымаемого животного и иные дополнительные требования к заявителю

Статья 241 ГК РФ предусматривает возможность возмездного изъятия животного, что свидетельствует о том, что потенциальный заявитель должен располагать необходимой для выкупа денежной суммой.

В доктрине часто указывается на несправедливость законодательного подхода, обязывающего потенциального заявителя платить лицу, ненадлежаще обращающемуся со своим животным³⁸. Вместе с тем для определения того, соблюдается ли баланс интересов заявителя и владельца, лишаемого собственности, необходимо определить, по какому принципу происходит формирование цены выкупа.

Ввиду того, что нормативное регулирование не устанавливает порядка определения такой цены, автор полагает необходимым обратиться к судебной практике.

Так, в решении Свердловского р/с г. Белгорода от 22.03.2012 по делу № 2-704/2012 суд при удовлетворении требований по ст. 241 ГК РФ использовал среднерыночную стоимость беспородной собаки в возрасте от трех месяцев. Аналогично в решениях Первомайского р/с г. Краснодара от 13.02.2012 и от 08.02.2011 суд при установлении стоимости выкупа взял за основу справку специалистов о рыночной стоимости животного.

Таким образом, суды руководствуются среднерыночной стоимостью животного на момент судебного разбирательства.

Вместе с тем важным является вопрос о порядке установления такой среднерыночной цены по нескольким причинам. Во-первых, в случае с выкупом породистого животного вопросов не возникает, его цена берется по рынку, однако вопрос определения среднерыночной цены беспородного животного остается неразрешенным. Во-вторых, в большинстве случаев выкупаемые животные находятся в тяжелом состоянии здоровья, что автоматически налагает на лиц, претендующих на выкуп, бремя последующего лечения. Так, в решении Первомайского р/с г. Краснодара от 13.02.2012 истец выкупал пони, находившегося в критическом состоянии. Животному был поставлен ряд диагнозов: кахексия (истощение), диарея, «нагнеты» в области спины, острый конъюнктивит, катаральный ринит. Таким образом, новому владельцу предстояло потратить значительную сумму денежных средств на лечение такого животного. А соответственно, возникает вопрос, должны ли потенциальные расходы будущего владельца учитываться при определении цены выкупаемого животного?

³⁷ См.: решение Ленинского р/с г. Курска от 16.11.2018 по делу № 2-5253/2018 ; решение Ханкайского р/с Приморского края от 23.10.2013 по делу № 2-449/2013 ; решение Орджоникидзевогo р/с г. Екатеринбургa от 19.12.2012 по делу № 2-4569/2012 ; решение Октябрьского р/с г. Саратова от 15.12.2011 по делу № 2-2653/11.

³⁸ Белова Т. В. Указ. соч. ; Данилова С. И. Проблемы законодательной регламентации обращения с животными в России и пути их решения ; Минина Е. Л. Указ. соч.

Судебная практика по ст. 241 ГК РФ не дает ответов ни на первый, ни на второй вопрос. Таким образом, автор полагает необходимым изучить порядок определения рыночной стоимости в соответствии с Федеральным законом от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»³⁹. Согласно ст. 3 данного Закона под рыночной стоимостью объекта оценки понимается наиболее вероятная цена, по которой данный объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине цены сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства.

При проведении оценки того или иного имущества используются три основных подхода: сравнительный, доходный и затратный.

Сравнительный подход представляет собой совокупность методов оценки, основанных на получении стоимости объекта оценки путем сравнения оцениваемого объекта с объектами-аналогами. Его рекомендуется применять, когда доступна достоверная и достаточная для анализа информация о ценах и характеристиках объектов-аналогов. При этом могут применяться как цены совершенных сделок, так и цены предложений. Соответственно, при использовании сравнительного подхода стоимость выкупаемого животного будет определяться путем анализа стоимости аналогичных животных на рынке, анализ будет проводиться по виду животного, породе, возрасту, иным характеристикам. Сравнительный подход удобен для определения стоимости породистых животных и малоэффективен для непородистых, информация о стоимости которых, вероятнее всего, будет отсутствовать на рынке,

Доходный подход автор полагает неприменимым к оценке рыночной стоимости выкупаемых животных по рассматриваемой статье, поскольку он основывается на определении ожидаемых доходов от использования объекта оценки, что противоречит целям ст. 241 ГК РФ и зачастую является вовсе неприменимым, по-

скольку выкупаемое животное не сможет принести потенциальному владельцу доход.

Затратный подход является оптимальным, поскольку в его основу положено определение затрат, необходимых для приобретения, воспроизводства либо замещения объекта оценки с учетом износа и устаревания. Применительно к животным затратный подход должен учитывать изначальную стоимость животного (если ее можно определить) за минусом расходов, которые потенциальный владелец будет вынужден понести на лечение животного.

Возможность применения указанных стандартов для оценки стоимости животных подтверждается, в частности, постановлением ФАС Северо-Кавказского округа от 02.12.2011 по делу № А25-329/2011, согласно которому бывший собственник пытался признать оценку скота, осуществленную оценщиками по заданию судебного пристава, недействительной. Оценщики пользовались стандартами ФСО, суд признал такую оценку корректной.

На основании вышеизложенного автор полагает, что установление стоимости выкупаемого животного по среднерыночной цене с учетом потенциальных затрат на его предстоящее лечение (при необходимости) является справедливым и не будет нарушать баланса интересов сторон. Если животное является породистым, что его владелец имеет право как минимум на частичную компенсацию его изначальной стоимости, поскольку фактически у него происходит принудительное отчуждение собственности, за которую им изначально были уплачены денежные средства. Если животное является непородистым, то его рыночная стоимость будет незначительной или вовсе будет приравнена оценщиком к нулю, что, в свою очередь, удовлетворяет интересам потенциального владельца.

Вместе с тем в рамках рассматриваемого вопроса необходимо указать и на возможность установления судом *дополнительных требований* к потенциальному заявителю. Из анализа судебной практики видно, что в случаях, когда требование заявляется по выкупу не животного-

³⁹ Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3813.

компаньона (как правило, собаки или кошки), в большинстве случаев не испытывающих необходимости в обеспечении особых условий существования, а сельскохозяйственного животного, суд отдельно проверяет наличие у заявителя возможности учитывать физиологические потребности животного в выпасе, пробежках и др. В частности, в решении Первомайского р/с г. Краснодара от 13.02.2012 суд при принятии решения об удовлетворении требований истца в выкупе пони также изучил его финансовое положение, а именно размер ежемесячного дохода, наличие в собственности домовладения, хозяйственного блока и территории, а также двух земельных участков, что являлось достаточным для подтверждения возможности обеспечить животному надлежащие условия существования у нового владельца.

Таким образом, потенциальному заявителю и суду необходимо учитывать наличие денежных средств у такого заявителя, достаточных для компенсации среднерыночной стоимости животного за вычетом затрат на его лечение, и возможности обеспечить надлежащие условия существования животного.

Выводы

Проведенный в рамках настоящей статьи анализ позволяет прийти к следующим выводам:

- 1) институт выкупа животных распространяется на домашних животных, к числу которых относятся и сельскохозяйственные животные (с учетом особенностей регулирования данной категории животных);
- 2) принудительный выкуп животных возможен не только при наличии жестокого обра-

ния, как оно определено в п. 5 ст. 3 Закона о животных, но и при наличии негуманного отношения владельца к животному, где под негуманным должно пониматься отношение, когда животное оказывается не обеспеченным условиями, соответствующими его индивидуальным (и/или видовым) особенностям и биологическим потребностям, владелец не заботится о здоровье животного и не оказывает своевременную ветеринарную помощь при ее необходимости и не учитывает иные факторы, влияющие на состояние животного;

- 3) для принудительного выкупа заявителю необходимо доказать как факт нарушения владельцем установленных законом норм в отношении обращения с животным, так и факт негуманного отношения. При этом первый элемент должен учитываться судом только в той степени, которая необходима для доказывания второго элемента, но не в отрыве от него. В противном случае суды будут применять институт принудительного изъятия к владельцам, не проявляющим негуманного и (или) жестокого обращения к животным, но допускающим обращение с ними в противоречии с установленными законом требованиями;
- 4) стоимость выкупа должна определяться на основании рыночной стоимости, вычисленной оценщиком на основании сравнительного или затратного подходов, где первый наиболее применим к определению стоимости породистых животных, а второй — к стоимости непородистых. При этом стоимость в любом случае должна учитывать издержки нового владельца, которые он будет вынужден понести на лечение выкупаемого животного.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белова Т. В. Проблемы законодательного регулирования прекращения права собственности на животных при ненадлежащем обращении с ними // Ленинградский юридический журнал. — 2016. — № 4. — С. 113–124.
2. Гасников К. Д. Животные как объект гражданских прав // Законодательство и экономика. — 2002. — № 12.
3. Горохов Д. Б. Проблемы качества и эффективности применения Закона об ответственном обращении с животными // Журнал российского права. — 2020. — № 4. — С. 153–171.
4. Горохов Д. Б., Горохова Ю. В. Проблемы правового регулирования отношений по содержанию, использованию и охране животных, не относящихся к объектам животного мира // Законодательство и экономика. — 2015. — № 3. — С. 22–41.
5. Гражданское право : учебник / под ред. О. Н. Садикова. — М. : Инфра-М, 2006. — Т. 1.
6. Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая // СПС «КонсультантПлюс».
7. Горохов Д. Б., Иванова Ю. В. Интервью: России нужен цивилизованный федеральный закон о животных // Адвокат. — 2015. — № 9. — С. 18–30.
8. Дюринг Е. Ценность жизни. — М. : Аст, 2000.
9. Евсеев Е. Ф. О соотношении понятий «животное» и «вещь» в гражданском праве // Законодательство и экономика. — 2009. — № 2.
10. Коновалов А. В. Заботливость, предусмотрительность, добросовестность в разрезе различных способов приобретения права собственности // Российский судья. — 2016. — № 12. — С. 15–22.
11. Микрюков В. А. Несколько вопросов о бремени гуманного обращения с животными // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов: избранные материалы / под ред. В. Г. Голубцова, О. А. Кузнецовой. — М. : Статут, 2015. — С. 48–55.
12. Минина Е. Л. Проблемы правового регулирования обращения с животными // Журнал российского права. — 2014. — № 12. — С. 80–88.
13. Мохов А. А., Копылов Д. Э. Псовые как объекты гражданских прав // Юридический мир. — 2006. — № 12.
14. Окунев К. Домашние животные как объекты гражданских прав // URL: <http://www.zooclub.ru/urist/16.shtml> (дата обращения: 08.06.2020).
15. Сагдеева Л. В. Ограничения и обременения права собственности и исключительного права // ИС. Авторское право и смежные права. — 2020. — № 3. — С. 13–34.
16. Хорьков В. Н., Рубашкин В. В. Спорные вопросы установления административной ответственности за нарушение правил содержания домашних животных // Современное право. — 2017. — № 10. — С. 72–78.
17. Broom D. M. Welfare, stress and the evolution of feelings // Advances in the Study of Behaviour. — 1998. — Vol. 27. — P. 371–403.
18. Broom D. M. Sentience and Animal Welfare. — 2014.
19. Duncan I. J. H. Animal rights — animal welfare, a scientist's assessment // Poultry Science. — 1981. — Vol. 60. — P. 489–499.
20. Policy Department Citizens' rights and constitutional affairs. Animal Welfare in the European Union // URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/583114/IPOL_STU\(2017\)583114_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/583114/IPOL_STU(2017)583114_EN.pdf) (дата обращения: 01.05.2020).

Материал поступил в редакцию 23 июля 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belova T. V. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya prekrashcheniya prava sobstvennosti na zhivotnyh pri nenadlezhashchem obrashchenii s nimi // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. — 2016. — № 4. — S. 113–124.
2. Gasnikov K. D. Zhivotnye kak ob"ekt grazhdanskih prav // Zakonodatel'stvo i ekonomika. — 2002. — № 12.
3. Gorohov D. B. Problemy kachestva i effektivnosti primeneniya Zakona ob otvetstvennom obrashchenii s zhivotnymi // Zhurnal rossijskogo prava. — 2020. — № 4. — S. 153–171.
4. Gorohov D. B., Gorohova Yu. V. Problemy pravovogo regulirovaniya otnoshenij po sodержaniyu, ispol'zovaniyu i ohrane zhivotnyh, ne odnosyashchihsya k ob"ektam zhivotnogo mira // Zakonodatel'stvo i ekonomika. — 2015. — № 3. — S. 22–41.
5. Grazhdanskoe pravo : uchebnik / pod red. O. N. Sadikova. — M. : Infra-M, 2006. — T. 1.
6. Grishaev S. P., Bogacheva T. V., Svit Yu. P. Postatejnyj kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Chast' pervaya // SPS «Konsul'tantPlyus».
7. Grohov D. B., Ivanova Yu. V. Interv'y: Rossii nuzhen civilizovannyj federal'nyj zakon o zhivotnyh // Advokat. — 2015. — № 9. — S. 18–30.
8. Dyuring E. Cennost' zhizni. — M. : Ast, 2000.
9. Evseev E. F. O sootnoshenii ponyatij «zhivotnoe» i «veshch'» v grazhdanskom prave // Zakonodatel'stvo i ekonomika. — 2009. — № 2.
10. Konovalov A. V. Zabotlivost', predusmotritel'nost', dobrosovestnost' v razreze razlichnyh sposobov priobreteniya prava sobstvennosti // Rossijskij sud'ya. — 2016. — № 12. — S. 15–22.
11. Mikryukov V. A. Neskol'ko voprosov o bremeni gumannogo obrashcheniya s zhivotnymi // Pyatyj Permskij kongress uchenyh-yuristov: izbrannye materialy / pod red. V. G. Golubcova, O. A. Kuznecovoj. — M. : Statut, 2015. — S. 48–55.
12. Minina E. L. Problemy pravovogo regulirovaniya obrashcheniya s zhivotnymi // Zhurnal rossijskogo prava. — 2014. — № 12. — S. 80–88.
13. Mohov A. A., Kopylov D. E. Psovye kak ob"ekty grazhdanskih prav // Yuridicheskij mir. — 2006. — № 12.
14. Okunev K. Domashnie zhivotnye kak ob"ekty grazhdanskih prav // URL: <http://www.zooclub.ru/urist/16.shtml> (data obrashcheniya: 08.06.2020).
15. Sagdeeva L. V. Ogranicheniya i obremeneniya prava sobstvennosti i isklyuchitel'nogo prava // IS. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2020. — № 3. — S. 13–34.
16. Hor'kov V. N., Rubashkin V. V. Spornye voprosy ustanovleniya administrativnoj otvetstvennosti za narushenie pravil sodержaniya domashnih zhivotnyh // Sovremennoe pravo. — 2017. — № 10. — S. 72–78.
17. Broom D. M. Welfare, stress and the evolution of feelings // Advances in the Study of Behaviour. — 1998. — Vol. 27. — P. 371–403.
18. Broom D. M. Sentience and Animal Welfare. — 2014.
19. Duncan I. J. H. Animal rights — animal welfare, a scientist's assessment // Poultry Science. — 1981. — Vol. 60. — P. 489–499.
20. Policy Department Citizens' rights and constitutional affairs. Animal Welfare in the European Union // URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/583114/IPOL_STU\(2017\)583114_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/583114/IPOL_STU(2017)583114_EN.pdf) (data obrashcheniya: 01.05.2020).

Коллизия между юридической формой и экономическим содержанием договора и способы ее разрешения на примере договора выкупного лизинга

Аннотация. В статье обосновывается, что причиной коллизии между юридической формой и экономическим содержанием договора является несоответствие реальных хозяйственных целей сторон конкретного договора тем целям, которые имел в виду законодатель при построении юридической конструкции соответствующего договора, например лизинговый платеж в договоре выкупного лизинга включает из себя не только плату за пользование имуществом, как это должно быть при аренде, но и выкупную стоимость имущества. Автор выделяет и анализирует три способа разрешения указанной коллизии: перекалфикация договора в целом или его отдельных условий по правилам о притворных сделках, прямое применение общеправового принципа справедливости и приоритет выявления действительной общей воли сторон над буквальным толкованием договора. Обосновывается, что стороны договора вправе использовать те или иные договорные конструкции для достижения нехарактерных экономических целей, если такие цели не являются противоправными.

Ключевые слова: коллизия; договор выкупного лизинга; притворная сделка; принцип справедливости; толкование договора; буквальное толкование; воля; форма и содержание; эквивалентность; расторжение договора; судебная практика.

Для цитирования: Федотов Д. В. Коллизия между юридической формой и экономическим содержанием договора и способы ее разрешения на примере договора выкупного лизинга // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 102–113. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.102-113.

The Conflict between the Legal Form and the Economic Content of the Contract and Methods of its Resolution on the Example of a Buyout Lease Agreement

Dmitriy V. Fedotov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Ural State Law University
ul. Komsomolskaya, d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137
jursila@rambler.ru

Abstract. The paper substantiates that the reason for the collision between the legal form and the economic content of the contract is the discrepancy between the real economic goals of the parties to a particular contract and the goals that the legislator had in mind when constructing the legal structure of the corresponding contract,

© Федотов Д. В., 2021

* Федотов Дмитрий Витальевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
jursila@rambler.ru

for example, a lease payment in a buyout lease agreement includes not only payment for the use of the property, as it should be for the lease, but also the redemption value of the property. The author identifies and analyzes three ways to resolve this conflict: re-qualification of the contract as a whole or its individual conditions according to the rules on sham transactions, direct application of the general legal principle of justice and the priority of revealing the actual common will of the parties over the literal interpretation of the contract. It is substantiated that the parties to the contract have the right to use certain contractual structures to achieve uncharacteristic economic goals, if such goals are not illegal.

Keywords: collision; buyout lease agreement; a sham deal; the principle of justice; interpretation of the contract; literal interpretation; will; form and content; equivalence; termination of an agreement; arbitrage practice.

Cite as: Fedotov DV. Kolliziya mezhdru yuridicheskoy formoy i ekonomicheskim soderzhaniem dogovora i sposoby ee razresheniya na primere dogovora vykupnogo lizinga [The Conflict between the Legal Form and the Economic Content of the Contract and Methods of its Resolution on the Example of a Buyout Lease Agreement]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):102-113. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.102-113. (In Russ., abstract in Eng.).

Споры о юридической природе договора лизинга ведутся в юридической науке давно. Существует позиция, основанная на формально-догматическом толковании положений действующего ГК РФ, в соответствии с которой договор лизинга — это разновидность договора аренды в силу прямого указания Кодекса. Так, В. В. Витрянский утверждает, что «для правильного определения правовой природы договора лизинга необходимо прежде всего избавиться от взгляда на лизинг как на экономико-правовую категорию... Конечно же, экономическая сущность имущественных отношений, являющихся предметом правового регулирования, должна учитываться и, более того, предопределять содержание соответствующих правовых норм, но само правовое регулирование должно строиться по собственным правилам»¹. Вторая точка зрения основывается преимущественно на анализе экономических аспектов лизинга, которые не соответствуют тем, которые присущи

«классической» аренде². Специфическая, «не арендная» сущность лизинга подчеркивалась и Конституционным Судом РФ: в одном из постановлений Суд отметил, что «лизинговая деятельность — это вид инвестиционной деятельности по приобретению имущества (предмета лизинга) и передаче его в лизинг: лизингодатель при помощи финансовых средств (в том числе бюджетных) оказывает лизингополучателю своего рода финансовую услугу, приобретая имущество в свою собственность и передавая его во владение и пользование лизингополучателю (ст. 11 Закона о лизинге), а стоимость этого имущества возмещая за счет периодических лизинговых платежей, образующих его доход от инвестиционной деятельности»³.

Строго говоря, в законе нигде не сказано, что по окончании срока лизинга предмет лизинга обязательно выкупается лизингополучателем в свою собственность. В немецкой доктрине судьей В. Баль высказана позиция, в соответ-

¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая : Договоры о передаче имущества. М. : Статут, 2000. С. 607 (автор главы — В. В. Витрянский).

² Обзор точек зрения и литературу вопроса см.: Тепкина А. В. Договор лизинга как вид аренды или обеспечительной сделки // Юрист. 2012. № 15. С. 34.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, части 6 статьи 5 Федерального закона “О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации” и статьи 116 Федерального закона “О федеральном бюджете на 2007 год” в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Российская газета. 2011. № 177.

ствии с которой переход права собственности к лизингополучателю в принципе недопустим, так как это «приводит к отождествлению правовой конструкции лизинга и конструкции смешанного договора найма-продажи»⁴. Однако в российской коммерческой практике почти все договоры лизинга являются выкупными⁵, поэтому термины «договор лизинга» и «договор выкупного лизинга» стали чуть ли не синонимами. В дальнейшем в целях исследования при анализе договора лизинга будет рассматриваться именно выкупной лизинг.

Из-за указанной разницы в подходах (одни авторы ориентируются на экономическую сущность лизинга, другие — на его место в системе обязательств по ГК РФ) трудно однозначно разрешить данную дискуссию. Поэтому господствующей является компромиссная позиция: «Лизинг является разновидностью аренды, хотя зачастую он выступает юридической формой экономических отношений кредита», — указывает М. В. Бандо⁶. А. В. Егоров выделяет «арендную» и «кредитную» концепции лизинга и приходит к обоснованному выводу о том, что «теория лизинга как нетипичной аренды представляет собой попытку поместить лизинг в рамки, не отвечающие его внутренней природе»⁷.

Даже собственность лизингодателя на предмет лизинга — не совсем обычная собственность. По утверждению С. А. Громова, «право, которое получает кредитор при обеспечении его

интересов предоставлением титула собственника, время от времени именуется обеспечительной собственностью»⁸. Лизингодатель, в отличие от обычного собственника, изначально не планирует в полной мере реализовывать свои правомочия в отношении вещи, титул собственника нужен ему исключительно для целей обеспечения исполнения обязательств лизингополучателем.

В философии отмечается, что «форма — это способ выражения и существования содержания... Форма и содержание едины... Их единство выражается в том, что определенное содержание “облачается” в определенную форму»⁹. Можно говорить о коллизии юридической формы (аренда) и экономического содержания (возмездное финансирование) договора лизинга. Следует признать, что договор лизинга, пожалуй, наиболее яркий в современном гражданском праве пример несоответствия юридической формы и экономического содержания. Чтобы разобраться, в чем состоит причина данного несоответствия, следует обратиться к анализу некоторых основополагающих принципов гражданского права.

«Автономия воли и частный интерес являются столпами всего гражданского права», — отмечает С. В. Сарбаш¹⁰. Вместе с тем, как справедливо указывается в литературе, субъекты несут все правовые риски, вызванные выбором той или иной договорной конструкции или кон-

⁴ Цит. по: Егоров А. В. Лизинг: аренда или финансирование? // Вестник ВАС РФ. 2012. № 3. С. 38.

⁵ См.: Громов С. А. Коренной поворот в практике применения законодательства о лизинговой деятельности // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11. С. 86–87; Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 558 (автор главы — В. В. Витрянский).

⁶ Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. 2-е изд., перераб. и доп. М., Статут, 2017. Т. 2. С. 257 (автор главы — М. В. Бандо).

⁷ Егоров А. В. Лизинг: аренда или финансирование? С. 43. См. также: Он же. Тезисы вводного доклада на круглом столе «Лизинговая операция: как распутать клубок противоречий» (2 февраля 2012 г.) // URL: https://m-logos.ru/img/Tezisi%20Egorova_02.02.12.docx (дата обращения: 28.07.2020).

⁸ Громов С. А. Обеспечительная собственность: догматический очерк на примере лизинга // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 54.

⁹ Спиркин А. Г. Философия : учебник. 2-е изд. М. : Гардарики, 2005. С. 277.

¹⁰ Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. С. 124 (автор комментария — С. В. Сарбаш).

кретных договорных условий для регулирования их отношений¹¹. Несмотря на кажущуюся тривиальность данной мысли, на данный аспект принципа диспозитивности редко обращают внимание.

Участники гражданского оборота, руководствуясь принципами диспозитивности и свободы договора, могут прийти к желаемому хозяйственному результату, используя для целей его достижения различные договорные конструкции. Например, некое лицо желает приобрести дорогостоящий товар, но не имеет достаточно свободных денежных средств. Имеется второе лицо, готовое профинансировать его за определенное вознаграждение. Какой вид договора следует заключить указанным лицам? Первый вариант — договор купли-продажи, по условиям которого продавец приобретет по отдельному договору в свою собственность необходимое имущество, а затем передаст его в собственность покупателя. Покупатель будет оплачивать товар в рассрочку. Имущественная выгода продавца будет заключаться в разнице между суммой полученных от покупателя периодических платежей и суммой, за которую он сам приобрел данное имущество. При этом у продавца будет иметься право залога на товар до его полной оплаты в силу закона (п. 5 ст. 488 ГК РФ) или отдельного договора залога. Второй вариант — выдача целевого процентного займа под приобретение необходимого товара с обеспечением в виде залога приобретаемого имущества в пользу займодавца. Третий вариант — заключение договора лизинга соответствующего имущества. Несомненно, возможны и иные не противоречащие закону варианты. Выбор сторонами той или иной договорной конструкции, естественно, будет производиться на основе анализа достоинств и недостатков каждой из них и с учетом всех соответствующих рисков.

Именно в этом и состоит причина коллизии юридической формы и юридического содер-

жания договора: имеется некий «типичный» для данных экономических целей договор, который по тем или иным причинам кажется сторонам неудобным. Поэтому стороны пытаются использовать иной договор, изначально, по мысли законодателя, предназначенный для достижения иных хозяйственных целей. При лизинге временное владение и пользование имуществом — это не конечная хозяйственная цель заключения соответствующего договора, как оно теоретически должно быть при аренде, а сугубо вспомогательный, промежуточный этап в достижении конечной цели — приобретения имущества в собственность в рассрочку. В литературе отмечают следующие преимущества лизинга по сравнению с кредитом: во-первых, возможность оптимизации налогов¹², во-вторых, простота получения¹³. Преимущество для лизингодателя состоит в том, что предмет лизинга остается в его собственности вплоть до полной выплаты лизинговых платежей. Кроме того, вести лизинговую деятельность значительно проще, чем осуществлять банковские операции по выдаче кредитов ввиду повышенных требований, предъявляемых к банкам действующим законодательством (лицензирование, большой уставный капитал, усложненная отчетность и т.д.).

Определив причину коллизии между юридической формой и экономическим содержанием договора лизинга, рассмотрим вопрос о способах ее разрешения.

В правоприменительной практике в подобных ситуациях суды, как правило, используют такой механизм, как признание данных сделок притворными. Данный подход основывается на общепринятых представлениях о сущности притворных сделок. Еще Г. Ф. Шершеневич писал, что «в некоторых случаях содержание сделки может не соответствовать истинной воле, выражением которой является сделка. Стороны имеют в виду совершить одну сделку, но облачают

¹¹ См.: Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., стер. М. : Статут, 2013. Т. 1. С. 76 (автор главы — Е. А. Суханов).

¹² См. подробнее: *Лейба А.* Риски договора лизинга // *ЭЖ-Юрист*. 2014. № 43. С. 11 ; *Тютин Д. В.* Налоговое право : курс лекций // СПС «КонсультантПлюс», 2017.

¹³ См.: *Абдульмянов И. М.* Правовая природа договора лизинга // *Право и политика*. 2006. № 6. С. 142.

ее в форму другой, так что совершенная сделка является выражением не действительного намерения, а видимого. Такие сделки носят название притворных»¹⁴. В современной литературе используется похожее определение притворной сделки. Так, по высказыванию Ю. В. Мельниковой, «при совершении притворной сделки единая воля сторон направлена не на достижение соответствующего ей правового результата, а на создание иных правовых последствий, соответствующих сделке, которую стороны действительно имели в виду»¹⁵. Доктринальные представления о природе притворных сделок нашли свое отражение в п. 2 ст. 170 ГК РФ, содержащем следующую норму: притворная сделка, то есть сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, ничтожна. К сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа и содержания сделки применяются относящиеся к ней правила.

Наиболее часто в правоприменительной практике сделки, юридическая форма которых не соответствует их экономической сущности, переqualифицируются в целях применения налогового законодательства. Здесь уместно сослаться на абз. 4 п. 77 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁶: «Если суд на основании оценки доказательств, представленных налоговым органом и налогоплательщиком, придет к выводу о том, что налогоплательщик для целей налогообложения не учел операции либо учел операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом, суд

определяет объем прав и обязанностей налогоплательщика, исходя из подлинного экономического содержания данной операции или совокупности операций в их взаимосвязи». По сути, Суд здесь применил правила о притворных сделках, хотя прямо это и не указано.

Приведем другой пример, уже из области банкротных правоотношений. При рассмотрении вопроса о включении в реестр требований кредиторов требования аффилированного с должником кредитора, основанного на гражданско-правовом договоре (например, требование о возврате займа), суды зачастую признают его притворным — прикрывающим корпоративное требование. Так, в одном из дел Верховный Суд РФ констатировал, что к корпоративным обязательствам «относятся не только такие, существование которых прямо предусмотрено корпоративным законодательством (выплата дивидендов, действительной стоимости доли и т.д.), но также и обязательства, которые, хотя формально и имеют гражданско-правовую природу, в действительности таковыми не являются (в том числе по причине того, что их возникновение и существование было бы невозможно, если бы заимодавец не участвовал в капитале должника)»¹⁷. При этом Суд сослался на норму п. 2 ст. 170 Гражданского кодекса РФ о притворных сделках. А требования учредителей (участников) должника по обязательствам, вытекающим из факта участия, не считаются требованиями конкурсных кредиторов (абз. 8 ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁸).

Аналогичный подход используется судами и при определении имущественных последствий досрочного расторжения договора выкупно-

¹⁴ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М. : Спарк, 1995. С. 119.

¹⁵ Мельникова Ю. В. Недействительность (ничтожность) мнимых и притворных сделок и их правовые последствия // Российский судья. 2014. № 11. С. 10.

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.

¹⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556(2) по делу № А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

го лизинга (например, вследствие просрочки внесения лизинговых платежей). Сложность, с которой сталкиваются суды в указанном случае, заключается в следующем. В ординарном случае арендная плата — это плата за пользование имуществом. В состав лизингового платежа в договоре выкупного лизинга де-факто входит сумма кредитного финансирования, предоставленного лизингодателем лизингополучателю, а также плата за такое финансирование (с экономической точки зрения это проценты по кредиту). Однако арендная «форма» выкупного лизинга не позволяет выделить данные составные части. Как следствие, строго формально при досрочном расторжении договора выкупного лизинга, даже если лизингополучатель выплатил 99 % лизинговых платежей, он обязан вернуть предмет лизинга лизингодателю, но не вправе потребовать возврата уплаченных лизинговых платежей. Понятно, что лизингополучатель, по существу, не только вносил лизингодателю плату за пользование имуществом, но еще и постепенно выкупал предмет лизинга, и теперь он, почти полностью выкупив предмет лизинга, остается и без имущества, и без денег. Налицо явная несправедливость. Возможна несправедливость и в обратную сторону, особенно если расторжение договора выкупного лизинга произошло вскоре после его заключения, так как лизингодатель лишается возможности требовать от лизингополучателя внесения лизинговых платежей. Хотя у него остается в собственности предмет лизинга, это может оказаться слабым утешением: зачастую предмет лизинга — это малоликвидный товар с узким рынком сбыта, а лизингодателю реализовать его трудно еще и потому, что он не является специалистом в соответствующем данному товару сегменте рынка.

Данное противоречие было в значительной степени устранено в связи с принятием постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга»¹⁹. Суд констатировал кредитную

сущность договора выкупного лизинга: «Судам необходимо учитывать, что по общему правилу в договоре выкупного лизинга имущественный интерес лизингодателя заключается в размещении и последующем возврате с прибылью денежных средств, а имущественный интерес лизингополучателя — в приобретении предмета лизинга в собственность за счет средств, предоставленных лизингодателем, и при его содействии. Приобретение лизингодателем права собственности на предмет лизинга служит для него обеспечением обязательств лизингополучателя по уплате установленных договором платежей, а также гарантией возврата вложенного» (п. 2 постановления). Далее, в п. 3 подробно расписывается порядок вычисления сальдо встречных обязательств лизингодателя и лизингополучателя при досрочном расторжении договора, исходя из его кредитной природы.

В рассматриваемом постановлении Пленума ВАС РФ нет ссылок на притворность условий договора выкупного лизинга о лизинговых платежах. Однако суд с очевидностью исходил из того, что лизинговый платеж не является обычным арендным платежом, а включает в себя и иные экономические составляющие. Обе стороны договора явно понимают это и при определении размера лизинговых платежей исходят не из формального понимания лизингового платежа как арендной платы, а из его подлинного экономического содержания. Таким образом, стороны умышленно прикрыли под видом арендного платежа кредитное финансирование. Что это как не притворная сделка?

Здесь важно сделать следующую оговорку. Совершение притворной сделки однозначно ассоциируется у юристов с противоправным и недобросовестным поведением. В данном же случае стороны договора выкупного лизинга действовали без какого-либо злого умысла: они назвали арендным (лизинговым) платежом кредитное финансирование не с какими-либо недобросовестными целями, а вынужденно — ввиду того, что действующее отечественное гражданское законодательство предлагает им

¹⁹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

не вполне отвечающую сложившейся хозяйственной практике форму договора.

Нельзя не отметить, что при составлении текста постановления Суд руководствовался общеправовым принципом справедливости, возможно в ущерб букве закона. Однако в российской, особенно дореволюционной, литературе подобный подход к судопроизводству неоднократно подвергался жесткой критике. Например, Г. Ф. Шершеневич писал: «В публике нередко слышатся пожелания, чтобы каждое дело решалось по справедливости, а не по букве закона. Но призывать на смену чувства законности чувство справедливости довольно опасно... Однако что одному кажется справедливым, то другому представляется вопиющим нарушением правды, и наоборот. Если вместо определенных правил мы подставим справедливость, то, может быть, в некоторых случаях это будет и хорошо, в других же это будет ужасно. Замена закона справедливостью, уничтожая порядок, внесла бы полную неопределенность в человеческие отношения»²⁰. И. А. Покровский указывал на неблагоприятные последствия практической реализации воззрений о возможности суда решать дела на основании общих представлений о справедливости: «...доктрины естественного права этим самым невольно для себя широко открывали дверь для судейского субъективизма и произвола. И результаты сказывались быстро. В обществе терялось доверие к судам и к юристам; их наделяли насмешливыми прозвищами “*juris periti*” вместо “*juris periti*”²¹, их обзывали софистами, шиканирующими правосудие, и т.д. Общество отворачивалось даже от самых понятий естественного права или справедливости и устремлялось в более грубую, но более надежную пристань положительного закона»²².

В современной литературе наблюдается обратная тенденция — решения судов, основанные не на букве, а на духе закона, оценива-

ются положительно. Так, А. С. Васильев высоко оценивает практику Верховного Суда РФ о признании за участниками долевого строительства права собственности на квартиры в недостроенном доме в случае банкротства застройщика: «Представляется, что подход Верховного Суда РФ является человечным, действительно правовым, он отбрасывает догматику, игнорирует “букву” закона и на первое место ставит действительно в высшей степени правовую категорию — справедливость. Зачем нужна догма права, зачем нужно позитивное право, если оно является инструментом причинения вреда его главному носителю»²³.

Трудно решить, какое мнение в этом вопросе более веско, так как аргументы в пользу любого из них весьма убедительны. Вероятно, здесь следует использовать принцип разумной золотой середины. При применении вышеназванного подхода, пытаюсь решить дело «по справедливости» для одних лиц, очень легко допустить несправедливость по отношению к другим лицам. Широко известным примером здесь является постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.02.2011 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге»²⁴, в п. 25 которого было введено правило о том, что если приобретатель заложенного имущества не знал и не должен был знать о залоге (добросовестный приобретатель), то залог прекращается. По состоянию на дату выхода постановления Пленума публичного реестра заложенного движимого имущества не существовало. Разъяснение Пленума не только явно противоречило ГК РФ, а именно — п. 1 ст. 353 в действовавшей на тот момент редакции, но и было спорным с точки зрения справедливости: пытаюсь решить коллизию в пользу добросовестного приобретателя, Пленум ВАС РФ существенно ухудшил положение залогодержателя, так как многие нечестные

²⁰ Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. / вводные замечания Ю. Н. Старилова. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. С. 27.

²¹ «Подлые правоведаы» вместо «искусные правоведаы» (лат.).

²² Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стер. М. : Статут, 2001. С. 102.

²³ Васильев А. С. Мы — счастливейшее среднее арифметическое // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 1 (2). С. 55.

залогодатели, чтобы «очистить» вещь от залога, заключали фиктивные договоры купли-продажи заложенного имущества с доверенными лицами, которые якобы не знали о залоге. Доказать сговор залогодателя и покупателя в ходе судебного разбирательства было практически невозможно. Поэтому разъяснение Суда подверглось в литературе заслуженной критике со стороны ученых — как с формально-юридической (противоречие ГК РФ), так и с социально-экономической (отсутствие гарантий защиты залогодержателя) точки зрения²⁵.

Таким образом, судебное толкование, противоречащее букве закона, может являться обоюдоострым оружием, способным и принести много пользы, и причинить немало вреда. Поэтому его следует использовать с большой осторожностью, желательно используя одновременно и иные гражданско-правовые механизмы вроде вышеупомянутой переквалификации сделок.

Еще одним таким механизмом может послужить выявление действительной общей воли сторон договора в ущерб его буквальному толкованию. Как известно, ГК РФ в ст. 431 закрепляет безусловный приоритет буквального толкования договора, и только если буквальное толкование не позволяет определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. Подобный подход, в целом характерный как для современного, так и для более раннего отечественного законодательства, неоднократно подвергался критике еще с дореволюционных времен²⁶. По мнению современного автора А. К. Байрамкулова, «наиболее сбалансированным представляется подход немецких судов, согласно которому закрепляется презумпция буквального значения спорного условия, которая может быть опровергнута всеми допустимыми доказательствами.

Аналогичную презумпцию предлагается закрепить в российском праве на уровне разъяснений высших судебных инстанций»²⁷.

В некоторых случаях приоритет буквального толкования договора над толкованием, основанным на выявлении действительной общей воли сторон, закрепленный в ст. 431 ГК РФ, не реализуется. Например, излишне последовательное применение указанного приоритета сделало бы в принципе невозможной квалификацию той или иной сделки как притворной — ведь сам механизм такой квалификации как раз предполагает, что в первую очередь во внимание принимается действительная общая воля сторон, а не буквальное толкование условий договора. Думается, что и в проанализированном выше постановлении от 14.03.2014 № 17 Пленум ВАС РФ отдал предпочтение действительной общей воле сторон договора выкупного лизинга, а не буквальному толкованию.

Итак, тремя механизмами разрешения коллизии между юридической формой и экономическим содержанием сделки являются: переквалификация договора в целом или его отдельных условий по правилам о притворных сделках, прямое применение общеправового принципа справедливости и приоритет выявления действительной общей воли сторон над буквальным толкованием договора.

В заключение рассмотрим вопрос о пределах использования указанных механизмов. В постановлении от 14.03.2014 № 17 Пленум ВАС РФ фактически переквалифицировал только условия договора выкупного лизинга о выкупных платежах как фактически прикрывающие кредитное финансирование. Не следует ли в таком случае признать притворной сделкой договор выкупного лизинга в целом?

Думается, что на этот вопрос следует ответить отрицательно. Выше уже отмечалось, что,

²⁴ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.02.2011 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 4.

²⁵ См.: Микрюков В. А. О судьбе залогового обременения при отчуждении предмета залога // Законодательство и экономика. 2012. № 8. С. 28.

²⁶ См., например: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. С. 314–315.

²⁷ Байрамкулов А. К. Особенности толкования договора в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 14.

руководствуясь принципами диспозитивности и свободы договора, участники экономических отношений могут прийти к похожим хозяйственным результатам, используя различные правовые конструкции и разные виды договоров, совершая выбор в пользу той или иной разновидности договора исходя из достоинств и недостатков каждой из них. В случае с выкупным лизингом стороны избрали именно этот договор, а не, скажем, кредитный, потому что усматривали в нем некие преимущества. Воля сторон была направлена не только на получение итогового хозяйственного результата, но и на согласование определенного способа его достижения (юридической формы). Данная форма не соответствует воле сторон в части структуры лизинговых платежей (формально это платежи за пользование имуществом, в действительности же это кредитное финансирование), поэтому в этом конкретном случае переквалификация допустима. Во всем же прочем выбор сторонами юридической формы лизинга полностью соответствовал их согласованной общей воле, поэтому в целом договор лизинга переквалифицировать в кредитный не следует. В. В. Витрянский отмечает: «Сегодня нередко встречаются ситуации, когда, столкнувшись с договором, не предусмотренным законом или иными правовыми актами (непоименованным договором), суды при рассмотрении соответствующих споров в силу аналогии закона (а как иначе?) применяют к указанным договорам правила о сходных договорах, урегулированных законодательством, в ущерб условиям самого непоименованного договора»²⁸. Настороженное отношение отечественных судов к непоименованным договорам отмечают и другие авторитетные исследователи: по мнению А. Г. Карапетова и А. И. Савельева, «интенсивность, с которой рос-

сийские суды иногда втискивают нестандартное соглашение сторон в некое “прокрустово ложе” поименованных договорных моделей, оказывается часто неоправданно высокой»²⁹. Поэтому в стремлении переквалифицировать договор в соответствии с действительной волей сторон очень легко вынести решение, как раз противоречащее этой самой воле. Напротив, следует исходить из того, что раз стороны заключили договор лизинга, значит, они по каким-то причинам хотели воспользоваться именно такой юридической конструкцией.

Сказанное можно пояснить на следующем примере. С. А. Громов выражает недовольство сложившейся правоприменительной практикой по делам о банкротстве, при которой залоговый кредитор в определенных случаях имеет преимущество по сравнению с кредитором-лизингодателем, что, по мнению автора, нарушает конституционный принцип равенства³⁰. С такой точкой зрения трудно согласиться ввиду следующего. Приоритет экономического содержания над юридической формой договора должен использоваться только в тех случаях, когда правоприменителем на основании анализа согласованной общей воли сторон будет установлено, что содержание договора его форме не соответствует, например в случае с лизинговыми платежами, которые не являются в чистом виде арендной платой. Если же содержание форме соответствует, то никаких причин игнорировать форму нет. Например, нельзя пытаться уравнять правовой статус кредитора-лизингодателя и залогового кредитора в случае банкротства должника, апеллируя к необходимости соблюдения принципа равноправия: ведь сторонам ничего не мешало вместо договора лизинга заключить договор купли-продажи с условиями о рассрочке платежа и об установлении залога

²⁸ Витрянский В. В. Общие положения о договоре // Кодификация российского частного права — 2019 / под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2019. С. 106.

²⁹ Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. М. : Статут, 2012. Т. 2 : Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. С. 160.

³⁰ См.: Громов С. А. Общее сальдо встречных обязательств по нескольким договорам лизинга при банкротстве лизингополучателя. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.05.2017 № 305-ЭС16-20304 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 5. С. 13.

проданной вещи в пользу продавца (правда, в таком случае вещь находилась бы, в отличие от договора лизинга, в собственности покупателя). Раз стороны выразили свою волю на заключение именно договора лизинга, значит, они добровольно взяли на себя все риски, вызванные выбором данной договорной конструкции.

Подытоживая вышесказанное, можно отметить следующее. Философ А. Г. Спиркин пишет: «Изменение обычно начинается с содержания. Форма, соответствующая содержанию, способствует, ускоряет развитие содержания. В ходе развития содержания неизбежен период, когда старая форма перестает соответствовать изменившемуся содержанию и начинает тормозить его дальнейшее развитие. Наступает конфликт между формой и содержанием, который разрешается путем ломки устаревшей формы и возникновения формы, соответствующей новому

содержанию»³¹. На примере договора выкупного лизинга продемонстрировано, как развитие экономического содержания договора приводит к определенным несоответствиям формы и содержания. Правоприменитель располагает некоторыми правовыми механизмами для устранения данного противоречия, рассмотренными выше. Важную роль в разрешении этой коллизии может и должен играть законодатель, вовремя внося необходимые коррективы в ГК РФ и иные законодательные акты. Вместе с тем очевидно, что возможности законодателя также ограничены: невозможно менять закон на каждый случай появления каждого нестандартного договора. Поэтому важно последовательно претворять в жизнь принцип свободы договора, позволяющий создавать новые юридические формы для нового экономического содержания отношений хозяйствующих субъектов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абдульмянов И. М.* Правовая природа договора лизинга // *Право и политика.* — 2006. — № 6. — С. 142–147.
2. *Байрамкулов А. К.* Особенности толкования договора в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 27 с.
3. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. — М. : Статут, 2000. — 800 с.
4. *Васильев А. С.* Мы — счастливейшее среднее арифметическое // *Уральский журнал правовых исследований.* — 2019. — № 1 (2). — С. 45–63.
5. *Витрянский В. В.* Общие положения о договоре // *Кодификация российского частного права — 2019 / под ред. Д. А. Медведева.* — М. : Статут, 2019. — С. 97–150.
6. *Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало.* — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2017. — Т. 2. — 543 с.
7. *Громов С. А.* Коренной поворот в практике применения законодательства о лизинговой деятельности // *Вестник ВАС РФ.* — 2011. — № 11. — С. 74–104 ; № 12. — С. 113–155.
8. *Громов С. А.* Обеспечительная собственность: догматический очерк на примере лизинга // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* — 2019. — № 2. — С. 51–114 ; № 3. — С. 66–123 ; № 4. — С. 46–91.
9. *Громов С. А.* Общее сальдо встречных обязательств по нескольким договорам лизинга при банкротстве лизингополучателя. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.05.2017 № 305-ЭС16-20304 // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* — 2017. — № 5. — С. 9–14.
10. *Егоров А. В.* Лизинг: аренда или финансирование? // *Вестник ВАС РФ.* — 2012. — № 3. — С. 36–60.

³¹ *Спиркин А. Г.* Указ. соч. С. 277.

11. *Егоров А. В.* Тезисы вводного доклада на круглом столе «Лизинговая операция: как распутать клубок противоречий» (2 февраля 2012 г.) // URL: https://m-logos.ru/img/Tezisi%20Egorova_02.02.12.docx (дата обращения: 28.07.2020).
12. *Карпетов А. Г., Савельев А. И.* Свобода договора и ее пределы. — М. : Статут, 2012. — Т. 2 : Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. — 453 с.
13. *Лейба А.* Риски договора лизинга // ЭЖ-Юрист. — 2014. — № 43.
14. *Мельникова Ю. В.* Недействительность (ничтожность) мнимых и притворных сделок и их правовые последствия // Российский судья. — 2014. — № 11. — С. 7–12.
15. *Микрюков В. А.* О судьбе залогового обременения при отчуждении предмета залога // Законодательство и экономика. — 2012. — № 8. — С. 23–29.
16. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карпетов. — М. : М-Логос, 2020. — 1469 с.
17. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. — Изд. 3-е, стер. — М. : Статут, 2001. — 354 с.
18. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — 3-е изд., стер. — М. : Статут, 2013. — Т. 1. — 958 с.
19. *Спиркин А. Г.* Философия : учебник. — 2-е изд. — М. : Гардарики, 2005. — 736 с.
20. *Тепкина А. В.* Договор лизинга как вид аренды или обеспечительной сделки // Юрист. — 2012. — № 15. — С. 33–37.
21. *Тютин Д. В.* Налоговое право : курс лекций // СПС «КонсультантПлюс», 2017.
22. *Шершеневич Г. Ф.* О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. / вводные замечания Ю. Н. Старилова. — Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. — 36 с.
23. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) — М., Спарк, 1995. — 556 с.

Материал поступил в редакцию 28 июля 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abdul'myanov I. M. Pravovaya priroda dogovora lizinga // Pravo i politika. — 2006. — № 6. — S. 142–147.
2. Bajramkulov A. K. Osobennosti tolkovaniya dogovora v rossijskom grazhdanskom prave : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2015. — 27 s.
3. Braginskij M. I., Vitryanskij V. V. Dogovornoe pravo. Kniga vtoraya: Dogovory o peredache imushchestva — M. : Statut, 2000. — 800 s.
4. Vasil'ev A. S. My — schastlivejshee srednee arifmeticheskoe // Ural'skij zhurnal pravovyh issledovanij. — 2019. — № 1 (2). — S. 45–63.
5. Vitryanskij V. V. Obshchie polozheniya o dogovore // Kodifikaciya rossijskogo chastnogo prava — 2019 / pod red. D. A. Medvedeva — M. : Statut, 2019. — S. 97–150.
6. Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. / pod red. B. M. Gongalo. — 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Statut, 2017. — T. 2. — 543 s.
7. Gromov S. A. Korennoj povorot v praktike primeneniya zakonodatel'stva o lizingovoj deyatel'nosti // Vestnik VAS RF. — 2011. — № 11. — S. 74–104 ; № 12. — S. 113–155.
8. Gromov S. A. Obespechitel'naya sobstvennost': dogmaticeskij ocherk na primere lizinga // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. — 2019. — № 2. — S. 51–114 ; № 3. — S. 66–123 ; № 4. — S. 46–91.
9. Gromov S. A. Obshchee sal'do vstrechnyh obyazatel'stv po neskol'kim dogovoram lizinga pri bankrotstve lizingopoluchatelya. Kommentarij k opredeleniyu Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot

- 02.05.2017 № 305-ES16-20304 // *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii*. — 2017. — № 5. — С. 9–14.
10. Egorov A. V. Lizing: аренда или финансирование? // *Vestnik VAS RF*. — 2012. — № 3. — С. 36–60.
11. Egorov A. V. Tezisy vvodnogo doklada na kruglom stole «Lizingovaya operaciya: kak rasputat' klubok protivorechij» (2 fevralya 2012 g.) // URL: https://m-logos.ru/img/Tezisi%20Egorova_02.02.12.docx (data obrashcheniya: 28.07.2020).
12. Karapetov A. G., Savel'ev A. I. Svoboda dogovora i ee predely. — M. : Statut, 2012. — T. 2 : Predely svobody opredeleniya uslovij dogovora v zarubezhnom i rossijskom prave. — 453 s.
13. Lejba A. Riski dogovora lizinga // *EZh-Yurist*. — 2014. — № 43.
14. Mel'nikova Yu. V. Nedejstvitel'nost' (nichtozhnost') mnimyh i pritvornyh sdelok i ih pravovye posledstviya // *Rossijskij sud'ya*. — 2014. — № 11. — С. 7–12.
15. Mikryukov V. A. O sud'be zalogovogo obremeneniya pri otchuzhdenii predmeta zaloga // *Zakonodatel'stvo i ekonomika*. — 2012. — № 8. — С. 23–29.
16. Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postatejnyj kommentarij k stat'yam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / otv. red. A. G. Karapetov. — M. : M-Logos, 2020. — 1469 s.
17. Pokrovskij I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. — Izd. 3-e, ster. — M. : Statut, 2001. — 354 s.
18. Rossijskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. / otv. red. E. A. Suhanov. — 3-e izd., ster. — M. : Statut, 2013. — T. 1. — 958 s.
19. Spirkin A. G. Filosofiya : uchebnik. — 2-e izd. — M. : Gardariki, 2005. — 736 s.
20. Tepkina A. V. Dogovor lizinga kak vid arendy ili obespechitel'noj sdelki // *Yurist*. — 2012. — № 15. — С. 33–37.
21. Tyutin D. V. Nalogovoe pravo : kurs lekcij // SPS «Konsul'tantPlyus», 2017.
22. Shershenevich G. F. O chuvstve zakonnosti: publichnaya lekcija, chitannaya 10 marta 1897 g. / vvodnye zamechaniya Yu. N. Starilova. — Voronezh : Izdatel'skij dom VGU, 2018. — 36 s.
23. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izd. 1907 g.) — M., Spark, 1995. — 556 s.

Обычай как источник правового регулирования отношений собственности в Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о применении обычая при регулировании отношений собственности. Анализируется возможность определения содержания субъективного права собственности обычно-правовыми нормами, а именно таких правомочий, как пользование и распоряжение. Акцентируется внимание на влияние обычаев на формирование усмотрения собственника при реализации им субъективных прав, в частности исследуются вопросы: от чего или от кого зависит это «усмотрение»? Возможно ли влияние обычаев на формирование усмотрения конкретного собственника? Отдельное внимание уделено установлению пределов осуществления права собственности обычно-правовыми нормами. По мнению автора, применяя обычай при регулировании общественных отношений, обладатель вещного права не выходит за пределы правового поля, поскольку обычай является источником права, и в данном случае следует говорить «об усмотрении в пределах действующего законодательства» и «усмотрении за его пределами». В статье сделаны выводы о том, что обычаи могут определять содержание субъективного права собственности, способы защиты права собственности, в частности вопросы самозащиты, и чаще применяются при регулировании вещных правовых отношений, основанных на частной форме собственности, при этом обычаи не могут противоречить императивным нормам закона. Подчеркивается, что особая роль при регулировании вещных правоотношений отводится местным обычаям.

Ключевые слова: обычай; местные обычаи; вещное право; собственность; усмотрение собственника; пределы осуществления права собственности; защита права собственности; самозащита; юридические знаки собственности; предметы обычной домашней обстановки.

Для цитирования: Караваева Я. Н. Обычай как источник правового регулирования отношений собственности в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 114–122. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.114-122.

Custom as a Source of Legal Regulation of Property Relations in the Russian Federation

Yana N. Karavaeva, Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure, Volga-Vyatka Institute (branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Moskovskaya, d. 30, Kirov, Russia, 610000
pravo740@gmail.com

Abstract. The paper discusses the issue of the use of custom in the regulation of property relations. The author analyzes the possibility of determining the content of subjective property rights by customary legal norms, namely, such powers as the use and disposal. Attention is focused on the influence of customs on the formation of the

© Караваева Я. Н., 2021

* Караваева Яна Николаевна, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Московская ул., д. 30, г. Киров, Россия, 610000
pravo740@gmail.com

owner's discretion in the exercise of his subjective rights, in particular, the following questions are investigated: on what or on whom does this "discretion" depend? Is it possible that customs influence the formation of the discretion of a particular owner? Special attention is paid to the establishment of limits for the exercise of property rights under customary legal norms. According to the author, applying custom in the regulation of public relations, the owner of a property right does not go beyond the legal field, since custom is a source of law, and in this case one should speak of "discretion within the current legislation" and "discretion beyond it." The paper concludes that customs can determine the content of subjective property rights, methods of protecting property rights, in particular self-defense issues, and are more often used in the regulation of real legal relations based on private ownership, while customs cannot contradict the peremptory norms. It is emphasized that a special role in the regulation of property relations is assigned to local customs.

Keywords: custom; local customs; real right; own; the owner's discretion; limits of the exercise of property rights; protection of property rights; self-defense; legal property marks; items of ordinary home furnishings.

Cite as: Karavaeva YaN. Obychay kak istochnik pravovogo regulirovaniya otnosheniy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii [Custom as a Source of Legal Regulation of Property Relations in the Russian Federation]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):114-122. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.114-122. (In Russ., abstract in Eng.).

Вопрос о применении обычая в качестве источника вещного права в науке гражданского права является малоисследованным. Вместе с тем о возможности применения обычаев при регулировании вещно-правовых отношений в конце XIX в. писал известный российский цивилист С. В. Пахман. В своей работе «Обычное гражданское право в России» данной тематике он посвятил главу первую «Владение и собственность»¹. Исследованием применения обычаев в вещном праве также занимались П. С. Ефименко², А. Э. Вормс³, В. Н. Тенишев⁴ и др.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснил, что обычай может регулировать любой вид деятельности, в том числе определение гражданами порядка пользования общим имуществом.

На наш взгляд, можно указать следующие особенности применения обычаев при регулировании вещных отношений.

Обычаи используются при определении пределов (границ) осуществления вещных прав. В соответствии с п. 2 ст. 209 ГК РФ «собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц...»⁵. Пункт 1 ст. 9 ГК РФ гласит: «Граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права».

Возникают вопросы: от чего или от кого зависит это «усмотрение»? Возможно ли влияние обычаев на формирование усмотрения конкретного собственника? Могут ли устанавливаться обычаями пределы осуществления прав собственности и иных вещных прав?

¹ Пахман С. В. Обычное гражданское право в России / под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2003. С. 9–49.

² Ефименко П. С. Юридические знаки // Журнал Министерства народного просвещения, 1874.

³ Вормс А. Э. Применение обычая к наследованию в личной собственности на наделные земли. Ярославль : Тип. губ. правл., 1912.

⁴ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева / Министерство культуры РФ, Российский этнографический музей ; [науч. ред.: Д. А. Баранов, А. В. Коновалов, канд. истор. наук]. — СПб. : Деловая полиграфия, 2004. — 30 с.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // Российская газета. № 238–239. 08.12.1994.

По мнению Г. Ф. Шершеневича, субъективное право является мерой свободы действий субъекта, направленных к осуществлению его интереса⁶. Осуществление субъективного гражданского права является реализацией его субъектом (управомоченным лицом) возможностей (правомочий), заключенных в его содержании⁷. Согласно господствующему мнению и действующему ГК РФ содержание субъективного права собственности состоит из триады правомочий — владения, пользования, распоряжения. Собственник как обладатель субъективного вещного права может реализовать указанную возможность различными путями. Выбор линии поведения собственника будет зависеть от различных условий, в частности: от объекта, в том числе его потребительских свойств, правового режима; от интереса собственника в использовании вещи; от уровня его общей культуры, профессионализма, знания нормативных правовых актов, обычаев и т.д.

По мнению В. П. Камышанского, «усмотрение собственника представляет собой правомерную, властную, интеллектуально-волевою деятельность по выбору оптимального варианта реализации предоставленных правомочий в отношении имущественных благ, соответствующего интересам собственника, с учетом прав и законных интересов третьих лиц и общества в целом»⁸. В качестве критериев классификации усмотрения в праве собственности он называет субъектов гражданского права, форму собственности, а также объект права собственности.

В то же время «усмотрение» собственника неограничено. Ничем не стесненное «усмотрение» собственника может привести к произволу и нарушению прав других лиц. Исходя из смысла ст. 1, 9, 10, 209 ГК РФ в их взаимосвязи, пределы осуществления прав собственника могут устанавливаться в целях защиты публичных и частных интересов. В. П. Камышанский выделяет

«усмотрение в пределах права» и «усмотрение за пределами права»⁹. «Усмотрение в пределах права» устанавливается как императивными, так и диспозитивными нормами закона, иных правовых актов. Так, статья 10 ГК РФ устанавливает пределы осуществления гражданских прав, в том числе и вещных. В силу данной статьи не допускаются шикана (осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу); действия в обход закона с противоправной целью; иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав; использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

По мнению ученого, «усмотрение при реализации правомочий собственника вне правового поля лишено регулятивного воздействия права, а собственник вправе осуществлять усмотрение, применяя обычай делового оборота, аналогию закона либо аналогию права, допускаемую в гражданском праве (ст. 5, 6 ГК РФ)»¹⁰.

На наш взгляд, применяя обычай при регулировании общественных отношений при условии соблюдения п. 2 ст. 5 ГК РФ, обладатель вещного права не выходит за пределы правового поля, поскольку обычай является источником права. Считаем, что в данном случае следует говорить об «усмотрении в пределах действующего законодательства» и «усмотрении за его пределами».

На формирование «усмотрения» субъекта права собственности оказывают влияние его интеллектуальный потенциал; социально-психологические особенности субъекта; нравственные и этические нормы в обществе. Каждый человек, живя в обществе, все время находится в сфере действия его обычаев. Выполнение их требований и предписаний оказывает значительное и постоянное воздействие на формирование мироощущения, культуры чувства и поведения

⁶ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права : учебное пособие : в 2 т. М., 1995. Т. 2. С. 202.

⁷ Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. 1. С. 460.

⁸ Камышанский В. П. Право собственности: пределы и ограничения. М. : Закон и право; Юнити-Дана, 2000. С. 90.

⁹ Камышанский В. П. Указ. соч. С. 93.

¹⁰ Камышанский В. П. Указ. соч. С. 93.

личности, на ее отношение к окружающему миру¹¹. Большое значение в передаче социокультурного опыта из поколения в поколение играют пословицы, в том числе юридические, исследованием которых занимались В. И. Даль, Г. П. Лупарев, А. Ефименко, Н. Закревский, А. Матвеев, И. И. Иллюстров, И. Снегирев и др. Так, у русского народа сложились следующие пословицы: о местных обычаях — «в каком народе живешь, такого обычая и держишься», «что город — то норы, что деревня — то обычай»; о бережливом отношении к собственности — «где растяпа да тетеря — там не прибыль, а потеря», «не клади плохо, не будешь охать», «без счета и денег нет», «деньги счетом крепки»; о пределах осуществления права собственности — «кто между ломает, тот века не доживает». Поэтому обычай заключает в себе не только материальный элемент (длящееся, повторяющееся, однообразное правило поведение), но и психологический (убеждение в необходимости этих действий)¹².

Как отмечалось выше, на усмотрение субъекта права собственности оказывает влияние и сам объект права собственности, его потребительские свойства и правовой режим, что подтверждает и судебная практика. Так, судами был зафиксирован обычай, сложившийся при купле-продаже жилых помещений и обуславливающий выбор покупателя: «продажа и приобретение жилых помещений между гражданами по сложившейся практике происходит исходя из местоположения жилого помещения в населенном пункте, с учетом планировки помещения, количества комнат, этажности, качества, комфортности и обустройства дома, микрорайона, коммуникаций, необходимых объектов инфра-

структуры, близости нахождения объектов культурного и социального назначения, наличия общественного транспорта и других условий. Техническое состояние является одним из наиболее значимых параметров жилого помещения при определении его стоимости»¹³.

Обычаями могут устанавливаться пределы осуществления правомочий собственника по пользованию имуществом. Считаем, что обычаи могут регулировать порядок пользования имуществом, находящимся как в общей долевой, так и общей совместной собственности, а также определять порядок пользования имуществом между соседями («соседское право»). Чаще всего сферами применения обычно-правовых норм являются земельные и жилищные отношения. Согласно п. 37 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 25.12.2018) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁴ суд, разрешая требование о порядке пользования имуществом, учитывает фактически сложившийся порядок пользования имуществом, который может точно не соответствовать долям в праве общей собственности, нуждаемость каждого из собственников в этом имуществе и реальную возможность совместного пользования. Так, при разрешении спора Темрюкским районным судом Краснодарского края был зафиксирован обычай в потребительском кооперативе «Кавказ», в силу которого на данном земельном участке сложился определенный порядок пользования земельным участком, и за каждым членом кооператива на основании принятого всеми членами кооператива решения закреплена земля, примерной площадью 100 кв. м¹⁵.

¹¹ Маджидова Б. Народные традиции и обычаи как средство формирования нравственных качеств детей в семье : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Душанбе, 2004.

¹² Царегородская Е. В. Правовой обычай: сущность и механизм действия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

¹³ Решение Чернушинского районного суда Пермского края № 2-2/2019 2-2/2019(2-930/2018;)~М-821/2018 2-930/2018 М-821/2018 от 05.02.2019 по делу № 2-2/2019 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 17.07.2020).

¹⁴ Российская газета. № 152. 13.08.1996.

¹⁵ Решение Темрюкского районного суда Краснодарского края № 2-1421/2011 от 22.07.2011 по делу № 2-1421/2011 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 17.07.2020).

В другом деле суд посчитал необходимым определить порядок пользования земельным участком исходя из сложившегося на протяжении длительного времени порядка пользования земельным участком между сособственниками жилого дома и их предшественниками, установив, что граница между участками проходит не только по существующему забору, но и частично по хозяйственным постройкам, принадлежащим каждому из сособственников. Местоположение этих построек и порядок пользования ими не изменялись как между прежними собственниками, так и между сторонами спора¹⁶.

Обычаи могут регулировать отношения по защите субъективного права собственности. Согласно ст. 12 ГК РФ одним из способов защиты гражданских прав является самозащита. В научной литературе к способам самозащиты относят, в частности, фактические действия, в том числе совершенные в состоянии крайней необходимости и необходимой обороны; меры оперативного воздействия. Как неюрисдикционная форма защиты самозащита права собственности, регулируемая обычно-правовыми нормами, на наш взгляд, имеет определенные особенности:

— во-первых, самозащита возможна любыми субъектами, в том числе недееспособными, ограниченно дееспособными, малолетними гражданами;

— во-вторых, при защите права собственности невозможно применить меры оперативного воздействия, т.к. данный способ самозащиты подразумевает наличие относительных правоотношений между сторонами правоотношения;

— в-третьих, обычаи широко используются при регулировании фактических действий собственника по охране своего имущества. Так, широко используются такие механические и технические средства защиты движимого и недвижимого имущества, как замки, решетки, заборы

и т.д.; для защиты движимых вещей издавна используются так называемые «юридические знаки», «знаки собственности»¹⁷ — метки на одежде; клейма («чипы», тавро) на животных; собственноручная подпись на книгах и др.;

— в-четвертых, обычаи могут устанавливать пределы осуществления прав собственника при применении мер самозащиты. Например, распространено правило, в силу которого собственник в целях защиты права собственности на свое имущество (земельный участок, жилой дом и т.д.) возводит забор по периметру участка. Нормативные правовые акты не упоминают именно такого способа реализации собственником участка своих правомочий по владению и пользованию имуществом, а также ограничению доступа третьих лиц на свой участок. С точки зрения землеустройства для определения местоположения земельного участка на местности и отграничения его от иных земельных участков (естественно-географических границ земельного участка) достаточно определить площадь земельного участка и составить чертеж его границ. Установление межевых знаков как обозначений характерных точек границ объектов землеустройства, которые используются для их закрепления в силу ст. 1 Федерального закона от 18.06.2001 № 78-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О землеустройстве»¹⁸ обязательно только для таких объектов землеустройства, как территории субъектов Российской Федерации, территории муниципальных образований, а также части таких территорий. Типы межевых знаков и требования к их установке закреплены постановлением Правительства РФ от 20.08.2009 № 688 (ред. от 17.05.2016) «Об утверждении Правил установления на местности границ объектов землеустройства»¹⁹, приказом Минэкономразвития РФ от 31.12.2009 № 582 «Об утверждении типов межевых знаков и порядка их установки (закладки)»²⁰. В отношении иных земельных

¹⁶ Апелляционное определение Владимирского областного суда от 02.10.2012 по делу № 33-2977/2012 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 17.07.2020).

¹⁷ Ефименко П. С. Указ. соч. С. 57.

¹⁸ Российская газета. № 118–119. 23.06.2001.

¹⁹ Российская газета. № 161. 28.08.2009.

²⁰ Российская газета. № 42. 02.03.2010.

участков законодательством не установлено требований по закреплению характерных точек их границ межевыми знаками. Следовательно, постройка забора является правовым обычаем, который уходит своими корнями в глубокую древность. Так, статья 34 Русской Правды (Краткой) (1054–1169 гг.) предусматривала имущественную ответственность в виде 12 гривен штрафа за нарушение межевых знаков. Пространная Русская Правда (ст. 72) предусматривала наказание в виде 12 гривен продажи за нарушение и уничтожение межей, установку тына (забора, ограды), нарушающего границы дворового участка (дворной межи)²¹.

Высота забора может устанавливаться местными обычаями. Так, Сосновский районный суд Нижегородской области установил, что по сложившемуся в поселке Сосновское порядку высота ограждений частных домовладений на территории поселка не должна превышать 2 м. Других требований к ограждениям нет. Исковые требования об ограничении высоты забора в домовладении ответчика в пределах не выше 2 м были удовлетворены²².

В содержание правоотношения собственности наряду с субъективными правами входят и субъективные обязанности. По нашему мнению, обычно-правовыми нормами могут устанавливаться обязанности как активного, так и пассивного типа. В частности, к обязанностям активного типа можно отнести бремя содержания имущества собственником. Например, проходящие по границе двух смежных земельных участков объекты (стены, изгороди, заборы, овраги, рвы и т.д.) не только имеют функцию межевания, но и приносят выгоду для обоих собственников (заборы ограничивают обзор с одного

участка на другой, рвы собирают дождевую и талую воду, не допуская подтопления участка и т.д.). В связи с этим зачастую ставится вопрос о распределении обязанностей (издержек) по их строительству и эксплуатации. Так, местными обычаями может регулироваться порядок возведения ограждений между участками: с правой или левой боковой стороны либо в зависимости от того, четная или нечетная сторона улицы, например на нечетной стороне — слева, на четной — справа; на участках, находящихся в начале и в конце улицы, собственник ставит ограждение с двух сторон.

Обычаями может определяться и порядок внесения платы собственником за имущество, в частности способ доставки платежных документов при оплате коммунальных услуг. Согласно п. 19 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов²³ способ доставки платежного документа для оплаты коммунальных услуг должен быть определен в договоре, содержащем положения о предоставлении коммунальных услуг, то есть решение этого вопроса отнесено к усмотрению сторон. В случае если договор в письменной форме не заключен и условие об ином способе доставки сторонами не согласовано, то доставка может осуществляться путем ежемесячной разности платежных документов по абонентским почтовым шкафам, расположенным на первых этажах подъездов дома²⁴.

Обязанности пассивного типа вытекают из гражданско-правовых запретов, а формой их исполнения является соблюдение запретов обязанными лицами. С функциональной точки зрения обязанности пассивного типа устанавли-

²¹ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1985. Т. 2. С. 92–93.

²² Решение № 2-530/2015 2-530/2015~М-511/2015 М-511/2015 от 27.10.2015 по делу № 2-530/2015 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 17.07.2020).

²³ Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 (ред. от 29.06.2020) «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (вместе с Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов) // Российская газета. № 116. 01.06.2011.

²⁴ Решение Автозаводского районного суда г. Тольятти (Самарская область) № 2-2-1599/2019 2-2-1599/2019~М0-2-312/2019 М0-2-312/2019 от 26.02.2019 по делу № 2-2-1599/2019 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 17.07.2020).

ливают пределы осуществления прав. При этом обязанности пассивного типа могут иметь как собственник либо иной обладатель вещного права, так и иные лица. Поскольку вещное право является абсолютным, носителю вещного права противостоит неопределенный круг лиц обязанных, обязанность которых является обязанностью пассивного типа, т.е. они должны воздержаться от совершения действий, которые могут причинить вред собственнику либо иному управомоченному лицу. Полагаем, что обязанности пассивного типа устанавливаются запретительными обычно-правовыми нормами и предписывают воздерживаться от нарушения прав других лиц.

Обычаями могут регулироваться основания приобретения и прекращения права собственности, в частности, обращение в собственность общедоступных для сбора вещей (ст. 221 ГК РФ), отказ от права собственности (ст. 236 ГК РФ), отчуждение собственником своего имущества другим лицам при наследовании и в иных случаях, предусмотренных законом (ст. 235 ГК РФ).

В силу ст. 221 ГК РФ приобретение права собственности на ягоды, рыбу, другие общедоступные вещи и животных допускается только в том случае, если сбор или добыча соответствующих объектов были разрешены законом, общим решением или местным обычаем. Прямое указание на допустимость сбора общедоступных вещей содержат статья 11 Лесного кодекса РФ²⁵, статья 6 Водного кодекса РФ²⁶, статья 24 Федерального закона от 20.12.2004 № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»²⁷, статья 5 Федерального закона от 25.12.2018 № 475-ФЗ «О любительском рыбо-

ловстве и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁸, статьи 9, 48, 49 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире»²⁹. Особо регулируется порядок природопользования в отношении коренных малочисленных народов Российской Федерации, в частности Федеральным законом от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»³⁰, Федеральным законом от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»³¹, Федеральным законом от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»³².

При наследовании и обращении взыскания на имущество должника суд определяет предметы обычной домашней обстановки, в том числе исходя из местных обычаев. Так, в соответствии со ст. 1169 ГК РФ преимущественное право на предметы обычной домашней обстановки и обихода при разделе наследства в счет своей наследственной доли имеет наследник, проживавший на день открытия наследства совместно с наследодателем, вне зависимости от продолжительности совместного проживания. Имуществом (предметами домашней обстановки и обихода), которое, как правило, находится в общем пользовании наследодателя и совместно проживающих с ним наследников и принадлежит в том числе наследодателю, продолжает пользоваться наследник и после смерти насле-

²⁵ Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Российская газета. № 277. 08.12.2006.

²⁶ Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Российская газета. № 121. 08.06.2006.

²⁷ Российская газета. № 284. 23.12.2004.

²⁸ Российская газета. № 294. 28.12.2018.

²⁹ Российская газета. № 86. 04.05.1995.

³⁰ Российская газета. № 90. 12.05.1999.

³¹ Российская газета. № 142. 25.07.2000.

³² Российская газета. № 88. 11.05.2001.

додателя³³. Согласно п. 53 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 23.04.2019) «О судебной практике по делам о наследовании»³⁴ «спор между наследниками по вопросу о включении имущества в состав таких предметов разрешается судом с учетом конкретных обстоятельств дела (в частности, их использования для обычных повседневных бытовых нужд исходя из уровня жизни наследодателя), а также местных обычаев».

Следует отметить, что состав имущества, относимого к предметам обычной домашней обстановки при наследовании, шире состава имущества, относимого к предметам обычной домашней обстановки при обращении взыскания. Так, пункт 60 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»³⁵ разъясняет, что «предметы обычной домашней обстановки и обихода в силу абзаца четвертого части 1 статьи 446 ГПК РФ являются имуществом, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам. К таким предметам может быть отнесено минимально необходимое имущество, требующееся должнику-гражданину и членам его семьи для обеспечения реальной возможности удовлетворения повседневных бытовых потребностей в питании, отдыхе, лечении, гигиене... Вопрос об отнесении определенного имущества должника-гражданина к предметам обычной домашней обстановки и обихода разрешается судебным приставом-исполнителем с учетом конкретных обстоятельств, касающихся назначения имущества, его цены, фактического использования, нали-

чия или возможности замены на аналогичное имущество меньшей стоимости, а также местных обычаев».

В состав предметов обычной домашней обстановки при взыскании включаются только минимально необходимые для жизни должника и членов его семьи предметы; при наследовании — все предметы, которые в соответствии с местными обычаями можно отнести к предметам обычной домашней обстановки и обихода. Но в том и другом случае антикварные вещи, вещи, представляющие художественную, историческую или иную культурную ценность, независимо от их целевого назначения к указанным предметам относиться не могут³⁶.

В качестве вывода хотелось бы отметить следующие особенности применения обычаев при регулировании вещно-правовых отношений:

- 1) обычаи могут определять содержание субъективного права собственности (прежде всего правомочие пользования);
- 2) обычаи оказывают влияние на формирование усмотрения собственника;
- 3) обычаи могут устанавливать пределы осуществления права собственности;
- 4) обычаи регулируют вопросы защиты права собственности, а именно неюрисдикционную форму (самозащиту);
- 5) обычаями регулируются основания приобретения и прекращения права собственности;
- 6) особая роль при регулировании вещных правоотношений отводится местным обычаям;
- 7) обычаи не могут противоречить императивным нормам закона и потому не могут определять виды вещных прав;
- 8) обычаи чаще применяются при регулировании вещных правовых отношений, основанных на частной форме собственности.

³³ Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 30.09.2019 по делу № 33-4054/2019 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 17.07.2020).

³⁴ Российская газета. № 127. 06.06.2012.

³⁵ Российская газета. № 270. 30.11.2015.

³⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 23.04.2019) «О судебной практике по делам о наследовании». П. 53 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства». П. 60.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вормс А. Э.* Применение обычая к наследованию в личной собственности на надельные земли. — Ярославль : Тип. губ. правл., 1912. — 30 с.
2. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2019. — Т. 1 : Общая часть. — 576 с.
3. *Ефименко П. Е.* Юридические знаки : монография. — СПб. : Типография В. С. Балашева и К°, 1874. — 86 с.
4. *Камышанский В. П.* Право собственности: пределы и ограничения. — М. : Закон и право; Юнити-Дана, 2000. — 303 с.
5. *Маджидова Б.* Народные традиции и обычаи как средство формирования нравственных качеств детей в семье : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. — Душанбе, 2004. — 23 с.
6. *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. — М. : Зерцало, 2003. — 736 с.
7. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева / Министерство культуры РФ, Российский этнографический музей ; [науч. ред.: Д. А. Баранов, А. В. Коновалов, канд. истор. наук]. — СПб. : Деловая полиграфия, 2004. — 30 с.
8. *Царегородская Е. В.* Правовой обычай: сущность и механизм действия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2004.
9. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права : учебное пособие : в 2 т. — М., 1995. — Т. 2.

Материал поступил в редакцию 21 июля 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Vorms A. E.* Primenenie obychnaya k nasledovaniyu v lichnoj sobstvennosti na nadel'nye zemli. — Yaroslavl' : Tip. gub. pravl., 1912. — 30 s.
2. *Grazhdanskoe pravo : uchebnyk : v 4 t. / otv. red. E. A. Suhanov.* — 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Statut, 2019. — T. 1 : Obshchaya chast'. — 576 s.
3. *Efimenko P. E.* Yuridicheskie znaki : monografiya. — SPb. : Tipografiya V. S. Balasheva i K°, 1874. — 86 s.
4. *Kamyshanskij V. P.* Pravo sobstvennosti: predely i ogranicheniya. — M. : Zakon i pravo; Yuniti-Dana, 2000. — 303 s.
5. *Madzhidova B.* Narodnye tradicii i obychai kak sredstvo formirovaniya нравstvennyh kachestv detej v sem'e : avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. — Dushanbe, 2004. — 23 s.
6. *Pahman S. V.* Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii / pod red. i s predisl. V. A. Tomsinova. — M. : Zercalo, 2003. — 736 s.
7. *Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nrawy :* materialy Etnograficheskogo byuro knyazya V. N. Tenisheva / Ministerstvo kul'tury RF, Rossijskij etnograficheskij muzej ; [nauch. red.: D. A. Baranov, A. V. Konovalov, kand. istor. nauk]. — SPb. : Delovaya poligrafiya, 2004. — 30 s.
8. *Caregorodskaya E. V.* Pravovoj obyčaj: sushchnost' i mekhanizm dejstviya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — SPb., 2004.
9. *Shershenevich G. F.* Obshchaya teoriya prava : uchebnoe posobie : v 2 t. — M., 1995. — T. 2.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.123-132

Н. Н. Карпов*

Договор поставки товара в торговые сети как механизм защиты прав потребителей: теоретико-правовой аспект

Аннотация. В статье рассматриваются условия договора поставки товара в торговые сети, включение и исполнение которых, по мнению автора, связано с обеспечением защиты прав потребителей. Проанализированы положения законодательства о торговой деятельности, техническом регулировании, цифровой маркировке. Рассматривается ответственность за нарушение соответствующих требований, сделаны выводы о необходимости соотношения информационных систем. Автором рассмотрена практика формирования ритейлерами условий договора поставки товара в торговые сети, связанных с обеспечением защиты прав потребителей. В подтверждение содержащихся в статье выводов автором приводится актуальная судебная практика. На основании критического анализа норм законодательства о торговле во взаимосвязи с законодательством о защите прав потребителей даны рекомендации по включению в договор поставки соответствующих условий, в том числе условия о проведении аудита производства продукции. Кроме того, в статье предлагается расширение перечня товаров, в отношении поставки которых в торговые сети должен быть применен специальный режим регулирования.

Ключевые слова: торговая деятельность; договор поставки; аудит; защита прав потребителей; техническое регулирование; цифровая маркировка товаров; торговые сети; ритейлеры; поставщики; качество товара; безопасность товара.

Для цитирования: Карпов Н. Н. Договор поставки товара в торговые сети как механизм защиты прав потребителей: теоретико-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 123–132. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.123-132.

© Карпов Н. Н., 2021

* Карпов Николай Николаевич, аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
knn001@bk.ru

The Contract for the Delivery of Goods to Retail Chains as a Mechanism for Consumer Rights Protection: A Theoretical and Legal Aspect

Nikolay N. Karpov, Postgraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
knn001@bk.ru

Abstract. The paper discusses the terms of the contract for the delivery of goods to retail chains, the inclusion and execution of which, according to the author, is associated with ensuring the protection of consumer rights. The author analyzes provisions of the legislation on trade activities, technical regulation, digital marking. Liability for violation of the relevant requirements is considered, conclusions are drawn about the need for the correlation of information systems. The author considers the practice of formation by retailers of the terms of the contract for the delivery of goods to retail chains related to ensuring the protection of consumer rights. In support of the conclusions contained in the paper, the author refers to current jurisprudence. On the basis of a critical analysis of the norms of the legislation on trade in conjunction with the legislation on consumer protection, recommendations were made regarding inclusion of appropriate conditions into the delivery agreement, including the conditions for conducting an audit of product manufacturing. In addition, the article proposes to expand the list of goods for the delivery of which to retail chains a special regulatory regime should be applied.

Keywords: trading; delivery contract; audit; consumer rights Protection; technical regulation; digital labeling of goods; trading networks; retailers; suppliers; product quality; product safety.

Cite as: Karpov NN. Dogovor postavki tovara v trgovoye seti kak mekhanizm zashchity prav potrebiteley: teoretiko-pravovoy aspekt [The Contract for the Delivery of Goods to Retail Chains as a Mechanism for Consumer Rights Protection: A Theoretical and Legal Aspect]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):123-132. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.123-132. (In Russ., abstract in Eng.).

Правоотношения между потребителями и продавцами с точки зрения защиты прав потребителей достаточно подробно регламентированы законодательством в сфере защиты прав потребителей. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹ (далее — Закон о защите прав потребителей) гарантирует потребителям возможность защиты их прав посредством предъявления претензий не только продавцу, но и изготовителю товара, предоставляет возможность обратиться за защитой их прав в различные государственные органы, что позволяет потребителям не только успешно защищать свои права, но и порой получать материальную выгоду.

Закон о защите прав потребителей регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами, владельцами агрегаторов

информации о товарах (услугах) при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг).

При этом потребителем в понимании Закона о защите прав потребителей является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Таким образом, правоотношения, возникающие между поставщиками товара и хозяйствующими субъектами, осуществляющими торговую деятельность посредством торговой сети, не регулируются законодательством о защите прав потребителей.

В сферу применения Федерального закона от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»² (далее — Закон о тор-

¹ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

² СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 2.

говле), исходя из положений ст. 1 и 3 указанного Закона, не входят вопросы, регулируемые законодательством о защите прав потребителей.

При этом Закон о торговле предусматривает особую правовую регламентацию договора поставки в торговые сети, отличную от предусмотренной ГК РФ конструкции договора поставки. Данное законодательное решение обусловлено тем, что поименованные в ГК РФ договорные конструкции не в полной мере отражают быстро меняющиеся потребности экономического оборота в сфере торговли. При этом не ограниченная законодательными требованиями свобода договора в данной сфере правоотношений может привести к крайне негативным социальным последствиям.

Закон о торговле определяет особенности заключения договора поставки исключительно **продовольственных товаров** в торговые сети. В данной связи в качестве особенностей, отличающих договор поставки товара в торговые сети, регулируемый Законом о торговле, от поименованного в ГК РФ договора поставки, в научных исследованиях выделяют особый вид поставляемого товара (продовольственный товар), а также особый субъектный состав данной разновидности договора поставки³.

В научной литературе отмечается, что отношения между ритейлером и поставщиком по поставкам продовольственных товаров имеют выраженный публичный характер исходя из того, что подчинены целям защиты интересов конечных потребителей⁴.

Вместе с тем сформированный на основе обобщенной добросовестной договорной практики в торговой сфере Кодекс добросовестных практик взаимоотношений между торговыми сетями и поставщиками потребительских товаров регулирует заключение договора поставки в торговые сети более широкого перечня товаров — потребительских товаров. К указанным

товарам относятся как продовольственные, так и непродовольственные товары, реализуемые потребителям для личного потребления или домашнего пользования. При этом статья 1 указанного Кодекса в качестве одной из целей его применения устанавливает содействие в удовлетворении потребностей покупателей в качественных потребительских товарах. В настоящее время Кодекс приобретает особую значимость при решении наиболее чувствительных проблем торговой отрасли в рамках механизмов ее саморегулирования.

Договор поставки товара в торговые сети относится к предпринимательским договорам и является правовой фиксацией правоотношений между поставщиком и ритейлером, вместе с тем основная цель приобретения ритейлером товара — реализация конечному потребителю посредством торговой сети для извлечения прибыли. Содержание договора поставки товара в торговые сети как правового средства достижения указанной цели обусловлено в том числе интересами конечного потребителя, защитой его прав. Таким образом, назначение товара, приобретаемого по договору, не только свидетельствует об участии лица в качестве профессионального субъекта торговой деятельности, но и влияет на характеристики данного товара, определяемые в договоре.

В данной связи следует отметить мнение А. Хвоцинского о том, что определение критериев применения специальных правил, отступающих от принципа свободы договора и предоставляющих особые гарантии прав слабой стороне, должно основываться на оценке условий и целей участия субъекта права в торговом обороте⁵.

И. Г. Вахнин справедливо отмечает, что определение целей договора в жесткой привязке к его условиям является необходимым предварительным моментом формирования условий

³ Андреева Л. В. Учебник по коммерческому (торговому) праву. 4-е изд. М.: Кнорус, 2018. С. 138–142.

⁴ См.: Свириной Ю. А. Проблемы правового регулирования договора поставки продуктов питания // Адвокат. 2013. № 12. С. 42–44; Ем В. С. Ничтожность сделок по действующему гражданскому законодательству // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 12–45.

⁵ Хвоцинский А. Публичный договор: защита частного интереса? // Бизнес-адвокат. 2000. № 9.

договора⁶. Таким образом, условия договора поставки товара в торговые сети должны формироваться в том числе исходя из целей удовлетворения потребностей конечных потребителей в качественных и безопасных товарах. Указанное свидетельствует о том, что в отношении обеспечения защиты прав потребителей договор поставки товара в торговые сети приобретает регулятивную функцию.

Особенность субъектного состава договора поставки товара в торговые сети состоит в том, что на стороне покупателя выступает ритейлер, обладающий широкими каналами реализации продукции конечным потребителям. Доля оборота розничных торговых сетей в общем объеме оборота розничной торговли в Российской Федерации в январе — июне 2020 г. составила 39 %⁷. Следует также отметить тенденцию увеличения доли торговых сетей в розничном товарообороте в различных сегментах. Такой значительный объем реализуемых товаров посредством торговых сетей позволяет сделать вывод об особой значимости для защиты прав потребителей условий договора поставки товара в торговые сети о качестве и безопасности реализуемых посредством торговых сетей товаров, а также условий, позволяющих пресечь нелегальный оборот товаров. Такие требования к товарам предъявляются прежде всего в интересах потребителей.

Исходя из изложенного, представляется целесообразным рассмотреть отдельные условия договора поставки товара в торговые сети, направленные в том числе на защиту прав потребителей.

Закон о торговле устанавливает в отношении договора поставки продовольственных товаров в торговые сети ряд императивных требований.

Понятие продовольственных товаров закреплено в п. 9 ст. 2 Закона о торговле.

Следует отметить, что специальное регулирование Законом о торговле поставки продовольственных товаров в торговые сети является частью системы обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации в аспекте создания условий продовольственной обеспеченности населения страны. Указанную систему, наряду с законодательством в сфере торговли, составляют законодательство о защите прав потребителей, о техническом регулировании, о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, о качестве и безопасности пищевых продуктов, в связи с чем рассмотрение положений Закона о торговле вне взаимосвязи с указанным законодательством, а также законодательством Таможенного союза и Евразийского экономического союза не позволит в полной мере проанализировать систему законодательных мер регулирования в данной сфере.

Закон о торговле обеспечивает право потребителя на приобретение социально значимых продовольственных товаров, устанавливает недопустимость отсутствия контроля со стороны государства в отношении цен на такие товары. В целях формирования специального правового режима продажи социально значимых продовольственных товаров Правительством Российской Федерации утверждается Перечень отдельных видов социально значимых продовольственных товаров первой необходимости и порядок установления предельно допустимых розничных цен на них⁸.

Ценовое регулирование должно осуществляться крайне сдержанно, после глубокого анализа последствий введения такого регулирования, поскольку имеет важное значение для

⁶ Вахнин И. Г. Учет целей договора и целей деятельности сторон при формировании условий договора поставки // Законодательство. 2000. № 1. С. 24–31.

⁷ Официальные статистические показатели // URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/40536> (дата обращения: 30.10.2020).

⁸ Постановление Правительства РФ от 15.07.2010 № 530 «Об утверждении Правил установления предельно допустимых розничных цен на отдельные виды социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, перечня отдельных видов социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, в отношении которых могут устанавливаться предельно допустимые розничные цены, и перечня отдельных видов социально значимых продовольственных товаров, за приобретение опре-

интересов конечного потребителя, ведь изменение ассортиментной матрицы ритейлеров ввиду низкой маржинальности реализации отдельных видов товаров (в том числе продовольственных) может привести к дефициту таких товаров.

Частью 2 ст. 9 Закона о торговле устанавливается обязанность поставщика продовольственных товаров обеспечивать ритейлеру доступ к информации, в том числе к информации о качестве и безопасности поставляемых продовольственных товаров, путем размещения соответствующей информации на своем сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Представляется, что доступ ритейлера к информации о качестве и безопасности поставляемых продовольственных товаров коррелирует с требованиями ст. 10 Закона о защите прав потребителей о праве потребителя на предоставление ему необходимой и достоверной информации о товарах (работах, услугах), обеспечивающей возможность их правильного выбора.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 13 Закона о торговле установлен запрет на заключение между ритейлером и поставщиком продовольственных товаров договора, по которому товар передается для реализации третьему лицу без перехода к такому лицу права собственности на товар. Таким образом, ритейлер, приобретая товар в собственность для последующей реализации в торговой сети, должен учитывать необходимость продать его конечному потребителю, обеспечив при этом качество данного товара и наиболее выгодные условия его реализации. Предусмотренные в Законе о торговле требования в отношении договора поставки товара в торговые сети позволяют не только защитить и стимулировать добросовестную конкуренцию, но и обеспечить защиту прав конечных потребителей.

Статья 9 Закона о торговле не содержит указания на то, какая именно информация должна размещаться поставщиком, что затрудняет правоприменение.

Статья 10 Закона о защите прав потребителей устанавливает, что представляемая потребителю информация о товарах (работах, услугах) в обязательном порядке должна содержать в том числе наименование технического регламента или иное установленное законодательством Российской Федерации о техническом регулировании и свидетельствующее об обязательном подтверждении соответствия товара обозначение; сведения об обязательном подтверждении соответствия товаров (работ, услуг), указанных в п. 4 ст. 7 Закона о защите прав потребителей.

Представляется целесообразным также установить в Законе о торговле конкретный объем размещаемой поставщиком информации о поставляемых продовольственных товарах.

При формировании перечня сведений следует учитывать в том числе то, что с целью обеспечения защиты прав потребителей в договор поставки продовольственных товаров в торговые сети должны быть включены условия о соответствии поставляемых товаров требованиям технического регулирования, к нему должны прилагаться документы (или их копии), подтверждающие такое соответствие (декларация о соответствии или сертификат соответствия). Данный вывод подтверждается при проведении анализа типовых договоров поставки ритейлеров, входящих в «Х5 Ритейл Групп» (ООО «Агроторг», АО «Торговый дом «Перекресток» и др.), ритейлеров ООО «Атак» и ООО «Ашан», ООО «Лента», в которые включаются условия о соответствии товара требованиям безопасности и качества данных товаров, а также требования о маркировке товаров в соответствии с законодательством Российской Федерации и Евразийского экономического союза к определенному виду товара.

Особое внимание следует уделять виду пищевой продукции, поскольку помимо документов, подтверждающих соответствие продукции требованиям технического регулирования, к таким договорам может потребоваться приложить иные документы (например, для продовольственного сырья растительного происхождения

деленного количества которых хозяйствующему субъекту, осуществляющему торговую деятельность, не допускается выплата вознаграждения» // СЗ РФ. 2010. № 30. Ст. 4103.

обязательным будет подтверждение информации об использовании (или об отсутствии такового) пестицидов при возделывании сельскохозяйственных культур, фумигации помещений и тары для их хранения, борьбы с вредителями продовольственных запасов).

Нарушение требований технических регламентов и обязательных требований к продукции, установленных законодательством о техническом регулировании, — весьма серьезное правонарушение, которое влечет наступление ответственности. Субъектом ответственности за несоблюдение требований технических регламентов, помимо изготовителя, являются также исполнитель (лицо, выполняющее функции иностранного изготовителя) и продавец. Данное положение исходит из интересов потребителя и позволяет обеспечить защиту его прав, поскольку потребитель, приобретая товар у продавца, вступает в правоотношения с последним.

На практике существует достаточно большое количество примеров привлечения к ответственности ритейлеров за несоблюдение требований технических регламентов. Так, постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.05.2019 № Ф04-1394/2019 по делу № А03-11059/2018⁹ оставлены без изменения акты нижестоящих судов о привлечении ООО «Торгсервис22» к ответственности за повторное нарушение требований технических регламентов при хранении и реализации пищевой продукции, создавшее угрозу причинения вреда жизни или здоровью граждан, в виде штрафа в размере 350 000 руб.

При этом в п. 4 ч. 13 ст. 9 Закона о торговле установлен запрет на возмещение расходов, не связанных с исполнением договора поставки продовольственных товаров. В данной связи возникал вопрос о возможности установления в договоре поставки товара продовольствен-

ных товаров в торговые сети условия о возмещении поставщиком штрафов за поставку некачественных продовольственных товаров, уплаченных ритейлером. Коллегия по экономическим делам Верховного Суда РФ в определении от 14.08.2019 № 309-ЭС19-6011 по делу № А60-39029/2018¹⁰ указала, что хозяйствующий субъект, осуществляющий торговую деятельность по продаже продовольственных товаров посредством организации торговой сети, имеет право на установление в договоре поставки условий по взысканию с поставщиков в качестве убытков наложенных на него за реализацию некачественной продукции административных штрафов.

При этом следует согласиться с мнением А. В. Калмыковой о том, что и в технических регламентах, и в базовых законах о техническом регулировании (нормировании) государств — членов ЕАЭС необходимо сделать законодательные установления о том, кто именно (изготовитель, поставщик, импортер, продавец продукции) должен нести ответственность за нарушение того или иного требования безопасности¹¹.

Исключить возможность наступления ответственности в соответствии с постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.01.2018 № Ф07-14529/2017, Ф07-15565/2017 по делу № А44-3420/2017¹² (оставлено без изменения определением Верховного Суда РФ от 07.05.2018 № 307-АД18-4152 по делу № А44-3420/2017¹³) можно в случае, если продавцом были предприняты все возможные и необходимые меры для соблюдения правил и норм законодательства о техническом регулировании (в договор поставки включены соответствующие условия, прилагаются необходимые товарно-сопроводительные документы, получение и наличие которых обусловлено требованиями Закона о техническом регулировании).

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Калмыкова А. В. Административная ответственность в сфере технического регулирования в государствах — членах Евразийского экономического союза // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4. С. 76–91.

¹² СПС «КонсультантПлюс».

¹³ СПС «КонсультантПлюс».

В части обеспечения права потребителя на приобретение безопасного и качественного товара следует поддержать условие о прохождении производителем аудита производства товара для его поставки в торговую сеть. Такой аудит может проводиться как до заключения договора и быть элементом отбора поставщика, являться основанием для заключения или отказа в заключении договора поставки товара в торговую сеть, так и во время исполнения договора поставки в том случае, если соответствующее условие содержится в договоре поставки товара в торговую сеть. Для проведения аудита ритейлер привлекает собственных специалистов или пользуется услугами сторонних аудиторских компаний. Условие о проведении аудита производства является одним из типовых условий договора поставки товара в торговые сети, входящие в «Х5 Ритейл Групп», в торговые сети «Ашан» и «Лента». При проведении аудита применяется риск-ориентированный подход в части периодичности осуществления мероприятий. Помимо планового аудита, предусматривается также возможность проведения внепланового аудита производства в случае критических несоответствий требованиям ритейлера (например, массовых жалоб потребителей, обнаружения патогенных микроорганизмов). Аудит производства позволяет получить наиболее полную и комплексную информацию о несоответствиях качества товара. Требование о прохождении аудита производства должно применяться единообразно ко всем поставщикам товаров во избежание нарушения требований законодательства о защите конкуренции.

Части 6 и 13 ст. 9 Закона о торговле предусматривают запрет на включение в договор поставки условий о выплате поставщиками ритейлерам не предусмотренных Законом о торговле вознаграждений; о взимании платы за право поставок продовольственных товаров в функционирующие или открываемые торговые объекты, за изменение ассортимента продовольственных товаров; о возмещении расходов в связи с утратой или повреждением продовольственных товаров после перехода права собственности на такие товары, расходов, не связанных с исполнением договора поставки

продовольственных товаров и последующей продажей конкретной партии таких товаров, расходов, связанных с утилизацией или уничтожением непроданных продовольственных товаров. Указанные условия направлены в первую очередь на установление баланса интересов ритейлера и поставщика продовольственных товаров, на защиту сторон договора поставки продовольственных товаров в торговые сети от недобросовестной конкуренции. Вместе с тем представляется, что нарушение данных требований, несомненно, приведет к учету данных выплат и расходов в цене товара, что негативно скажется на интересах конечного потребителя. Таким образом, установленные запреты обеспечивают в том числе защиту права потребителя на приобретение продовольственных товаров по наиболее выгодной цене.

Закон о торговле в ч. 7 ст. 8 предусматривает, что в целях охраны жизни и здоровья человека, защиты общественной морали и правопорядка, охраны окружающей среды, животных и растений, культурных ценностей, выполнения международных обязательств Российской Федерации и (или) обеспечения обороны страны и безопасности государства Правительством РФ может быть установлена обязанность хозяйствующих субъектов или отдельных групп хозяйствующих субъектов осуществлять маркировку отдельных товаров средствами идентификации.

В настоящее время требование об обязательности представления информации об обороте товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, распространяется на участников оборота таких товаров. Участниками оборота являются любые хозяйствующие субъекты, осуществляющие торговую деятельность, связанную с приобретением и продажей товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, в том числе и посредством торговой сети, а также поставщики таких товаров. Участники оборота товаров, подлежащих обязательной маркировке, несут ответственность за полноту, достоверность и своевременность представления ими информации об обороте таких товаров оператору.

Вместе с тем с учетом того, что продажа большого количества маркируемых средствами

идентификации товаров осуществляется через торговые сети, а также с учетом значимости маркировки товаров средствами идентификации для защиты прав потребителей, представляется важным рассмотреть и условие договора поставки товара в торговые сети о цифровой маркировке.

Цифровая маркировка позволяет обеспечивать физическую прослеживаемость каждой единицы товара с помощью средств идентификации (код маркировки в машиночитаемой форме, который включает в себя последовательность символов кода идентификации и кода проверки), наносимых непосредственно на товар, и внесения информации о товаре и средствах его идентификации в информационную систему маркировки.

Внедрение цифровой маркировки влечет наложение на производителей и ритейлеров дополнительной финансовой нагрузки в связи с необходимостью приобретения программно-аппаратных шифровальных (криптографических) средств защиты кодов маркировки (в том числе фискальных накопителей, позволяющих выявить корректировку или фальсификацию кода идентификации в результате его проверки с использованием кода проверки и ключевого документа, предназначенного для проверки кода идентификации), обучения персонала и внедрения цифровой маркировки.

При этом отмечается значительное положительное влияние системы маркировки на борьбу с нелегальной продукцией и обеспечение защиты конечного потребителя от контрафакта и фальсификата. Благодаря системе цифровой маркировки создаются условия для добросовестного бизнеса, что позволяет сформировать более безопасную потребительскую среду.

В договоре поставки товара в торговые сети, заключаемом в отношении товаров, подлежащих маркировке средствами идентификации, представляется целесообразным закрепить соответствующих условий.

Следует отметить, что в настоящее время система цифровой маркировки не единственная государственная информационная система.

Например, с июля 2018 г. является обязательным подключение к государственной системе «Меркурий», предназначенной для электронной сертификации и обеспечения прослеживаемости поднадзорных государственному ветеринарному надзору грузов при их производстве, обороте и перемещении на территории Российской Федерации. Введение данного требования направлено на создание единой информационной среды для ветеринарии, повышения биологической и пищевой безопасности. Перечень подконтрольных товаров, подлежащих сопровождению ветеринарными сопроводительными документами, предусмотрен приказом Минсельхоза России от 18.12.2015 № 648¹⁴.

В данной связи законодателю следует уделить особое внимание соотношению государственных систем. Представляется, что информация о прослеживаемости товаров не должна дублироваться в различных информационных системах. Особое внимание стоит обратить на то, что при фиксации информации об исключении единицы товара из информационной системы при приобретении конечным потребителем следует оценивать возможности контрольно-кассовой техники для подключения одновременно к различным информационным системам.

Таким образом, при формировании условий договора поставки товара в торговые сети ритейлерам и поставщикам следует учитывать необходимость соблюдения широкого круга законодательства, в том числе и положений законодательства о защите прав потребителей. Положения, направленные на защиту прав потребителей, носят преимущественно императивный характер, поэтому должны быть формализованы и зафиксированы в договоре поставки товара в торговые сети. Данные условия должны быть направлены на защиту конечного потребителя как стороны, не являющейся стороной договора, но при этом вступающей во взаимоотношения в процессе осуществления сторонами предпринимательской деятельности.

Введение Законом о торговле императивных требований в отношении условий договора по-

¹⁴ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 14.

ставки продовольственных товаров в торговые сети вызвано необходимостью уравновесить интересы обладающих существенной рыночной силой ритейлеров и интересы поставщиков, при этом применяемый правовой режим носит охранительный характер. Конвергируя частноправовые и публично-правовые методы регулирования, Закон о торговле посредством установления данного режима обеспечивает в том числе защиту интересов конечных потребителей.

При этом, согласно информации, представленной в Государственном докладе «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2018 году», удельный вес обращений о нарушениях в сфере торговли в 2018 г. составил 42 % от общего количества поступивших обращений. Подавляющее большинство обращений связано с приобретением непродовольственных товаров (77 %) ¹⁵.

В данной связи представляется необходимым рассмотреть вопрос о возможности установления специального правового режима в отношении договора поставки в торговые сети не только продовольственных, но и непродовольственных товаров. Такой правовой режим должен обеспечить публичный интерес в реали-

зации конечному потребителю качественных и безопасных непродовольственных товаров. При установлении такого охранительного режима следует исходить из недопустимости необоснованной регламентации всех действий, избегать излишней бюрократизации процедур.

Формирование перечня товаров, в отношении поставки которых в торговые сети должен быть применен специальный режим регулирования, нужно исходить из необходимости обеспечить особое регулирование непродовольственных товаров, которые являются минимально необходимыми для сохранения здоровья человека и обеспечения его потребностей. Учитывая, что ассортиментная матрица торговых сетей формируется по принципу, аналогичному формированию потребительской корзины, в которую включаются как продовольственные, так и непродовольственные товары, установление охранительного режима представляется целесообразным в отношении таких категорий товаров, как одежда, обувь, моющие средства, косметические и парфюмерные товары, фармацевтические, медицинские и ортопедические товары, товары для детей, реализуемые потребителям для личного потребления и домашнего пользования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреева Л. В. Учебник по коммерческому (торговому) праву. — 4-е изд. — М. : Кнорус, 2018.
2. Вахнин И. Г. Учет целей договора и целей деятельности сторон при формировании условий договора поставки // Законодательство. — 2000. — № 1. — С. 24–31.
3. Ем В. С. Ничтожность сделок по действующему гражданскому законодательству // Вестник гражданского права. — 2018. — № 4. — С. 12–45.
4. Калмыкова А. В. Административная ответственность в сфере технического регулирования в государствах — членах Евразийского экономического союза // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2019. — № 4. — С. 76–91.
5. Свирич Ю. А. Проблемы правового регулирования договора поставки продуктов питания // Адвокат. — 2013. — № 12. — С. 42–44.
6. Хвоцинский А. Публичный договор: защита частного интереса? // Бизнес-адвокат. — 2000. — № 9.

Материал поступил в редакцию 30 октября 2020 г.

¹⁵ Государственный информационный ресурс в сфере защиты прав потребителей. URL: [http://zpp.rosпотребнадзор.ru/Show/File/39329/gosudarstvennyy-doklad-zashchita-prav-potrebiteley-v-rossiyskoy-federatsii-v-2018-godu%20\(1\).pdf](http://zpp.rosпотребнадзор.ru/Show/File/39329/gosudarstvennyy-doklad-zashchita-prav-potrebiteley-v-rossiyskoy-federatsii-v-2018-godu%20(1).pdf) (дата обращения: 30.10.2020).

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andreeva L. V. Uchebnik po kommercheskomu (torgovomu) pravu. — 4-e izd. — M. : Knorus, 2018.
2. Vahnin I. G. Uchet celej dogovora i celej deyatel'nosti storon pri formirovanii uslovij dogovora postavki // Zakonodatel'stvo. — 2000. — № 1. — S. 24–31.
3. Em V. S. Nichtozhnost' sdelok po dejstvuyushchemu grazhdanskomu zakonodatel'stvu // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2018. — № 4. — S. 12–45.
4. Kalmykova A. V. Administrativnaya otvetstvennost' v sfere tekhnicheskogo regulirovaniya v gosudarstvah — chlenah Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. — 2019. — № 4. — S. 76–91.
5. Svirin Yu. A. Problemy pravovogo regulirovaniya dogovora postavki produktov pitaniya // Advokat. — 2013. — № 12. — S. 42–44.
6. Hvoshchinskij A. Publichnyj dogovor: zashchita chastnogo interesa? // Biznes-advokat. — 2000. — № 9.

Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения?

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, составляющие предмет многолетней научной дискуссии, ведущейся в отношении перспектив стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельного этапа уголовно-процессуальной деятельности. Являясь сторонником принципиальной ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, автор тем не менее полагает, что подобное решение не может быть принято в отрыве от понимания подлинных причин, побудивших советских ученых разработать данные механизмы, а законодателя — ввести их в систему уголовно-процессуального регулирования. Основываясь на результатах своих предыдущих исследований по проблемам досудебного производства, автор полагает, что возникновение стадии возбуждения уголовного дела напрямую связано с формировавшейся начиная с 1920-х гг. и сохранившейся до настоящего времени самобытной российской системой досудебного производства, выраженной в интеграции функций «полиции» и «юстиции» и в наделении «силовых» министерств и ведомств процессуальными полномочиями судебно-следственного характера. В этой связи делается вывод, что вопрос о дальнейшей судьбе стадии возбуждения уголовного дела может быть окончательно разрешен лишь в контексте четкого понимания перспектив развития всей системы российского досудебного производства.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; доследственная проверка; досудебное производство; полномочия органа дознания; полномочия следователя; сообщение о преступлении; стадия уголовного судопроизводства; уголовное преследование; уголовно-процессуальное регулирование; уголовно-процессуальные правоотношения.

Для цитирования: Россинский С. Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 133–139. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.133-139.

© Россинский С. Б., 2021

* Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
s.rossinskiy@gmail.com

Initiation of a Criminal Case: Unconditionally Abolish or Try to Understand the True Reasons for its Occurrence?

Sergey B. Rossinskiy, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
s.rossinskiy@gmail.com

Abstract. The paper deals with the problems that are the subject of longstanding scientific discussion, conducted in relation to the prospects of the stage of initiation of a criminal case as an independent stage of criminal procedural activity. Being a supporter of the principled elimination of the stage of initiating a criminal case, the author nevertheless believes that such a decision cannot be made in isolation from understanding the real reasons that prompted Soviet scientists to develop these mechanisms, and the legislator — to introduce them into the system of criminal procedural regulation. Based on the results of his previous research on the problems of pre-trial proceedings, the author believes that the emergence of the stage of initiation of a criminal case is directly related to the one that has been formed since the 1920s. The original Russian system of pre-trial proceedings that has survived to this day, expressed in the integration of the functions of the "police" and "justice" and in the vesting of the "power" ministries and departments with procedural powers of a judicial and investigative nature. In this regard, the author concludes that the question of the further fate of the stage of initiation of a criminal case can be finally resolved only in the context of a clear understanding of the prospects for the development of the entire system of Russian pre-trial proceedings.

Keywords: initiation of a criminal case; pre-investigation check; pre-trial proceedings; powers of the body of inquiry; powers of the investigator; reporting a crime; stage of criminal proceedings; criminal prosecution; criminal procedure regulation; criminal procedural legal relations.

Cite as: Rossinskiy SB. Stadiya vzbuzhdeniya ugovnogo dela: bezogovorochno uprazdnit libo popytatsya ponyat podlinnye prichiny ee vozniknoveniya? [Initiation of a Criminal Case: Unconditionally Abolish or Try to Understand the True Reasons for its Occurrence?]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):133-139. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.133-139. (In Russ., abstract in Eng.).

Возбуждение уголовного дела — один из системообразующих этапов современного российского досудебного производства по уголовному делу. Оно представляет собой начальную стадию уголовно-процессуальной деятельности, в ходе которой полномочные государственные органы (должностные лица), получив первоначальное сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, устанавливают наличие или отсутствие оснований для производства по новому уголовному делу.

Ввиду специфического характера стадии возбуждения уголовного дела, ее нахождения как бы в «предпроцессуальном» поле, то есть до принятия решения, определяющего полноценное «открытие» нового досудебного производства, данному этапу уголовно-процессуальной деятельности традиционно были и остаются присущи достаточно серьезные доктринальные

и нормативно-правовые противоречия, вызывающие на протяжении длительного времени большие затруднения в повседневной следственной практике. Ведь вытекающий из смысла закона запрет на производство до возбуждения уголовного дела многих, в том числе достаточно безотлагательных, следственных действий (допроса, обыска, выемки и др.), обуславливающий их вынужденную замену близкими по характеру непроцессуальными мероприятиями (получением объяснений, досмотром и др.), приводит к необходимости неоднократного (как бы «двойного») получения одних и тех же сведений, установления одних и тех же обстоятельств. Вначале эти сведения собираются непроцессуальными способами — для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, а затем еще раз, уже в процессуальном порядке (посредством тех самых запрещенных в ходе следственной

проверки сообщения о преступлении допроса, обыска и др.), — для формирования полноценных доказательств. Вполне очевидно, что подобные алгоритмы приводят лишь к раздуванию объемов уголовных дел, к увеличению и без того большой нагрузки, возложенной на органы дознания и предварительного следствия, а также создают препятствия для надлежащего проведения первоначального этапа расследования (для расследования преступлений «по горячим следам»), что влечет за собой ослабление доказательственной базы.

Особую актуальность эти проблемы приобретают при необходимости собирания тех сведений, которые в принципе не подлежат повторному восприятию и поэтому не могут быть получены сначала в непроцессуальном, а затем в процессуальном порядке. Например, обнаруженное и изъятое при досмотре задержанного лица наркотическое средство уже не может быть заново найдено в ходе его личного обыска; обнаруженные и изъятые в ходе оперативного обследования помещения предметы либо документы не могут быть заново найдены посредством обыска данного помещения и т.д. (если, конечно, в нарушение закона не возвращать все эти объекты на прежние места, не «запихивать их назад»). И в этой связи сотрудники органов предварительного расследования нередко идут на различные ухищрения, изобретают обходные пути, которые, по сути, сводятся к банальному игнорированию требований УПК РФ. В частности, в современной следственной практике можно встретить множество случаев подмены (а фактически маскировки) обысков осмотрами мест происшествия при задержании с поличным подозреваемых в совершении преступлений коррупционной направленности (взятодателей, взятополучателей, посредников и т.д.) или использования результатов непроцессуальных досмотров, а также всевозможных «добровольных выдач», «изъятий» и тому подобных действий неопределенной правовой природы в качестве полноценных доказательств.

Однако эти алгоритмы нередко приводят к снижению познавательной ценности тех све-

дений, которые вполне подлежат повторному восприятию, например устной информации, сообщаемой очевидцами преступления. Давая непроцессуальные объяснения непосредственно после случившегося, очевидцы способны наиболее подробно (до мельчайших деталей) описать какие-либо обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела (место преступления, внешний вид и отдельные действия совершившего его лица и т.д.). Тогда как, будучи вызванными на допрос в качестве свидетелей по прошествии некоторого времени (после возбуждения уголовного дела), ввиду понятных причин они уже не могут сообщить столь исчерпывающие сведения, дать столь обстоятельные показания. Причем для восполнения указанных пробелов в правоприменительной практике нередко применяется совершенно недопустимая и противоречащая самому смыслу процессуального доказывания прикладная технология, заключающаяся в фактической замене полноценного допроса свидетеля дословным переписыванием в протокол сведений, ранее сообщенных данным лицом в непроцессуальной форме.

Вместе с тем проводимая в строго определенном законом порядке, осуществляемая под надзором прокурора, предполагающая возможность судебного обжалования, завершающаяся изданием обоснованного и мотивированного правоприменительного акта об «открытии» нового досудебного производства стадия возбуждения уголовного дела — это существенная процессуальная гарантия обеспечения законности всего дальнейшего предварительного расследования и судебного разбирательства. Являясь своеобразным юридическим барьером между проводимыми правоохранительными органами в достаточно свободном режиме непроцессуальными мероприятиями и действиями тех же самых органов, но отвечающими требованиям процессуальной формы, эта стадия способствует правомерности уголовного преследования, снижает вероятность полицейского произвола и риски необоснованного ограничения прав и свобод личности¹.

¹ Ляхов Ю. А. Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела. М., 2005. С. 11.

Указанные противоречия заставляют ученых, практических работников, представителей органов государственной власти, общественных деятелей вновь и вновь возвращаться к обсуждению вопроса о дальнейшей судьбе стадии возбуждения уголовного дела, побуждая к бурным дискуссиям. Так, многие специалисты уже не первый год выступают за полную ликвидацию возбуждения уголовного дела как самостоятельного этапа досудебного производства. В частности, Б. Я. Гаврилов, основываясь на больших массивах эмпирических данных и собственном опыте многолетней следственной практики, заявляет о необходимости ликвидации данной стадии уголовного судопроизводства, в том числе об изъятии из УПК РФ положений, регламентирующих порядок возбуждения уголовного дела и отказа в возбуждении уголовного дела². Аналогичные либо близкие взгляды можно встретить и в целом ряде других публикаций³. Причем в последние годы ученые стали подкреплять данную научную позицию еще одним весомым аргументом — опытом некоторых государств, возникших на постсоветском пространстве (Украины, Грузии, Казахстана, Киргизии и др.), уже отказавшихся от возбуждения уголовного дела как от автономной стадии уголовного судопроизводства и упразднивших соответствующие процессуальные механизмы.

Существует и противоположная точка зрения, сторонники которой ратуют за сохранение стадии возбуждения уголовного дела, в частности в том виде, в котором она впервые

получила законодательное закрепление в УПК РСФСР 1960 г. Например, В. С. Шадрин, обращая внимание на ряд существенных практических проблем в связи с ликвидацией стадии возбуждения уголовного дела на Украине, предостерегает российского законодателя от подобных ошибок. Одновременно автор не без оснований полагает, что формальная отмена указанного этапа уголовного-процессуальной деятельности не принесет никаких позитивных последствий, поскольку приведет лишь к поголовному прекращению необоснованно начатых следственных производств⁴. Сходных взглядов придерживаются В. М. Быков, А. Г. Волеводз⁵ и другие ученые.

Отдавая должное каждой из вышеуказанных научных позиций, признавая разумность всех приводимых доводов и аргументов, автор настоящей статьи все-таки в целом всегда склонялся и продолжает склоняться к точке зрения, предполагающей необходимость ликвидации стадии возбуждения уголовного дела как автономной системы уголовно-процессуальных механизмов, регламентированных самостоятельным институтом уголовно-процессуального права. Тем более что за последние годы в нормативную регламентацию стадии возбуждения уголовного дела ввиду объективных потребностей следственной практики был внесен целый ряд давно назревших изменений и дополнений, связанных с расширением перечня следственных и иных процессуальных действий, допускаемых в ходе доследственной проверки сообщения о преступлении и, таким образом,

² Гаврилов Б. Я. Влияние института возбуждения уголовного дела на состояние борьбы с преступностью // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV Международной научно-практической конференции / отв. ред. Д. В. Ким. Красноярск, 2021. С. 177.

³ Например: Вицин С. Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 56 ; Деришев Ю. В. Стадия возбуждения уголовного дела — реликт социалистической законности // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 34–36 ; Кругликов А. П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 58.

⁴ Шадрин В. С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1. С. 50–51.

⁵ Быков В. М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 55 ; Волеводз А. Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 80–83.

постепенно лишаящих эту стадию прежней самостоятельности, превращающих ее в некое «квазиисследование»⁶.

Однако представляется, что подобные законотворческие шаги являются не более чем полумерами, не способными полностью устранить противоречия и избавить следственную практику от возникающих трудностей. Равно как и вышеприведенные научные позиции предполагают достаточно импульсивный подход, обусловленный стремлением к сиюминутному решению зревших годами проблем (экстремному «затыканию дыр»), желанием малой кровью, посредством фрагментарных изменений уголовно-процессуального законодательства, быстро добиться определенного результата. При этом в публикациях уважаемых авторов, ратующих за отказ от процедуры возбуждения уголовного дела в современном понимании по примеру Грузии, Украины, Казахстана, Киргизии и других постсоветских государств, не выявляются глубинные причины, предопределившие введение данной стадии в систему уголовно-процессуального регулирования, а ее возникновение зачастую объясняется лишь неким «чуждачеством» советского законодателя, пожелавшего сконструировать отличающуюся от западных аналогов, свою собственную модель досудебного производства. Кстати, во многом это связано с тем, что советские ученые, в частности М. С. Строгович, стоявшие у истоков формирования стадии возбуждения уголовного дела, особо не утруждали себя мотивацией своих намерений, а в свойственной тому времени лозунговой манере безапелляционно заявляли о безусловной пользе данных механизмов, способствующих укреплению социалистической законности⁷.

Вместе с тем такие глубинные причины существуют. И они напрямую связаны с особенностями формировавшейся с 1920-х гг. национальной системы досудебного производства. В своих

предыдущих публикациях автор настоящей статьи уже неоднократно отмечал, что ввиду целого ряда факторов и исторических катаклизмов XX в. в Российской Федерации сформировалась уникальная система досудебного производства, обусловленная хаотичным смешением, переплетением элементов, присущих разным моделям и вариантам уголовно-процессуальной деятельности, что выражается в интеграции функций «полиции» и «юстиции», в частности в наделении силовых министерств и ведомств процессуальными полномочиями судебно-следственного характера по собиранию полноценных доказательств и их депонированию для предстоящего судебного разбирательства. Подобный синтез различных и подчас весьма плохо сочетаемых элементов закономерно предопределил необходимость разработки и введения в сферу уголовно-процессуального регулирования целого ряда амортизирующих юридических механизмов — своеобразных «изобретений» отечественной уголовно-процессуальной доктрины и правоприменительной практики, позволяющих несколько сгладить, нивелировать возникшие противоречия. Одним из этих «изобретений» как раз и является стадия возбуждения уголовного дела, выполнявшая и продолжающая выполнять роль границы между непроцессуальной и процессуальной деятельностью, по сути, одних и тех же правоохранительных органов.

В этой связи нетрудно заметить, что для большинства зарубежных государств, использующих романо-германскую модель досудебного производства по уголовному делу, эта стадия действительно является излишней. Так, для французского уголовного процесса грань между полицейским дознанием и предварительным следствием (между функциями «полиции» и «юстиции») и без того достаточно осязаема — ввиду нахождения соответствующих полномочий в компетенции принципиально разных

⁶ Например: Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»; Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

⁷ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 9–10.

органов государственной власти: полиции и следственного судьи. Немецкий уголовный процесс, предполагающий частичное смешение указанных функций, тоже не нуждается в их жестком разграничении, так как ни прокуратура, ни полиция, осуществляющие досудебное производство, в ходе своей процессуальной деятельности не вправе формировать полноценные судебные доказательства или существенно ограничивать права личности.

И только возникшие после Октябрьской революции тенденции развития советской системы досудебного производства, обусловившие потребность в возникновении некоей юридической грани между непроцессуальной и процессуальной деятельностью, по сути, одних и тех же правоохранительных органов, закономерно предопределили постепенное внедрение в сферу уголовно-процессуального регулирования механизмов возбуждения уголовного дела, которые стали постепенно вводиться в следственную практику начиная с середины 1930-х гг. и были окончательно сформированы к моменту известной реформы советского судопроизводства, проведенной на рубеже 1950–1960-х гг., получив законодательное закрепление в УПК РСФСР 1960 г., в уголовно-процессуальных кодексах других союзных республик, а также уголовно-процессуальных кодексах ряда социалистических государств, например Монголии.

Таким образом, и вопрос о существовании стадии возбуждения уголовного дела, и все связанные с ней доктринальные и нормативно-правовые противоречия могут быть окончательно разрешены лишь посредством изменения концептуальных подходов к построению национальной системы досудебного производства и четкого понимания перспектив ее развития в духе, соответствующем интересам российского общества и государства. Какими должны быть эти подходы и перспективы? Нужно ли перестраивать всю систему органов предварительного расследования по французскому образцу, за-

менив нынешних следователей следственными судьями (судебными следователями) и лишив органы дознания юрисдикционных полномочий? Или необходимо, наоборот, взяв за основу немецкую модель досудебного производства, полностью передать соответствующие полномочия в ведение прокурора и органов дознания? Или, может быть, стоит пойти третьим путем? Ответы на все эти вопросы представляются весьма сложными и неоднозначными, требуют проведения фундаментальных исследований, явно выходящих за предмет настоящей статьи. Хотя, по нашему мнению, в решении данных проблем следует придерживаться умеренного консерватизма, стараясь по возможности сохранить все плюсы советской системы досудебного производства и используя богатый опыт, накопленный в этой сфере за многие годы.

В любом случае ясно одно — законодателю необходимо прекратить правотворческие метания, политику хаотичного смешения различных, в том числе плохо совместимых, элементов, относящихся к разным типам уголовного процесса, и, наконец, остановиться на какой-то единой модели, наиболее отвечающей закономерностям развития и реалиям современной России. Более того, по нашему глубокому убеждению, реформирование досудебного производства в целом и стадии возбуждения уголовного дела в частности должно носить не сугубо организационно-правовой, а комплексный характер. И начинать его нужно не с внесения порции очередных поправок в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, а с пересмотра государственной идеологии в отношении профессий дознавателя и следователя, с повышения уровня их профессионализма посредством подготовки и воспитания юристов-государственников нового поколения, обладающих наряду с глубокими знаниями, умениями и навыками высоким уровнем нравственности, правосознания, правопонимания и ответственности, так необходимых для решения непростых задач уголовного судопроизводства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Быков В. М.* Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. — 2006. — № 7. — С. 53–67.
2. *Вичин С. Е.* Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. — 2003. — № 6. — С. 54–56.
3. *Волеводз А. Г.* Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. — 2014. — № 1. — С. 80–83.
4. *Гаврилов Б. Я.* Влияние института возбуждения уголовного дела на состояние борьбы с преступностью // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV Международной научно-практической конференции / отв. ред. Д. В. Ким. — Красноярск : СибЮИ МВД России, 2021. — С. 175–177.
5. *Деришев Ю. В.* Стадия возбуждения уголовного дела — реликт социалистической законности // Российская юстиция. — 2003. — № 8. — С. 34–36.
6. *Кругликов А. П.* Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. — 2011. — № 6. — С. 56–59.
7. *Ляхов Ю. А.* Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела. — М. : Приор-Издат, 2005. — 72 с.
8. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. — М. : Наука, 1970. — Т. 2. — 516 с.
9. *Шадрин В. С.* Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. — 2015. — № 1. — С. 47–51.

Материал поступил в редакцию 1 апреля 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bykov V. M. Problemy stadii vzbuzhdeniya ugolovnogo dela // Zhurnal rossijskogo prava. — 2006. — № 7. — S. 53–67.
2. Vicin S. E. Institut vzbuzhdeniya ugolovnogo dela v ugolovnom sudoproizvodstve // Rossijskaya yusticiya. — 2003. — № 6. — S. 54–56.
3. Volevodz A. G. Uprazhnenie stadii vzbuzhdeniya ugolovnogo dela: cena voprosa // Ugolovnyj process. — 2014. — № 1. — S. 80–83.
4. Gavrilov B. Ya. Vliyanie instituta vzbuzhdeniya ugolovnogo dela na sostoyanie bor'by s prestupnost'yu // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki : materialy XXIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / отв. red. D. V. Kim. — Krasnoyarsk : SibYul MVD Rossii, 2021. — S. 175–177.
5. Derishev Yu. V. Stadiya vzbuzhdeniya ugolovnogo dela — relikt socialisticheskoy zakonnosti // Rossijskaya yusticiya. — 2003. — № 8. — S. 34–36.
6. Kruglikov A. P. Nuzhna li stadiya vzbuzhdeniya ugolovnogo dela v sovremennom ugolovnom processe Rossii? // Rossijskaya yusticiya. — 2011. — № 6. — S. 56–59.
7. Lyahov Yu. A. Pravovoe regulirovanie stadii vzbuzhdeniya ugolovnogo dela. — M. : Prior-Izdat, 2005. — 72 s.
8. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa. — M. : Nauka, 1970. — T. 2. — 516 s.
9. Shadrin V. S. Sud'ba stadii vzbuzhdeniya ugolovnogo dela // Zakonnost'. — 2015. — № 1. — S. 47–51.

О проблеме разграничения принципа наиболее тесной связи и обычных коллизионных норм

Аннотация. Исследуется тонкая грань между применением принципа наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки и решением коллизионного вопроса на основании коллизионных норм, содержащихся в обычаях, признаваемых в Российской Федерации. Предлагается в отсутствие обычая, однозначно признанного согласно п. 1 ст. 1186 ГК РФ, обращаться к принципу наиболее тесной связи согласно п. 2 той же статьи. Выдвинутое предложение обосновывается сложностью формирования коллизионной нормы в форме обычая, так как она фактически не реализуется в регулятивных правоотношениях. Автор выявляет замкнутый круг, в котором в точном соответствии с п. 1 ст. 1186 ГК РФ условием применения коллизионной нормы в форме обычая выступает ее признание в Российской Федерации, которое она не может получить в отсутствие применения. При этом особое внимание при определении наиболее тесной связи уделяется допустимости опоры на признанные в международных документах (рекомендательных актах и не ратифицированных Российской Федерацией, в том числе не вступивших в силу, международных договорах) территориальные связи, если таковые отвечают специфике конкретного отношения.

Ключевые слова: принцип наиболее тесной связи; общая резервная коллизионная привязка; территориальная связь; коллизионная норма; коллизионная привязка; обычай; обычай, признаваемый в Российской Федерации; коллизионно-правовое регулирование; коллизионное право; международное частное право.

Для цитирования: Новикова Т. В. О проблеме разграничения принципа наиболее тесной связи и обычных коллизионных норм // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 140–148. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.140-148.

On the Problem of Distinguishing between the Closest Connection Principle and Basic Conflict of Laws Rules

Tatyana V. Novikova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of the North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice
ul. Levanevskogo, d. 187/1, Krasnodar, Russia, 350002
tnovikova@inbox.ru

Abstract. The fine line is explored between the application of the closest connection principle as a general gap-filling conflict of laws rule and the solution the related issue based on conflict of laws rules contained in the customs recognized in the Russian Federation. In the absence of a custom, unambiguously recognized in accordance with

---

© Новикова Т. В., 2021

* Новикова Татьяна Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия ул. Леваневского, д. 187/1, г. Краснодар, Россия, 350002
tnovikova@inbox.ru

paragraph 1 of Art. 1186 of the Civil Code of the Russian Federation, the author offers to refer to the closest connection principle in accordance with paragraph 2 of the same article. This proposal is justified by the complexity of the formation of a conflict of laws rule in the form of a custom, since it is not actually implemented in regulatory legal relations. The author reveals a vicious circle in which, in strict accordance with paragraph 1 of Art. 1186 of the Civil Code of the Russian Federation, the condition for the application of a conflict of laws rule in the form of custom is its recognition in the Russian Federation, which it cannot receive in the absence of application. At the same time, when determining the closest connection, special attention is given to the admissibility of reliance on territorial ties recognized in international documents (recommendatory acts and international treaties not ratified by the Russian Federation, including those that have not entered into force), if they correspond to the specifics of a particular relationship.

Keywords: closest connection principle; general gap-filling conflict of laws rule; territorial link; conflict of laws rule; connecting factor; custom; custom recognized in the Russian Federation; conflict of laws; international private law.

Cite as: Novikova TV. O probleme razgranicheniya printsipa naibolee tesnoy svyazi i obychnykh kollizionnykh norm [On the Problem of Distinguishing between the Closest Connection Principle and Basic Conflict of Laws Rules]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):140-148. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.140-148. (In Russ., abstract in Eng.).

Постановка проблемы

Принцип наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки установлен пунктом 2 ст. 1186 ГК РФ¹, который в совокупности с п. 1 указанной статьи гласит, что если на основании международных договоров РФ, ГК РФ, других законов и обычаев, признаваемых в Российской Федерации, невозможно определить применимое право, «применяется право страны, с которой гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано». В специальной литературе особо подчеркивается, что данное положение составило значимую новеллу отечественного законодательства о международном частном праве².

Вместе с тем представляется чрезвычайно сложным с практической точки зрения вопрос разграничения между решением коллизионного вопроса на основании принципа наиболее тес-

ной связи и таким же решением на основании коллизионных норм, которые содержатся в обычаях, признаваемых в Российской Федерации. Суть проблемы состоит в том, что в отсутствие для какого-либо отношения коллизионной нормы в международных договорах РФ, ГК РФ и других законах суд, в соответствии с п. 1–2 ст. 1186 ГК РФ, должен попытаться установить наличие коллизионных норм в обычаях, признаваемых в Российской Федерации, и в случае отсутствия таковых обратиться к принципу наиболее тесной связи.

О коллизионных нормах в обычаях, признаваемых в Российской Федерации

Однако формирование обычая именно как источника коллизионных (не материальных) норм осложняется тем, что обычай, как пишет Г. И. Муромцев, есть «правило поведения, сло-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

² См., например: *Ерпылева Н. Ю.* Понятие, предмет и система международного частного права // Адвокат. 2004. № 6–9 ; *Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В.* Проблемы кодификации российского законодательства по международному частному праву // Адвокат. 2008. № 1 ; *Кудашкин В. В.* Принцип тесной связи в международном частном праве // СПС «КонсультантПлюс», 2004 ; *Кудашкин В. В.* Принцип тесной связи в международном частном праве: теория и практика // Законодательство и экономика. 2004. № 9.

жившееся вследствие *фактического его применения* в течение длительного времени»³ (курсив наш. — Т. Н.). В том же ключе обычай определяется и в гражданском праве Российской Федерации. В частности, пункт 1 ст. 5 ГК РФ гласит: «Обычаем признается *сложившееся и широко применяемое* в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило *поведения*»⁴ (курсив наш. — Т. Н.).

Следовательно, обычай способен сформироваться в рамках регулятивного правоотношения в ходе взаимодействия его субъектов. Понятие регулятивного правоотношения мы используем в контексте деления правоотношений на регулятивные и охранительные, которое имеет истоки в трудах С. А. Муромцева⁵, получило распространение в советской юриспруденции⁶ и сохраняет сторонников в современной правовой науке⁷. При этом мы стоим на позиции, в соответствии с которой «коллизийное право нацелено на реализацию в охранительных правоотношениях»⁸.

Так, одно из определений коллизийной нормы, классических для современной отечественной литературы, дает Г. К. Дмитриева. Правовед пишет: «Коллизийная норма — это норма, *определяющая, право* какого государства должно быть применено к данному частнопрововому отношению, осложненному иностранным элементом»⁹ (курсив наш. — Т. Н.). Следовательно, коллизийная норма не регулирует по существу частнопрововые отношения международного характера, а указывает, правом какой страны надлежит их регулировать. В этом качестве она адресована правоприменителю и непосредственно реализуется только в ходе правоприменительного (в первую очередь судебного) процесса.

Безусловно, содержание коллизийных норм имеет «справочное» значение, позволяющее субъектам международного частного права с определенной долей вероятности прогнозировать развитие складывающихся между ними отношений, а также исход дела в случае возникновения спора и обращения к правопримени-

³ Проблемы общей теории права и государства : учебник / под ред. В. С. Нерсисянца. М. : Норма: Инфра-М, 2010. С. 292 (автор гл. 12 — Г. И. Муромцев).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁵ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М. : Юрайт, 2020. С. 62.

⁶ См.: Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1955. С. 91–92 ; Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1961. С. 193–194 ; Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права / под ред. О. Я. Баева. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1990. 136 с.

⁷ См.: Асланян Н. П. Некоторые вопросы теории охранительных правоотношений // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 3-й Ежегодной международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 19–20 сентября 2014 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск : Издательство БГУЭП, 2014. С. 7–18 ; Она же. О состоянии теории охранительных правоотношений // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 4-й Ежегодной международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 20 марта 2015 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск : Издательство БГУЭП, 2015. С. 7–16 ; Она же. Развитие теории охранительного права // Эффективность права: проблемы теории и практики : материалы Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 10–11 октября 2014 г.). Краснодар : Кубанский государственный университет, 2014. С. 868–878.

⁸ См. более подробно: Новикова Т. В. К вопросу об охранительных правоотношениях в международном частном праве // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 5-й Ежегодной международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 21 мая 2016 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск : Издательство БГУ, 2017. С. 148–157.

⁹ Международное частное право : учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой. М. : Проспект, 2016. С. 113.

телю. Вместе с тем в отличие от механизма применения регулятивных норм, устанавливающих определенное правило поведения, механизм применения коллизионных норм характеризуется значительной подвижностью.

В данном отношении ярким примером может выступить предусмотренная в ст. 1191 ГК РФ процедура установления содержания иностранного права. Согласно п. 2 ст. 1191 ГК РФ в том случае, когда подлежащая применению коллизионная норма указывает на необходимость регулировать отношение по существу правом иностранного государства, суд в целях установления содержания его норм может обратиться за содействием и разъяснением в Министерство юстиции РФ «и иные компетентные органы или организации в Российской Федерации и за границей либо привлечь экспертов». Однако пункт 3 той же статьи допускает, что в случае, «если содержание норм иностранного права, несмотря на предпринятые... меры, в разумные сроки не установлено, применяется российское право». Таким образом, противоречия в поступающей информации о содержании норм иностранного права или ее недостаток, а равно сбои в работе компетентных органов могут привести к тому, что коллизионная норма, подлежащая применению в конкретном деле, будет отклонена судом. Кроме того, существенные коррективы в ходе применения установленной коллизионной нормы могут быть вызваны и такими институтами международного частного права, как взаимность (ст. 1189 ГК РФ), нормы непосредственного применения (ст. 1192 ГК РФ), оговорка о публичном порядке (ст. 1193 ГК РФ), реторсии (ст. 1194 ГК РФ).

В свете изложенного отметим, что неслучайно в международном частном праве речь ведется в первую очередь о международных

торговых обычаях¹⁰, которые содержат материальные, но не коллизионные правила.

Вместе с тем в соответствии с п. 1 ст. 1186 ГК РФ применимое право определяется в том числе на основании «обычаев, признаваемых в Российской Федерации». При этом единственным способом формирования обычая является его применение, а применение коллизионной нормы возможно только правоприменителем, который, в свою очередь, не сможет ее применить до признания в Российской Федерации. Как видим, образуется замкнутый круг, потому что обязательным условием применения коллизионной нормы в форме обычая выступает ее признание в Российской Федерации, которое она не может получить в отсутствие применения.

Безусловно, в данной ситуации перспективно было бы говорить о международном признании, апеллируя к коллизионным нормам рекомендательных актов и не ратифицированных Российской Федерацией (в том числе не вступивших в силу) международных договоров. А. В. Асосков указывает, что подобная тенденция наблюдается в международном коммерческом арбитраже: «многие составы арбитража обращаются к общим принципам коллизионного регулирования», при этом «для определения таких общих принципов привлекаются акты международного характера, в том числе не вступившие в силу», вне зависимости от участия или неучастия «в той или иной конвенции стран, имеющих объективные связи со спором»¹¹.

Однако, во-первых, это не будет в точности соответствовать тексту п. 1 ст. 1186 ГК РФ, указывающему на обычаи, признаваемые в Российской Федерации, и, во-вторых, обоснование международным признанием каждого нового коллизионного обычая потребует широкомасштабного правового анализа и повлечет серь-

¹⁰ См., например: *Зыкин И. С.* Обычаи и обыкновения в международной торговле // Юридические аспекты осуществления внешнеэкономических связей : Труды кафедры международного частного и гражданского права / Московский государственный институт международных отношений. М., 1979. С. 55–63 ; *Рамзайцев Д. Ф.* О значении обычаев в международной торговле // Внешнеторговые обычаи : материалы к заседанию секции права Всесоюзной торговой палаты. М. : Типография Всесоюзной торговой палаты, 1957. С. 3–7.

¹¹ *Асосков А. В.* Коллизионное регулирование договорных обязательств. М. : М-Логос, 2017. С. 542.

езные последствия для последующей правоприменительной практики, так как в отличие от принципа наиболее тесной связи, обеспечивающего решение коллизионного вопроса в конкретном случае, признание коллизионной нормы в форме обычая будет равноценно рождению нового источника коллизионного права, подразумеваемого к применению во всех подобных случаях.

О принципе наиболее тесной связи как общей резервной коллизионной привязке

С учетом изложенного мы предлагаем для отношений, не нашедших коллизионно-правового регулирования в международных договорах РФ, ГК РФ и других законах, *по общему правилу* не изыскивать коллизионный обычай в множестве источников различного характера, а определять применимое право на основании принципа наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки. При этом особенно важно указать, что для выявления и оценки территориальных связей, наиболее значимых с учетом специфики конкретного отношения, зачастую могут использоваться как раз те коллизионные привязки, которые получили при-

знание на уровне международных документов, не имеющих силы для Российской Федерации.

При таком подходе разграничение между принципом наиболее тесной связи как общей резервной коллизионной привязкой и обычными коллизионными нормами будет весьма тонким. Например, для определения права, применимого к трасту, из-за отсутствия в отечественном международном частном праве подходящих коллизионных норм В. А. Канашевский обоснованно предлагает использовать принцип наиболее тесной связи как общую резервную коллизионную привязку (п. 2 ст. 1186 ГК РФ). При этом автор также отмечает, что «в качестве руководства для определения тесной связи траста с каким-либо правопорядком российские суды могут использовать положения Гагской конвенции о праве, применимом к трастам, и о признании трастов»¹². Несмотря на то что Российская Федерация не является участником этой Конвенции¹³, по мнению правоведа, «ее положения... в определенном смысле могут рассматриваться в качестве обычая, о котором идет речь в п. 1 ст. 1186 ГК РФ»¹⁴.

Показательным в данном отношении примером практики судов Российской Федерации выступает постановление Федерального арбитражного суда Московского округа¹⁵, в котором

¹² Ученый заявляет, что в большинстве случаев правом страны, с которой траст наиболее тесно связан, выступает право той страны, в которой траст был создан; а в отсутствие сведений о месте создания траста во внимание следует принимать другие факторы и обстоятельства (см.: *Канашевский В. А.* Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты) // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 27–38 ; *Он же.* О праве, применимом к офшорным трастам, и об их признании // Закон. 2013. № 4. С. 63–67).

¹³ Convention on the Law Applicable to Trusts and on their Recognition of 1 July 1985 // Официальный сайт Гагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=59> (дата обращения: 20.07.2020).

Указанная Конвенция была разработана Гагской конференцией по международному частному праву, вступила в силу 1 января 1992 г. и насчитывает 14 участников. Российская Федерация участником Конвенции не является (Convention of 1 July 1985 on the Law Applicable to Trusts and on their Recognition: Status Table // Официальный сайт Гагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=59> (дата обращения: 20.07.2020)).

¹⁴ *Канашевский В. А.* Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты).

¹⁵ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 07.09.2010 № КА-А40/10355-10 по делу № А40-20664/08-114-78 // СПС «КонсультантПлюс».

суд, определяя право, применимое к «возникновению исключительного права на объекты интеллектуальной собственности (включая программы для ЭВМ)», констатировал отсутствие подходящих коллизионных норм в международных договорах и законодательных актах РФ, а равно отсутствие обычаев по данному вопросу и на этом основании обратился к положению п. 2 ст. 1186 ГК РФ, устанавливающему принцип наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки. При этом, что особенно важно, выявляя страну, с которой рассматриваемое отношение наиболее тесно связано, суд обратил внимание на ст. 3 Конвенции по охране литературных и художественных произведений¹⁶, называющую «признак создания произведения автором, который связан с определенной страной гражданством или местом постоянного жительства... в качестве первого основания правовой охраны произведения (включая программы для ЭВМ)». Как следствие, суд пришел к выводу, что «страной, с которой отношение наиболее тесно связано, применительно к возникновению исключительного права на объекты интеллектуальной собственности (включая программы для ЭВМ) следует считать страну гражданства или места жительства авторов».

Большое значение имеет то, что хотя Российская Федерация присоединилась к Конвенции по охране литературных и художественных произведений¹⁷, Договор ВОИС по авторскому праву¹⁸, ст. 5 которого распространила на компьютерные программы правовой режим охраны литературных произведений, предписанный Конвенцией по охране литературных и художественных про-

изведений, вступил в силу для Российской Федерации 5 февраля 2009 г.¹⁹ — позже создания рассматриваемых объектов интеллектуальной собственности (в данном деле предметом обжалования было решение инспекции ФНС России, которое было вынесено 11 февраля 2008 г. в связи с деятельностью «налогоплательщика по созданию программ для ЭВМ»). Следовательно, именно в анализируемом деле для правоотношения, связанного с возникновением «исключительного права на объекты интеллектуальной собственности (включая программы для ЭВМ)», положения Конвенции по охране литературных и художественных произведений (в том числе ст. 3) не имели юридической силы, а значит, использовались судом как признанный на международном уровне свод критериев правовой охраны произведения, позволивший сделать вывод о его наиболее значимой территориальной связи для целей применения п. 2 ст. 1186 ГК РФ.

Примечательно, что в другом случае Суд по интеллектуальным правам, определяя право, применимое к отношениям, связанным «с установлением правообладателя программного обеспечения», и опираясь для этой цели на п. 2 ст. 1186 ГК РФ, при выявлении наиболее значимой территориальной связи отклонил положение ст. 3 Конвенции по охране литературных и художественных произведений именно по причине того, что оно не имело юридической силы в отношении рассматриваемых компьютерных программ (так как они были созданы позднее распространения на них правового режима указанной Конвенции), и обратился к презумптивному определению принципа наиболее тесной связи в договорных правоотношениях,

¹⁶ Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (г. Берн) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 03.11.1994 № 1224 «О присоединении Российской Федерации к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений в редакции 1971 года, Всемирной конвенции об авторском праве в редакции 1971 года и дополнительным Протоколам 1 и 2, Конвенции 1971 года об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм» // СЗ РФ. 1994. № 29. Ст. 3046.

¹⁸ Договор ВОИС по авторскому праву от 20.12.1996 (г. Женева) // Бюллетень международных договоров. 2016. № 12.

¹⁹ Распоряжение Правительства РФ от 21.07.2008 № 1052-р «О присоединении Российской Федерации к Договору ВОИС по авторскому праву от 20.12.1996» // СЗ РФ. 2008. № 30 (ч. II). Ст. 3677.

имевшему место в первоначальной редакции ст. 1211 ГК РФ²⁰.

Основные выводы

В результате проведенного анализа следует заключить, что действительная грань между применением коллизионной нормы в форме обычая и опорой в рамках принципа наиболее тесной связи как общей резервной коллизионной привязки на территориальные связи, выступающие привязками коллизионных норм в признанных на международном уровне документах, является чрезвычайно тонкой.

Тем не менее, принимая во внимание положение п. 1 ст. 1186 ГК РФ, указывающее на

обычаи, признаваемые в Российской Федерации, сложность признания коллизионной нормы обычаем через ее применение, а также то обстоятельство, что в отличие от применения обычая как источника права принцип наиболее тесной связи выступает гибким коллизионным инструментом, снабжающим правоприменителя резервной коллизионной привязкой, позволяющей учесть специфику конкретного отношения, мы положительно оцениваем тенденцию — в отсутствие обычая, однозначно признанного согласно п. 1 ст. 1186 ГК РФ, — обращаться к принципу наиболее тесной связи согласно п. 2 той же статьи (что не исключает опоры на признанные в международных документах территориальные связи, если они отвечают специфике конкретного отношения).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Александров Н. Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. — М. : Государственное издательство юридической литературы, 1955. — 176 с.
2. *Асланян Н. П.* Некоторые вопросы теории охранительных правоотношений // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 3-й Ежегодной международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 19–20 сентября 2014 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. — Иркутск : Издательство БГУЭП, 2014. — С. 7–18.
3. *Асланян Н. П.* О состоянии теории охранительных правоотношений // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 4-й Ежегодной международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 20 марта 2015 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. — Иркутск : Издательство БГУЭП, 2015. — С. 7–16.
4. *Асланян Н. П.* Развитие теории охранительного права // Эффективность права: проблемы теории и практики : материалы Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 10–11 октября 2014 г.). — Краснодар : Кубанский государственный университет, 2014. — С. 868–878.
5. *Асосков А. В.* Коллизионное регулирование договорных обязательств. — М. : М-Логос, 2017. — 640 с.
6. *Ерпылева Н. Ю.* Понятие, предмет и система международного частного права // Адвокат. — 2004. — № 6–9.
7. *Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В.* Проблемы кодификации российского законодательства по международному частному праву // Адвокат. — 2008. — № 1.
8. *Зыкин И. С.* Обычаи и обыкновения в международной торговле // Юридические аспекты осуществления внешнеэкономических связей : Труды кафедры международного частного и гражданского права / Московский государственный институт международных отношений. — М., 1979. — С. 55–63.
9. *Иоффе О. С., Шаргородский М. Д.* Вопросы теории права. — М. : Государственное издательство юридической литературы, 1961. — 381 с.

²⁰ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 02.07.2014 № С01-471/2014 по делу № А40-56928/2004 // СПС «Гарант».

10. Канашевский В. А. Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частно-правовые аспекты) // Журнал российского права. — 2016. — № 9. — С. 27–38.
11. Канашевский В. А. О праве, применимом к офшорным трастам, и об их признании // Закон. — 2013. — № 4. — С. 63–67.
12. Кудашкин В. В. Принцип тесной связи в международном частном праве // СПС «КонсультантПлюс», 2004.
13. Кудашкин В. В. Принцип тесной связи в международном частном праве: теория и практика // Законодательство и экономика. — 2004. — № 9.
14. Международное частное право : учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой. — М. : Проспект, 2016. — 680 с.
15. Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права / под ред. О. Я. Баева. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1990. — 136 с.
16. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. — М. : Юрайт, 2020. — 170 с.
17. Новикова Т. В. К вопросу об охранительных правоотношениях в международном частном праве // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 5-й Ежегодной международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 21 мая 2016 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. — Иркутск : Издательство БГУ, 2017. — С. 148–157.
18. Проблемы общей теории права и государства : учебник / под ред. В. С. Нерсесянца. — М. : Норма: Инфра-М, 2010. — 816 с.
19. Рамзайцев Д. Ф. О значении обычаев в международной торговле // Внешнеторговые обычаи : материалы к заседанию секции права Всесоюзной торговой палаты. — М. : Типография Всесоюзной торговой палаты, 1957. — С. 3–7.

Материал поступил в редакцию 21 июля 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aleksandrov N. G. Zakonnost' i pravootnosheniya v sovetskom obshchestve. — М. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1955. — 176 s.
2. Aslanyan N. P. Nekotorye voprosy teorii ohranitel'nyh pravootnoshenij // Zashchita chastnyh prav: problemy teorii i praktiki : materialy 3-j Ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Irkutsk, 19–20 sentyabrya 2014 g.) / pod red. N. P. Aslanyan, Yu. V. Vinichenko. — Irkutsk : Izdatel'stvo BGUEP, 2014. — S. 7–18.
3. Aslanyan N. P. O sostoyanii teorii ohranitel'nyh pravootnoshenij // Zashchita chastnyh prav: problemy teorii i praktiki : materialy 4-j Ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Irkutsk, 20 marta 2015 g.) / pod red. N. P. Aslanyan, Yu. V. Vinichenko. — Irkutsk : Izdatel'stvo BGUEP, 2015. — S. 7–16.
4. Aslanyan N. P. Razvitie teorii ohranitel'nogo prava // Effektivnost' prava: problemy teorii i praktiki : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Krasnodar, 10–11 oktyabrya 2014 g.). — Krasnodar : Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2014. — S. 868–878.
5. Asoskov A. V. Kollizionnoe regulirovanie dogovornyh obyazatel'stv. — М. : M-Logos, 2017. — 640 s.
6. Erpyleva N. Yu. Ponyatie, predmet i sistema mezhdunarodnogo chastnogo prava // Advokat. — 2004. — № 6–9.
7. Erpyleva N. Yu., Get'man-Pavlova I. V. Problemy kodifikacii rossijskogo zakonodatel'stva po mezhdunarodnomu chastnomu pravu // Advokat. — 2008. — № 1.
8. Zykin I. S. Obychai i obyknoveniya v mezhdunarodnoj trgovle // Yuridicheskie aspekty osushchestvleniya vneshneekonomicheskikh svyazey : Trudy kafedry mezhdunarodnogo chastnogo i grazhdanskogo prava / Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij. — М., 1979. — S. 55–63.
9. Ioffe O. S., Shargorodskij M. D. Voprosy teorii prava. — М. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1961. — 381 s.

10. Kanashevskij V. A. Konceptiya beneficiarnoj sobstvennosti v rossijskoj sudebnoj praktike (chastnopravovye aspekty) // Zhurnal rossijskogo prava. — 2016. — № 9. — S. 27–38.
11. Kanashevskij V. A. O prave, primenimom k ofshornym trastam, i ob ih priznanii // Zakon. — 2013. — № 4. — S. 63–67.
12. Kudashkin V. V. Princip tesnoj svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave // SPS «Konsul'tantPlyus», 2004.
13. Kudashkin V. V. Princip tesnoj svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave: teoriya i praktika // Zakonodatel'stvo i ekonomika. — 2004. — № 9.
14. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo : uchebnik / pod red. G. K. Dmitrievoj. — M. : Prospekt, 2016. — 680 s.
15. Motovilovker E. Ya. Teoriya regul'yativnogo i ohranitel'nogo prava / pod red. O. Ya. Baeva. — Voronezh : Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1990. — 136 s.
16. Muromcev S. A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava. — M. : Yurajt, 2020. — 170 s.
17. Novikova T. V. K voprosu ob ohranitel'nyh pravootnosheniyah v mezhdunarodnom chastnom prave // Zashchita chastnyh prav: problemy teorii i praktiki : materialy 5-j Ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Irkutsk, 21 maya 2016 g.) / pod red. N. P. Aslanyan, Yu. V. Vinichenko. — Irkutsk : Izdatel'stvo BGU, 2017. — S. 148–157.
18. Problemy obshchej teorii prava i gosudarstva : uchebnik / pod red. V. S. Nersesyanca. — M. : Norma: Infra-M, 2010. — 816 s.
19. Ramzajcev D. F. O znachenii obychaev v mezhdunarodnoj torgovle // Vneshnetorgovye obychai : materialy k zasedaniyu sekcii prava Vsesoyuznoj torgovoj palaty. — M. : Tipografiya Vsesoyuznoj torgovoj palaty, 1957. — S. 3–7.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.149-157

В. Б. Агафонов*,
Н. Г. Жаворонкова**

Эколого-правовое регулирование генно-инженерной деятельности в РФ: современные проблемы и перспективы развития¹

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретико-правовых аспектов реализации государственной политики и стратегирования в сфере производства и оборота ГМО. По результатам проведенного анализа документов государственного стратегического планирования доказывается вывод, согласно которому в Российской Федерации в настоящее время активно формируется новая система стратегирования в сфере производства и оборота ГМО, базирующаяся на оценке потенциальных и отдаленных рисков ГМО на окружающую среду и здоровье человека. Данная система включает современную стратегическую, законодательную, подзаконную нормативную правовую и методическую базу. С целью совершенствования государственной политики и стратегирования в сфере производства и оборота ГМО предлагается разработать концепцию развития генно-инженерной деятельности как части социально-экономического развития страны с учетом биологической, продовольственной, экологической безопасности. В статье проводится также комплексный анализ современного состояния законодательства Российской Федерации в области обращения с ГМО. По результатам оценки правового обеспечения действующей системы безопасности Российской Федерации в области генно-инженерной деятельности доказывается ее эффективность, вместе с тем указывается на потенциальные риски появления ГМО второго и третьего поколений, которые могут остаться не идентифицированными в рамках контроля за оборотом ГМО.

¹ Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России (тема: «Правовое регулирование ускоренного развития генетических технологий: научно-методическое обеспечение»; № 730000Ф.99.1.БВ16АА02001).

© Агафонов В. Б., Жаворонкова Н. Г., 2021

* *Агафонов Вячеслав Борисович*, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Vagafonoff@mail.ru

** *Жаворонкова Наталья Григорьевна*, заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
gavoron49@mail.ru

Ключевые слова: государственная политика; стратегирование; законодательство; генно-инженерно-модифицированные организмы; ГМО; окружающая среда; здоровье человека; угрозы; риски; государственная регистрация; система безопасности.

Для цитирования: Агафонов В. Б., Жаворонкова Н. Г. Эколого-правовое регулирование генно-инженерной деятельности в РФ: современные проблемы и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 149–157. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.149-157.

Ecological and Legal Regulation of Genetic Engineering Activities in the Russian Federation: Current Problems and Development Prospects²

Vyacheslav B. Agafonov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
Vagafonoff@mail.ru

Natalya G. Zhavoronkova, Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
gavoron49@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of theoretical and legal aspects of the implementation of state policy and strategizing in the field of production and circulation of GMOs. Based on the results of the analysis of the state strategic planning documents, the authors prove that a new system of strategizing in the field of production and circulation of GMOs is being actively formed in the Russian Federation. This system is based on the assessment of potential and long-term risks of GMOs on the environment and human health. This system includes a modern strategic, legislative, subordinate regulatory legal and methodological base. In order to improve state policy and strategizing in the field of production and circulation of GMOs, it is proposed to develop a concept for the development of genetic engineering activities as part of the country's socio-economic development, taking into account biological, food, and environmental safety. The paper also provides a comprehensive analysis of the current state of the legislation of the Russian Federation in the field of GMO handling. Based on the results of an assessment of the legal support of the current security system of the Russian Federation in the field of genetic engineering, its effectiveness is proved. At the same time, the authors highlight potential risks of the appearance of second and third generation GMOs, which may remain unidentified within the framework of control over the GMO turnover.

Keywords: government policy; strategizing; legislation; genetically engineered organisms; GMO; environment; human health; threats; risks; state registration; safety system.

Cite as: Agafonov VB, Zhavoronkova NG. Ekologo-pravovoe regulirovanie genno-inzhenernoy deyatel'nosti v RF: sovremennyye problemy i perspektivy razvitiya [Ecological and Legal Regulation of Genetic Engineering Activities in the Russian Federation: Current Problems and Development Prospects]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):149-157. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.149-157. (In Russ., abstract in Eng.).

Генно-модифицированные организмы (ГМО), их производство и оборот как объект стратегического планирования и правового регулирования представляют собой сложный комплекс проблем, затрагивающий экономику, здравоохранение, демографию, национальную

² The study was prepared with the support of the Ministry of Education and Science of Russia (Legal Regulation of Accelerated Development of Genetic Technologies: Scientific and Methodological Support; № 730000F.99.1.BB16AA02001).

и продовольственную безопасность, экологию, агропромышленный комплекс и охватывающий различные отрасли права, включая гражданское, патентное, медицинское, аграрное, экологическое³.

Государственная политика по отношению к генно-инженерной деятельности, в частности к ГМО, находит свое отражение в документах стратегического планирования, законодательстве, постановлениях и распоряжениях Правительства РФ, нормативных актах, ведомственных инструкциях, ГОСТах, регламентах, методических указаниях и разработанных механизмах принятия решений.

Стратегирование в области ГМО — это постоянная и целенаправленная работа с обратной связью по целеполаганию, коррекции, выбору оптимальных вариантов, прогнозированию, гармонизации нормативных актов разных уровней, направленных на решение проблем ГМО. Следует понимать, что в процессе стратегирования в сфере ГМО затрагиваются, казалось бы, далекие от содержания ГМО проблемы, например пространственного развития территорий, туризма, малого и среднего бизнеса, здравоохранения, национальной и региональной безопасности. Например, выбор стратегического направления развития сельского хозяйства как органического (вместо ГМО) означает принципиально иные технологии выращивания продукции, принципиально иные системы оборота земель, расселения. Именно органическое земледелие, а не ГМО может стать фактором подъема экономик регионов, фермерского хозяйства, завоевания внешних рынков продовольственных товаров.

На фоне кризисных тенденций (как следствие пандемии COVID-19) актуальность стратегирования генно-инженерной деятельности и безопасности этой деятельности возросла многократно. Споры о степени «полезности» и «вредности» ГМО — это споры о принципиальных (strate-

гических) путях развития медицины, сельского хозяйства, экономики в целом.

Суть спора упрощенно сводится к трем позициям:

- 1) ГМО в условиях перенаселения — единственный путь обеспечения продовольствием растущего населения. ГМО — это высокая урожайность, защита от болезней и вредителей, климатоустойчивость, пищевая ценность;
- 2) ГМО — это реальная и потенциальная опасность, болезни, мутации, вмешательство в генофонд и окружающую среду с непредсказуемыми последствиями⁴;
- 3) ГМО — это колоссальный по объему и стоимости рынок продукции, вместе с тем и рынок «органической продукции» также растет и, возможно, потеснит ГМО. Последняя позиция — экономическая (рыночная) — становится всё более определяющей для будущего генной инженерии, в том числе для ГМО. Выбор между продовольственной стратегией (программой) «ГМО» или «Органика» затрагивает слишком много объектов экономики, влияет на здоровье нации, в каком-то виде определяет будущее страны. Именно поэтому наличие или отсутствие государственной политики в сфере ГМО — это наличие или отсутствие конкурентных преимуществ в глобальном соревновании.

Для нашей страны, обладающей гигантскими ресурсами земли сельскохозяйственного назначения, но низкой урожайностью и нерешенными проблемами в области продовольственной безопасности, проблемы ГМО — это стратегические проблемы национальной безопасности.

Дополнительным аргументом для анализа возможностей стратегирования в области ГМО является тот факт, что мы до сих пор не имеем ни стратегии в области генной инженерии, ни собственной программы развития биотехноло-

³ См.: Медведкина Д. А., Тихонова С. В., Мыльников С. В., Матвеева Т. В. Противоречия формирования правовой политики Российской Федерации в области генной инженерии // Экологическая генетика. 2016. Т. 14. № 1. С. 34–48.

⁴ О влиянии ГМО продукции на здоровье человека см.: Мохов А. А. ГМО-продукция и здоровье населения : доклад // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rKKP4JAFy1g> (дата обращения: 07.12.2020).

гий, ни концепции развития здравоохранения и обеспечения продовольственной безопасности с учетом (или без) ГМО.

ГМО как предмет и проблема стратегирования и государственной политики условно делится на внутреннюю (создание своей индустрии генной инженерии, включая научные исследования, «изготовление» образцов, их сертификацию, внедрение и др.) и внешнюю (импорт технологий, семян, продуктов, распространение генетически модифицированной продукции).

В мировой практике сложилось 3 концепции отношения к ГМО: условно можно выделить страны, допускающие производство и реализацию ГМО-продукции; страны, запрещающие ввоз и реализацию ГМО-продукции и выращивание сельскохозяйственной продукции; и наконец, страны, ограничивающие ввоз и реализацию ГМО-продукции и запрещающие выращивание сельскохозяйственной продукции⁵.

В целом законодательство в области ГМО представляет основу для стратегического планирования и входит в систему государственной политики. Как отмечено ранее, в настоящее время нет единой концепции, стратегии, доктрины, иного документа стратегического планирования уровня целеполагания, фиксирующего цели, задачи, перспективы развития генной инженерии, в том числе развития ГМО, однако анализ документов государственного стратегического планирования позволяет выявить тенденцию формирования единых принципов и подходов к реализации государственной политики в области ГМО, главным образом в контексте обеспечения экологической, продовольственной безопасности, а также обеспечения биологической безопасности.

Так, в ежегодных посланиях Президента РФ задачи обеспечения экологической, продовольственной, биологической безопасности указыва-

ются в качестве наиболее приоритетных направлений государственной политики.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683⁶, «недопущение бесконтрольного оборота генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, и продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей их», указано как один из составных факторов обеспечения продовольственной безопасности государства.

В Стратегии экологической безопасности РФ на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 19.04.2017 № 176⁷, среди главных угроз экологической безопасности названо «проникновение инвазивных (чужеродных) организмов, материалов, продуктов в окружающую среду».

В настоящее время государственная политика в сфере оборота ГМО в основном сосредоточена на сельскохозяйственной продукции, поэтому основным документом стратегического планирования в области производства продуктов питания является Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20⁸, в которой в развитие положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указывается на необходимость «недопущения ввоза на территорию Российской Федерации генно-инженерно-модифицированных организмов с целью их посева, выращивания и разведения, а также их оборота, запрещения выращивания и разведения животных, генетическая программа которых изменена методами генной инженерии или которые содержат генетический материал искусственного происхождения, а также контроля за ввозом и оборотом продовольственной продукции, полу-

⁵ См.: Голубков М. А. Актуальное состояние мировой торговли продовольственной продукцией, произведенной на основе использования современных биотехнологий // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 12. С. 76–82.

⁶ СЗ РФ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

⁷ СЗ РФ РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.

⁸ СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 345.

ченной с использованием генно-инженерно-модифицированных организмов (за исключением ввоза и посева генно-инженерно-модифицированных организмов, выращивания растений и разведения животных при проведении экспертиз и научно-исследовательских работ)».

Часть требований, относящихся к ГМО, сформулирована в Основах государственной политики Российской Федерации в области здорового питания населения на период до 2020 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 25.10.2010 № 1873-р⁹, в которых сказано, что «приоритетами государственной политики в области здорового питания являются расширение отечественного производства основных видов продовольственного сырья, отвечающего современным требованиям качества и безопасности; развитие производства пищевых продуктов, обогащенных незаменимыми компонентами, специализированных продуктов пищевых продуктов и биологически активных добавок к пище; разработка и внедрение в сельское хозяйство и пищевую промышленность инновационных технологий, включая био- и нанотехнологии».

Следует также выделить Основы государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу, утвержденные Указом Президента РФ от 11.03.2019 № 97¹⁰, среди основных биологических угроз выделяется «бесконтрольное осуществление опасной техногенной деятельности, в том числе с использованием генно-инженерных технологий и технологий синтетической биологии».

Отдельным направлением государственного стратегического планирования следует назвать Национальные проекты, федеральные целевые комплексные программы, программы развития территорий и стратегические документы развития отдельных отраслей экономики. Значение этих видов документов в их «реализационной» составляющей, конкретизации целей и задач,

сформулированных в документах стратегического планирования уровня целеполагания. В частности, паспорта национальных проектов «Экология» и «Наука» (утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) содержат задачи по развитию центров геномных исследований, центров анализа, а также центров комплексной оценки воздействия на окружающую среду.

Сформирована программа развития центров геномных исследований, развития генетики, генно-инженерных исследований и разработок, содержащая критерии отбора системы управления сетью, показатели результативности и др.

Так, в целях реализации Указа Президента РФ от 28.11.2018 № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации»¹¹ постановлением Правительства РФ от 22.04.2019 № 479 была утверждена Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019–2027 годы¹². Целью программы является комплексное решение задач ускоренного развития генетических технологий, в том числе технологий генетического редактирования, и создание научно-технологических заделов для медицины, сельского хозяйства и промышленности, а также совершенствование мер предупреждения чрезвычайных ситуаций биологического характера и контроля в этой области.

Таким образом, можно констатировать, что в Российской Федерации в настоящее время активно формируется новая система стратегирования в сфере производства и оборота ГМО, базирующаяся на оценке потенциальных и отдаленных рисков влияния ГМО на окружающую среду и здоровье человека.

Вместе с тем с целью совершенствования государственной политики и стратегирования в сфере производства и оборота ГМО дополнительно необходимо:

- 1) разработать и принять концепцию развития генно-инженерной деятельности как части

⁹ СЗ РФ. 2010. № 45. Ст. 5869.

¹⁰ СЗ РФ. 2019. № 11. Ст. 1106.

¹¹ СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. VI). Ст. 7586.

¹² СЗ РФ. 2019. № 17. Ст. 2108.

социально-экономического развития страны с учетом биологической, продовольственной, экологической безопасности. В качестве составной части концепции принять стратегию оборота продукции, полученной с использованием генно-инженерно-модифицированных организмов, включив в нее в качестве обязательных разделы «Органическая продукция» и «ГМО-продукция». Исходя из целей и задач концепции развития генно-инженерной деятельности внести изменения в действующие законы и нормативные акты, направленные на реализацию поставленных задач;

- 2) создать единую мониторинговую службу по отслеживанию влияния ГМО на здоровье человека, окружающую среду. Возложить координацию государственной политики в области ГМО на Совет Безопасности Российской Федерации;
- 3) подготовить и принять пакет нормативных правовых актов об экономическом регулировании в области генно-инженерной деятельности, а также в части создания условий и преференций для исследований в этой области, системы научных организаций, грантополучателей и сертификации данной работы;
- 4) поскольку предлагаемая к принятию стратегия оборота продукции, полученной с использованием генно-инженерно-модифицированных организмов («ГМО-продукция» и «Органическая продукция»), напрямую касается реализации стратегических документов (социально-экономического развития страны, пространственного развития Российской Федерации, экологической безопасности, здравоохранения, развития сельского хозяйства, обеспечения продовольственной безопасности и др.), предлагается внести соответствующие коррективы в действующие документы государственного стратегического планирования, а также в законы и иные нормативные правовые акты.

Анализируя современное состояние законодательства Российской Федерации в области обращения с ГМО и основные направления его совершенствования, следует отметить, что на формирование законодательства в области ГМО в Российской Федерации очень сильно влияет международная составляющая и конкуренция на внешних рынках. В связи с этим для оценки современного состояния законодательства Российской Федерации и основных направлений его совершенствования важное значение имеет нормотворчество в странах ЕС.

К важнейшим нормативным правовым актам ЕС относительно ГМО относятся:

- Директива 2001/18/ЕС Европейского парламента и Совета от 12.03.2001 по преднамеренному выпуску в окружающую среду генетически модифицированных организмов;
- Регламент (ЕС) № 1829/2003 Европейского парламента и Совета от 22.09.2003 по генетически модифицированным пищевым продуктам и кормам.

В Российской Федерации также создана обширная нормативная база по регуляторной деятельности в области ГМО. К основным нормативным правовым актам, регулирующим те или иные аспекты обращения с ГМО, следует отнести:

- Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»¹³;
- Федеральный закон от 03.07.2016 № 358-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности»¹⁴;
- Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»¹⁵;
- Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹⁶;

¹³ СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3348.

¹⁴ СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4291.

¹⁵ СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150.

¹⁶ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

- Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»¹⁷;
- Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹⁸.

В целом оценивая систему безопасности Российской Федерации в области обращения с ГМО, следует констатировать, что она является одной из наиболее эффективных в мире. Данная система включает систему барьеров и ограничений, среди которых следует выделить маркировку продукции, полученной с применением ГМО, проведение санитарно-эпидемиологической и молекулярно-генетической экспертизы¹⁹, государственную регистрацию ГМО, размещение сведений о зарегистрированных модифицированных организмах и продукции в сводном государственном реестре генно-инженерно-модифицированных организмов²⁰.

Анализ законодательства в области обращения с ГМО будет неполным без краткого упоминания особенностей организационно-правового, управленческого характера. В первую очередь отметим, что согласно законодательству подготовка и принятие документов стратегического планирования проходит фильтр соответствующей Комиссии Совета Безопасности, отвечающей в целом за анализ и принятие документов стратегического планирования в сфере безопасности, в том числе и в сфере обращения с ГМО. Например, Указом Президента РФ от 12.10.2020 № 620 создана Межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам создания национальной системы защиты от новых инфекций²¹.

В настоящее время следующие специально уполномоченные органы государственной власти федерального уровня включены в осуществление регуляторной и контрольно-надзорной функции в области ГМО:

- Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека — в отношении модифицированных организмов, используемых для производства продовольственного сырья и пищевых продуктов, а также продовольственного сырья и пищевых продуктов, полученных с применением модифицированных организмов или содержащих такие организмы;
- Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору — в отношении модифицированных растений и животных, предназначенных для разведения и выращивания на территории Российской Федерации, модифицированных микроорганизмов сельскохозяйственного назначения, модифицированных организмов, используемых для производства кормов и кормовых добавок для животных, модифицированных организмов, используемых для производства лекарственных средств для ветеринарного применения, а также кормов и кормовых добавок для животных и лекарственных средств для ветеринарного применения, полученных с применением модифицированных организмов или содержащих такие организмы.

Тем не менее несмотря на реально действующую и эффективную систему безопасности в Российской Федерации, следует принять во внимание факт появления генно-модифицированных организмов второго и третьего поколений, кото-

¹⁷ СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

¹⁸ СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

¹⁹ МУ 2.3.2.3388-16. 2.3.2. Гигиена. Гигиена питания. Продовольственное сырье и пищевые продукты. Медико-биологическая оценка безопасности генно-инженерно-модифицированных организмов растительного происхождения с комбинированными признаками. Методические указания (утв. Роспотребнадзором 26.07.2016). М. : Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2016.

²⁰ Постановление Правительства РФ от 23.09.2013 № 839 «О государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 39. ст. 4991.

²¹ СЗ РФ. 2020. № 42 (ч. II). Ст. 6566.

рые могут остаться не идентифицированными в рамках контроля за оборотом ГМО, вследствие чего, на наш взгляд, во избежание потенциально неблагоприятных последствий для потребителей должны быть разработаны новые специальные подходы к организации системы контроля и критериев оценки безопасности при допуске ГМО в пищевую индустрию и при их обороте.

Проведенный анализ позволил сформулировать ряд выводов и предложений по совершенствованию нормативной правовой базы в сфере обращения с ГМО:

- 1) нормативное правовое регулирование в области генно-инженерной деятельности должно исходить из фундаментальных конституционных принципов и соответствовать: статье 2 (права и свободы человека и гражданина), статье 7 (охрана здоровья), статье 21 (никто не может быть подвергнут медицинским, научным, иным опытам), ст. 41 (право на охрану здоровья и медицинскую помощь), статье 42 (право на благоприятную окружающую среду) Конституции Российской Федерации;
- 2) создание, разработка, применение современных достижений в области генно-инженерной деятельности должны быть включены в экосистему (стандарты качества) жизни людей. Все возможные риски, угрозы и негативные последствия ГМО для окружающей среды и здоровья человека должны быть отражены в экологических и гигиенических нормативах. В свою очередь, информация по безопасности населения и территории, данные по здоровью населения, демографии, данные по устойчивому развитию регионов должны быть опубликованы с учетом использования ГМО, поскольку любые экономические, научные, политические критерии «развития» в процедуре принятия стратегических решений вторичны по отношению к безопасности жизнедеятельности;
- 3) принципы государственной политики и законодательного регулирования в области генно-инженерной деятельности и оборота ГМО должны быть всесторонне обсуждены гражданским обществом, населением и должны стать предметом общественного договора между властью и обществом. Учитывая, что уже наметились тенденции «ГМО для развивающихся стран», «органическая продукция — продукция будущего», необходимо в документах государственного стратегического планирования по отношению к ГМО придерживаться социальных критериев;
- 4) как показал проведенный анализ, стратегирование и нормотворчество в области генно-инженерной деятельности не может быть компетенцией только одной структуры, например одного или двух министерств, это предмет деятельности межотраслевого, «надминистерского» органа, способного к организации проектной, программной, масштабной деятельности стратегического характера. В настоящее время данные функции может исполнять либо Совет Безопасности Российской Федерации (в случае законодательного расширения его оперативных функций), либо новый специально созданный межотраслевой орган (госкомитет).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Голубков М. А. Актуальное состояние мировой торговли продовольственной продукцией, произведенной на основе использования современных биотехнологий // Российский внешнеэкономический вестник. — 2015. — № 12. — С. 76–82.
2. Медведкина Д. А., Тихонова С. В., Мыльников С. В., Матвеева Т. В. Противоречия формирования правовой политики Российской Федерации в области генной инженерии // Экологическая генетика. — 2016. — Т. 14. — № 1. — С. 34–48.
3. Мохов А. А. ГМО-продукция и здоровье населения : доклад // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rKKP4JAfy1g> (дата обращения: 07.12.2020).

Материал поступил в редакцию 11 декабря 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Golubkov M. A. Aktual'noe sostoyanie mirovoj trgovli prodovol'stvennoj produkciej, proizvedennoj na osnove ispol'zovaniya sovremennyh biotekhnologij // Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik. — 2015. — № 12. — S. 76–82.
2. Medvedkina D. A., Tihonova S. V., Myl'nikov S. V., Matveeva T. V. Protivorechiya formirovaniya pravovoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti gennoj inzhenerii // Ekologicheskaya genetika. — 2016. — Т. 14. — № 1. — S. 34–48.
3. Mohov A. A. GMO-produkciya i zdorov'e naseleniya : doklad // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rKKP4JAfy1g> (data obrashcheniya: 07.12.2020).

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.158-166

В. В. Семенчук*,
Н. А. Карпенко**

Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии исполнения приговора (на примере обоснования необходимости изменения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, в сторону ужесточения)

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам, возникающим при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии исполнения приговора. Авторы обращают внимание на важность процедуры доказывания фактов сокрытия осужденного от контроля со стороны уголовно-исполнительной инспекции в случаях подачи представлений об ужесточении наказаний в суд. Сведения, полученные в ходе ОРД, обладают большей информационной ценностью для обоснования решений по вопросам, подлежащим рассмотрению судами при исполнении приговора, и их применение позволило бы более качественно мотивировать представления соответствующих учреждений в процессе доказывания необходимости изменения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, в сторону ужесточения. В статье сделан акцент на необходимости комплексного подхода к проработке норм действующего законодательства с целью подробной регламентации порядка проведения ОРМ в отношении лиц, уклоняющихся от уголовного наказания, и мер правового воздействия, а также использования полученных результатов для обоснования представлений, подаваемых уголовно-исполнительными инспекциями в суд.

© Семенчук В. В., Карпенко Н. А., 2021

* *Семенчук Василий Владимирович*, кандидат экономических наук, доцент, заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел России
Казарменный пер., д. 15, г. Хабаровск, Россия, 680020
semenchuk_ord@mail.ru

** *Карпенко Наталья Александровна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел России
Казарменный пер., д. 15, г. Хабаровск, Россия, 680020
nataivanova12@mail.ru

Ключевые слова: исполнение приговора; доказывание; результаты оперативно-розыскной деятельности; условно осужденные; уголовно-исполнительные инспекции; оперативно-розыскные подразделения; меры уголовно-правового характера; суд; оценка доказательств; первоначальные розыскные мероприятия.

Для цитирования: Семенчук В. В., Карпенко Н. А. Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии исполнения приговора (на примере обоснования необходимости изменения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, в сторону ужесточения) // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 158–166. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.158-166.

Features of Investigative Activities Results Application at the Stage of Execution of a Sentence (Case Study: Justifying the Need to Change Punishments and Measures of a Criminal-Legal Nature, not related to Isolation from Society, towards Toughening)

Vasiliy V. Semenchuk, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Investigative Activities of Internal Affairs Bodies, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Kazarmenny per., d. 15, Khabarovsk, Russia, 680020
semenchuk_ord@mail.ru

Natalya A. Karpenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Investigative Activities of Internal Affairs Bodies, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Kazarmenny per., d. 15, Khabarovsk, Russia, 680020
nataivanova12@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the problematic issues that arise when using the results of investigative activities (IA) at the stage of execution of the sentence. The authors draw attention to the importance of the procedure for proving the facts of concealment of a convicted person from control by the criminal executive inspectorate in cases of submission of submissions to the court on toughening punishments. The information obtained in the course of the IA has a greater informational value for substantiating decisions on issues to be considered by the courts during the execution of a sentence, and their application would make it possible to better motivate the representations of the relevant institutions in the process of proving the need to change penalties and measures of a criminal legal nature that are not related with isolation from society, towards tightening. The paper focuses on the need for an integrated approach to the development of the norms of the current legislation in order to regulate in detail the procedure for conducting IA in relation to persons evading criminal punishment, and measures of legal influence, as well as using the results obtained to substantiate the submissions submitted by criminal executive inspectorates to the court.

Keywords: execution of a sentence; establishment of evidence; investigative activities results; suspended sentence; correction services; investigative departments; measures of criminal legal nature; court; assessment of evidence; initial search activities.

Cite as: Semenchuk VV, Karpenko NA. Osobennosti ispolzovaniya rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti na stadii ispolneniya prigovora (na primere obosnovaniya neobkhodimosti izmeneniya nakazaniy i mer ugolovno-pravovogo kharaktera, ne svyazannykh s izolyatsiey ot obshchestva, v storonu uzhestocheniya) [Features of Investigative Activities Results Application at the Stage of Execution of a Sentence (Case Study: Justifying the Need to Change Punishments and Measures of a Criminal-Legal Nature, not Related to Isolation from Society, towards Toughening)]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):158-166. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.158-166. (In Russ., abstract in Eng.).

Традиционно использование результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в рамках уголовного судопроизводства нацелено на выявление и раскрытие преступлений, а также на розыск лиц, их совершивших. Между тем содержащиеся в них сведения могут представлять интерес для обоснования принятия иных процессуальных решений; в частности, остается малоизученным потенциал использования результатов ОРД для обоснования решений по вопросам, возникающим на стадии исполнения приговора (ст. 397 УПК РФ). В частности, оперативная информация может обладать познавательной ценностью для мотивирования представлений учреждений, исполняющих наказание, направляемых в суд с целью изменения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, в сторону ужесточения.

Для начала стоит оценить значение результатов ОРД в рассматриваемом аспекте. Для наглядности рассмотрим ситуации, когда основанием для внесения в суд представления являлись факты сокрытия осужденного от контроля уголовно-исполнительной инспекции (УИИ).

Процедура принятия судебного решения по представлению УИИ предполагает необходимость доказывания указанных в нем обстоятельств. А. А. Крымов в рассматриваемом контексте отмечал, что при решении вопроса о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания (например, обязательных работ — на лишение свободы) отдельной группой обстоятельств, подлежащих доказыванию, будет факт злостного уклонения от отбывания наказания¹. Процедура доказывания будет включать не только исследование судом обстоятельств, указанных в представлении, но и необходимость оценки и исследования контраргументов, заяв-

ленных осужденным. В. В. Николук², рассматривая судебную практику отмены условного осуждения по представлениям органов, исполняющих наказание, к числу компонентов права осужденного на защиту относил участие осужденного в судебном заседании, ознакомление с исследуемыми в суде материалами, представление дополнительных документов, выражение своего мнения в объяснениях и другие доводы.

Таким образом, если задаться вопросом, зачем часть 2 ст. 399 УПК РФ предусматривает право осужденных участвовать в процессе рассмотрения соответствующих представлений, можно прийти к выводу, что суд осуществляет не акцепт представления, а его исследование вместе с иными материалами, в том числе представленными осужденным. Уголовно-процессуальное законодательство обязывает суд проинформировать осужденного о дате судебного заседания и обеспечить его участие, то есть законодательство предусматривает участие самого осужденного в судебном заседании.

В судебной практике встречаются прецеденты, когда в процедуре обжалования осужденными выдвигаются различные версии, оправдывающие их сокрытие от контроля путем неявки в УИИ (например, уход за больной матерью³, опекунов над недееспособным братом⁴). В указанных случаях, по мнению судебных органов, отсутствие сведений, опровергающих версии осужденных, свидетельствует о неполноте проведенных УИИ мероприятий либо о неполноте действий суда первой инстанции в процессе рассмотрения представлений. Подобный вывод является основанием для отмены решения суда первой инстанции об отмене условного осуждения с заменой его на реальное отбывание наказания. Таким образом, УИИ при направлении соответствующих представлений

¹ Крымов А. А. Обстоятельства, подлежащие доказыванию в стадии исполнения приговора // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 2. С. 23–26.

² Николук В. В. «Новое» и «старое» в практике отмены судом условного осуждения в свете правовых позиций Конституционного Суда и Верховного Суда // Уголовное право. 2017. № 3. С. 120–129.

³ Апелляционное постановление Московского областного суда от 23.04.2015 по делу № 22-2638/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Президиума Амурского областного суда от 25.05.2015 № 44У-34/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

должны обладать подтверждением не только сокрытия от контроля, но и его фактических обстоятельств, подтверждающих умышленное нарушение осужденными возложенных обязанностей. Это позволит опровергнуть ложные и надуманные версии, которые могут выдвигаться осужденными в процессе судебного рассмотрения представлений.

Возникает вопрос, насколько полномочия УИИ позволяют давать аргументированную оценку версиям осужденных, оправдывающим их сокрытие от контроля.

Статья 18.1 УИК РФ дает право УИИ проводить первоначальные розыскные мероприятия (ПРМ) в отношении осужденных к наказаниям в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, а также условно осужденных, осужденных с отсрочкой отбывания наказания, уклоняющихся от контроля. Содержание ПРМ не конкретизируется в данной статье, но находит отражение в нормативных правовых актах Минюста России, регламентирующих их проведение⁵. Данные акты, в сущности, содержат открытый перечень ПРМ, относя к ним:

- информирование подразделения розыска территориального органа ФСИН России об осужденном, в отношении которого начаты ПРМ;
- опрос лиц, которым могут быть известны сведения о вероятном местонахождении осужденного, по месту его жительства, в организации, где он работал (учился);

- запрос информации по учетам подведомственных территориальному органу ФСИН России учреждений;

- использование иных доступных источников информации, способствующих розыску осужденного.

В проведении ПРМ по установлению местонахождения скрывшегося осужденного УИИ осуществляется содействие со стороны подразделений розыска территориального органа ФСИН России, которые как оперативные подразделения ФСИН наделены полномочиями по осуществлению ОРД и проведению комплекса оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ).

Кроме того, согласно Регламенту взаимодействия ФСИН России и МВД России⁶ при уклонении осужденного от контроля УИИ и принятии решения о проведении в отношении него ПРМ соответствующая информация немедленно направляется в ОВД.

Содержание ПРМ, а также того, что УИИ, которые их проводят, не наделены правом осуществления ОРД⁷, свидетельствует о том, что ПРМ не являются разновидностью ОРМ. Исходя из этого, содержание ч. 1 ст. 18.1 УИК РФ не соответствует названию данной статьи и может повлечь необоснованное смешение ПРМ и ОРМ в сознании участников данных правоотношений.

Кроме того, имеются неточности и в общем наименовании действий, осуществляемых УИИ для установления местонахождения рассматриваемой категории осужденных. Так, помимо ПРМ (ст. 18.1 УИК РФ), в ч. 5 ст. 188 УИК РФ

⁵ Приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» // Российская газета. 2009. № 151 ; приказ Минюста России от 11.10.2010 № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» // Российская газета. 2010. № 243 ; приказ Минюста России № 169, Минздрава России № 425н от 07.07.2015 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания осужденными, признанными в установленном порядке больными наркоманией» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁶ Приказ Минюста России № 190, МВД России № 912 от 04.10.2012 «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений» // Российская газета. 2012. № 248.

⁷ Горяинов К. К., Иванов И. А. Оперативно-розыскное обеспечение исполнения наказания и его цели // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 2. С. 3–6.

законодатель предусмотрел еще и проведение первоначальных мероприятий по установлению местонахождения и причин уклонения условно осужденного, которые по своему содержанию аналогичны ПРМ. При этом раздел 9 приказа Минюста России № 142-2009 раскрывает порядок проведения именно ПРМ по установлению местонахождения осужденных, которым назначено наказание и меры уголовно-правового характера без изоляции от общества, а не первоначальных мероприятий. Все это позволяет прийти к выводу, что в УИК РФ были допущены неточности в формулировках, т.к. действия, тождественные по своему содержанию, получили различные наименования.

С учетом изложенного для устранения неточностей, а также для разграничения ОРМ и действий, осуществляемых УИИ по установлению местонахождения рассматриваемой категории осужденных, считаем целесообразным осуществить регламентацию последних в отдельной статье УИК РФ под названием «Первоначальные мероприятия по установлению местонахождения осужденных, которым назначено наказание и меры уголовно-правового характера без изоляции от общества, уклоняющихся от контроля». Предлагается использовать формулировку «первоначальные мероприятия» вместо «первоначальные розыскные мероприятия», т.к. розыскные мероприятия по своему содержанию подразумевают проведение комплекса различных мероприятий, в том числе ОРМ, имеющих гласный и негласный характер⁸. Подобные изменения позволят избежать смешения первоначальных мероприятий, проводимых УИИ, и ОРМ.

В целом содержание форм контроля за поведением осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, а также ПРМ, проводимых УИИ, свидетельствует о том, что они не всегда могут позволить выявить все обстоятельства сокрытия осужденного.

Например, согласно тексту одного из ранее приведенных судебных решений, осужденная в качестве обстоятельства, оправдывающего сокрытие от контроля, указывала осуществле-

ние опеки за недееспособным братом. В случае, если бы подобная информация изначально была сообщена УИИ, ее проверка могла быть эффективно осуществлена в рамках ПРМ. Однако в отсутствие подобного уведомления вполне вероятно, что, даже самостоятельно проведя весь комплекс ПРМ, сотрудники УИИ не смогли бы установить факт осуществления опеки. Сам по себе статус осужденного не дает нам права обвинять данных лиц во лжи, но не исключены ситуации, когда лицо, по своим субъективным причинам скрывшееся от контроля, в процессе рассмотрения судом вопроса об ужесточении меры наказания или о замене условного наказания на реальное лишение свободы будет заявлять широкий перечень оправдывающих его обстоятельств (например, найдется значительное количество больных родственников, требующих ухода). При этом проверить их постфактум, в процессе судебного разбирательства, с помощью текущих возможностей УИИ будет затруднительно.

Очевидно, что ОРМ дают больше возможностей по сбору информации, нежели ПРМ, и назревает необходимость совершенствования информационного обеспечения деятельности подразделений УИИ путем использования ими результатов ОРД для обоснования представлений. Однако для этого необходимо рассмотреть вопрос об основаниях проведения ОРМ в отношении рассматриваемой категории осужденных.

Исходя из взаимосвязанных положений ст. 7 Федерального закона об ОРД и ст. 18.1 УИК РФ в отношении лиц, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы, условно-осужденных, а также лиц, осужденных с отсрочкой отбывания наказания, ОРД может быть осуществлена в случае их уклонения от уголовного наказания. В подобной ситуации осуществление ОРД будет относиться к компетенции оперативного подразделения территориального органа ФСИН.

Возникает вопрос о моменте, с которого допускается проведение ОРМ сотрудниками

⁸ Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. М. : Инфра-М, 2006. С. 509.

оперативных подразделений ФСИН России. Безусловно, ОРД может быть начата с момента поступления необходимых материалов об уклонении от контроля осужденных из УИИ в отдел розыска территориального органа ФСИН России и принятия решения об объявлении лица в розыск согласно ч. 2 ст. 18.1 УИК РФ. Между тем оперативные подразделения ФСИН России на основании уведомлений УИИ включаются в процесс розыска начиная с момента проведения ПРМ и должны оказывать УИИ содействие, что следует из содержания ранее представленных ведомственных нормативных актов. Соответственно, признание лица уклоняющимся от уголовного наказания может быть осуществлено и до объявления лица в розыск при наличии достаточной первичной информации. Однако для единообразия оценки правомерности осуществления ОРД сотрудниками оперативных подразделений ФСИН России начало отсчета ОРД должно быть более подробно урегулировано в ст. 18.1 УИК РФ.

Не оставим без внимания и тот факт, что вне процедуры розыска ОРД может осуществляться другими субъектами данной деятельности, в частности сотрудниками оперативных подразделений ОВД в связи с выявлением и раскрытием преступлений, совершаемых рассматриваемой категорией осужденных. Согласно названному ранее Совместному регламенту Минюста и МВД России информация об осужденных направляется в ОВД на стадии их постановки на учет и в случае проведения в отношении них ПРМ со стороны сотрудников УИИ.

Однако данная деятельность будет осуществляться вне системного единства с контролем за осужденными со стороны УИИ. Кроме того, сотрудники оперативных подразделений других органов, хотя и зная о статусе объекта ОРМ, не имеют достаточной мотивации для обмена информацией об обстоятельствах сокрытия осужденного от контроля, т.к. это может составить угрозу интересам ОРД (например, преждевре-

менное представление информации приведет к утрате эффективности последующих ОРМ в случае, если осужденный, который уклоняется от контроля со стороны УИИ, продолжает заниматься преступной деятельностью). Попросту говоря, первоочередная заинтересованность оперативных подразделений других органов будет состоять в самостоятельной реализации результатов ОРД и в привлечении лица к уголовной ответственности.

Кроме того, статья 14 Федерального закона об ОРД, хотя и предусматривает необходимость обмена информацией между субъектами ОРД о ставших им известными фактах противоправной деятельности, относящихся к компетенции другого органа, к рассматриваемой ситуации малоприменима.

Осуществление ОРД сотрудниками оперативных подразделений ФСИН России вне розыскных процедур наталкивается на отсутствие соответствующих оснований в Федеральном законе об ОРД. При этом ряд ученых в связи с высокой долей повторного совершения преступлений и злостными нарушениями режима отправления наказания рассматривали вопрос о необходимости расширения оперативно-розыскного контроля за рассматриваемой категорией осужденных. Так, К. К. Горяинов⁹, отмечая высокую вероятность рецидива у лиц, отбывающих наказание без лишения свободы, предлагал включить в систему надзора за ними оперативно-розыскной компонент — комплекс мер гласного и негласного характера, разрешенных Федеральным законом об ОРД. Данным ученым ставился вопрос о создании новой организационно-тактической формы ОРД — оперативно-розыскного обеспечения исполнения и отбытия наказания. При этом оперативно-розыскными полномочиями предлагалось наделить УИИ. Сходное по содержанию предложение также высказывал О. М. Овчинников¹⁰.

Между тем основным, хотя и не единственным, инструментом осуществления ОРД являют-

⁹ Горяинов К. К. Оперативно-розыскной контроль за осужденными к наказаниям без лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1–4). № 4. С. 396–400.

¹⁰ Овчинников О. М. Оперативно-розыскное обеспечение исполнения условно назначенного уголовного наказания // Научное мнение. 2014. № 7. С. 177–180.

ся ОРМ, проведение которых невозможно без достаточных оснований. Наличие статуса осужденного не подпадает ни под одно из оснований, приведенных в ст. 7 Федерального закона об ОРД. Безусловно, проблема, представленная вышеуказанными учеными, имеет место, но ее разрешение должно сопровождаться комплексным совершенствованием оперативно-розыскного законодательства. В свою очередь, исходя из практики Европейского Суда по правам человека, закон, регламентирующий проведение мер негласного наблюдения, должен содержать основания, а также возможные категории лиц, которые могут быть им подвергнуты.

Отметим, что в ранее процитированной работе О. М. Овчинникова было выдвинуто предложение дополнить основания для проведения ОРМ пунктом, предусматривающим возможность их осуществления с целью контроля за поведением условно осужденных лиц на период действия испытательного срока, назначенного судом. Однако введение возможности проведения ОРМ в отношении всех условно осужденных предполагает чрезвычайно широкий предел усмотрения правоприменителя. Если учесть и лиц, приговоренных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, лиц с отсрочкой исполнения приговора, то с учетом значительного количества потенциальных объектов ОРД ее эффективное осуществление в отношении каждого из них нереально и приведет к распылению сил и средств.

На наш взгляд, дополнение оснований для проведения ОРМ в рассматриваемом аспекте может быть осуществлено только путем выделения некоторых категорий осужденных, представляющих наибольший оперативный интерес, исходя из ряда критериев: тяжести совершенного преступления; наличия рецидивов; нарушений режима отбытия наказания и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества.

В текущей ситуации расширение оперативно-розыскной компетенции ФСИН России может включать:

1. Дополнение задачи, предусмотренной абз. 2 ст. 2 Федерального закона об ОРД, розыском лиц, уклоняющихся от мер уголовно право-

вого воздействия, не связанных с изоляцией от общества.

2. Дополнение Федерального закона об ОРД новыми основаниями для проведения ОРМ в виде «ставших известными органам, осуществляющим ОРД, сведений о лицах, уклоняющихся от наказания, и мер уголовно-правового воздействия, не связанных с изоляцией от общества».

Дальнейшее же расширение оснований для проведения ОРМ в отношении рассматриваемой категории осужденных может быть признано допустимым только с учетом широкого обсуждения в юридическом сообществе.

В заключение рассмотрим вопросы, возникающие в процедуре использования результатов ОРД.

Содержание ст. 11 Федерального закона об ОРД свидетельствует о недопустимости использования результатов ОРД для обоснования решений, выносимых на стадии исполнения приговора. Во-первых, результаты ОРД могут быть использованы для розыска лиц, уклоняющихся от исполнения наказания, но не для принятия решения после установления их местонахождения. Во-вторых, УИИ не относится к числу субъектов — получателей результатов ОРД. В-третьих, согласно ст. 11 Федерального закона об ОРД представление результатов ОРД в суд допустимо, когда в его производстве находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а в соответствии со ст. 5 Федерального закона об ОРД — еще и в связи с исполнением запросов суда при рассмотрении жалоб граждан.

Возможно, ввиду отсутствия регламентации в Федеральном законе об ОРД вопросы использования результатов ОРД не были рассмотрены и в ранее представленных нормативных правовых актах Минюста России, согласно которым документы, полученные УИИ в ходе ПРМ, помещаются в отдельную папку, которая хранится при личном деле осужденного. При этом не урегулировано, представляются ли в УИИ и впоследствии приобщаются ли к личному делу осужденного результаты ОРД, которые могли быть получены оперативным подразделением в ходе содействия проведению ПРМ.

Стойт отметить, что проведение ПРМ ограничено 30-дневным сроком. Ранее рассмотренными ведомственными актами Минюста России в отношении осужденных, скрывшихся от отбывания наказания (обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы), осужденных с отсрочкой отбывания наказания, предусмотренной в порядке п. 4 ч. 1 ст. 398 УПК РФ, ст. 82.1 УК РФ, и условно осужденных, скрывшихся от контроля, представление о замене наказания другим видом наказания направляется УИИ после проведения ПРМ. При этом материалы по указанным категориям осужденных параллельно направляются в оперативное подразделение территориального органа ФСИН России для принятия решения об объявлении осужденного в розыск. Из этого следует, что УИИ не предполагает использовать для обоснования представления результаты ОРД, полученные после объявления осужденного в розыск, и выходит в суд с усеченным перечнем данных, ограниченных только тем, что получено в ходе ПРМ.

В отношении же осужденных с отсрочкой отбывания наказания, предусмотренной в порядке п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК РФ, ст. 82 УК РФ, представление об отмене отсрочки может быть направлено в течение трех суток (без учета выходных и праздничных дней), если осужденный продолжает после объявленного предупреждения уклоняться от воспитания ребенка и ухода за ним, что подразумевает в том числе и то, что он повторно скрылся от контроля УИИ. В данном случае направление представления в суд осуществляется до окончания ПРМ. Срочность принятия решения может быть объяснена необходимостью защиты прав несовершеннолетних, но при этом информационное обеспечение представления еще меньше.

Таким образом, внесение УИИ представлений в суд осуществляется не после установления

всех обстоятельств сокрытия осужденного от контроля и установления его местонахождения, а после окончания нормативно закрепленных сроков, как правило связанных со временем осуществления ПРМ, т.е. с усеченным объемом информации.

При этом уголовно-процессуальное законодательство (ч. 7 ст. 399 УПК РФ) не устанавливает специфических требований к материалам, которые могут быть представлены соответствующим органом, не пресекая результатам ОРД возможность вхождения в уголовный процесс. В связи с этим мы не можем согласиться с А. А. Крымовым¹¹ в том, что УПК РФ не позволяет представлять широкий спектр документов, в том числе оперативные материалы, в суд в стадии исполнения приговора. Наоборот, существует проблема выхода информации из системы ОРД, а уголовно-процессуальное законодательство при этом не устанавливает запретов и ограничений на использование результатов ОРД на стадии исполнения приговора, аналогичных предусмотренным статьей 89 УПК РФ.

Подводя итог, можно отметить, что результаты ОРД обладают существенным значением для подтверждения обстоятельств уклонения осужденных от контроля УИИ, а их использование позволило бы более качественно мотивировать представления данных учреждений и их позицию в процессе доказывания необходимости изменения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, в сторону ужесточения. В связи с этим целесообразна комплексная проработка норм оперативно-розыскного законодательства с целью более подробной регламентации порядка проведения ОРМ в отношении лиц, уклоняющихся от уголовного наказания, а также использования полученных результатов.

¹¹ Крымов А. А. К вопросу о необходимости уголовно-процессуального регулирования некоторых аспектов проведения оперативно-режимных мероприятий в исправительных учреждениях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 7–11.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горяинов К. К. Оперативно-розыскной контроль за осужденными к наказаниям без лишения свободы // Человек: преступление и наказание. — 2018. — Т. 26 (1–4). — № 4. — С. 396–400.
2. Горяинов К. К., Иваньков И. А. Оперативно-розыскное обеспечение исполнения наказания и его цели // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2016. — № 2. — С. 3–6.
3. Крымов А. А. К вопросу о необходимости уголовно-процессуального регулирования некоторых аспектов проведения оперативно-режимных мероприятий в исправительных учреждениях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2016. — № 1 (33). — С. 7–11.
4. Крымов А. А. Обстоятельства, подлежащие доказыванию в стадии исполнения приговора // Уголовно-исполнительное право. — 2013. — № 2. — С. 23–26.
5. Николыук В. В. «Новое» и «старое» в практике отмены судом условного осуждения в свете правовых позиций Конституционного Суда и Верховного Суда // Уголовное право. — 2017. — № 3. — С. 120–129.
6. Овчинников О. М. Оперативно-розыскное обеспечение исполнения условно назначенного уголовного наказания // Научное мнение. — 2014. — № 7. — С. 177–180.
7. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. — М. : Инфра-М, 2006. — 832 с.

Материал поступил в редакцию 3 августа 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Goryainov K. K. Operativno-rozysknoj kontrol' za osuzhdennymi k nakazaniyam bez lisheniya svobody // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. — 2018. — T. 26 (1–4). — № 4. — S. 396–400.
2. Goryainov K. K., Ivan'kov I. A. Operativno-rozysknoe obespechenie ispolneniya nakazaniya i ego celi // Uголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2016. — № 2. — S. 3–6.
3. Krymov A. A. K voprosu o neobhodimosti uголовно-processual'nogo regulirovaniya nekotoryh aspektov provedeniya operativno-rezhimnyh meropriyatij v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. — 2016. — № 1 (33). — S. 7–11.
4. Krymov A. A. Obstoyatel'stva, podlezhashchie dokazyvaniyu v stadii ispolneniya prigovora // Uголовно-исполнительное право. — 2013. — № 2. — S. 23–26.
5. Nikolyuk V. V. «Novoe» i «staroe» v praktike otmeny sudom uslovnogo osuzhdeniya v svete pravovyh pozicij Konstitucionnogo Suda i Verhovnogo Suda // Uголовное право. — 2017. — № 3. — S. 120–129.
6. Ovchinnikov O. M. Operativno-rozysknoe obespechenie ispolneniya uslovno naznachennogo uголовного nakazaniya // Nauchnoe mnenie. — 2014. — № 7. — S. 177–180.
7. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti : uchebnik / pod red. K. K. Goryainova, V. S. Ovchinskogo, G. K. Sinilova. — M. : Infra-M, 2006. — 832 s.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.167-170

А. И. Бастрыкин*

Современные способы противодействия терроризму и экстремизму

Аннотация. Статья посвящена одной из наиболее актуальных тем отечественной правовой науки. В рамках настоящей работы автор анализирует современные способы противодействия терроризму и экстремизму. Подчеркивается, что в современных условиях необходима четкая координация усилий всех противодействующих экстремизму и терроризму структур, активное пресечение вербовочной деятельности со стороны международных террористических организаций и ликвидация их финансовой поддержки. В статье затрагиваются вопросы информационного противодействия терроризму и экстремизму. Выдвигается также предложение о введении уголовной ответственности за противозаконный оборот цифровой валюты и нарушение правил совершения сделок с ней. Отмечается ведущая роль средств массовой информации в профилактике терроризма и экстремизма — выступления руководителей различного уровня, ученых, писателей, публицистов, социологов, политологов, экспертов, их комментарии и оценки способствуют воспитанию у граждан правосознания, духа уважения к закону.

Ключевые слова: Следственный комитет; противодействие экстремизму; противодействие терроризму; способы противодействия экстремизму и терроризму; средства массовой информации; профилактика терроризма и экстремизма; гражданское общество; правосознание; законность; цифровые валюты.

Для цитирования: Бастрыкин А. И. Современные способы противодействия терроризму и экстремизму // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 167–170. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.167-170.

Modern Ways of Countering Terrorism and Extremism

Aleksandr I. Bastrykin, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor
1-ya Frunzenskaya ul., d. 3a, Moscow, Russia, 119146
msal@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to one of the most pressing topics of domestic legal science. Within the framework of this work, the author analyzes modern methods of countering terrorism and extremism. It is emphasized that in modern conditions it is necessary to clearly coordinate the efforts of all structures countering extremism and terrorism, actively suppress recruitment activities by international terrorist organizations and eliminate their

---

© Бастрыкин А. И., 2021

* *Бастрыкин Александр Иванович*, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
1-я Фрунзенская ул., д. 3а, г. Москва, Россия, 119146
msal@msal.ru

financial support. The paper touches upon the issues of information counteraction to terrorism and extremism. There is also a proposal to introduce criminal liability for illegal circulation of digital currency and violation of the rules for making transactions with it. The leading role of the media in the prevention of terrorism and extremism is noted. Speeches by leaders of various levels, scientists, writers, publicists, sociologists, political scientists, experts, their comments and assessments contribute to the education of citizens' sense of justice, a spirit of respect for the law.

Keywords: Investigative Committee; countering extremism; countering terrorism; ways of countering extremism and terrorism; media; prevention of terrorism and extremism; civil society; legal awareness; legality; digital currencies.

Cite as: Bastrykin AI. Sovremennye sposoby protivodeystviya terrorizmu i ekstremizmu [Modern Ways of Countering Terrorism and Extremism]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):167-170. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.167-170. (In Russ., abstract in Eng.).

Сегодня мировое сообщество находится в условиях, когда международные террористические группировки угрожают безопасности граждан всех цивилизованных стран. Глобальная террористическая угроза приобрела качественно новый характер с появлением международной террористической организации «Исламское государство» (запрещена на территории РФ) и подобных ей объединений, поднявших насилие на невиданный уровень жестокости, претендующих на создание собственного государственного образования и усиливающих свое влияние на территории от Атлантического побережья до Пакистана¹.

В сложившейся ситуации необходима четкая координация усилий всех противодействующих экстремизму и терроризму структур, активное пресечение вербовочной деятельности со стороны международных террористических организаций и ликвидация их финансовой поддержки.

Такая координация осуществляется в соответствии с Указом Президента РФ от 15.02.2006 № 116 «О мерах по противодействию терроризму»² Федеральным оперативным штабом Национального антитеррористического комите-

та, в состав которого входит Председатель Следственного комитета Российской Федерации³.

Благодаря привлечению к работе Национального антитеррористического комитета представителей различных структур гражданского общества, удалось существенно снизить проявления терроризма и экстремизма в стране, обеспечить безопасность проведения таких крупных международных спортивных соревнований, как Универсиада 2013 г. в Казани, Олимпиада 2014 г. в Сочи, чемпионат мира по футболу в 2018 г. и ряд других.

Наряду с информационным противодействием идеологии терроризма, системно осуществляется комплексная работа по воспитанию у молодежи гражданской позиции, патриотизма. Следственный комитет России принимает активное участие в воспитании молодого поколения: так, в минувшем Году памяти и славы СК России была проведена Всероссийская патриотическая молодежная эстафета добрых дел. Знамя эстафеты прошло через многие регионы страны с заходом в порты Авачинской бухты Петропавловска-Камчатского, чукотских портов Певек и Эгвекинот, Ямало-Ненецкого порта Сабетта, Мурманска, где проводились торжественные

¹ Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6886.

² Указ Президента РФ от 15.02.2006 № 116 (ред. от 25.11.2019) «О мерах по противодействию терроризму» (вместе с «Положением о Национальном антитеррористическом комитете») // СЗ РФ. 2006. № 8. Ст. 897.

³ Указ Президента РФ от 26.06.2013 № 579 «О внесении изменений в состав Федерального оперативного штаба по должностям, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 15.02.2006 № 116, и в состав Национального антитеррористического комитета по должностям, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 02.09.2012 № 1258».

патриотические мероприятия. К участию в эстафете широко привлекались представители Молодежного союза «Юный следователь», «Юнармии», других организаций и объединений.

Необходимо отметить, что в настоящее время, когда основным силам террористов в Сирии и Ираке нанесено ощутимое поражение, акценты в борьбе с терроризмом и экстремизмом **направлены на профилактическую работу.**

Так, принятым в октябре 2018 г. Федеральным законом № 365-ФЗ⁴ на территорию нашей страны запрещен въезд иностранцам или лицам без гражданства, если они являются членами объединения, включенного в перечень организаций, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Такие ограничительные меры дали положительный результат: на состоявшемся в декабре 2020 г. совместном заседании Национального антитеррористического комитета и Федерального оперативного штаба, отмечено, что в результате упреждающих действий не допущен въезд в Российскую Федерацию 149 иностранных граждан, причастных к экстремистской и террористической деятельности.

Кроме того, эффективное взаимодействие Роскомнадзора и правоохранительных органов позволило ограничить доступ к 66,5 тыс. материалов террористического содержания; пресечена деятельность 110 иностранных граждан, осуществлявших их распространение в сети Интернет. Росфинмониторингом заблокированы финансовые активы более 1 200 лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности, на общую сумму свыше 57 млн руб.⁵

Что касается применения уголовно-правовых мер, то за прошедшие 10 лет с момента образования ведомства следователями Следствен-

ного комитета в суд направлено свыше 3 200 уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности и 1 073 дел о терроризме.

Так, по результатам нашего расследования к длительным срокам лишения свободы осуждены несколько участников преступного сообщества, возглавляемого Асланом Гагиевым, совершившие в 2004–2014 гг. 60 убийств (в том числе сотрудников правоохранительных органов) на территории Республики Северная Осетия — Алания и других субъектов Российской Федерации. Кроме того, осужден Али Тазиев, один из приспешников Шамиля Басаева и организатор банды, на счету которой 78 убийств, в том числе сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих в Северо-Кавказском федеральном округе, а также участники банды, совершившие убийство сотрудника отдела вневедомственной охраны по г. Каспийску Росгвардии Магомеда Нурбагандова (удостоенного посмертно Указом Президента РФ звания Героя России) и целый ряд других организаторов и участников бандгрупп.

Следует подчеркнуть, что в январе текущего года в результате ликвидации органами безопасности совместно с силами правопорядка в Чеченской Республике банд главаря Бютукаева успешно завершён координируемый оперативным штабом НАК комплекс специальных мероприятий по нейтрализации деятельности на Северном Кавказе его бандгруппы.

Касаясь вопроса об информационном противодействии экстремизму, следует отметить, что с этой целью в Российской Федерации в 2013 г. принят закон о блокировке экстремистских сайтов⁶. В ноябре 2014 г. Президентом Российской Федерации утверждена Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации⁷: все это дает возможность Следственному коми-

---

⁴ Федеральный закон от 11.10.2018 № 365-ФЗ «О внесении изменения в статью 26 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию”» // Российская газета. № 230. 15.10.2018.

⁵ URL: <http://nac.gov.ru/nak-prinimaet-resheniya/v-moskve-proshlo-itogovoe-zasedanie-nacionalnogo.html>.

⁶ Федеральный закон от 28.12.2013 № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”».

⁷ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

тету совместно с Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Минюстом России оперативно реагировать на провокации экстремистов и удалять в сети Интернет информацию, содержащую призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка.

Положительный опыт такой работы уже накоплен.

Так, уже заблокированы такие сайты, как «Кавказ-центр», и ряд других⁸, которые осуществляли информационное обеспечение деятельности участников бандформирований Северо-Кавказского федерального округа.

Известно, что финансирование международных террористических организаций осуществляется через частных лиц — для этого предпринимаются активные попытки привлечения средств через Интернет. Деятельность таких «доноров» террористов успешно пресекается нашими совместными усилиями с ФСБ и МВД России, Росгвардией и Росфинмониторингом. Так, в прошлом году в суды направлены уголовные дела в отношении 41 лица (данные за 9 месяцев 2020 г.), принимавшего участие в финансировании международных террористических организаций.

Касаюсь использования в нашей стране для расчетов цифровых валют, следует подчеркнуть, что технология их применения привлекательна не только для финансовых учреждений, но и для террористических структур. С учетом этого назрела необходимость введения уголовной

ответственности за противозаконный оборот цифровой валюты и нарушение правил совершения с ней сделок.

В завершение отмечу, что профилактика — важнейшая составляющая противодействия терроризму и экстремизму. Следственный комитет прилагает максимум усилий на данном направлении. На официальном сайте Следственного комитета, а также территориальных следственных управлений ежедневно публикуется информация о ходе и результатах расследования уголовных дел о преступлениях террористического характера и экстремистской направленности, вызвавших общественный резонанс. Обнародование результатов нашей работы вызывает живой и пристальный интерес наших граждан, и ежедневно сотни органов средств массовой информации публикуют сообщения о нашей деятельности.

Нельзя забывать, что средства массовой информации располагают огромными возможностями привлекать к участию в решении задач, стоящих перед нами, наиболее авторитетных специалистов в различных областях жизни (руководителей различного уровня, ученых, писателей, публицистов, социологов, политологов, экспертов). Такие лица своими выступлениями, комментариями и оценками способствуют воспитанию у граждан правосознания, духа уважения к закону, настраивая общество на всемерную помощь органам, занимающимся борьбой с терроризмом и экстремизмом. Такая деятельность средств массовой информации, направленная на предупреждение терроризма и экстремизма, представляется очень важной. Необходимо ее продолжать и активно поддерживать.

Материал поступил в редакцию 1 февраля 2021 г.

⁸ Например, с 23 января 2020 г. осуществляется ограничение доступа к информационным ресурсам зарубежного сервиса Startmail.com (Нидерланды), с которого на территорию России поступило свыше 1 000 угроз о минировании объектов социальной инфраструктуры.

Итоги научно-практической конференции «Противодействие информационно- мировоззренческим угрозам в интернет-среде с использованием специальных знаний»¹

Аннотация. В статье дан краткий обзор состоявшейся 3 декабря 2020 г. конференции с международным участием «Противодействие информационно-мировоззренческим угрозам в интернет-среде с использованием специальных знаний», организованной совместно кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Российским федеральным центром судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации и Центром академического развития и образовательных инноваций Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Ввиду текущей санитарно-эпидемиологической обстановки конференция была проведена в онлайн-формате посредством использования платформы Zoom, однако этот фактор отразился на качестве дискуссии только в положительном ключе. В ходе активных дискуссий на конференции были рассмотрены общетеоретические и прикладные проблемы обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в интернет-среде, в том числе проблемы противодействия экстремизму, буллингу, троллингу, пропаганде суицида, тюремной культуры, культы насилия и жестокости, секстингу, грумингу, фейк-ньюс, диффамации и т.д. Отдельное внимание было уделено криминалистическим проблемам использования специальных знаний при исследовании вредоносных компьютерных программ, контрафактной и недокументированной информационно-компьютерной продукции. Конференция состоялась при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 20-011-00190, 18-29-16003.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190.

© Никишин В. Д., Богатырев К. М., 2021

* *Никишин Владимир Дмитриевич*, кандидат юридических наук, директор Центра академического развития и образовательных инноваций, старший преподаватель кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
vdnikishin@msal.ru

** *Богатырев Константин Михайлович*, аспирант кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
kbog@rambler.ru

Ключевые слова: конференция; информационно-мировоззренческие угрозы; Интернет; специальные знания; информация; лингвистические знания; лингвистическая экспертиза; противодействие распространению экстремистских материалов; экспертиза; информационная продукция.

Для цитирования: Никишин В. Д., Богатырев К. М. Итоги научно-практической конференции «Противодействие информационно-мировоззренческим угрозам в интернет-среде с использованием специальных знаний» // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 171–177. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.171-177.

Results of the Scientific and Practical Conference "Countering Information and Ideological Threats in the Internet Environment Using Special Knowledge"²

Vladimir D. Nikishin, Cand. Sci. (Law), Director of the Center for Academic Development and Educational Innovation, Senior Lecturer, Department of Forensic Expertise, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
vnikishin@msal.ru

Konstantin M. Bogatyrev, Postgraduate Student, Department of Forensic Expertise, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kbog@rambler.ru

Abstract. The paper provides a brief overview of the conference with international participation, held on December 3, 2020, "Countering Information and Ideological Threats in the Internet Environment Using Special Knowledge", jointly organized by the Department of Forensic Science of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), the Russian Federal Center for Forensic Science under the Ministry of Justice of the Russian Federation and the Center for Academic Development and Educational Innovation of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Due to the current sanitary and epidemiological situation, the conference was held in an online format using the Zoom platform, and this factor positively contributed to the quality of the discussion. During active discussions at the conference, general theoretical and applied problems of ensuring information and ideological security in the Internet environment were considered, including the problems of countering extremism, bullying, trolling, propaganda of suicide, prison culture, the cult of violence and cruelty, sexting, grooming, fake news, defamation, etc. Special attention was given to the forensic problems of using special knowledge in the study of malicious computer programs, counterfeit and undocumented information and computer products. The conference was held with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of research projects No. 20-011-00190, 18-29-16003.

Keywords: conference; informational and ideological threats; Internet; special knowledge; information; linguistic knowledge; linguistic expertise; countering the spread of extremist materials; expertise; information products.

Cite as: Nikishin VD, Bogatyrev KM. Itogi nauchno-prakticheskoy konferentsii «Protivodeystvie informatsionno-mirovovzrencheskim ugrozam v internet-srede s ispolzovaniem spetsialnykh znaniy» [Results of the Scientific and Practical Conference "Countering Information and Ideological Threats in the Internet Environment Using Special Knowledge"]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):171-177. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.171-177. (In Russ., abstract in Eng.).

---

² The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 20-011-00190.

3 декабря 2020 г. на платформе Zoom прошла научно-практическая конференция на тему «**Противодействие информационно-мировоззренческим угрозам в интернет-среде с использованием специальных знаний**», организаторами которой выступили кафедра судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации и Центр академического развития и образовательных инноваций МГЮА.

Открыла мероприятие председатель организационного комитета конференции, заведующий кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник ВПО РФ, академик РАЕН, д. ю. н., профессор **Елена Рафаиловна Россинская**.

В качестве первого спикера выступила профессор кафедры судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), академик РАЕН, д. ю. н., д. филол. н., профессор **Елена Игоревна Галяшина**, являющаяся руководителем научного проекта «Концептуализация противодействия информационным угрозам в интернет-среде с использованием специальных юридико-лингвистических знаний». В своем докладе «**Использование специальных лингвистических знаний для противодействия мировоззренческим и социокультурным угрозам в медиасреде: выявление, пресечение и предупреждение**» профессор Е. И. Галяшина отметила актуальность данной темы, необходимость определения и разграничения таких базовых понятий, как «информационное пространство», «медиасреда», «информационная среда» и т.д., охарактеризовала и рассмотрела существующие мировоззренческие и социокультурные угрозы, направления обеспечения системы защиты от них, а также подчеркнула необходимость соблюдения баланса в обеспечении права на свободу слова, плюрализм мнений, свободу распространения информации и защиты от злоупотребления этими правами.

Декан факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета РФ, д. ю. н., доцент **Олег Юрьевич Антонов** выступил с докладом «**Практика использова-**

ния специальных знаний в целях противодействия распространению экстремистских материалов», в котором отметил, что в рамках деятельности по борьбе с экстремистскими преступлениями зачастую возникает необходимость в проведении экспертного (в том числе комплексного) исследования. В докладе были рассмотрены вопросы, связанные с ограничением доступа к экстремистским материалам, блокировкой распространяющих их ресурсов, профилактикой повторного совершения экстремистских преступлений, связанных с распространением тех же материалов.

Заведующий кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, д. ю. н., к. б. н., профессор **Моисеева Татьяна Федоровна** в докладе «**Вопросы назначения и оценки судебной лингвистической экспертизы информационной продукции**» акцентировала внимание слушателей на организационно-правовых проблемах, мешающих полноценному осуществлению новых видов судебных лингвистических экспертиз, таких как судебная лингвистическая экспертиза информационной продукции. Были проанализированы подходы судов к назначению экспертиз информационной продукции, рассмотрены вопросы классификации судебных экспертиз и необходимости четкого определения компетенции судебных экспертов-лингвистов, ее границ.

Представители научной школы криминалистической ситуалогии (Балтийский государственный университет имени И. Канта) д. ю. н., профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Татьяна Станиславовна Волчецкая** и к. ю. н., директор учебно-методического центра по профилактике терроризма **Михаил Владимирович Авакьян** в своем выступлении на тему «**Опыт использования специальных знаний в рамках противодействия информационно-мировоззренческим угрозам в цифровом пространстве**» описали магистральные направления деятельности по профилактике экстремизма в студенческой среде и разработку методических рекомендаций экспертам и правоприменителям по использованию ситуационного подхода для анализа обстоятельств дела.

Заведующий лабораторией судебной лингвистической экспертизы Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России, к. филол. н. **Виталий Олегович Кузнецов** в докладе **«Природа и структура специальных знаний судебного эксперта-лингвиста»** детально проанализировал составляющие компетенции судебного эксперта-лингвиста, их регламентирование в законодательстве; вопросы проверки наличия у эксперта необходимых знаний, подтверждения его компетентности и т.д. Были раскрыты вопросы формирования экспертных понятий, разработки в РФЦСЭ экспертных методов и методик на основе единого научно-методического подхода.

Главный государственный судебный эксперт УрЦСЭ Минюста России, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Уральского федерального университета, д. филол. н., доцент **Анна Михайловна Плотникова** представила результаты исследования **«Маргинальная языковая личность в контексте судебной лингвистической экспертизы (на материале видеообращений схиигумена Сергея)»**, в котором были выявлены особые маркеры коммуникации маргинальных лиц (такие как употребление слов в несвойственных им значениях, смешение стилей и т.д.) и исследованы вопросы комплексности анализа религиозного дискурса.

К. филол. н., доцент **Юлия Александровна Сафонова** в докладе **«Словарь как инструмент информационно-мировоззренческой безопасности, или Не пора ли создать словарь (не)настоящего русского языка?»** затронула вопросы лексикографии, неоднократно подчеркнув, что отсутствие у судебных экспертов-лингвистов актуальных словарей разговорной лексики (особенно с учетом скорости видоизменения языка) не позволяет надлежащим образом установить истину по делу, привлечь к ответственности виновных и оградить от нее невиновных.

Доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, к. филол. н., доцент **Елена Станиславовна Кара-Мурза** представила доклад **«Судебная лингвистическая экспертиза как правозащит-**

ный инструмент». Значение судебной экспертизы для защиты прав и свобод человека, значение выявления истины в случаях, когда по одному делу имеют место несколько судебных экспертиз и (или) консультаций специалиста, этические проблемы рецензирования заключений экспертов, порядок определения того, кто из привлеченных сведущих лиц является более квалифицированным, — вот основные вопросы, которые были подняты в данном докладе и вызвали интересную дискуссию.

Заведующий кафедрой административного и уголовного права факультета информационных систем в экономике и юриспруденции Майкопского государственного технологического университета, к. ю. н., доцент **Елена Михайловна Курбанова** представила доклад, подготовленный совместно с деканом факультета информационных систем в экономике и юриспруденции Майкопского государственного технологического университета, д. э. н., доцентом **Асият Каплановной Доргушаовой**, на тему **«К вопросу об участии IT-специалиста в производстве лингвистической экспертизы информационной продукции»**, в котором рассмотрела вопросы соотношения компетенции судебного компьютерно-технического эксперта и судебного эксперта-лингвиста в рамках исследования текста, опубликованного посредством программно-аппаратных комплексов; соотношения естественных и искусственных языков в контексте высоких технологий.

Глава информационно-аналитического центра «Граница настоящего», координатор Кавказского геополитического клуба **Яна Александровна Амелина** подготовила сообщение на тему **«Деструктивные течения в российской молодежной среде, распространяемые посредством социальных сетей: обзор последних тенденций»**, в котором подробно рассмотрела направления деструктивной пропаганды, распространяемой в сообществах в социальной сети «ВКонтакте». Было особо отмечено, что деструктивные сообщества, являющиеся площадками распространения экстремистской (в том числе радикально-религиозной) и суицидальной пропаганды, объединены направленностью на детскую и подростковую аудиторию

и продвигают в первую очередь идеи необоснованного насилия.

Младший научный сотрудник Национального центра информационного противодействия экстремизму и терроризму в образовательной среде и сети Интернет **Сергей Владимирович Венцель** выступил с докладом «**Формирование критического мышления как инструмент противодействия экстремизму в эпоху новых медиа**», в котором он с политологической точки зрения раскрыл и рассмотрел понятия «экстремизм», «новые медиа» и «критическое мышление»; продемонстрировал способы радикализации пользователей новых медиа посредством использования мемов, лонгридов и иных новых феноменов сетевой культуры; подчеркнул, что особое значение для защиты от деструктивной информации, предлагаемой в рамках модифицированной информационной среды (описываемой через категории «пузырь фильтров» и «эхо-камера»), является именно собственное критическое мышление.

Выпускающий редактор Международного информационного агентства «Россия сегодня», к. филол. н. **Елена Игоревна Дорошенко** подготовила исследование на тему «**Стратегические коммуникации в противодействии идеологии экстремизма и терроризма в эру коронавируса и “постправды”**», в котором проанализировала происходящие в информационном пространстве преобразования, в том числе «упадок правды», проявляющийся в значительном расхождении в интерпретации объективных данных и фактов, в размывании границ между фактом и мнением, в намечающемся преобладании мнений над фактами.

Доцент кафедры социологии и социальных технологий Уфимского государственного авиационного технического университета, к. пед. н., доцент **Алла Дмитриевна Иванова** представила результаты масштабного исследования на тему «**Взгляд молодежи на агитационную и пропагандистскую работу (по материалам качественного исследования, проведенного в УГАТУ в 2018–2020 гг.)**», в котором отметила, что разные поколения (в том числе молодежь разных годов рождения) существуют в разных информационных пространствах («информа-

ционных пузырях»), формирующихся исходя из возрастных интересов, однако такие «пузыри» могут искусственно изменяться с целью продвижения каких-либо взглядов.

Доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета, к. ю. н., доцент **Николай Васильевич Карепанов** представил доклад «**Некоторые проблемы криминалистического выявления и исследования вредоносных компьютерных программ**», в котором были перечислены и рассмотрены направления нормативно-правового регулирования сети Интернет, такие как защита личных данных пользователей и их частной жизни, регулирование электронной коммерции и обеспечение ее безопасности, защита интеллектуальной собственности, борьба против информации противоправного содержания и т.д.

Руководитель Межрегионального центра информационной безопасности и судебной экспертизы, психолог, судебный эксперт **Наталья Юрьевна Васильева** в рамках доклада «**Психологический аспект профилактики экстремизма в молодежной среде**» рассмотрела категории молодежи, которые представляются наиболее уязвимыми мишенями для деструктивного воздействия, и подчеркнула важность работы психологов с представителями таких групп, значение описания и демонстрации возможных негативных последствий тех деструктивных идей, которые им прививаются злоумышленниками; стимулирование такой молодежи к критическому анализу ситуации и принятию правильного решения.

Старший эксперт Управления правовой информации Договорно-правового департамента МВД России **Кирилл Игоревич Дорофеев** выступил на тему «**Проблемные аспекты использования специальных знаний при расследовании изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних**», рассмотрев типичные виды судебных экспертиз, назначаемых по данной категории дел для исследования самих объектов порнографического содержания, их электронных носителей, а также установления у лиц расстройства сексуального предпочтения (педофилия). В рамках доклада также были под-

няты вопросы разработки систем искусственного интеллекта, способных осуществлять поиск и исследование противоправной информации.

Ведущий эксперт ГБУ «Московский исследовательский центр» (МИЦ), преподаватель кафедры иностранных языков Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Ольга Валерьевна Зайцева** осветила тему **«Особенности нарратива дискурсивных жанров секстинга и онлайн-грумминга»**, раскрыв вопросы специфики новых текстовых жанров сексуального онлайн-взаимодействия, связи этих явлений с такими противозаконными действиями, как нарушение сексуальной свободы (изнасилование) и сексуальной неприкосновенности (растление).

Эксперт Ассоциации «Национальный общественный центр экспертиз» (НОЦЭ) **Татьяна Александровна Троицкая** в своем сообщении **«Использование нетрадиционных для судебно-экспертной практики научных дисциплин для исследования материалов с порнографическим или оскорбительным контентом, размещенных в сети Интернет, как способ объективизации результатов экспертной деятельности»** проанализировала особенности трансформации информационной среды, приводящей к повышению степени распространения деструктивной информации и вследствие этого увеличению количества дел, связанных с нарушением таким образом закона. В выступлении была подчеркнута проблематика сложности определения рода/вида судебной экспертизы, которую необходимо назначать по делам таких категорий.

Старший преподаватель кафедры общей психологии факультета психологии Института общественных наук РАНХиГС **Дарья Анатольевна Бережная** в рамках выступления на тему **«Художественный или квазихудожественный текст: к разработке экспертной технологии исследования информационных материалов в рамках противодействия экстремизму»** рассмотрела проблему достаточности/недостаточности экспертных понятий как в тех экспертных областях, в которых уже разработаны специализированные методические рекомендации и методики, так и в тех областях экспертного знания, в которых такие методики еще предстоит разработать.

В заключение конференции доцент кафедры судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. пед. н., доцент **Елена Александровна Чубина** и профессор кафедры судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д. филол. н., профессор **Татьяна Михайловна Надеина** выступили с докладом **«Рекламный текст в аспекте медиабезопасности»**, в рамках которого были проанализированы проблемы распространения выражающих явное неуважение сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России.

Выступили с докладами и участвовали в дискуссии также Леонид Самуилович Хейфец (председатель Президиума Коллегии адвокатов города Москвы «Чаадаев, Хейфец и партнеры»), Фоченкова Наталья Анатольевна (адвокат Литовской Республики, к. ю. н., доцент), Renata Čović (Министерство юстиции Венгрии, магистр криминологии), Никишин Владимир Дмитриевич (Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директор Центра академического развития и образовательных инноваций, старший преподаватель кафедры судебных экспертиз, к. ю. н.), Панасюгина Лада Евгеньевна (ЭКЦ МВД России, ведущий научный сотрудник, к. филол. н.), Нефляшева Индира Аминовна (Ассоциация лингвистов-экспертов «Аргумент», ответственный секретарь, к. филол. н., доцент), Хрусталева Виталий Николаевич (Юридический институт Российского университета транспорта (ЮИ МИИТ), д. ю. н., профессор), Полубинская Светлана Вениаминовна (Институт государства и права РАН, ведущий научный сотрудник, к. ю. н., доцент), Белоусов Илья Игоревич (ГБУ г. Москвы «МИЦ», начальник отдела), Язынин Михаил Александрович (ГБУ г. Москвы «МИЦ», заместитель начальника отдела), Атагимова Эльмира Исамудиновна (ФБУ НЦПИ при Минюсте России, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской и образовательной деятельности НЦПИ, к. ю. н.), Семикаленова Анастасия Игоревна (Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры судебных экспертиз, к. ю. н.), Матвеева Ольга Николаевна (АНО «Лингвистический экспертный центр», директор, к. филол. н.), Соколова Тать-

яна Петровна (Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры судебных экспертиз, к. филол. н., доцент), Лысенко Надежда Евгеньевна (ФГБУ НМИЦ ПН имени В. П. Сербского, научный сотрудник, к. психол. н.), Новожилова Елена Владимировна (Институт филологии и истории РГГУ, АНО «Многофункциональный центр экспертиз», эксперт-лингвист, к. филол. н.), Подкатилина Мария Леонидовна (Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры судебных экспертиз, к. ю. н.), Фомичев Леонид Алексеевич (ГБУ г. Москвы «МИЦ», главный эксперт), Хачатурова Наталья Юрьевна (Центр русского языка Сочинского государственного университета, директор, к. филол. н., доцент), Тетерина Анна Александровна (АНО «Лингва-Эксперт», эксперт), Ракова Екатерина Сергеевна (председатель Комиссии по делам молодежи, спорта и туризма Общественной палаты города Оренбурга), Литвинова Елена Николаевна (ООО

«ГлавЮгЭксперт», генеральный директор) и другие представители юридического и экспертного сообщества.

В ходе активных дискуссий на конференции были рассмотрены общетеоретические и прикладные проблемы обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в интернет-среде, в том числе проблемы противодействия экстремизму; буллингу; троллингу; пропаганде суицида, тюремной культуры, культы насилия и жестокости; секстингу; грумингу; фейк-ньюс; диффамации и т.д. Отдельное внимание было уделено криминалистическим проблемам использования специальных знаний при исследовании вредоносных компьютерных программ, контрафактной и недокументированной информационно-компьютерной продукции. Конференция состоялась при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 20-011-00190, 18-29-16003.

Материал поступил в редакцию 8 февраля 2021 г.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.178-193

З. З. Ложис*

Применение специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности, совершенных в сети Интернет, а также преступлений террористического характера в практике Следственного комитета Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы противодействия преступлениям экстремистской направленности и террористического характера. Был произведен анализ террористической активности в соответствии с имеющейся статистикой за последние пять лет. Отмечено, что необходимо активизировать превентивную работу по выявлению вербовщиков и сообщников террористов, перекрывать каналы поставки оружия и денег, пресекать пропагандистскую деятельность радикалов и экстремистов в сети Интернет. Дана краткая криминалистическая характеристика экстремистских преступлений, совершенных с использованием сети Интернет. Освещены некоторые особенности раскрытия и расследования таких преступных деяний, приведен ряд примеров из практики Следственного комитета Российской Федерации. Были рассмотрены виды судебных экспертиз, которые могут назначаться по данным категориям дел, основные из которых — компьютерная (компьютерно-техническая), лингвистическая экспертизы. Подчеркнуто, что эффективное расследование преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием сети Интернет, немислимо без реализации в ходе расследования возможностей применения специальных знаний.

Ключевые слова: терроризм; экстремизм; террористическая активность; угроза национальной безопасности; особенности расследования; информационное обеспечение расследования; информационно-телекоммуникационные технологии; судебные экспертизы; специальные знания; Интернет.

Для цитирования: Ложис З. З. Применение специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности, совершенных в сети Интернет, а также преступлений террористического характера в практике Следственного комитета Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 178–193. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.178-193.

© Ложис З. З., 2021

* Ложис Зигмунд Зигмундович, руководитель Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации
1-я Фрунзенская ул., д. 3а, г. Москва, Россия, 119146
a148076@rambler.ru

Application of Special Knowledge in the Investigation of Extremist Crimes Committed on the Internet, as well as Crimes of a Terrorist Nature in the Practice of the Investigative Committee of the Russian Federation

Zigmund Z. Lozhis, Head of the Main Directorate of Criminalistics (Criminalistic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation
1-ya Frunzenskaya ul., d. 3a, Moscow, Russia, 119146
a148076@rambler.ru

Abstract. The paper examines topical issues of countering extremist and terrorist crimes. An analysis of terrorist activity was carried out in accordance with the available statistics for the past five years. It was noted that it is necessary to intensify preventive work to identify recruiters and accomplices of terrorists, to cut off the channels for the supply of weapons and money, to suppress the propaganda activities of radicals and extremists on the Internet. A brief forensic characteristic of extremist crimes committed using the Internet is given. Some features of the disclosure and investigation of such criminal acts are highlighted, a number of examples from the practice of the Investigative Committee of the Russian Federation are given. The types of forensic examinations that can be assigned for these categories of cases were considered, the main of which are computer (computer-technical), linguistic examinations. It is emphasized that an effective investigation of extremist crimes committed using the Internet is unthinkable without the implementation of the possibilities of using special knowledge during the investigation.

Keywords: terrorism; extremism; terrorist activity; threat to national security; features of the investigation; information support of the investigation; information and telecommunication technologies; forensic examinations; special knowledge; Internet.

Cite as: Lozhis ZZ. Primenenie spetsialnykh znaniy pri rassledovanii prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti, sovershennykh v seti Internet, a takzhe prestupleniy terroristicheskogo kharaktera v praktike Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii [Application of Special Knowledge in the Investigation of Extremist Crimes Committed on the Internet, as well as Crimes of a Terrorist Nature in the Practice of the Investigative Committee of the Russian Federation]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):178-193. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.178-193. (In Russ., abstract in Eng.).

Прошедшие два десятилетия XXI в. свидетельствуют о том, что явления экстремизма и терроризма превратились в реальную глобальную угрозу мировому сообществу и безопасности. Они выступают основными факторами, дестабилизирующими мировую обстановку, для них характерны меняющиеся политические и идеологические ориентиры, нередко они используются как инструмент вмешательства во внутренние дела государств. Совершается тактика и стратегия экстремистской и террористической деятельности, повышается уровень ее организованности, создаются крупные формирования с развитой инфраструктурой и интернациональными связями, ориентированные на овладение средствами массового поражения людей. Лица, связанные с экстремизмом

и терроризмом, располагают устойчивыми каналами финансирования, возможностями ведения эффективных пропагандистских кампаний, в том числе с использованием социальных сетей и информационно-коммуникационных технологий, развитыми структурами рекрутирования и подготовки боевиков. В своих акциях они все чаще используют средства спутниковой связи, беспилотные летательные аппараты и т.д., наращивают боевой потенциал, увеличивают численность своих рядов.

Последнее десятилетие ознаменовано тем, что местом совершения террористических атак выступает не только ближневосточный регион, где, по мнению политологов, кроются истоки исламского терроризма — прежде всего в центре мусульманского мира — Ближнем и Сред-

нем Востоке¹. Террористические акты в странах Западной Европы в 2015–2020 гг. стали «чуть ли не повседневной реальностью»². Об этом свидетельствуют факты совершения террористических преступлений во Франции (2015, 2016, 2018, 2020 гг.), в Бельгии (2016 г.), Германии (2016, 2020 гг.), Швеции (2017 г.), Великобритании (2017, 2020 гг.), Испании (2017, 2019 гг.), Австрии (2020 г.) и др. Последствия террористической деятельности в полной мере проявились в США, как и в целом на Американском континенте.

Директор ФСБ России А. В. Бортников приводит данные о том, что в 2019 г. по всему миру было совершено свыше 1,5 тыс. террористических нападений, в результате которых погибли и пострадали около 7 тыс. человек³.

Уместно привести данные Глобального индекса терроризма (Global Terrorism Index), который ежегодно формируют эксперты Института экономики и мира (Institute for

Economics and Peace) Сиднейского университета (Австралия)⁴. Так, в 138 странах проводится оценка событий, связанных с терроризмом, и на этой основе для каждой страны определяется уровень террористической активности по десятибалльной шкале. При этом учитывается количество террористических атак, количество погибших и пострадавших, уровень материального ущерба и пр. За последние четыре года первые позиции занимают такие страны, как Афганистан, Ирак, Нигерия, Сирия, Пакистан, Сомали, Индия, где индекс терроризма стабильно находится в пределах 7–10 баллов. С нулевым показателем террористической активности отмечены такие европейские страны, как Словения, Румыния, Португалия, Литва, Туркменистан.

В таблице приведен рейтинг некоторых европейских стран, а также США и Австралии, в которых отмечается наиболее высокий индекс террористической активности.

Рейтинг некоторых стран по уровню террористической активности

№ п/п	Страны	2015 г.		2017 г.		2018 г.		2019 г.	
		Рейтинг	Индекс	Рейтинг	Индекс	Рейтинг	Индекс	Рейтинг	Индекс
1	Украина	12	7,2	17	6,56	21	6,05	24	5,55
2	Россия	23	6,207	33	5,33	34	5,23	37	4,9
3	Великобритания	28	5,613	35	5,1	28	5,61	28	5,41
4	Греция	29	4,976	46	4,14	45	4,29	45	4,17
5	США	35	4,613	32	5,43	20	6,07	22	5,69
6	Франция	36	4,553	23	5,96	30	5,48	36	5,01
7	Германия	53	3,442	38	4,92	39	4,6	44	4,25
8	Италия	54	3,364	69	2,75	69	2,74	63	3,11
9	Австралия	59	3,114	65	3,09	68	2,83	71	2,65
10	Швеция	60	3,083	52	3,75	51	3,94	56	3,45
11	Испания	65	2,622	85	1,7	50	4,02	59	3,35
12	Австрия	79	2,088	89	1,52	79	1,85	84	1,66

¹ *Добаев И. П.* Истоки терроризма на Ближнем и Среднем Востоке и факторы, определяющие его современную активизацию // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 156–164.

² *Долгов Б. В.* Терроризм в Европе: причины возникновения, практика и глобальный аспект // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 4. С. 15–34.

³ Официальный сайт РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20191016/1559840661.html> (дата обращения: 09.12.2020).

Как видно из приведенных данных, на фоне мирового сообщества для Российской Федерации характерен достаточно высокий уровень террористической активности по десятибалльной шкале, несмотря на тенденции его снижения — с 6,2 до 4,9 баллов.

Для Российской Федерации проблема экстремизма и терроризма имеет особую остроту, неслучайно в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁵ деятельность террористических организаций отнесена к основным угрозам государственной и общественной безопасности. Масштабы террористической деятельности только последнего десятилетия подтверждаются фактами совершения террористических актов, повлекших гибель многих людей: в московском метро (2010 г.), аэропорту «Домодедово» (2011 г.), г. Волгограде (2013 г.), катастрофа российского пассажирского самолета над Синайским полуостровом (2015 г.), убийство российского посла А. Г. Карлова (2016 г.), в Санкт-Петербургском метро (2017 г.), г. Санкт-Петербурге (2017 г.), террористические преступления в республиках Северного Кавказа.

Выступая в 2019 г. на расширенном заседании коллегии Федеральной службы безопасности, Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что число преступлений террористической направленности в России за 10 лет сократились почти в 100 раз — с 997 до 9 случаев, однако количество предотвращенных терактов за последние три года остается высоким — около 20 в год. При этом за 2019 г. предотвращено 57 таких преступлений, в том числе 34 теракта. Важно осознавать, какие были бы последствия, если бы этого сделать не удалось. Имеются успехи в пресечении каналов финансирования террористических групп и поставок им оружия.

В то же время у террористов сохраняется потенциал для подготовки терактов. Необходимо

активизировать превентивную работу по выявлению вербовщиков и сообщников террористов, перекрывать каналы поставки оружия и денег, пресекать пропагандистскую деятельность радикалов и экстремистов в сети Интернет⁶.

На итоговом заседании Национального антитеррористического комитета и Федерального оперативного штаба 8 декабря 2020 г. Директор ФСБ России А. В. Бортников отметил, что в 2020 г. в результате скоординированных действий силовых структур не допущено совершение террористических актов. На стадии приготовления предотвращено 61 преступление террористической направленности, в том числе 41 теракт.

В ходе контртеррористических операций и оперативно-боевых мероприятий нейтрализовано 49 бандитов, в том числе 8 главарей. Задержаны 36 бандглаварей, 162 боевика и 591 пособник. Изъято около 600 единиц огнестрельного оружия, 134 самодельных взрывных устройства, свыше 103 тыс. боеприпасов. Ликвидированы 50 нелегальных мастерских по производству и переделке оружия. Органами безопасности и силами правопорядка пресечена деятельность 55 законспирированных ячеек международных террористических организаций. Не допущен въезд в Российскую Федерацию 149 иностранных граждан, причастных к экстремистской и террористической деятельности. Эффективное взаимодействие Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и правоохранительных органов позволило ограничить доступ к 66,5 тыс. материалов террористического содержания.

Пресечена деятельность 110 иностранных граждан, осуществлявших их распространение в сети Интернет. Федеральной службой по финансовому мониторингу заблокированы финансовые активы более 1 200 лиц, подозреваемых в

⁴ Информационный портал NoNews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/terrorism> (дата обращения: 21.12.2020).

⁵ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

⁶ Официальный сайт Президента России. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/62834> (дата обращения: 09.12.2020).

причастности к террористической деятельности, на сумму свыше 57 млн руб. Пресечены 184 факта финансирования терроризма⁷.

Приведенные данные свидетельствуют о сформировавшейся устойчивой тенденции в противодействии терроризму — пресечении совершения преступлений террористического характера, недопущении их совершения, минимизации ущерба, причиненного преступлениями. Таким образом, ставка именно на предупреждение и пресечение преступлений террористического характера как составную часть противодействия терроризму не только доказала правильность тактического расчета, но и высокую эффективность применяемых мер.

Между тем такое положение дел фактически не изменило статистической картины состояния преступности в отношении преступлений террористического характера. С одной стороны, казалось бы, количество исследуемых преступлений должно быть на порядок меньше за счет того, что удалось предотвратить совершение многих из них. Но, с другой стороны, пресечение совершения преступлений террористического характера, например на этапе подготовки к их совершению, покушения к совершению, не только не исключает наличие уголовно наказуемых деяний, но и позволяет выявить серию преступных эпизодов, обнаружить иные преступления, совершенные в связи с террористической деятельностью, установить весь круг лиц, причастных к организации террористической деятельности (так называемых интеллектуальных соучастников преступлений⁸), участию, руководству, содействию и ее поддержанию. Все это, разумеется, не снижает общего количества процессуальных затрат на доказывание виновности лиц, причастных к

совершению преступлений террористического характера.

По официальным данным государственной системы регистрации преступлений⁹, за последние пять лет (2016–2019 гг. и 10 мес. 2020 г.) в Российской Федерации зарегистрировано 5 529 преступлений экстремистской направленности и 9 573 преступления террористического характера¹⁰.

Доля преступлений террористического характера в общем объеме совершаемых преступлений относительно невелика — менее 0,1 %. Однако характер и степень общественной опасности преступлений данного вида выделяют их среди всей преступности. Как известно, отдельные виды преступлений террористического характера сопряжены с гибелью многих людей, причинением особо тяжких последствий, некоторые виды вызывают широкий общественный резонанс и в целом совершение преступлений террористического характера способно дестабилизировать социально-политическую обстановку как в конкретном регионе, так и в стране. Таким образом, вести речь о количестве совершенных преступлений террористического характера с точки зрения «больше» или «меньше» неуместно. Приведенные статистические данные лишь отчасти позволяют представить тот колоссальный объем процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, которая осуществляется в ходе раскрытия и расследования преступлений данного вида, а также особую гражданскую и профессиональную ответственность сотрудников правоохранительных органов перед обществом за их раскрытие и всестороннее расследование.

Следует учитывать еще одно немаловажное обстоятельство. Процесс раскрытия и рассле-

⁷ Официальный сайт Национального антитеррористического комитета РФ. URL: <https://nac.gov.ru/nak-prinimaet-resheniya/v-moskve-proshlo-itogovoe-zasedanie-nacionalnogo.html> (дата обращения: 09.12.2020).

⁸ Коростелев И. А. Выявление и изобличение интеллектуальных соучастников преступлений, связанных с терроризмом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.

⁹ Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений» // Российская газета. 25.01.2006. № 13.

¹⁰ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2016, 2017, 2018, 2019, 2020 гг. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21551069/> (дата обращения: 25.12.2020).

Количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности и террористического характера в 2016–2020 гг.

дования преступлений данного вида может и должен продолжаться до тех пор, пока не будут установлены все лица, причастные к их совершению, независимо от даты совершения преступлений или даты их выявления.

Анализ определений экстремизма и терроризма, содержащихся в научно-правовой доктрине, а также результатов анкетирования 85 сотрудников Следственного комитета РФ, привлекаемых к раскрытию и расследованию

преступлений экстремистской направленности и террористического характера, обобщение следственной и судебной практики позволяют утверждать, что рассматриваемые явления соотносятся между собой как целое (экстремизм) и часть (терроризм). При этом составы экстремистских и террористических преступлений имеют множество сходных и различающихся признаков, начиная от уголовно-правовых признаков данных преступлений¹¹ и заканчивая

¹¹ Багаутдинов Ф. Н., Мухаметшин А. Р. Актуальные вопросы ответственности за правонарушения экстремистской направленности, совершаемые в сети Интернет // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 47–51 ; Бадамшин С. К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 16.

криминалистически значимыми признаками преступлений, характеризующих механизм их совершения. Однако очевидно главное — наличие взаимосвязи и взаимообусловленности экстремизма и терроризма, что детерминирует механизм совершения данных преступлений.

Применительно к преступлениям террористического характера следует отметить, что основной метод террористической деятельности — шантаж и запугивание органов власти и населения опасностью гибели людей, причинением значительного имущественного ущерба либо наступлением иных общественно опасных последствий, осуществляемый в целях нарушения общественной безопасности, оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам.

Преступления экстремистской направленности и террористического характера как объекты криминалистического исследования представляются уникальными не только с точки зрения их множественности при наличии общих целей и мотивов посягательства и одновременно разнородности по механизму их совершения. Своеобразную специфику рассматриваемым преступлениям придает деятельность по их раскрытию и расследованию¹². Речь идет о порядке и об условиях, установленных законодателем для уголовно-процессуальной деятельности по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности и террористического характера, о возможностях применения оперативно-разыскных средств и методов, а также об особенностях организации расследования данных преступлений.

Во многом указанная специфика обусловлена тем, что уголовные дела о рассматриваемых преступлениях в зависимости от их видов и раз-

новидностей подследственны Следственному комитету РФ, органам федеральной службы безопасности, органам внутренних дел Российской Федерации (ст. 151 УПК РФ) и в целом многие из них имеют альтернативную подследственность. Иначе говоря, предварительное следствие по таким уголовным делам может производиться следователями органа, выявившего эти преступления. Очевидно, что данные обстоятельства не способствуют выработке единообразных принципов, методов и тактики раскрытия и расследования таких преступлений. Более того, подобная специфика требует особых организационных форм взаимодействия субъектов, привлекаемых к раскрытию и расследованию преступлений экстремистской направленности и террористического характера, координации действий, в том числе с международными антитеррористическими организациями¹³.

Несмотря на наличие множества научных публикаций¹⁴, следственная практика испытывает дефицит в методико-криминалистических рекомендациях по расследованию преступлений экстремистской направленности и террористического характера, ориентированных на различные обстоятельства совершения данных преступлений, способ их совершения и следственные ситуации, складывающиеся в процессе расследования.

Кроме того, необходимо учитывать большую значимость для раскрытия и расследования данных преступлений информационного обеспечения, назначение которого состоит в предоставлении органам следствия и дознания криминалистически значимой информации научной и практической направленности, способствующей решению задач по установлению обстоятельств преступлений, выявлению лиц,

¹² *Бастрыкин А. И.* Особенности расследования преступлений террористического характера и экстремистской направленности : лекция. М. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2018. С. 12.

¹³ *Расследование преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : научно-практическое пособие / под ред. А. И. Бастрыкина.* М. : Юрлитинформ, 2021. С. 69.

¹⁴ *Давыдов В. О.* Методика расследования экстремистских преступлений, совершенных в компьютерных сетях : монография. М. : Юрлитинформ, 2014 ; *Иващенко М. А.* Расследование преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием сети Интернет : учебно-методическое пособие / под ред. А. М. Багмета. М. : Московская академия СК России, 2019.

причастных к их совершению, и доказыванию их виновности.

Одним из направлений информационного обеспечения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений экстремистской направленности и террористического характера является освещение потенциальных возможностей использования специальных знаний, в том числе криминалистической техники, средств и методов для выявления следов преступлений и лиц, причастных к их совершению. Ученые и практики единодушны в оценке значимости использования знаний в области техники, информационных технологий, психологии, лингвистики, религиоведения и пр., для раскрытия и расследования преступлений рассматриваемого вида¹⁵.

Рассмотрим отдельные аспекты применения специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности, совершенных в сети Интернет, а также преступлений террористического характера в практике Следственного комитета РФ.

В настоящее время сеть Интернет является основным информационно-пропагандистским каналом, используемым практически всеми международными и национальными террористическими и экстремистскими организациями. В целом информационно-телекоммуникационные технологии занимают важное место в механизме совершения преступлений экстремистской направленности и террористического характера. Как правило, они выступают средством совершения преступлений и являются составной частью способа совершения преступлений.

В. О. Давыдов способы совершения экстремистских преступлений с использованием компьютерных сетей подразделяет на две группы:

- изготовление и распространение (манипулирование) посредством телекоммуникационных сетей информационной продукции, запрещенной российским законодательством, в целях оказания информационно-психологического воздействия на массовые аудитории граждан (70,7 % изученных уголовных дел);
- использование компьютерной техники и информационных технологий в целях организации и последующего руководства деятельностью экстремистских групп и сообществ, а также создания условий для совершения преступлений экстремистской направленности (29,3 %)¹⁶.

В Следственном комитете РФ систематически проводится анализ практики расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных в сети Интернет, с изучением материалов уголовных дел и судебных решений. С учетом проанализированных сведений разрабатываются криминалистические портреты преступников, методики расследования совершенных ими преступлений.

Как показывает практика, действия лиц, совершивших в сети Интернет преступления экстремистской направленности, квалифицируются по ст. 280, 282, 282.1, 282.3, 354.1 УК РФ, в том числе в совокупности с иными статьями, например 205.1, 205.2, 205.3 УК РФ.

В большинстве случаев обвиняемым является лицо мужского пола в возрасте от 16 до 40 лет, как правило выступающее сторонником неонацизма и национализма, личной идеологии, радикальной идеологии в исламе либо идеологии террористической деятельности. Преступления совершаются с помощью компьютера, мобильного телефона в отношении

¹⁵ Аминев Ф. Г. Особенности использования специальных знаний как составной части методики расследования преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 3 (49). С. 130–137; Давлетов А. И. Некоторые вопросы использования специальных знаний при расследовании экстремистских преступлений // Евразийский юридический журнал. 2017. № 3 (106). С. 252–254; Чуканова А. А. Использование специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности // Терроризм и экстремизм как угрозы национальной безопасности России: сб. статей междунар. науч.-прак. конф. (Казань, 11 мая 2018 г.). Уфа: Омега Сайн, 2018. С. 47–51.

¹⁶ Давыдов В. О. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием компьютерных сетей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2013. С. 9.

не определенного по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе круга лиц с размещением информации в виде изображений, аудио- и видеоматериалов, текстов в сети Интернет.

Преступники оставляют многообразные следы на электронных и цифровых носителях¹⁷, на предметах. Это могут быть сведения из социальных сетей, скриншот информации, аудио-, видеоматериалы, изображения, мобильные телефоны и (или) компьютеры, различные накопители информации¹⁸. Кроме того, на теле подозреваемого могут содержаться татуировки с символикой экстремистского содержания, которые могут демонстрироваться как в реальной жизни, так и в виртуальной среде — в сети Интернет. Зачастую одновременно со следами, оставленными в информационном пространстве, подозреваемые оставляют материальные следы на других предметах (оружие, одежда с нацистской символикой и пр.).

К числу основных следов по уголовным делам о таких преступлениях можно отнести так называемые идеальные следы, отображаемые в сознании допрашиваемого лица, например показания свидетелей. При этом в статусе свидетелей могут допрашиваться лица, осведомленные о преступных деяниях подозреваемого, владеющие информацией ориентирующего характера (соседи, коллеги, знакомые, представители образовательных учреждений, органов власти, др.).

В целях получения сведений об обстоятельствах, требующих специальных познаний, производится допрос специалиста (лингвиста, религиоведа и т.д.).

И конечно, не являются исключением традиционные следы — микрочастицы, следы курения, следы рук и т.п.

Главной особенностью производства следственных действий по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности, совершенных в сети Интернет, является факт совершения их с помощью информационно-телекоммуникационных технологий. Соответственно, такое обстоятельство влечет необходимость работы следователя с компьютерной информацией в целях получения сведений о действиях подозреваемого. Криминалистически значимую информацию в таких случаях необходимо получать с применением технических средств при участии специалиста.

При производстве каждого следственного действия применяются те или иные криминалистические рекомендации. Например, для осмотра места происшествия (обыска) характерно установление всех средств вычислительной техники, носителей информации, подлежащих изъятию, осмотру, необходимо снятие образов оперативной памяти, установление пароля доступа, в том числе с соблюдением навыков, позволяющих не повредить необходимую информацию. В последующем содержащаяся на данных объектах информация становится предметом экспертных исследований¹⁹.

В ходе осмотра ресурса сети Интернет существует определенная тактика проведения данного действия, например подготовка для этого компьютера с соответствующим программным обеспечением.

Использование специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности выражается в получении кон-

¹⁷ Карагодин В. Н., Соколов Ю. Н. Значение электронных следов в расследовании преступлений террористического характера // Особенности расследования преступлений экстремистской и террористической направленности : сб. матер. науч.-прак. семинара (Ростов н/Д, 24–25 мая 2012 г.). М. : Институт повышения квалификации Следственного комитета РФ, ООО «Ваш полиграфический партнер», 2012. С. 91–99.

¹⁸ Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное действие // Право и кибербезопасность. 2013. № 2. С. 22–27.

¹⁹ Сборник примеров заключений эксперта по криминалистической экспертизе видео- и звукозаписей : практическое пособие для экспертов / под ред. Ф. О. Байрамовой ; Ф. О. Байрамова, А. Г. Бояров, И. В. Гарт [и др.]. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.

сультационной, технической и других видов помощи²⁰. Распространенной формой применения специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности является назначение необходимых судебных экспертиз²¹.

В ходе расследования уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности могут проводиться различные судебные экспертизы (комплекс экспертиз), основные из которых — компьютерная (компьютерно-техническая), лингвистическая экспертизы²².

Объектом компьютерной экспертизы является компьютерная информация, находящаяся на машинных носителях, ноутбуках, в мобильных телефонах, видеорегистраторах и т.п. В изъятых устройствах может содержаться информация об обстоятельствах преступного действия. В целях поиска информации и ее извлечения применяются как специальное программное обеспечение, так и сведения о доступе к информации.

Как правило, информация о преступлении представлена в виде текстов, изображений, аудио-²³, видеоматериалов, в которых фиксируются различные сведения, например о передаче информации, переписке в социальных сетях²⁴, системах финансовых расчетов.

В Главном управлении криминалистики (Криминалистическом центре) Следственного комитета РФ функционирует технико-криминалистическое управление, в задачи которого входит

криминалистическое сопровождение следствия, работа с электронными носителями, обработка цифровых данных и оказание по этим вопросам помощи в расследовании уголовных дел. Помощь в формулировании вопросов следователям оказывают эксперты соответствующих экспертных учреждений. Содержание вопросов касается сведений о действиях пользователя при использовании им средства вычислительной техники, мобильного устройства, к примеру вопрос о наличии информации, оставленной абонентом в записной книжке телефона, накопленной иной информации. Поставленные перед экспертом вопросы должны иметь направленность на установление определенных обстоятельств интересующего события в расследовании.

Так, в сентябре 2020 г. постановлен обвинительный приговор в виде штрафа в размере 120 тыс. руб. в отношении подсудимого, осужденного по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 354.1 УК РФ за реабилитацию нацизма при проведении акции «Бессмертный полк онлайн»²⁵. В ходе предварительного следствия и в дальнейшем судом установлено, что в марте 2020 г. обвиняемый использовал в социальной сети приложение, с помощью которого отправлял на сайт «Банк Памяти» фотографию Гитлера для дальнейшей трансляции в акции «Бессмертный полк онлайн», посвященной памяти ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла.

²⁰ Шаяевич А. А., Старичков М. В., Грушихина В. А. Актуальные проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с пропагандой экстремизма // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 3-2. С. 252–258.

²¹ Расследование преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. С. 116.

²² Кузнецов С. А., Оленников С. М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство : научно-практическое издание. М. : Издательский дом В. Ема, 2014. С. 55.

²³ Бессонов А. А., Бояров А. Г., Степанов М. В. Метод производства судебной экспертизы фонограмм с использованием данных о частоте электрического тока сети // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. № 14 (2). С. 43–50.

²⁴ Назарова Т. В., Громова А. В. Опыт производства автороведческих экспертиз по материалам переписок в мессенджерах // Экспертная практика. 2019. Вып. 86. С. 14–18.

²⁵ Вынесен приговор одному из обвиняемых в реабилитации нацизма при проведении акции «Бессмертный полк онлайн» // Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1500962> (дата обращения: 24.11.2020).

Виновность обвиняемого подтверждена собранными доказательствами, в том числе результатами компьютерных и портретных судебных экспертиз, показаниями свидетелей.

Другой экспертизой, имеющей доказательственное значение, является судебно-лингвистическая экспертиза, которая в 2020 г. включена в перечень родов (видов) экспертиз, производимых в Следственном комитете РФ. На экспертизу эксперту предоставляются:

- письменные объекты (например, статья);
- объекты, содержащие звук, к примеру разговор;
- смешанные объекты, например видеоролик.

Если речь идет о печатном продукте, для эксперта важен оригинал предоставленного на экспертизу объекта (в крайнем случае — копия с отображением всех особенностей объекта). Что касается электронных текстов, то на экспертизу представляются как изображения текста в печатном виде, так и скриншоты страниц, сделанных, к примеру, при переходе по гиперссылкам. Важно предоставить эксперту электронный вид объекта для исследования.

Существует определенная группа вопросов эксперту при расследовании уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности. Эксперты федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» проводят судебные лингвистические экспертизы по вопросам, касающимся установления наличия в представленных на исследование объектах высказывания, выражающего негативную оценку или негативное отношение (преимущество) одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам принадлежности к расе, национальности, языку, происхождению, религии, или к какой-либо иной группе; высказывания, содержащего побуждения (положительную оценку)

к каким-либо негативным действиям одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по обозначенным признакам²⁶.

Кроме того, следует обратить внимание на необходимость наличия у следователя, следователя-криминалиста собственных знаний в области тактики допроса, владения навыками установления психологического контакта, а также знаний специальной терминологии, субкультур, идеологий, которой придерживается подозреваемый, что необходимо для результативности допроса и получения необходимой информации. Объективные показания, полученные в ходе допроса, позволяют отразить действительно произошедшие события.

При подготовке к допросу при расследовании уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности, совершенных в сети Интернет, учитываются личностные характеристики, социальные условия субъекта допроса, изучается специфика проявления субъекта в социальной среде в интернет-пространстве.

Собственные знания следователей и следователей-криминалистов дополняются познаниями специалистов в той либо иной сфере деятельности (лингвисты, религиоведы, историки, психологи).

Например, в системе Следственного комитета проходят службу психологи, создающие и применяющие необходимые методики, направленные на реализацию квалифицированных рекомендаций, которые реализуются в ходе расследования, в частности непосредственно в процессе допроса, включая анализ личности подозреваемого и других участников уголовного судопроизводства.

Так, применение в ходе расследования навыков установления психологического контакта позволяет получить криминалистически значимую информацию в ходе допроса. Такими действиями являются, например, проективные

²⁶ Назарова Т. В., Гримайло Е. А., Мамаев Н. Ю., Коршиков А. П., Ростовская А. В. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств : в 2 ч. / под ред. Ю. М. Дильдина ; общ. ред. В. В. Мартынова. М. : ЭКЦ МВД России, 2010. Т. 1. С. 243–292 ; Галяшина Е. И. Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7 (47). С. 25–41.

вопросы на вопросно-ответной стадии допроса, применение различных психологических приемов в ходе следственного действия²⁷.

Применение тактических приемов в ходе допроса способствует качественному сбору и анализу материалов в ходе предварительного расследования. Такие приемы разнообразны и подробно описаны в научных трудах Р. С. Белкина, Е. М. Лившица, А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова, В. И. Комиссарова и других авторов²⁸.

Эффективность тактических приемов подтверждается и практикой.

По уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности, совершенных в сети Интернет, в практике Следственного комитета РФ наиболее часто в ходе допроса применяются такие тактические приемы, как свободный рассказ, допрос на месте происшествия, когнитивное интервью, метод ассоциативных связей, методика нейролингвистического программирования²⁹, использование выявленных противоречий, допущение легенды либо же, наоборот, пресечение лжи, использование звуко-, видеозаписи, предъявление допрашиваемому доказательств, разъяснение их значения и взаимосвязи с иными материалами уголовного дела, детализация показаний, косвенный допрос, сообщение допрашиваемому лицу вероятного хода событий, применение возможностей психофизиологического исследования (полиграфа) и многочисленные другие приемы, в том числе показывающие допрашиваемому лицу владение следователем, следователем-криминалистом предметом допроса³⁰.

Таким образом, эффективное расследование преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием сети Интернет, немыслимо без реализации в ходе расследования возможностей применения специальных знаний.

В подтверждение изложенных тезисов сошлемся на пример из следственной практики.

В сентябре 2017 г. в следственное управление Следственного комитета РФ из УФСБ России поступил материал проверки по факту размещения на принадлежащей гр. К. персональной интернет-странице в социальной сети «ВКонтакте» материалов, направленных на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства группы лиц по признаку национальности. По данному факту возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Благодаря тактически грамотному планированию расследования и надлежащим образом организованному взаимодействию с сотрудниками федеральной службы безопасности и Центра по противодействию экстремизму МВД России в ходе следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий установлено, что гр. К. является организатором и лидером экстремистского сообщества «Община Коренного Русского Народа», члены которого систематически на протяжении семи лет совершали преступления экстремистской направленности.

В процессе расследования установлено, что 31-летняя К. длительное время придерживается идеологии превосходства и исключительности представителей коренных (славянских) народов России, негативно относится к представителям еврейской и иных неславянских национальностей, испытывает к ним ненависть и вражду. Действуя в целях реабилитации нацизма, нарушения территориальной целостности Российской Федерации, свержения конституционного строя и создания государства «Русская Республика Русь», сформированного исключительно из представителей славянской национальности, создала экстремистское сообщество «Община Коренного Русского Народа», то есть организо-

²⁷ Бессонов А. А. Криминалистическая тактика : учебник. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 80–85.

²⁸ Белкин Р. С., Лившиц Е. М. Тактика следственных действий. М. : Новый юрист, 1997 ; Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М. : Юнити-Дана; Закон и право, 2008.

²⁹ Неверова Т. А. Нейролингвистическое интервью по выявлению скрываемой информации о причастности к правонарушению / под ред. Е. В. Спирицы. М. : Факультет судебных экспертиз МАИЛ, 2015.

³⁰ Расследование преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. С. 78.

ванную группу лиц для совместного совершения преступлений экстремистской направленности.

Являясь организатором экстремистского сообщества, К. лично и через других членов экстремистского сообщества привлекла для участия в нем не менее 186 местных жителей.

Экстремистское сообщество имело четко выстроенную иерархию и определенную структуру, состоящую из территориальных подразделений городского и районного уровней, руководители которых координировали деятельность членов экстремистского сообщества, проживающих на подконтрольной территории. Руководители структурных подразделений назначались на указанные «должности» и освобождались от них на основании решения организатора и руководителя экстремистского сообщества К. Помимо этого, при вступлении в такую «должность» ими приносилась присяга на верность общине.

Экстремистское сообщество имело собственные знаки отличия: герб, который представлял собой герб СССР, в верхней части которого вместо звезды имелось изображение нацистской руны «Одал» и флаг, который представлял собой полотнище красного цвета с находящимся посередине изображением нацистской руны «Одал» золотистого оттенка. Также у экстремистского сообщества имелись печати и бланки различных документов с вышеуказанной символикой. Всем членам экстремистского сообщества была организована выдача «национальных паспортов граждан “Русской Республики Русь”», подтверждающих принадлежность к экстремистскому сообществу. Членам общины, которые вносили денежные средства на обеспечение деятельности общины, выдавались «Книжки Общинника», где ставились отметки о внесенных суммах.

Активными членами экстремистского сообщества совершены несколько преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности, связанных как с размещением материалов экстремистского характера в сети Интернет, так и с распространением листовок экстремистского характера.

Один из участников экстремистского сообщества П., действуя по указанию К., осуществлял сбор денежных средств, заведомо предназначенных для подготовки и совершения участ-

никами данного экстремистского сообщества преступлений экстремистской направленности, в том числе особо тяжких преступлений против личности.

В ходе расследования уголовного дела проведен значительный объем следственных действий, в том числе: в качестве свидетелей допрошено 60 лиц, проведено 11 обысков, 30 осмотров предметов и документов, проведено 25 различных судебных экспертиз, в том числе особо сложные комплексные психолого-лингвистические, фоноскопическая, видеотехническая, финансово-аналитическая, амбулаторные и стационарные психиатрические, комиссия историческая. Материалы уголовного дела с учетом обвинительного заключения составили 37 томов.

По результатам расследования уголовного дела К. предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280, ч. 1 ст. 280.1, п. «в» ч. 2 ст. 282, ч. 1 ст. 282.1, ч. 1 ст. 282.3 УК РФ, а также четвертым ее соучастникам.

В Следственном комитете РФ проходят службу высококвалифицированные сотрудники, обладающие профессиональными навыками реализации полномочий в сфере уголовного судопроизводства. В ходе расследования уголовных дел консультативную, экспертную помощь по уголовным делам экстремистской и террористической направленности оказывают как находящиеся в штате сотрудники, так и специалисты других учреждений. Участие в опытной эксплуатации и апробации достижений науки, криминалистической и специальной техники для дальнейшего использования в деятельности Следственного комитета РФ, разработка методик расследования отдельных видов преступлений, тактики производства следственных действий и вопросов использования специальных знаний в расследовании преступлений позволяют эффективно осуществлять работу по сопровождению деятельности Следственного комитета РФ в сфере криминалистического обеспечения расследования и судебно-экспертной деятельности и тем самым формировать современную методiku расследования рассмотренных преступных деяний.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аминев Ф. Г.* Особенности использования специальных знаний как составной части методики расследования преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом // Правовое государство: теория и практика. — 2017. — № 3 (49). — С. 130–137.
2. *Багаутдинов Ф. Н., Мухаметшин А. Р.* Актуальные вопросы ответственности за правонарушения экстремистской направленности, совершаемые в сети Интернет // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2017. — № 2 (28). — С. 47–51.
3. *Багмет А. М., Скобелин С. Ю.* Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное действие // Право и кибербезопасность. — 2013. — № 2. — С. 22–27.
4. *Бадамшин С. К.* Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 25 с.
5. *Бастрыкин А. И.* Особенности расследования преступлений террористического характера и экстремистской направленности : лекция. — М. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2018. — 37 с.
6. *Белкин Р. С., Лившиц Е. М.* Тактика следственных действий. — М. : Новый юрист, 1997. — 176 с.
7. *Бессонов А. А.* Криминалистическая тактика : учебник. — М. : Юрлитинформ, 2015. — 200 с.
8. *Бессонов А. А., Бояров А. Г., Степанов М. В.* Метод производства судебной экспертизы фонограмм с использованием данных о частоте электрического тока сети // Теория и практика судебной экспертизы. — 2019. — № 14 (2). — С. 43–50.
9. *Галяшина Е. И.* Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 7 (47). — С. 25–41.
10. *Давлетов А. И.* Некоторые вопросы использования специальных знаний при расследовании экстремистских преступлений // Евразийский юридический журнал. — 2017. — № 3 (106). — С. 252–254.
11. *Давыдов В. О.* Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием компьютерных сетей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 2013. — 27 с.
12. *Давыдов В. О.* Методика расследования экстремистских преступлений, совершенных в компьютерных сетях : монография. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 184 с.
13. *Добаев И. П.* Истоки терроризма на Ближнем и Среднем Востоке и факторы, определяющие его современную активизацию // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2016. — № 2. — С. 156–164.
14. *Долгов Б. В.* Терроризм в Европе: причины возникновения, практика и глобальный аспект // Актуальные проблемы Европы. — 2017. — № 4. — С. 15–34.
15. *Иващенко М. А.* Расследование преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием сети Интернет : учебно-методическое пособие / под ред. А. М. Багмета. — М. : Московская академия СК России, 2019. — 146 с.
16. *Карагодин В. Н., Соколов Ю. Н.* Значение электронных следов в расследовании преступлений террористического характера // Особенности расследования преступлений экстремистской и террористической направленности : сб. матер. науч.-прак. семинара (Ростов н/Д, 24–25 мая 2012 г.). — М. : Институт повышения квалификации Следственного комитета РФ, ООО «Ваш полиграфический партнер», 2012. — С. 91–99.
17. *Коростелев И. А.* Выявление и изобличение интеллектуальных соучастников преступлений, связанных с терроризмом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2013. — 33 с.
18. *Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова.* — М. : Юнити-Дана; Закон и право, 2008. — 943 с.

19. Кузнецов С. А., Оленников С. М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство : научно-практическое издание. — М. : Издательский дом В. Ема, 2014. — 312 с.
20. Назарова Т. В., Гримайло Е. А., Мамаев Н. Ю., Коршиков А. П., Ростовская А. В. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств : в 2 ч. / под ред. Ю. М. Дильдина, общ. ред. В. В. Мартынова. — М. : ЭКЦ МВД России, 2010. — Т. 1. — С. 243–292.
21. Назарова Т. В., Громова А. В. Опыт производства автороведческих экспертиз по материалам переписок в мессенджерах // Экспертная практика. — М. : ЭКЦ МВД России, 2019. — Вып. 86. — С. 14–18.
22. Расследование преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : научно-практическое пособие / под ред. А. И. Бастрыкина. — М. : Юрлитинформ, 2021. — 176 с.
23. Сборник примеров заключений эксперта по криминалистической экспертизе видео- и звукозаписей : практическое пособие для экспертов / под ред. Ф. О. Байрамовой ; Ф. О. Байрамова, А. Г. Бояров, И. В. Гарт [и др.]. — М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. — 92 с.
24. Чуканова А. А. Использование специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности // Терроризм и экстремизм как угрозы национальной безопасности России : сб. статей междунар. науч.-прак. конф. (Казань, 11 мая 2018 г.). — Уфа : Омега Сайн, 2018. — С. 47–51.
25. Шаевич А. А., Старичков М. В., Грушихина В. А. Актуальные проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с пропагандой экстремизма // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2015. — № 3-2. — С. 252–258.

Материал поступил в редакцию 8 февраля 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aminev F. G. Osobennosti ispol'zovaniya special'nyh znaniy kak sostavnoj chasti metodiki rassledovaniya prestuplenij, svyazannyh s ekstremizmom i terrorizmom // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2017. — № 1 (49). — С. 130–137.
2. Bagautdinov F. N., Muhametshin A. R. Aktual'nye voprosy otvetstvennosti za pravonarusheniya ekstremistskoj napravlenosti, sovershaemye v seti Internet // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2017. — № 1 (28). — С. 47–51.
3. Bagmet A. M., Skobelin S. Yu. Izvlechenie dannyh iz elektronnyh ustroystv kak samostoyatel'noe sledstvennoe dejstvie // Pravo i kiberbezopasnost'. — 2013. — № 2. — С. 22–27.
4. Badamshin S. K. Prestupleniya terroristicheskoy napravlenosti, sovershaemye s ispol'zovaniem elektronnyh ili informacionno-telekommunikacionnyh setej: ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya karakteristika : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2018. — 25 s.
5. Bastykin A. I. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij terroristicheskogo haraktera i ekstremistskoj napravlenosti : lekcija. — M. : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2018. — 37 s.
6. Belkin R. S., Livshic E. M. Taktika sledstvennyh dejstvij. — M. : Novyj yurist, 1997. — 176 s.
7. Bessonov A. A. Kriminalisticheskaya taktika : uchebnik. — M. : Yurлитinform, 2015. — 200 s.
8. Bessonov A. A., Boyarov A. G., Stepanov M. V. Metod proizvodstva sudebnoj ekspertizy fonogramm s ispol'zovaniem dannyh o chastote elektricheskogo toka seti // Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. — 2019. — № 11 (2). — С. 43–50.
9. Galyashina E. I. Ekspertiza ekstremistskih materialov: problemy metodicheskogo i informacionnogo obespecheniya // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kутафarina (MGYuA). — 2018. — № 1 (47). — С. 25–41.
10. Davletov A. I. Nekotorye voprosy ispol'zovaniya special'nyh znaniy pri rassledovanii ekstremistskih prestuplenij // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. — 2017. — № 1 (106). — С. 252–254.

11. Davydov V. O. Informacionnoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti, sovershennyh s ispol'zovaniem komp'yuternyh setej : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Rostov n/D, 2013. — 27 s.
12. Davydov V. O. Metodika rassledovaniya ekstremistskih prestuplenij, sovershennyh v komp'yuternyh setyah : monografiya. — M. : Yurlitinform, 2014. — 184 s.
13. Dobaev I. P. Istoki terrorizma na Blizhnem i Srednem Vostoke i faktory, opredelyayushchie ego sovremennuyu aktivizaciyu // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. — 2016. — № 2. — S. 156–164.
14. Dolgov B. V. Terrorizm v Evrope: prichiny vozniknoveniya, praktika i global'nyj aspekt // Aktual'nye problemy Evropy. — 2017. — № 4. — S. 15–34.
15. Ivashchenko M. A. Rassledovanie prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti, sovershennyh s ispol'zovaniem seti Internet : uchebno-metodicheskoe posobie / pod red. A. M. Bagmeta. — M. : Moskovskaya akademiya SK Rossii, 2019. — 146 s.
16. Karagodin V. N., Sokolov Yu. N. Znachenie elektronnyh sledov v rassledovanii prestuplenij terroristicheskogo haraktera // Osobennosti rassledovaniya prestuplenij ekstremistskoj i terroristicheskoy napravlenosti : sb. mater. nauch.-prak. seminar (Rostov n/D, 24–25 maya 2012 g.). — M. : Institut povysheniya kvalifikacii Sledstvennogo komiteta RF, OOO «Vash poligraficheskij partner», 2012. — S. 91–99.
17. Korostelev I. A. Vyyavlenie i izoblichenie intellektual'nyh souchastnikov prestuplenij, svyazannyh s terrorizmom : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Krasnodar, 2013. — 33 s.
18. Kriminalistika : uchebnik / pod red. A. F. Volynskogo, V. P. Lavrova. — M. : Yuniti-Dana; Zakon i pravo, 2008. — 943 s.
19. Kuznecov S. A., Olennikov S. M. Ekspertnye issledovaniya po delam o priznanii informacionnyh materialov ekstremistskimi: teoreticheskie osnovaniya i metodicheskoe rukovodstvo : nauchno-prakticheskoe izdanie. — M. : Izdatel'skij dom V. Ema, 2014. — 312 s.
20. Nazarova T. V., Grimajlo E. A., Mamaev N. Yu., Korshikov A. P., Rostovskaya A. V. Lingvisticheskoe issledovanie ustnyh i pis'mennyh tekstov // Tipovye ekspertnye metodiki issledovaniya veshchestvennyh dokazatel'stv : v 2 ch. / pod red. Yu. M. Dil'dina, obshch. red. V. V. Martynova. — M. : EKC MVD Rossii, 2010. — T. 1. — S. 243–292.
21. Nazarova T. V., Gromova A. V. Opyt proizvodstva avtorovedcheskih ekspertiz po materialam perepisok v messenzherah // Ekspertnaya praktika. — M. : EKC MVD Rossii, 2019. — Vyp. 86. — S. 14–18.
22. Rassledovanie prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti, sovershennyh s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij : nauchno-prakticheskoe posobie / pod red. A. I. Bastrykina. — M. : Yurlitinform, 2021. — 176 s.
23. Sbornik primerov zaklyuchenij eksperta po kriminalisticheskoy ekspertize video- i zvukozapisej : prakticheskoe posobie dlya ekspertov / pod red. F. O. Bajramovoj ; F. O. Bajramova, A. G. Boyarov, I. V. Gart [i dr.]. — M. : FBU RFCSE pri Minyuste Rossii, 2018. — 92 s.
24. Chukanova A. A. Ispol'zovanie special'nyh znaniy pri rassledovanii prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti // Terrorizm i ekstremizm kak ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossii : sb. statej mezhdunar. nauch.-prak. konf. (Kazan', 11 maya 2018 g.). — Ufa : Omega Sajn, 2018. — S. 47–51.
25. Shaevich A. A., Starichkov M. V., Grushihina V. A. Aktual'nye problemy ispol'zovaniya special'nyh znaniy pri rassledovanii prestuplenij, svyazannyh s propagandoj ekstremizma // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. — 2015. — № 3-2. — S. 252–258.

Прикладные аспекты противодействия информационно-мировоззренческим угрозам в цифровом пространстве и особенности их профилактики

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы противодействия наиболее опасным информационно-мировоззренческим угрозам как для всего человечества, так и для Российской Федерации, — экстремизма и терроризма. Авторами представлен опыт интеграции фундаментальных научных разработок представителей школы криминалистической ситуалогии в практическую деятельность Учебно-методического центра по профилактике терроризма Балтийского федерального университета имени И. Канта. Авторами выявляются наиболее характерные проблемы, связанные с организацией эффективной системы антитеррористической профилактики в образовательной среде, и предлагаются пути их решения. Делается вывод о том, что заблаговременное выявление, предупреждение и пресечение преступлений экстремистской (террористической) направленности, совершаемых в сети Интернет, способствует своевременному предотвращению распространения идеологии экстремизма (терроризма), а также вовлечения граждан в неформальные экстремистские сообщества. Важнейшей задачей является создание на базе учебно-методических центров, которые имеются во всех федеральных университетах страны, так называемых кибердружин из числа студентов, обучающихся на юридических факультетах. Объединение усилий добровольцев, имеющих определенные познания в области уголовного права и криминалистики, позволит своевременно и, что самое важное, систематически выявлять в цифровом пространстве подозрительный контент и сигнализировать об этом в компетентные правоохранительные органы.

Ключевые слова: информационные угрозы; мировоззренческие угрозы; экстремизм; идеология терроризма; противодействие; профилактика; специальные знания; ситуационный подход; молодежная среда; цифровое пространство.

Для цитирования: Волчецкая Т. С., Авакьян М. В. Прикладные аспекты противодействия информационно-мировоззренческим угрозам в цифровом пространстве и особенности их профилактики // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 194–201. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.194-201.

© Волчецкая Т. С., Авакьян М. В., 2021

* Волчецкая Татьяна Станиславовна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского федерального университета имени И. Канта
ул. А. Невского, д. 14, г. Калининград, Россия, 236016
TVolchetskaya@kantiana.ru

** Авакьян Михаил Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского федерального университета имени И. Канта, директор Учебно-методического центра по профилактике терроризма БФУ имени И. Канта
ул. А. Невского, д. 14, г. Калининград, Россия, 236016
MVAvakyan@kantiana.ru

Applied Aspects of Countering Information and Ideological Threats in the Digital Space and Peculiarities of their Prevention

Tatyana S. Volchetskaya, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Legal Informatics, Immanuel Kant Baltic Federal University
ul. A. Nevskogo, d. 14, Kaliningrad, Russia, 236016
TVolchetskaya@kantiana.ru

Mikhail V. Avakyan, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Legal Informatics, Immanuel Kant Baltic Federal University, Director of the Educational and Methodological Center for the Prevention of Terrorism, Immanuel Kant Baltic Federal University
ul. A. Nevskogo, d. 14, Kaliningrad, Russia, 236016
MVAvakyan@kantiana.ru

Abstract. The paper examines topical issues of countering the most dangerous information and ideological threats both for all mankind and for the Russian Federation, namely extremism and terrorism. The authors present the experience of integrating the fundamental scientific developments of representatives of the school of forensic situational science into the practical activities of the Educational and Methodological Center for the Prevention of Terrorism of Immanuel Kant Baltic Federal University. The authors identify the most typical problems associated with the organization of an effective system of anti-terrorist prevention in the educational environment, and suggest ways to solve them. It is concluded that early detection, prevention and suppression of extremist (terrorist) crimes committed on the Internet contributes to the timely prevention of the spread of the ideology of extremism (terrorism), as well as the involvement of citizens in informal extremist communities. The most important task is to create, on the basis of educational and methodological centers, which are found in all federal universities of the country, the so-called cyber squads from among law students. Combining the efforts of volunteers with certain knowledge in the field of criminal law and forensics will allow us to timely and, most importantly, systematically identify suspicious content in the digital space and signal this to the competent law enforcement agencies.

Keywords: information threats; ideological threats; extremism; ideology of terrorism; opposition; prevention; special knowledge; situational approach; youth environment; digital space.

Cite as: Volchetskaya TS, Avakyan MV. Prikladnye aspekty protivodeystviya informatsionno-mirovozzrencheskim ugrozam v tsifrovom prostranstve i osobennosti ikh profilaktiki [Applied Aspects of Countering Information and Ideological Threats in the Digital Space and Peculiarities of their Prevention]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):194-201. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.194-201. (In Russ., abstract in Eng.).

Современный мир радикально изменился: реальная жизнь все более тесно стала смыкаться с виртуальным миром. На сегодняшний день сеть Интернет является наиболее динамично развивающимся информационным пространством; по данным экспертов, глобальная сеть Интернет является неотъемлемой частью жизни общества, доступ к ней сегодня име-

ют более 5 млрд человек¹. Так, Президент РФ В. В. Путин еще в 2018 г. на Международном конгрессе по кибербезопасности в Москве отметил, что Российская Федерация лидирует по числу пользователей глобальной сети в Европе («их в России уже более 90 миллионов человек»)².

Однако влияние информационных технологий на жизнь общества в различных регио-

¹ Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/top20.htm> (дата обращения: 01.12.2020).

² Тезисы пленарного заседания Международного конгресса по кибербезопасности // Официальный сайт президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57957> (дата обращения: 04.12.2020).

нах неоднородно и обуславливается большим числом факторов: качество интернет-покрытия, наличие развитой интернет-инфраструктуры, стоимость услуг провайдера и т.д.

Интернет идентичен нашей реальной жизни и несет в себе как результаты общественно полезной, так и общественной опасной деятельности. С учетом того, что в сети Интернет, по сути, нет четко фиксированного информационного центра, в нем довольно сложно отследить огромные потоки информации, преступники довольно активно пытаются использовать все современные новейшие технологии для совершения преступлений. Преступниками используются для этого самые различные средства, такие как специализированные выделенные веб-сайты, тематические чат-комнаты, различные онлайн-журналы, форумы, видео- и файловые хостинги и в большей степени — социальные сети.

Между тем усовершенствование информационных технологий, связанное с появлением и распространением социальных сетей, несет в себе и ряд информационно-мировоззренческих угроз, позволяя террористическим и экстремистским организациям действовать опосредованно, повсеместно насаждая свою идеологию.

Как справедливо отмечает профессор Е. И. Галяшина, процессы глобализации в экономической, политической, культурной сферах, втягивающие население разных стран в миграционные потоки разного характера и уровня, приводят к усложнению структурных связей конкретных обществ, что в определенной степени обуслав-

ливает напряженность в межнациональных отношениях и появление различных оппозиционных групп, добивающихся желаемого результата через идеологию экстремизма и терроризма³.

Опасность проникновения преступной деятельности в глобальную сеть находит свое отражение и в документах Организации Объединенных Наций. Так, в совместном докладе Управления ООН по наркотикам и преступности, а также Целевой группы по осуществлению контртеррористических мероприятий «Использование Интернета в террористических целях» было указано на растущую тенденцию к распространению экстремистских материалов в глобальной сети⁴.

В широком смысле под идеологией терроризма следует понимать совокупность идей, концепций, верований, целевых установок, лозунгов, обосновывающих необходимость террористической деятельности и направленных на мобилизацию людей для участия в этой деятельности⁵.

В настоящее время вопросам профилактики различных форм девиантного поведения в молодежной среде, в частности идеологии терроризма, уделяется значительное внимание. В этой связи создаются различные институты, общественные объединения, проводятся фундаментальные и прикладные исследования, реализуются программы по профилактике молодежного насилия в образовательной среде⁶. Однако острота проблемы, требующая оперативных, но в то же время научно обоснованных решений, а также повышенный интерес к теме

³ Галяшина Е. И. Концепция информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-медиа в аспекте речеведческих экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6 (70). С. 35.

⁴ Использование Интернета в террористических целях / Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2013 г. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes/Use_of_the_internet_for_terrorist_purposes_Russian.pdf (дата обращения: 04.12.2020).

⁵ Противодействие идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере и молодежной среде // Методическое пособие для педагогических работников. М. : МГИМО, 2016. URL: https://mgimo.ru/upload/2016/11/2016-09-27-28_edu-sec-conf_metod.pdf (дата обращения: 04.12.2020).

⁶ Авакьян М. В. Генезис и профилактика правого экстремизма в молодежной среде ФРГ // Ситуационный подход в решении современных проблем противодействия терроризму и экстремизму : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Противодействие терроризму и экстремизму: ситуационный подход (в условиях организации и проведения крупных спортивных мероприятий, с учетом геополитического положения региона и др.)». Калининград, 2017. С. 189.

со стороны различных участников гражданского общества неизбежно приводит к ее упрощению, подмене понятий или их неправильному восприятию в процессе осуществления профилактической работы.

Переломным моментом, систематизировавшим всю работу в области антитеррористической профилактики, стал 2018 год, ознаменовавший утверждение Президентом РФ Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы⁷.

Комплексный план, выступая в роли дорожной карты, предоставил субъектам профилактической работы определенную автономию, право самостоятельно определять оптимальные для них формы, способы, места и временные рамки осуществления антитеррористической профилактики.

Одним из субъектов профилактики терроризма является Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (БФУ имени И. Канта), антитеррористическая профилактика которого направлена в большей мере на молодежь в лице студентов.

В результате проведения целого ряда научных исследований представителями научной школы криминалистической ситуологии БФУ имени И. Канта была разработана авторская концепция противодействия угрозам терроризма и экстремизма с позиций ситуационного подхода, основанная на междисциплинарности и широком использовании комплексных специальных знаний⁸. Практическую реализацию этой концепции последовательно осуществляет Учебно-методический центр по профилактике терроризма БФУ имени И. Канта, постоянно действующее структурное подразделение, созданное в целях организации разработки и реализации учебно-методических и научных материа-

лов по актуальным вопросам противодействия идеологии экстремизма и терроризма с учетом развития обстановки в указанной сфере.

Деятельность указанного и подобного рода центров, перманентно осуществляемая как в цифровом пространстве, так и в обстоятельствах объективной действительности, позволила выявить целый спектр актуальных задач, направленных на решение вопросов профилактики терроризма и экстремизма:

- мониторинг информации о состоянии идеологии экстремизма и терроризма и тенденциях ее развития на территории Российской Федерации;
- разработка учебно-методических материалов по актуальным вопросам противодействия идеологии экстремизма и терроризма для различных категорий обучающихся в зависимости от их возраста, профессии и других факторов;
- разработка и проведение курсов повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, а также иных работников, участвующих в рамках своих полномочий в реализации мероприятий по противодействию идеологии терроризма;
- анализ актуальных форм противодействия экстремизму и терроризму, реализуемых в различных высших учебных заведениях на территории Российской Федерации и за рубежом, и использование их в профилактике;
- планирование и осуществление мероприятий по профилактике экстремизма и терроризма в образовательных учреждениях;
- координация деятельности образовательных учреждений с органами исполнительной власти и правоохранительными органами, уполномоченными в силу закона осуществлять правовое противодействие проявлениям экстремизма и терроризма в целях достижения согласованности действий по обеспечению безопасности.

⁷ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы (утвержден Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г. № Пр-2665) // URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html> (дата обращения: 04.12.2020).

⁸ См.: Куркова Н. А. Научная школа криминалистической ситуологии Балтийского федерального университета имени И. Канта: некоторые итоги // *Союз криминалистов и криминологов*. 2019. № 2. С. 24–30.

Для эффективной реализации профилактической работы в сфере противодействия терроризму и экстремизму должны быть использованы исключительно научные подходы и методы, в том числе основанные на ситуационном и междисциплинарном подходе. Практика показала, что базовыми науками, определяющими необходимость применения тех или иных специальных знаний для научных и методических разработок, являются психология, педагогика, политология, цифровая социология, уголовное право, криминалистика, криминология и ряд других.

Между тем результаты проведенных нами научных исследований позволяют сделать вывод, что среди множества методов профилактики идеологии терроризма и экстремизма одним из наиболее эффективных является ситуационный подход, который позволяет учитывать текущую обстановку и адресность разрабатываемых рекомендаций⁹.

В контексте профилактики идеологии терроризма и других форм девиантного поведения в молодежной среде использование ситуационного подхода позволяет осуществлять данную деятельность с учетом таких принципов, как:

- региональность (предполагает учет особенностей социально-политической обстановки в регионе, ее криминогенного уровня, наличия протестных настроений и иных факторов);
- адресность (обязывает учитывать специфику, возрастной, образовательный и общекультурный уровень целевой аудитории, уровень правосознания отдельных ее индивидуумов, что в конечном итоге значительно увеличивает эффективность разрабатываемых учебно-методических материалов и практико-ориентированных рекомендаций).

Принцип адресности напрямую реализуется при работе со студентами, прибывшими из стран с повышенной террористической опасностью, для которых в университете регулярно проводятся научно-практические семинары и

лекционные занятия, где до сведения аудитории доводятся сущность, содержание и особенности антитеррористического законодательства Российской Федерации. Так, студенты, прибывшие на учебу из вышеобозначенных стран, изначально делятся на две группы: а) студенты, обучающиеся в юридическом институте; б) студенты других направлений подготовки. Для студентов-юристов проводятся углубленные занятия в форме научно-практического семинара или круглого стола, предполагающие заблаговременную подготовку учащихся по широкому кругу вопросов (криминалистическая идентификация экстремиста, методика расследования преступлений террористической направленности, тактика проведения отдельных следственных действий и т.д.). Для второй категории учащихся занятия проводятся в формате лекций в пределах тематик, обозначенных в комплексном плане.

Принцип региональности в полной мере реализуется при организации и проведении курсов повышения квалификации для государственных гражданских и муниципальных служащих по вопросам, связанным с противодействием идеологии терроризма. Так, Учебно-методический центр по профилактике терроризма БФУ имени И. Канта на основе вышеуказанных научных подходов реализует три дополнительные профессиональные программы повышения квалификации, разработанные Министерством науки и высшего образования РФ: «Деятельность органов государственной и муниципальной власти по противодействию терроризму», «Профилактика терроризма», «Реализация мероприятий Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации». При реализации подобного рода программ необходимо особое внимание уделять наиболее проблемным видам идеологии терроризма с учетом исторической и географической специфики Калининградской области. В 2020 г. такое обучение ввиду имеющихся санитарно-эпидемиологических рисков можно проводить в смешанной (очно-заочной) форме

⁹ См.: Волчецкая Т. С. Учение о криминалистических ситуациях: генезис, современное состояние и перспективы развития // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 2. С. 59–64.

с использованием инструментария цифровых технологий¹⁰.

Существенную значимость в деятельности Центра занимают вопросы противодействия информационно-мировоззренческим угрозам в цифровом пространстве. Это обусловлено тем, что основная масса противоправных деяний экстремистской направленности на сегодняшний день совершается с использованием различных ресурсов сети Интернет¹¹. В силу специфики Центра противодействие осуществляется в форме профилактики, которая носит как фундаментальный, так и прикладной характер.

Так, за последние три года на материально-технической базе университета было проведено 10 научно-практических мероприятий антитеррористической направленности, включающих в себя конференции, форумы, дискуссионные площадки, круглые столы и интерактивные мастер-классы. На каждом таком мероприятии особое внимание уделялось вопросам выявления, пресечения и предупреждения проявлений экстремизма и терроризма в цифровом пространстве.

Отдельного упоминания заслуживает проведенный 31 августа 2020 г. Всероссийский круглый стол «Проблемы профилактики идеологии терроризма в молодежной среде», объединивший 60 исследователей и юристов-практиков из 14 регионов Российской Федерации. Ввиду сложной санитарно-эпидемиологической обстановки, связанной с распространением на территории всего мира коронавирусной инфекции (2019-nCoV), мероприятие прошло в смешанном формате. Половина спикеров участвовала в мероприятии очно, а другая часть спикеров присоединилась посредством видео-конференц-связи. Между тем это не помешало созданию по-настоящему острой науч-

ной дискуссии и выработке новых научно обоснованных рекомендаций по вопросам противодействия идеологии терроризма и экстремизма. В настоящее время представителями научной школы криминалистической ситуологии осуществляется подготовка к опубликованию сборника научных статей по итогам выступлений¹².

Прикладной характер носят исследования сотрудников Центра, проводимые по запросу представителей правоохранительных органов. Так, например, в случае необходимости решения задач о принадлежности изображения, размещенного на частной странице пользователя в сети Интернет, к свастическим символам и об использовании его в качестве элементов государственной символики нацистской Германии может быть подготовлено комиссионное заключение специалистов. В основе методологической базы такого исследования лежат: семантический и семиотический анализ, криминалистический анализ и ситуационный подход. Последний метод имеет особую значимость в силу выводов Верховного Суда РФ, изложенных в определении от 06.02.2007 по делу № 18-Г07-1, и позиции Роскомнадзора, который на своем официальном сайте пояснил, что демонстрация нацистской символики без целей пропаганды не является нарушением Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». У Центра имеется также опыт подготовки комиссионного заключения специалистов для решения вопроса о принадлежности определенной общности лиц к самостоятельной социальной группе в контексте Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Поводом для такого исследования стали крайне радикальные суждения, выраженные

¹⁰ В БФУ завершилось обучение государственных и муниципальных служащих по противодействию терроризму // Официальный сайт БФУ имени И. Канта. URL: <https://kantiana.ru/news/v-bfu-zavershilos-obuchenie-gosudarstvennyh-i-municipalnyh-sluzhashhih-po-protivodejstviyu-terrorizmu/> (дата обращения: 03.12.2020).

¹¹ Иванцов С. В., Борисов С. В., Узембаева Г. И., Музычук Т. Л., Тищенко Ю. Ю. Актуальные проблемы совершенствования системы мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 777.

¹² В БФУ имени И. Канта обсудили проблемы профилактики идеологии терроризма среди молодежи // Официальный сайт БФУ имени И. Канта. URL: <https://kantiana.ru/news/proekt-5-100/v-bfu-im-i-kanta-obsudili-problemy-profilaktiki-ideologii-terrorizma-sredi-molodezhi/> [дата обращения: 03.12.2020]

одним из пользователей социальной сети в отношении сотрудников МВД России, погибших при исполнении должностных обязанностей. Решение данной задачи потребовало привлечения лиц, обладающих специальными познаниями в области социологии, из числа профессорско-преподавательского состава БФУ имени И. Канта. Всего за период с 2019 по 2020 г. по запросам различных правоохранительных ведомств было подготовлено более 20 комиссионных заключений и справок специалистов.

Анализируя общую ситуацию в сфере противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма в сети Интернет, следует отметить, что всех вышеперечисленных усилий недостаточно. Способность компьютерных данных к свободному копированию приводит к невероятной скорости и масштабам перемещения информации в киберпространстве, благодаря чему использование сети Интернет становится опаснее использования любых других («традиционных») методов распространения информационно-мировоззренческих угроз. При этом цифровое пространство долгое время оставалось серой зоной, где фактически не обеспечивалась защита прав и законных интересов граждан. Оценить реальную картину уровня криминализации русскоязычного сегмента сети Интернет невозможно в силу неизбежного запаздывания любых средств мониторинга по сравнению с интенсивностью развития технологий.

Между тем заблаговременное выявление, предупреждение и пресечение преступлений экстремистской (террористической) направленности, совершаемых в сети Интернет, способствует своевременному предотвращению дальнейшего распространения идеологии экстремизма (терроризма), а также вовлечения граждан в неформальные экстремистские сообщества¹³.

В этой связи важнейшей задачей является создание на базе аналогичных учебно-методических центров, которые имеются во всех федеральных университетах страны, так называемых кибердружин из числа студентов, обучающихся на юридических факультетах. Цель таких «дружинников» — на основе систематического анализа открытых данных в сети Интернет, с учетом положений частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности¹⁴ выявлять противоправный контент (аудио-/видео-ролики экстремистской и (или) террористической направленности, текстовые материалы, направленные на разжигание межнациональной ненависти, и т.д.), и оперативно информировать об этом соответствующие правоохранительные органы. Объединение усилий добровольцев, имеющих определенные познания в области уголовного права и криминалистики, позволит своевременно и, что самое важное, систематически выявлять в цифровом пространстве подозрительный контент и сигнализировать об этом в компетентные правоохранительные органы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авакьян М. В.* Генезис и профилактика правого экстремизма в молодежной среде ФРГ // Ситуационный подход в решении современных проблем противодействия терроризму и экстремизму : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Противодействие терроризму и экстремизму: ситуационный подход (в условиях организации и проведения крупных спортивных мероприятий, с учетом геополитического положения региона и др.)». — Калининград, 2017. — С. 188–196.

¹³ *Волчецкая Т. С., Маткова Н. В.* Особенности криминалистической профилактики экстремизма в молодежной среде // VIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» : материалы Международной научно-практической конференции / Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России. Калининград, 2020. С. 25–26.

¹⁴ *Россинская Е. Р.* Концепция частной криминалистической теории «информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности» // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIII Международной науч.-практ. конференции : в 2 т. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2018. С. 114.

2. Волчецкая Т. С. Учение о криминалистических ситуациях: генезис, современное состояние и перспективы развития // *Союз криминалистов и криминологов*. — 2019. — № 2. — С. 59–64.
3. Волчецкая Т. С., Маткова Н. В. Особенности криминалистической профилактики экстремизма в молодежной среде // VIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: материалы Международной научно-практической конференции / Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России. — Калининград, 2020. — С. 25–26.
4. Галяшина Е. И. Концепция информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-медиа в аспекте речеведческих экспертиз // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2020. — № 6 (70). — С. 33–43.
5. Иванцов С. В., Борисов С. В., Узембаева Г. И., Муzychuk Т. Л., Тищенко Ю. Ю. Актуальные проблемы совершенствования системы мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // *Всероссийский криминологический журнал*. — 2018. — Т. 12, № 6. — С. 776–784.
6. Куркова Н. А. Научная школа криминалистической ситуалогии Балтийского федерального университета имени И. Канта: некоторые итоги // *Союз криминалистов и криминологов*. — 2019. — № 2. — С. 24–30.
7. Россинская Е. Р. Концепция частной криминалистической теории «информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности» // *Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIII Международной науч.-практ. конференции: в 2 т.* — Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2018. — С. 113–118.

Материал поступил в редакцию 8 февраля 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avak'yan M. V. Genезis i profilaktika pravogo ekstremizma v molodezhnoj srede FRG // *Situacionnyj podhod v reshenii sovremennyh problem protivodejstviya terrorizmu i ekstremizmu: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Protivodejstvie terrorizmu i ekstremizmu: situacionnyj podhod (v usloviyah organizacii i provedeniya krupnyh sportivnyh meropriyatij, s uchetom geopoliticheskogo polozheniya regiona i dr.)»*. — Kaliningrad, 2017. — S. 188–196.
2. Volcheckaya T. S. Uchenie o kriminalisticheskikh situacijah: genезis, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // *Soyuz kriminalistov i kriminologov*. — 2019. — № 2. — S. 59–64.
3. Volcheckaya T. S., Matkova N. V. Osobennosti kriminalisticheskoy profilaktiki ekstremizma v molodezhnoj srede // VIII Baltijskij yuridicheskij forum «Zakon i pravoporyadok v tret'em tysyacheletii»: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / Kaliningradskij filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. — Kaliningrad, 2020. — S. 25–26.
4. Galyashina E. I. Konceptiya informacionnoj (mirovozzrencheskoj) bezopasnosti v internet-media v aspekte rechevedcheskih ekspertiz // *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kутаfina (MGYuA)*. — 2020. — № 1 (70). — S. 33–43.
5. Ivancov S. V., Borisov S. V., Uzembaeva G. I., Muzychuk T. L., Tishchenko Yu. Yu. Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya sistemy mer kriminologicheskogo preduprezhdeniya prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti, sovershaemyh s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej // *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. — 2018. — Т. 12, № 6. — S. 776–784.
6. Kurkova N. A. Nauchnaya shkola kriminalisticheskoy situologii Baltijskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta: nekotorye itogi // *Soyuz kriminalistov i kriminologov*. — 2019. — № 2. — S. 24–30.
7. Rossinskaya E. R. Konceptiya chastnoj kriminalisticheskoy teorii «informacionno-komp'yuternoe obespechenie kriminalisticheskoy deyatel'nosti» // *Deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennyh usloviyah: sbornik materialov XXIII Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii: v 2 t.* — Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut MVD RF, 2018. — S. 113–118.

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.202-210

Ю. В. Грачева*,
С. В. Маликов**

Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации¹

Аннотация. Социальная сеть как одна из цифровых технологий не только создала площадку для коммуникаций, особенно актуальную в период пандемии, но и провоцирует появление различных видов девиантного поведения, в первую очередь в связи с тем, что многие общаются в Интернете под вымышленными именами; это раскрепощает человека, создает ощущение безнаказанности, контроля над ситуацией и т.д. В последнее время в Сети становятся популярными треш-стримы, но не смешные и дурашливые, а сопряженные с насилием, оскорблением, унижением человеческого достоинства, вызывающие чувство отвращения и противоречащие общественной нравственности. В декабре 2020 г. во время подобного прямого эфира погибла очередная жертва, что запустило в обществе процесс обсуждения необходимости введения уголовной ответственности за подобные деяния. В статье дается оценка проекта уголовно-правовой нормы, а также инициативам по дополнению перечня обстоятельств, отягчающих наказания, и некоторых составов преступления соответствующим квалифицирующим признаком, а также формулируется авторский проект уголовно-правовой нормы об ответственности за организацию, проведение, содействие и участие в прямом эфире в треш-стримах.

Ключевые слова: треш-стрим; деяние; общественная опасность; уголовная ответственность; девиантное поведение; социальные сети; пробелы правового регулирования; криминализация; социальная обусловленность; цифровые технологии; квалифицирующие признаки; общественная нравственность; насилие; унижение; оскорбление.

Для цитирования: Грачева Ю. В., Маликов С. В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 202–210. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.202-210.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16158.

© Грачева Ю. В., Маликов С. В., 2021

* *Грачева Юлия Викторовна*, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
uvgracheva@mail.ru

** *Маликов Сергей Владимирович*, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
s.v.malikov@yandex.ru

Trash Stream: Social Conditioning of Criminalization²

Yuliya V. Gracheva, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
uvgracheva@mail.ru

Sergey V. Malikov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
s.v.malikov@yandex.ru

Abstract. The social network as one of the digital technologies has not only creates a platform for communications, especially relevant during a pandemic, but also provokes the emergence of various types of deviant behavior, primarily due to the fact that many communicate on the Internet under fictitious names; it liberates a person, creates a feeling of impunity, control over the situation, etc. Recently, trash streams have become popular on the Web, but not funny and silly, but associated with violence, insult, humiliation of human dignity, causing a feeling of disgust and contrary to public morality. In December 2020, during such a live broadcast, another victim died, which launched a process in society to discuss the need to introduce criminal liability for such acts. The paper assesses the draft criminal law, as well as initiatives to supplement the list of aggravating circumstances and some corpus delicti with an appropriate qualifying feature, and formulates the author's draft criminal law on responsibility for organizing, conducting, facilitating and participating in direct air in trash streams.

Keywords: trash stream; act; public danger; criminal liability; deviant behavior; social networks; gaps in legal regulation; criminalization; social conditioning; digital technologies; classifying elements; public morality; violence; humiliation; insult.

Cite as: Gracheva YuV, Malikov SV. Tresh-strim: sotsialnaya obuslovlennost kriminalizatsii [Trash Stream: Social Conditioning of Criminalization]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):202-210. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.202-210. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Одной из современных цифровых технологий выступает социальная сеть. Ее несомненными достоинствами являются возможность общения на расстоянии, мгновенный обмен различным контентом, публикация сообщений всеми ее участниками. Но, как всякое публичное пространство, Сеть порождает риски: преследование стalkerами; знакомство психически нездоровых лиц с малолетними и несовершеннолетними для совершения в отношении них различных противоправных действий; выявление в Интернете беспомощных (не способных осознавать либо руководить своими действиями) для

совершения мошенничества, вымогательства и других преступлений против собственности; определение по геолокации фотографий местонахождения владельцев недвижимости с целью угона транспортного средства или хищения имущества; сбор информации, находящейся в Сети, для прогнозирования поведения человека; использование возможностей для продвижения товаров либо призыва к бойкотированию того или иного продукта; формирование общественного мнения в отношении, например, того или иного политического деятеля, производственной компании и т.п.

В последнее время в сети получили распространение треш-стримы.

---

² The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 18-29-16158.

Прошлое и настоящее треш-стрима

Треш (от англ. trash — мусор, отбросы, сор; stream — поток) — потоковое видео или аудио; слово также употребляется пользователями как сленговое название прямых трансляций на видеохостингах. Таким образом, треш-стрим — это жанр трансляций, где за деньги участники выполняют различные задания. Самая распространенная модель — когда ведущий общается с аудиторией, которая в прямом эфире, как правило за деньги, дает участникам задания, зачастую переходящие все границы приемлемого и дозволенного (насилие, унижение, оскорбление)³. Встречаются блогеры, которые выполняют все самостоятельно.

Одним из основателей данного видеоформата некоторые называют К. Зырянова по прозвищу «Vjlink». Около 10 лет назад он проводил игры с одновременным их комментированием на одной из платформ, однако популярность приобрел тогда, когда начал в прямом эфире демонстрировать зрителям свое деструктивное поведение. В 2013 г. он стал известен и за пределами России, после того как во время одной из трансляций его друг Чип выбил ему зубы. Популяризации Зырянова способствовал телеканал РЕН-ТВ, снявший специальный репортаж про этот инцидент и распространивший кадры с окровавленным стримером в эфире.

Однажды блогер из своего дома вел прямой эфир во время стрижки. Зрители установили номер парикмахера и забросали ее разного рода сообщениями. Вскоре стримера избил муж последней, причем все это происходило в прямом эфире. Такими и подобными выходками Зырянов заработал статус треш-стримера⁴.

В этот же период популярным треш-стримером был и В. Савельев. Вначале он просто снимал обзоры еды, но со временем запустил свои стримы, в которых оскорблял зрителей и напивался (алкостримы).

Современные треш-стримы стали намного жестче. В некоторых случаях блогер сам выполняет задания, не привлекая к участию в эфире посторонних. Например, в 2019 г. Н. Белов начал проводить прямые эфиры на YouTube, сразу выделившись выполнением аморальных заданий. Первые передачи он организовывал в доме родителей, принудительно привлекая их к участию в создании контента. Так, за вознаграждение в 1 тыс. руб. стример ударил два раза по лицу собственную мать. Отец также подвергся избиениям, когда не хотел выполнять задания, за которые платили зрители.

Как утверждается в литературе, подобных стримеров очень много. Зачастую подобные каналы блокируются, но через время создаются новые⁵.

В 2016 г. А. Щадило и С. Новиков, отбыв в колонии наказание, выйдя на свободу, создали канал «Мопс дядя Пес», где первыми провели грань между участниками и ведущими. По сути, пожалуй, именно они первыми сделали насилие обязательной и основной частью контента⁶.

В начале декабря 2020 г. российский блогер Reeflay (С. Решетников) провел треш-стрим на YouTube, во время которого погибла его подруга. Во время эфира он бил девушку, брызгал ей в лицо из перцового баллончика, а потом выставил ее на мороз в нижнем белье. Это никого не удивило, поскольку молодой человек неоднократно издевался над ней перед камерой ради денег от подписчиков (на интернет-жаргоне —

³ URL: [https://kp.ua/life/683024-tresh-strymy-pochemu-unyzenye-luidei-polzuetsia-sprosom-u-audytoryy#:~:text=Треш- стрим – формат, в,\(насилие, унижение, избиения и т.д\) \(дата обращения: 29.03.2021\).](https://kp.ua/life/683024-tresh-strymy-pochemu-unyzenye-luidei-polzuetsia-sprosom-u-audytoryy#:~:text=Треш- стрим – формат, в,(насилие, унижение, избиения и т.д) (дата обращения: 29.03.2021).)

⁴ URL: [https://tjournal.ru/internet/189382-oblit-zelenkoy-s-golovy-do-nog-zhizn-i-haos-internet-translyaciy-gde-za-dengi-unizhayut-i-izbivayut-lyudey \(дата обращения: 29.03.2021\).](https://tjournal.ru/internet/189382-oblit-zelenkoy-s-golovy-do-nog-zhizn-i-haos-internet-translyaciy-gde-za-dengi-unizhayut-i-izbivayut-lyudey (дата обращения: 29.03.2021).)

⁵ URL: [https://tjournal.ru/internet/189382-oblit-zelenkoy-s-golovy-do-nog-zhizn-i-haos-internet-translyaciy-gde-za-dengi-unizhayut-i-izbivayut-lyudey \(дата обращения: 29.03.2021\).](https://tjournal.ru/internet/189382-oblit-zelenkoy-s-golovy-do-nog-zhizn-i-haos-internet-translyaciy-gde-za-dengi-unizhayut-i-izbivayut-lyudey (дата обращения: 29.03.2021).)

⁶ URL: [https://tjournal.ru/internet/189382-oblit-zelenkoy-s-golovy-do-nog-zhizn-i-haos-internet-translyaciy-gde-za-dengi-unizhayut-i-izbivayut-lyudey \(дата обращения: 29.03.2021\).](https://tjournal.ru/internet/189382-oblit-zelenkoy-s-golovy-do-nog-zhizn-i-haos-internet-translyaciy-gde-za-dengi-unizhayut-i-izbivayut-lyudey (дата обращения: 29.03.2021).)

донатов), но в этот раз все закончилось трагически. Когда Решетников вспомнил о подруге и занес ее в дом на глазах у своих подписчиков, она была мертва; тело девушки окоченело, так как она несколько часов провела на холоде. Прямой эфир продолжался до тех пор, пока на место происшествия не прибыли вызванные врачами полицейские, которые и прервали передачу. Решетникову предъявили обвинение в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем смерть (ч. 4 ст. 111 УК РФ). Судмедэкспертиза выявила у погибшей закрытую черепно-мозговую травму, множественные кровоподтеки и субдуральную гематому, образовавшуюся в результате ударов по лицу⁷.

В феврале 2021 г. еще один треш-стрим закончился гибелью человека на глазах у полутора сотен подписчиков. Жертвой стал 60-летний Ю. Дущечкин по прозвищу Дед. Вместе с приятелями он пил водку, пока не уснул на полу прямо во время трансляции. Через некоторое время собутельников насторожило состояние мужчины. В кадре было видно, как его начали расталкивать и щупать пульс, а потом эфир оборвался⁸.

Правовое регулирование треш-стрима

Приведенные и другие примеры, выложенные в Интернете, позволяют выделить характерные черты треш-стрима.

Во-первых, прямой эфир, который, с одной стороны, обеспечивает доступ к достаточно большой аудитории, с другой стороны, создает дистанцию между жертвой и зрителем, создающую ощущение контроля над происходящим. Анонимность большинства зрителей и ведущих стримов способствует их девиантному поведению в Сети.

По мнению психологов, треш-стримы смотрят в том числе потому, что людям может нравиться наблюдать за мучениями другого человека. Это, как известно, еще не свидетельствует о наличии патологии как таковой. Такое желание может быть следствием дурного воспитания, психологических проблем так называемого доблезненного уровня, но может быть и проявлением психического расстройства, часто сопровождающегося садистскими наклонностями. В то же время, разумеется, нельзя считать всех зрителей треш-стримов психически больными. Они могут смотреть такие передачи для получения ощущения чувства власти, контроля и управления, повышающего самооценку личности. Процесс самоутверждения дополняется сравнением себя с условным аутсайдером, с тем, над кем издеваются⁹.

Во-вторых, блогер или участники выполняют задания, как правило поступающие от зрителей. Менее общественно опасными являются треш-стримы, в которых ведущий (блогер) в прямом эфире транслирует свое неадекватное поведение. Так, Озон (Р. Мальцев) в 2010 г. начал вести блог на YouTube, где снимал обзоры на видеоигры и еду, через несколько лет к этому добавились «алкостримы». Летом 2017 г. он в нетрезвом виде проводил эфир, на котором несколько раз подряд смотрел клип на песню «Кукушка». Во время просмотра Озон плакал, отдавал честь и одобрительно комментировал клип. Этот случай сразу же разлетелся на мемы, что добавило ему популярности¹⁰.

Однако исследование показывает, что треш-стримы, начинавшиеся с трансляции собственного неадекватного поведения, со временем становятся более жестокими, появляются жертвы.

---

⁷ URL: https://aif.ru/society/web/donaty_za_sadizm_kto_takie_tresh-strimery_i_kak_nayti_na_nih_upravu (дата обращения: 29.03.2021).

⁸ URL: https://aif.ru/society/web/donaty_za_sadizm_kto_takie_tresh-strimery_i_kak_nayti_na_nih_upravu (дата обращения: 29.03.2021).

⁹ URL: <https://tjournal.ru/internet/189382-oblit-zelenkoy-s-golovy-do-nog-zhizn-i-haos-internet-translyaciy-gde-za-dengi-unizhayut-i-izbivayut-lyudey> (дата обращения: 29.03.2021).

¹⁰ URL: <https://tjournal.ru/internet/189382-oblit-zelenkoy-s-golovy-do-nog-zhizn-i-haos-internet-translyaciy-gde-za-dengi-unizhayut-i-izbivayut-lyudey> (дата обращения: 29.03.2021).

В-третьих, треш-стрим, как правило, сопровождается насилием, издевательствами, унижением, оскорблением, аморальным поведением.

Примерами такого поведения являются:

- насилие — нанесение побоев, причинение вреда здоровью различной тяжести, лишение свободы передвижения, причинение смерти;
- унижение — разбивание яиц об голову, кормление испорченной едой, обливание помоями, надевание грязного нижнего белья на голову, измазывание фекалиями и т.д.;
- аморальное поведение — испражнение в ванную, секс во время трансляции, унижительные действия в отношении собственных престарелых родителей, бездомных, лиц, страдающих алкогольной зависимостью, и т.д.

В-четвертых, треш-стримы проводятся либо для собственной популяризации, увеличения числа подписчиков либо за материальное вознаграждение. «Люди готовы платить за безопасный способ получить эмоциональный отклик, почувствовать себя лучше, ощутить собственную власть. Это товар, который будет продаваться всегда в том или ином виде из-за того, что он затрагивает базовые механизмы психики человека. Людям важно чувствовать себя успешными и контролирующими свою жизнь. Если это стоит денег, то люди готовы их платить»¹¹.

Опасность этого деяния заключается не только в причинении психического или физического вреда здоровью, но также и в пропаганде такого девиантного поведения, в деструктивном воздействии на несовершеннолетних, сказывающемся на нравственном воспитании молодежи, приобщении ее к криминальной субкультуре. В целом такие деяния посягают на общественную нравственность, которая понимается в двух аспектах: 1) как один из основных способов нормативной регуляции действий человека в

обществе; 2) как особая форма общественного сознания и вид общественных отношений. Она охватывает выработанную человечеством и господствующую в стране систему норм и правил поведения, идей, традиций, обычаев, представлений о справедливости, долге, чести и достоинстве¹².

В связи с последним резонансным треш-стримом, в ходе которого в прямом эфире погибла девушка (жуткое видео посмотрели 20 млн чел.), в Совете Федерации РФ подняли вопрос о введении уголовной ответственности за подобные действия. Пресечь распространение такого контента сенаторы предлагают путем расширения содержания ст. 282 УК РФ, дополнив ее частью 3, охватывающей действия, содержащие унижение человеческого достоинства с применением или с угрозой применения насилия, физических издевательств, оскорблений и других форм хулиганского поведения, умаляющего достоинство личности, совершенные публично с использованием сети Интернет в режиме реального времени или видеозаписи с целью извлечения материальной и иной (наращивание популярности) выгоды. Наказанием за это деяние могут стать штрафы от 300 тыс. до 600 тыс. руб., принудительные работы на срок от двух до пяти лет, а также тюремное заключение на срок от трех до шести лет¹³.

Данное предложение видится не вполне удачным по следующим соображениям. Во-первых, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, выступают общественные отношения, характеризующие конституционный запрет на осуществление экстремистской деятельности, а треш-стримы посягают на общественную нравственность, охватывающую выработанную человечеством и господствующую в стране систему норм и правил поведения, идей, традиций, обычаев, представлений о справедливости, долге, чести и достоинстве.

¹¹ URL: <https://tjournal.ru/internet/189382-oblit-zelenkoy-s-golovy-do-nog-zhizn-i-haos-internet-translyaciy-gde-za-dengi-unizhayut-i-izbivayut-lyudey> (дата обращения: 30.03.2021).

¹² См.: Уголовное право. Особенная часть / под ред. А. И. Чучаева. М., 2018. С. 300.

¹³ URL: <https://rg.ru/2021/01/21/v-sovfede-predlozhili-nakazyvat-za-tresh-strimy-lisheniem-svo-body.html> (дата обращения: 30.03.2021).

Во-вторых, часть совершаемых в процессе треш-стрима деяний уже имеют самостоятельную уголовно-правовую оценку либо являются административными правонарушениями. Это касается, например, причинения вреда здоровью различной степени тяжести (ст. 111–118 УК РФ), лишения жизни (ст. 105, 109 УК РФ), нанесения побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ), оскорбления (ст. 5.61 КоАП РФ) и др., поэтому предложенная норма будет создавать сложности с ее отграничением от имеющихся норм, предусматривающих соответствующие составы преступлений или иных правонарушений.

Вместе с тем заслуживает внимания идея об установлении уголовной ответственности за организацию или формирование такого треш-контента¹⁴ либо их финансирование. «Будет правильным привлечение к ответственности лиц, которые путем перечисления треш-стримерам денежных средств склоняют, поощряют их к совершению противоправных действий при проведении интернет-трансляций»¹⁵.

Введение уголовной ответственности за любое деяние должно основываться на теории криминализации. В литературе отмечается, что научно обоснованная криминализация деяния выступает первым необходимым условием результативности права вообще и уголовного права в частности¹⁶. Уголовный кодекс счита-

ется эффективно действующим тогда, когда он адекватно отражает характер и степень общественной опасности деяний, способен выступать в качестве нормативного средства сдерживания таких социальных явлений на минимально допустимом уровне, полностью охватывает круг деяний, уголовно-правовая борьба с которыми целесообразна¹⁷.

В теории уголовного права некоторые вопросы социальной обусловленности уголовно-правовых норм до сих пор вызывают полемику. Так, нет единства в используемой терминологии, обозначающей социальные и правовые основания уголовного закона¹⁸, однако это не сказалось на содержательной характеристике рассматриваемого явления. На наш взгляд, надо исходить из общей теории права, выделяя основания и условия создания правовой нормы¹⁹.

Основанием криминализации выступает общественная опасность деяния²⁰, которая в рассматриваемых случаях заключается в посятельстве на общественную нравственность. «В связи с признанием общественной опасности в качестве основания уголовно-правового запрета в литературе обращается внимание на такой аспект, как ее достаточность для криминализации»²¹. Например, указывается, что правомерно криминализировать только то деяние, общественная опасность которого достигает

¹⁴ URL: <https://rg.ru/2021/01/21/v-sovfede-predlozhili-nakazyvat-za-tresh-strimy-lisheniem-svo-body.html> (дата обращения: 30.03.2021).

¹⁵ URL: <https://rg.ru/2021/01/21/v-sovfede-predlozhili-nakazyvat-za-tresh-strimy-lisheniem-svo-body.html> (дата обращения: 30.03.2021).

¹⁶ См., например: *Коган В. М.* Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. С. 9; *Коробеев А. И.* Криминализация и пенализация деяний как основное содержание уголовно-правовой политики // Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования. Свердловск, 1988. С. 12.

¹⁷ См.: *Злобин Г. А., Келина С. Г.* Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 108–109; *Коган В. М.* Изучение эффективности уголовно-правовых норм: аспекты и уровни анализа // Там же. С. 124; *Кудрявцев В. Н.* Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 3–6.

¹⁸ См., например: *Дагель П. С.* Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4; *Курляндский В. И.* Уголовная политика: дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975; *Фефелов П. А.* Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. 1970. № 11.

¹⁹ См., например: *Керимов Д. А.* Законодательная техника. М., 1998.

²⁰ См.: *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. М., 2009. С. 102–103.

²¹ *Фирсов И. В.* Незаконный оборот медицинской продукции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 25.

уровня, характеризующего преступление как таковое²².

Одни авторы не придают ей самостоятельного значения, считая, что степень (достаточность) опасности нельзя рассматривать отдельно, в отрыве от самой опасности. Она неотъемлемо присуща основанию криминализации деяния, не может учитываться как принцип криминализации. К тому же степень как таковая не соответствует значению указанной категории (принципу)²³. Другие же, например Н. А. Лопашенко, признают ее принципом криминализации²⁴.

Надо иметь в виду, «что степень опасности проявляется в пределах типовой опасности конкретного преступления. Для криминализации деяния значение имеет не опасность отдельно взятого, конкретного деяния, а именно ее типовая характеристика. Это обусловлено тем, что она выражает степень опасности в рамках определенной меры, вследствие чего она может быть типизирована, регламентирована в законе. В нормативном акте невозможно отразить индивидуальные черты содеянного и тем более опасность конкретной личности»²⁵. Типовая степень общественной опасности данного вида преступления выступает мерилем санкции нормы.

Количество оснований уголовно-правового запрета в теории относится к числу дискуссионных проблем. В философии утверждается, что между основанием явления и самим явлением существует причинная связь. Кроме того, основания могут иметь многоуровневый характер; в литературе выделяются уровни и глубина оснований²⁶. Так, Т. А. Плаксина исходит из того, что «глубинный слой оснований нормы уголовного права составляют социальные условия

жизни общества. Сложные и противоречивые процессы общественной жизни порождают два вида следствий, значимых с позиций уголовно-правового нормообразования. С одной стороны, происходит отбор тех феноменов, которые важны для общества, входят в систему его ценностей, а следовательно, социум оказывается заинтересованным в сохранении и воспроизводстве их самих и связанных с ними общественных отношений. С другой стороны, появляются реальные факты антиобщественного поведения, направленного против таких ценностей»²⁷ и общественных отношений, или как минимум создается возможность их появления²⁸.

К треш-стримам это применимо следующим образом. Уголовно-правовое обеспечение общественной нравственности имеет принципиально важное значение, поскольку она представляет собой группу общественных отношений, которая важна для социума, и поэтому он заинтересован в их сохранении. В то же время в стране отмечаются реальные факты антиобщественного поведения, выражающиеся в организации прямого эфира (трансляции), в котором участники выполняют задания зрителей или ведущего, противоречащие общественной нравственности.

В качестве условий криминализации можно выделить:

- относительную распространенность общественно опасного деяния;
- соответствие уголовно-правового запрета нравственным представлениям населения;
- соотношение положительных и отрицательных последствий введения уголовно-правового запрета.

²² Плохова В. И. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982. С. 216.

²³ Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность). М., 2018. С. 201.

²⁴ См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. С. 108.

²⁵ Фирсов И. В. Указ. соч. С. 26.

²⁶ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 467.

²⁷ Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Указ. соч. С. 202.

²⁸ Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. Барнаул, 2006. С. 21.

Заключение

Таким образом, изложенное свидетельствует о том, что для криминализации организации треш-стримов имеются основания и условия, в связи с чем можно предложить дополнить гл. 25 УК РФ нормой следующего содержания:

«Статья... Организация и участие в прямых эфирах, противоречащих общественной нравственности

1. Организация, проведение или участие в прямом эфире, в котором участники выполняют задания зрителей или иных лиц, соединенные с насилием, унижением человеческого достоинства или оскорблением, вызывающие чувства отвращения и противоречащие общественной нравственности, —

наказываются...

2. Те же деяния, совершенные из корыстных побуждений, —

наказываются...

3. Финансирование или оказание иного содействия проведению прямого эфира, указанного в части первой настоящей статьи, —

наказывается...».

В Совете Федерации РФ обсуждается вопрос не только о криминализации треш-стримов, но и о введении указанного деяния в качестве квалифицирующего признака в отдельные составы преступлений.

На наш взгляд, делать это нецелесообразно, поскольку УК РФ предлагается дополнить уголовно-правовой нормой, которой предусматривается уголовная ответственность за сам факт организации, проведения, содействия и участия в прямом эфире. Если в процессе проведения прямого эфи-

ра будет причинен вред, влекущий самостоятельную уголовно-правовую оценку, то действия всех лиц нужно будет квалифицировать по совокупности преступлений — по предлагаемой норме и норме, предусматривающей ответственность, например, за причиненный вред здоровью.

Более того, квалифицирующие признаки не должны, с одной стороны, быть конструктивными для основного состава преступления, а с другой стороны, существенно изменять типовую степень общественной опасности преступления по сравнению с основным составом²⁹.

На наш взгляд, не следует и дополнять ст. 63 УК РФ указанием на проведение стреш-трима в качестве отягчающего наказания обстоятельства, поскольку подобная суброгация уголовного закона будет входить (может войти) в противоречие с требованиями ч. 2 указанной статьи.

Предупреждение совершения подобных деяний будет достигаться за счет:

— общей превенции уголовно-правовой нормы об ответственности за треш-стримы;

— назначения справедливого наказания и придания огласке фактов выявления и осуждения этих лиц.

Кстати сказать, не представляется необходимым и ужесточение наказания за преступления, которые могут быть совершены во время таких трансляций, поскольку судебная пенализация практически всех преступлений значительно более мягкая, чем легальная. Кроме того, в ст. 63 УК РФ не предусмотрен механизм влияния того или иного отягчающего обстоятельства на назначаемое наказание, поэтому определить, как конкретно оно повлияет на назначаемое наказание, невозможно.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность). — М., 2018.
2. Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. — 1975. — № 4.
3. Злобин Г. А., Келина С. Г. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. — М., 1978.
4. Керимов Д. А. Законодательная техника. — М., 1998.
5. Коган В. М. Изучение эффективности уголовно-правовых норм: аспекты и уровни анализа // Проблемы правосудия и уголовного права. — М., 1978.

²⁹ Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 162–163.

6. Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. — М., 1983.
7. Коробеев А. И. Криминализация и пенализация деяний как основное содержание уголовно-правовой политики // Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования. — Свердловск, 1988.
8. Кудрявцев В. Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. — М., 1981.
9. Курляндский В. И. Уголовная политика: дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. — М., 1975.
10. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. — М., 2000.
11. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. — М., 2009.
12. Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. — Барнаул, 2006.
13. Плохова В. И. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. — М., 1982.
14. Фефелов П. А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. — 1970. — № 11.
15. Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.
16. Фирсов И. В. Незаконный оборот медицинской продукции : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016.

Материал поступил в редакцию 2 апреля 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aguzarov T. K., Gracheva Yu. V., Chuchaev A. I. Ugolovno-pravovye problemy ohrany vlasti (istoriya i sovremennost'). — М., 2018.
2. Dageľ P. S. Usloviya ustanovleniya ugolovnoj nakazuemosti // Pravovedenie. — 1975. — № 4.
3. Zlobin G. A., Kelina S. G. Nekotorye teoreticheskie voprosy kriminalizacii obshchestvenno opasnyh deyanij // Problemy pravosudiya i ugolovnogo prava. — М., 1978.
4. Kerimov D. A. Zakonodatel'naya tekhnika. — М., 1998.
5. Kogan V. M. Izuchenie effektivnosti ugolovno-pravovyh norm: aspekty i urovni analiza // Problemy pravosudiya i ugolovnogo prava. — М., 1978.
6. Kogan V. M. Social'nyj mekhanizm ugolovno-pravovogo vozdejstviya. — М., 1983.
7. Korobeev A. I. Kriminalizaciya i penalizaciya deyanij kak osnovnoe sodержanie ugolovno-pravovoj politiki // Voprosy sovershenstvovaniya ugolovno-pravovogo regulirovaniya. — Sverdlovsk, 1988.
8. Kudryavcev V. N. Kriminalizaciya: optimal'nye modeli // Ugolovnoe pravo v bor'be s prestupnost'yu. — М., 1981.
9. Kurlyandskij V. I. Ugolovnaya politika: differenciaciya i individualizaciya ugolovnoj otvetstvennosti // Osnovnye napravleniya bor'by s prestupnost'yu. — М., 1975.
10. Lesnievski-Kostareva T. A. Differenciaciya ugolovnoj otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika. — М., 2000.
11. Lopashenko N. A. Ugolovnaya politika. — М., 2009.
12. Plaksina T. A. Social'nye osnovaniya kvalificiruyushchih ubijstvo obstoyatel'stv i ih yuridicheskoy vyrazhenie v priznakah sostava prestupleniya. — Barnaul, 2006.
13. Plohova V. I. Osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta. Kriminalizaciya i dekriminalizaciya. — М., 1982.
14. Fefelov P. A. Kriterii ustanovleniya ugolovnoj nakazuemosti deyanij // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1970. — № 11.
15. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. — М., 1983.
16. Firsov I. V. Nezakonnyj oborot medicinskoj produkcii : dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2016.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г.;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

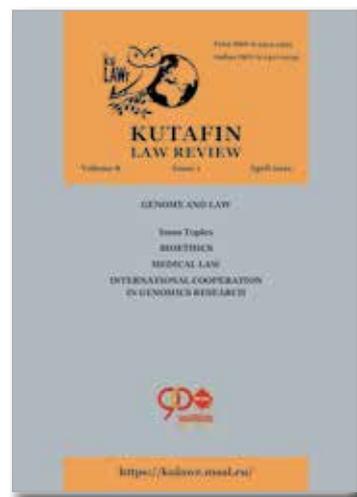
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex Russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 16 № 6 (127) июнь 2021

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002